Борис Костюковский, Семен Табачников

И нет счастливее судьбы

Повесть о Я. М. Свердлове

Капитан Росси[illegible]

[illegible]

[illegible] —

При наступлении [illegible]

[illegible] мстит [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] полковник [illegible]

[illegible]

Наша [illegible]

[illegible]

[illegible] Росси. [illegible]

[illegible] самими [illegible]

[illegible]

[illegible]

...ї комуністичної к...
...арїн.

...ріазищ.
...ої партійна робота
...чне значення. Ні ...
...тою боротьби в на...
...ення як правильності...
...уть навколо партії...
...

...створити організаційно
...тив самої шкідливої
...и намітити шляхи...
...тися удосконалить [illegible]
...ення в цьому [illegible]
...

Так уметь объединить
в одном себе организационную
и политическую работу,
как умел это делать тов. Свердлов,
не умел никто...

В. И. ЛЕНИН

Москва
Издательство
политической
литературы
1984

БОРИС
КОСТЮКОВСКИЙ,
СЕМЕН
ТАБАЧНИКОВ
И НЕТ
СЧАСТЛИВЕЕ
СУДЬБЫ
Повесть

66.61(2)8
К72

Костюковский Б. А., Табачников С. М.
К72 И нет счастливее судьбы: Повесть о Я. М. Свердлове.— 2-е изд.— М.: Политиздат, 1984.— 335 с.

Художественно-документальная повесть писателей Б. Костюковского и С. Табачникова охватывает многие стороны жизни и борьбы выдающегося революционера-ленинца Я. М. Свердлова. Теперь кажется почти невероятным, что за свою столь короткую, 33-летнюю жизнь, 12 из которых он провел в тюрьмах и ссылках, Яков Михайлович успел сделать так много. Два первых года становления Советской власти он работал рука об руку с В. И. Лениным, под его непосредственным руководством. Возглавлял Секретариат ЦК партии и был председателем ВЦИК.

До последнего дыхания Я. М. Свердлов служил великому делу партии Ленина. И потому, действительно, нет более счастливой судьбы, чем та, которая легла в основу этой повести.

Книга рассчитана на массового читателя.

К $\frac{0902030000-417}{079(02)-84}$ 258—85

66.61(2)8
3КП1(092)

В первый период своей деятельности,
еще совсем юношей, он, едва
проникнувшись политическим сознанием,
сразу и целиком отдался революции.
В эту эпоху, в самом начале XX века,
перед нами был тов. Свердлов,
как наиболее отчеканенный тип
профессионального революционера...

В. И. ЛЕНИН

Часть первая

ВЕСЕННИЕ МЕЛОДИИ

Глава первая

«Живем? Жи-и-вем!»

По утрам Яков просыпался мгновенно. Словно совсем рядом чиркали спичкой и зажигался огонек. Пробуждение всегда для него было связано с яркой вспышкой света. И с радостью. Так повелось сызмальства, когда дети Свердловых спали на толстых матрацах в комнатушке, которая служила и кухней, и детской. Мать и отец поднимались очень рано: их «спальня» размещалась прямо в мастерской. Отец чуть свет уже что-то пилил, постукивал, как дятел, молоточком о металл. Мать неслышно приносила воду и дрова, растапливала голландку, и вскоре по полу, где спали дети, разливалось тепло. Может быть, присутствие матери, легкие прикосновения ее платья создавали такое необыкновенное ощущение счастья? Ему уже чудился обрывистый берег Волги, широко разлившиеся воды, зеленеющие луга, волнами льющиеся солнечные лучи. Откуда мать знала, что Яков не спит,— остается загадкой. Наклонясь к нему низко-низко, она шептала прямо в нос:

— Живем? Жи-и-вем! Не притворяйся, я вижу.

Этот материнский нежный шепот и дыхание, ее шершавые от стирки ладони, пахнущие березовыми дровами...

Зиновий спал беспокойно, нервно, метался по полу, толкался. Веня вскрикивал во сне. Яков же словно проваливался в бездну всего на одно короткое мгновение, за которым сразу же — свет. И тепло. И солнце. И берег Волги. И свежесть воды.

Живем? Жи-и-вем!

В сущности, что такое каждый новый день? Подарок судьбы. Целый день впереди — ведь это вечность. Его можно прожить скучно, вяло, сонно, без свежего воздуха, без движения, в спертой от табака комнате, ничего не увидев и ничего не узнав, пропустив возможность совершить добро. А можно прожить этот новый день жад-

но, растянуть его до бесконечности, не упустить ни малейшего случая принести радость. Тем, кто рядом с тобой. И тем, кто далеко. Если каждый день, даже каждый час жить так, как будто они у тебя единственные и неповторимые, и спешить, спешить делать добро всем, кому тяжко, невыносимо, кто задыхается от нужды и горя,— разве не в этом предназначение истинного революционера? Нет счастливее такой судьбы. Может быть, поэтому Яков и просыпался каждое утро с ощущением бодрости и надежды.

Как-то сплелись воедино детские годы с недетскими делами, уже довольно серьезными. Чаще других всплывал в памяти Якова Старо-Солдатский переулок, узкий и грязный, двухэтажный домик, где жил Володя Лубоцкий. Якову нравились его карие, умные глаза, густые, зачесанные назад волосы. Ах, как здорово рисовал Володька! Нижегородский художник Карелин, увидев однажды рисунки Лубоцкого, взялся бесплатно давать ему уроки живописи.

Когда Владимир и Яков вместе, нельзя услышать «я» — только «мы»... Здесь, на чердаке дома Лубоцких, они произнесли торжественную клятву друг другу, что будут верными в борьбе против тирании и несправедливости, против богатых, в защиту бедных. Они клялись для этого не щадить своей жизни.

Тут были и мальчишечья горячность, и совсем немальчишечья серьезность, и убежденность в своей правоте, и готовность исполнить клятву немедленно.

Слово «революция» пришло на широкую Волгу, к обрывистым ее берегам, в старинный русский город Нижний Новгород, как свежий ветер в знойную погоду. Слова «революция», «рабочий класс», «марксизм» стали то и дело повторять в семье нижегородского гравера Михаила Израилевича Свердлова.

Нет, самого Михаила Израилевича политика не интересовала. Он знал одно: для того, чтобы кое-как прокормить, одеть, обуть семью да еще на «черный» день отложить самую небольшую сумму, надо работать. В их роду все были мастеровыми. Далекий прадед, мещанин из Полоцка, был, вероятно, искусным сверловщиком. От белорусского слова «свердло» произошла их фамилия. Отец научил Михаила своему хотя и не очень прибыльному, а все-таки настоящему делу: в Саратове у Свердловых была маленькая мастерская по изготовлению штемпелей. Богатыми она их сделать не могла, но худо-

бедно прожить можно, были бы только заказы. Но где их взять? Когда Михаил женился, в тесной мастерской Свердловых стало еще теснее. Кто-то из друзей посоветовал:

— Если к твоему небольшому капиталу прибавить приданое Лизы, то, пожалуй, можно что-нибудь купить под мастерскую где-то в Самаре или Нижнем Новгороде.

Хороший совет — всегда находка. Так молодые Свердловы и сделали. На Большой Покровке, которая вела к нижегородскому кремлю, рядом с трехэтажным кирпичным домом с узорчатым балконом над парадным входом стояла маленькая одноэтажная пристройка. Здесь и поселились Свердловы.

То, как жила семья, понять было нетрудно. Стоило лишь войти в маленькую комнату, увидеть сидящего над выполнением очередного заказа гравера или заглянуть за ситцевую занавеску, где располагалось все его семейство.

Яков был третьим, после Софьи и Зиновия. Михаил Израилевич любил рассказывать о рождении Якова.

— Это было 23 мая 1885 года. Над Нижним разразилась гроза, ветер ломал деревья, срывал крыши, на Волге швыряло из стороны в сторону не только лодки, но и пароходы. Ливень стучал в окна так, что даже дома было жутко. В такую погоду появиться на свет мог решиться только мой Яша,— не без юмора заключал отец.

Дети Свердловых воспитывались в доброй обстановке. Мать с ранних лет приучала к труду и девочек, и мальчиков. Яков и отцу в работе поможет, и печь растопит, и воду принесет, и пуговицы себе пришьет, и носки заштопает. Хотя, конечно, мальчишка есть мальчишка. Как-то в доме Свердловых работали трубочисты. Они взобрались по приставной лестнице на крышу. Якова, который среди сверстников слыл «верхолазом», заинтересовало: каким образом трубочисты спустятся с крыши, если лестницу убрать? Он бы, например, спустился по водосточной трубе. А они? Их-то труба не выдержит, пожалуй...

Вечером его позвал отец.

— Как ты думаешь, Яша, зачем приходили к нам трубочисты? — спокойно спросил Михаил Израилевич.

— Трубы чистить.

— Это хорошее дело или плохое?

Яков пожал плечами, он еще не знал: хорошо это или плохо — чистить трубы.

— Не знаешь. Если трубы не будут прочищены, если забьется дымоход, дым будет идти в квартиру и все мы можем угореть. Это ты понимаешь?

— Понимаю.

— Значит, доброе дело у трубочистов или нет?

— Доброе.— Яков догадался, куда клонит отец.

— А мешать доброму делу — это хорошо или плохо? Ответ был ясен.

— Можешь не отвечать,— сказал отец.— Я вижу, что ты понял. Нелегко им, Яшенька. Это для тебя лазить по крышам — забава. А для них — труд... Запомни навсегда: ничего не делай людям во зло.

«Ничего не делай людям во зло». Он запомнил эти слова на всю жизнь.

А еще запомнилось, как произнес эти слова отец — в его голосе не было злости, а была обида. Обида за то, что такой поступок мог совершить его сын. От той отцовской обиды веяло теплом и добротой.

Однажды Зиновий, которому уже минуло четырнадцать, пришел домой, когда стемнело.

— Где ты был? — спросил отец.

— На промышленной выставке. Между прочим, все уважающие себя хозяева имеют там киоски. Кроме, конечно, нашей почтенной фирмы.

Михаил Израилевич рассердился:

— У твоего отца такая фирма, в которой хозяин — сам мастер, сам же работник и сам же счетовод. Мои помощники, дай им бог здоровья, хорошие люди, но так, как я умею работать, они еще не умеют. Могу я разорваться на две части — одна здесь, другая на ярмарке? Этим талантом меня господь не наградил. А мой сын предпочитает бегать по ярмарке, вместо того чтобы учиться честному и красивому ремеслу.

— Между прочим,— подлил масла в огонь Зиновий,— в Бразильском пассаже еще есть свободные киоски. Я узнавал. Можно снять — недорого возьмут.

Как ни сердился Михаил Свердлов, все же на следующий день отправился в Бразильский пассаж. Киоск, который он снял, не был шикарным, однако вывеска о граверных и печатных работах выглядела довольно солидно. По своим размерам не уступала другим «солидным» вывескам. Для пущей важности она сообщала, что «фирма» (ни больше ни меньше) существует с 1881 года... По мнению хозяина, это должно было произвести впечатление.

Михаил Свердлов никогда не жалел, что переехал в Нижний. Ему нравился город: степенные, знающие себе цену извозчики, пристанские грузчики, голосистые бабы, даже чопорные чиновники напоминали родной Саратов. Но дела «фирмы» шли лучше, чем в Саратове,— заказчиков больше, а стало быть, и заработка. Он постепенно расширил мастерскую — в том же дворе во флигеле снял квартиру для семьи, в старой мастерской установил две печатные машины, и таким образом возникла маленькая типография для изготовления визитных карточек, небольших рекламных проспектов. У него появились помощники — без них уже трудно было справляться с делами.

— Раньше,— говорил Михаил Израилевич,— была фирма и не было в ней работников, один хозяин. Теперь нужно думать о том, где брать деньги, чтобы платить рабочим. А то будут рабочие, но не будет фирмы. Правда, растут сыновья, присматриваются, учатся моему ремеслу. Но пока они еще слабые помощники.

В этих словах гравера не было упрека.

Однажды к киоску подошел высокий усатый мужчина, в широкополой шляпе, косоворотке под шнуром, в поношенных брюках, заправленных в сапоги. В руках у него была массивная трость. Граверу показалось, что он где-то видел этого человека, который густым, раскатистым басом проокал:

— Вот так отлично — фирма, и никаких гвоздей! И сколько же миллионов на текущем счету этой фирмы?

Свердлов ответил самым серьезным образом, без малейшей улыбки:

— Разве такие мастера, как я, считают свои миллионы?

— Хорошо, это хорошо... Ну давайте, уважаемый миллионщик, знакомиться. Пешков я, Алексей Максимович, для наших свирепых властей — корреспондент «Нижегородского листка» и «Одесских новостей».

— Очень приятно. Моя фамилия Свердлов. Что могу для вас сделать? Может быть, вы хотели бы иметь визитные карточки или, к примеру, свою личную печать? Я могу выполнить и типографские работы. Конечно, книгу не напечатаю. А так...

— Что же, начнем, пожалуй, с визитных карточек. Знай, мол, наших. И много с меня возьмете?

— Для вас сделаю бесплатно. Нет, вы не подумайте, что я такой богач. Деньги мне никогда не мешали — надо

кормить жену и шестерых детей. Но я хочу сделать вам, господин Пешков, так, чтобы все видели, на что способен гравер Свердлов.

— Для рекламы, значит, потребовался вам литератор Пешков?

Свердлов замялся:

— Если я скажу «да», это будет некрасиво. Если скажу «нет», это будет неправда. Так лучше скажу так: мне просто хочется сделать приятное литератору Пешкову. А?

— Ну, обезоружили вы меня, мастер. Совсем обезоружили. Начнем с визитных. И приду за ними к вам в мастерскую. Очень уж заинтересовала меня ваша фирма.

Пешков оглянулся по сторонам и, убедившись, что никого нет, наклонился к граверу:

— Только реклама, по правде говоря, с моим именем может оказаться неважной. Полиция и жандармы меня недолюбливают. Ну да ничего, работенки я вам, кажется, подкину... Так что ждите в гости, миллионщик.

В мастерскую он заглянул на следующий день и с тех пор стал бывать часто. Пришлась ему по душе и эта мастерская, и мягкий юмор ее небогатого владельца, работающего день и ночь, и подмастерья, которые звали хозяина Михаилом Ивановичем и говорили о нем как о человеке доброй и щедрой души.

У Якова с Алексеем Максимовичем всегда был разговор об одном: что бы еще прочитать?

— «Овода» неплохо бы.

— Уже. Еще в прошлом году,— отвечал Яков.— И «Спартака». И «На рассвете» господина Ежа, и «Червонный хутор» госпожи Дмитриевой, и «Андрея Кожухова» господина Степняка-Кравчинского.

— Ты... того... Не надо писателей господами величать. Ну какие мы господа? А теперь с Короленко познакомься. О-отличный писатель!

Был у Якова к Пешкову еще один вопрос, да так и не задал он его: не согласится ли Алексей Максимович прочитать их гимназический журнал? Разве можно говорить Алексею Максимовичу, уже известному писателю, о рукописном журнале, редактировать который учащаяся молодежь поручила Володе Лубоцкому и ему, Якову. Конечно, очень хотелось показать Алексею Максимовичу, как высмеяли тупого преподавателя древней истории, какую карикатуру на него нарисовали. Но нельзя — нач-

нутся вопросы, на которые не ответишь: как появился журнал, кто в нем участвует? Мальчишки поклялись никому не говорить, что у них в гимназии есть тайный кружок и читают они в том кружке Чернышевского и Герцена, штудируют «Исторические письма» Лаврова-Миртова, статьи Михайловского, изучают политэкономию, брошюру «Царь-голод». Придется ведь рассказать и о том, где достает Яков такие книги. А это строжайшая тайна.

— Может, надо было признаться? — усомнился Володя Лубоцкий.

— Нет, не имеем права.

Однажды когда подмастерья ушли домой, Яков услышал, как отец сказал матери:

— Спи, Лиза. Я еще немного поработаю.

— Отдохнул бы, Миша. Горит, что ли?

— Горит, Лиза. Алексей Максимович просил. Ему это очень важно.

Когда отец вышел, Яков тихо, чтобы никого не разбудить, пошел в мастерскую. Там горела лампа.

Стучала, точно звонко выдыхала воздух, печатная машина, отбрасывала, укладывая в пачку, листок за листком желтой бумаги. Так хотелось прочитать, что там написано! Он вошел в мастерскую и вдруг заметил на лице отца испуг:

— Кто это?

— Я, папа.

— Разве дверь не была заперта?

— Нет.

— Я совсем выжил из ума... Что тебе здесь надо?

Как объяснить отцу, что ему важно знать, о чем пишет Пешков, что нужно рассказать об этом в гимназии, в кружке.

— Я думал... ты устал. Хотел помочь.

— Иди домой! Спать. В гимназию утром опоздаешь.

Яков ушел, но заснуть уже не мог. Значит, не только у гимназистов есть своя тайна. У кого же еще? Кто они — эти люди? Как бы скорее стать взрослым, чтобы узнать о них! Хорошо Володе Лубоцкому — он на целых два года старше Якова...

Однажды Володя доказал право на старшинство самым неожиданным образом.

— Я ушел из гимназии,— сказал он Якову, с непривычной суровостью сдвинув брови.— Зубрежка, зубрежка и черт-те что — только не жизнь. Попробуй я принести в класс книгу, не имеющую отношения к школьной про-

грамме, как учитель станет допрашивать, откуда она и не пахнет ли здесь крамолой.

— А как же наш кружок?

— Кружок я не брошу. Его даже нужно расширить. Придут молодые рабочие, студенты, реалисты. Я хочу работать, быть не только учеником, а участником. Мне рассказывали по секрету, что на Курбатовском заводе расклеены нелегальные листовки.

— Листовки? Какие листовки?

Яков вдруг представил себе желтые листочки бумаги, ночную работу отца, его растерянное, испуганное лицо, когда выяснилось, что он оставил незапертой дверь...

— И куда же ты?

— Не знаю. Вероятно, наймусь в одну из аптек. Работы, правда, будет много, но по вечерам смогу читать.

Постепенно мальчишечьи забавы сменялись дерзкими, с точки зрения гимназического начальства, поступками. И в журнале «О манкировках и проступках учащихся», или попросту кондуите, появились записи о том, что Яков Свердлов пропустил такие-то и такие-то уроки, задавал двусмысленные вопросы, имеющие целью подорвать авторитет учителя, и высказывал во время ответов крамольные мысли.

Конец девятнадцатого столетия был отмечен постоянными волнениями среди студенческой молодежи в Юрьеве, Петербурге, Москве, во многих других промышленных центрах Российской империи. Не был исключением и Нижний. Во время занятий гимназического кружка Яков все чаще видел молодого человека с высоким, в полголовы, лбом, небольшой бородкой и отвислыми усами, в зеленой студенческой куртке. Ребята называли его Яром. Многие читатели «Нижегородского листка» не знали, что под псевдонимом «Кориев» помещал свои очерки писатель Яровицкий, высланный в Нижний под надзор полиции «за студенческие дела». Именно от него услышал Яков, что каждый марксист, социал-демократ должен «начинить себя» теорией, закалять нравственно. И физически.

— А то может случиться, как с Германом Ливеном.

Поначалу эти слова удивили гимназистов — ведь Яровицкий приехал в Нижний уже после похорон Германа. А потом поняли: они наверняка знали друг друга по Мос-

ковскому университету, и, хотя учились на разных факультетах, их объединяли революционные кружки.

Коренной нижегородец, Герман Ливен был человеком разносторонних способностей. Он учился в дворянском институте в Нижнем, а затем поступил сразу на несколько факультетов Московского университета, отдавая предпочтение химии. Но мало кто знал, что этот юноша — один из организаторов «Союза Советов» — революционного студенческого кружка. Он был дважды арестован. А в третий раз, не выдержав глухого одиночного заключения, решился на самосожжение.

В семье Свердловых этот трагический случай вызвал различные толки. Мать сокрушалась о том, как переживут это родители,— такой сын, такая умница. Отец, точно кого-то предупреждал, говорил, что, если революцией занимаются дети, ничего хорошего не получится ни для революции, ни для детей.

Яростно заспорили Зиновий и Яков.

Зиновий сказал, что поступок студента достоин самой высокой похвалы, что его подвиг сродни смерти Джордано Бруно, что один этот факт сыграет бо́льшую роль, чем десять забастовок или пять запрещенных книг.

— У меня к тебе вопрос, Зиновий: кому польза от такого геройства? Одним умным, образованным революционером стало меньше на земле. По-моему, у Германа, к сожалению, не хватило духу, моральных сил бороться. Его сломили и физически, и духовно.

— Сломили? Ты понимаешь, что говоришь? Сжечь себя — значит быть сломленным?

— Представь себе, что все революционеры поступили бы так. Кто бы совершал революцию?

— Значит, ты и на похороны Ливена не пойдешь?

— Почему же? Пойду. В знак солидарности с революционными взглядами Германа. В знак протеста против вандалов, убивших славного парня. Но не в знак солидарности с актом самосожжения.

Мать с ужасом смотрела на детей, на мужа... О чем они говорят, ее сыновья? О какой революции? И это в ее семье, в ее доме?

Михаил Израилевич видел состояние жены и, то ли всерьез, то ли желая успокоить ее, махнул рукой:

— А-а-а, болтуны. Они рассуждают о революции! Яшка — революционер!

Но ему было невесело.

Пешков бывал у Свердловых в мастерской, любил

поговорить о жизни с отцом, снисходительно похлопать по плечу Зиновия, к которому питал симпатии и который был своим человеком в доме писателя. Бывал здесь у Горького вместе со своими сверстниками и Яков. Однажды Алексей Максимович спросил у него:

— Ну что, гимназист, революции еще не совершил?

Яков понял, что Алексей Максимович шутит, но ответил серьезно:

— Один человек революции не совершает.

Пешков рассмеялся:

— Вот оно как! Ну тогда расскажи, как тебя на днях застал учитель за чтением книги.

— У нас в гимназии, Алексей Максимович, все запретно, ничего нельзя. Даже во время перемены книги читать.

— Что же дальше, грешник-книгочей?

— Остался во время перемены в классе, сижу на задней парте, а учитель увидел: «Что читаешь?» — «Книжку».— «Какую?» Как на допросе. Я разозлился: «Бумажную». Что тут было!.. Книжку отобрали, отца в гимназию вызвали.

— Ишь, какой ты вояка.

— Не вояка, а читака.

Пешков рассмеялся.

— Ну, читака, мне-то по секрету скажешь, что читал?

— Могу... Максима Горького.

Алексей Максимович распушил пальцами усы, слегка наклонил голову и, покашливая, сказал:

— М-да... Мог бы почитать что-нибудь поинтереснее.

Глава вторая

Закипает жизнь...

Якову было пятнадцать лет, когда он впервые увидел «Капитал» Маркса. Его друг Леопольд, с фамилией, похожей на отчество,— Израилевич, принес книгу, уже зачитанную, потрепанную.

— Где достал?

— Купил. Все, что было, отдал.

— Прочту. Непременно прочту.

Леопольд рассказал об этом Яровнцкому. Тот с сомнением покачал головой:

— Не поймете. Рано вам еще. Впрочем, попробуйте.

Яков был поражен. Что значит — не поймете? Разве есть такие книги, которые нельзя понять? Или Яр считает его ребенком? Может быть, запомнилась нечаянная встреча на Волге, когда поспорил Яков с мальчишками из речного училища?

Свердлов любил Волгу. Он отлично плавал, считался среди гимназистов едва ли не лучшим гребцом. И только учащимся речного училища завидовал — состязаться с ними действительно было трудно, что, впрочем, и не удивительно: их специально обучали искусству гребли. И все-таки не выдержал, когда один из учащихся назвал его хилым гимназистом.

— Давай так,— предложил Яков.— Прежде сплаваем, а потом посмотрим, кто лучше гребет. Увидим, кто из нас хилый.

— Ты? Против меня? — И парень, которого мальчишки звали Акулой, выразительно оглянулся, дескать, посмотрите, какое нахальство: он вызывает меня. Кто-то хохотнул, кто-то поддержал Свердлова. Ребятам было интересно...

Яков проиграл. Правда, в плавании на равных он выглядел даже лучше, легче. Но зато в гребле оказался слабее.

Он вышел из лодки и весело сказал:

— Не радуйся, мы еще сразимся.

— А ты настоящий парень, Яков! Видать, не любишь проигрывать?

— Проигрывать никто не любит, просто не все умеют побеждать.— Услышал Яков знакомый голос Яровицкого.

Это звучало очень обидно. «Не умеют побеждать...» Что он — ребенок, что ли? Тот, кто посещал кружок, мысленно причислял себя в будущем к революционерам, к целой армии людей, которым завтра придется идти в сражение и, быть может, надеть кандалы.

Вероятно, это имел в виду Яровицкий, когда усомнился, могут ли пятнадцатилетние юноши понять «Капитал».

Свердлов и прежде, не так давно, читал Маркса и Энгельса, знал «Манифест Коммунистической партии». Но «Капитал»... Казалось, прочитай его, и все на свете станет понятным, видимым.

Он читал и перечитывал страницу за страницей. Молодец, Леопольд, достал все же! За этой книгой среди студеичества — очередь.

— Читать нужно быстро. По месяцу на нос,— сообщил Леопольд.

Поиачалу показался срок огромиым, а понадобилось три месяца.

В Каиавине и Сормове — пролетарских окраииах Нижнего Новгорода — иа рабочих собраниях и сходках шли диспуты и споры. На пристанях порой иежданно-иегаданно возникали митинги, и все чаще и чаще вслух, во весь голос заявляли о себе люди, которые именовали себя социал-демократами.

Содержание споров на рабочих собраниях доходило до иижегородского ученического кружка. Яровицкий помогал разобраться кружковцам, где ложь, а где правда, кто истинный друг народа, а кто пошел сознательио или несознательно по пути буржуазных либералов.

В «Нижегородском листке» прочитал Свердлов строки Максима Горького, и ему показалось, будто этот знакомый голос звучит для него: «Вокруг иас закипает жизнь, пробуждаются иовые сознания, возникают новые смелые задачи, нарождается новый человек, он же читатель — пытливый и жадный до книги. Этот читатель требует ответ иа кореииые вопросы жизни и духа, знать, где правда, где искать справедливость, где искать друзей, кто враг...»

Однажды на занятие кружка кто-то из ребят пригласил человека, которого иижегородская молодежь хорошо знала,— Дробыш-Дробышевский был личиостью заметиой. Он — известный журиалист, часто печатался, любил произносить красивые и длинные речи перед студеитами, иа различных сходках и собраииях.

Как-то у Свердловых дома Максим Горький иазвал Дробыш-Дробышевского настойчивым и упорным либералом. Яков добавил:

— Его послушать, так только реформой и можно чего-либо добиться. Ерунда!

— Яшенька, нельзя же так резко,— попробовала урезонить мать.

— Ты у нас очеиь добрая, мама,— сказал Яков с улыбкой.— Но и иельзя же, пойми, свою доброту распространять на таких господ.

Яков никогда ие обижал мать. Она это зиала: нежно

любил ее сын, не стесняясь, как другие, материнской ласки. Он и сейчас, при всех, при Горьком, сильном и большом человеке, прижался к матери и, словно извиняясь, поцеловал ее в голову.

Отец, кивнув на сына, спросил у Горького:

— Как вы думаете, Алексей Максимович, мой Яков революционер или ребенок? Сколько раз ему говорил: займись всерьез граверным ремеслом. Так нет. Книги ему подавай. А тут еще разные собрания и митинги. Сам Дробыш-Дробышевский ему не нравится! Что вы на это скажете?

Горький захохотал: он любил мягкую, чуть насмешливую речь Михаила Израилевича, лукавую хитринку в глазах на неулыбчивом лице гравера.

На том разговор о Дробыш-Дробышевском закончился.

И вот теперь этот, по выражению Горького, настойчивый и упорный пропагандист идей либерального народничества, появился в кружке гимназистов.

Он говорил красиво, и слушали его внимательно. Свердлов посмотрел на Лубоцкого и уловил его взгляд: мы, мол, с тобой понимаем несостоятельность этих идей и суждений. Нас красивыми словами не удивишь. Но кружковцы сговорились — выслушать и на этом поставить точку. Никаких дискуссий.

Дробыш-Дробышевский точно улавливал, кто как воспринимает его речь. Сейчас, выбрав пару мальчишечьих глаз, он как бы нашел собеседника, будто оставался с ним наедине.

— Нам не нужны дискуссии, не нужна полемика,— говорил он.— Мы должны найти общий язык, и на этом языке мирно и гордо говорить с правительством. И когда все голоса сольются в один могучий и требовательный голос, нас услышат! Нас не могут не услышать! По закону природы! По закону нравственности!

После каждой фразы он делал паузу, будто ждал аплодисментов. Ему нравилось говорить, слушать себя, видеть, что его слушают. И потому, когда он говорил о требованиях к правительству, переходил почти на шепот, чтоб, не дай бог, не долетело его слово до посторонних ушей.

Он закончил. Раздались аплодисменты, а затем воцарилась тишина.

— Вы молчите? — недоуменно спросил он.— Я должен расценивать ваше молчание как знак согласия?

Медленно, словно нехотя, поднялся Яков:

— Вы ведь сами призывали — никаких дискуссий! Да и прилично ли нам, гимназистам, полемизировать с самим Дробыш-Дробышевским? Так что примите наше молчание как знак вежливости...

Он хотел добавить: «А не согласия», но передумал: договорились ведь — никаких оценок.

Яр давно уже присматривался к Якову Свердлову и Володе Лубоцкому, рассказывал о них товарищам — социал-демократам. Ему казалось, что Яков и Владимир могут быть агитаторами среди рабочих. Но как рабочие встретят подростка? Яровицкий приводил в кружок людей, которые помогали юношам уяснить, что такое социализм, как понимать те или иные труды Маркса и Энгельса, почему именно рабочий класс призван стать могильщиком капитализма. Рассказывали о петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», о первом съезде РСДРП.

Яков достал гектографический вариант книги с необычно длинным названием «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Они с Володей читали ее вслух, их поразило все, начиная от напечатанных на обложке слов: «Издание провинциальной группы социал-демократов» до заключительных фраз: «...русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**». Для них здесь были важны и факт существования «провинциальной группы социал-демократов», и революционная суть книги, и стиль ее — боевой и призывный.

Эта книга многое дала юношам, сделала их взрослее и решительнее. Имя автора книги они узнали позже: Владимир Ульянов.

Яр чувствовал, как рвутся Яков и Володя Лубоцкий в настоящее дело.

Особенно поверил в них Яровицкий, когда Яков рассказал ему о встрече кружковцев с Динамитом. Так, в целях конспирации, именовали социал-демократы нижегородского садовника Лазарева. Внешне этот человек был мрачен и суров, смотрел хмуро из-под бровей, разговаривал мало и неохотно.

Лазарев, пожилой, высоченного роста, настолько низко опускал седую голову, что его фигура напоминала букву «Г». Многие нижегородцы знали, что Динамит принадлежал к народникам и не раз навлекал на себя гнев жандармерии. Для гимназистов Лазарев был не просто бунтарем, но и живым свидетелем «хождения в народ», различных взрывов и покушений, товарищем революционеров, имена которых овеяны романтической славой героев.

Динамит смотрел на гимназистов так, словно недоумевал, чего им нужно. И нехотя, медленно начал:

— Не верьте! Ни во что не верьте. Книгам — не верьте. Различным сочинительствам — ни в коем случае не верьте! Не верили в них Желябов, Халтурин. И они погибли, как герои. Они заставили дрожать самодержавие, они начинили себя динамитом и взорвались вместе со столпами, на которых стоит царизм. Они пошатнули его...

Он распалялся все больше и больше, и Яков чувствовал, как мрачность сменяется на лице этого человека одухотворенностью, словно сбросил он с себя какую-то чужую, ненавистную маску. И говорить он стал быстрее, значительнее, Якову захотелось вторить, аплодировать ему. Вот почему у мрачного садовника кличка Динамит!

Он уже не был похож на букву «Г» — выпрямился, высоко поднял голову, да к тому же смотрел не на сидящих юношей, а куда-то вверх, словно открывалось ему там что-то необыкновенное, волшебное.

— Нету, нету в мире борьбы без оружия! Книги? Для гнилых интеллигентов. Мужик всегда обходился, обходится и обойдется без них. Класс, антагонизм... Идеи? Хороша одна идея — победить, свергнуть, уничтожить. Вандалы должны знать, что над ними занесен революционный меч, что они шагают по земле, начиненной фугасами. Террор. Индивидуальный террор. Хороший взрыв лучше всякой теории.

Динамит закончил речь, и снова опустилась книзу его голова, и снова легла на лицо мрачная маска. Перед глазами юношей опять стоял бессловесный садовник.

А гимназисты бушевали, не помня себя, вскакивали с мест, требовали мести — неизвестно кому, неизвестно за что.

Динамит уходил, не прощаясь, и ребята, забыв о конспирации, устремились за ним. Он не останавливал их, больше того, он знал заранее, что именно так и будет.

Яков встревожился. Неужели все, что они читали, чем наполняли душу, сердце,— книги, статьи, которыми так восхищались,— не нужны, бесполезны? Неужели они стояли не на ногах, а на ходулях и достаточно было одного толчка, чтобы тотчас упасть с них?..

— Чем же иным объяснить, что некоторые ребята пошли за Динамитом в каком-то непонятном угаре? — спросил он у Яровицкого.

В самом этом вопросе Яр услышал ответ уже не юноши, но убежденного, много знающего человека.

— А ты вспомни слова о «лохмотьях старого народничества».

Яков тогда еще не знал, что подпись К. Тулин под статьей «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» — это псевдоним В. Ульянова-Ленина. Да, именно в этой статье прочитал Яков слова, которые так подходили к Динамиту: от стройной доктрины старого народничества с его детской верой в «общину» остались одни лохмотья.

Якова словно озарило: да ведь он наяву столкнулся с тем, кто на словах именует себя революционером, а на деле наносит революции вред.

— Значит, все это не больше чем позерство? — спросил Яков.

— Больше,— ответил Яр.— А главное — хуже.

Глава
третья

Помощник аптекаря

Мама...

Как она умела молча радоваться и молча переносить беду! Как мудро и тихо вела свое хлопотливое хозяйство. С каким прирожденным тактом воспитывала детей и умела сглаживать неровности их характеров!

Она догадывалась об увлечениях сыновей «запрещенными» книгами и ни разу не упрекнула их. Литературу, которую Яков приносил домой и по неосторожности оставлял на видном месте, она прятала сама, а потом, когда Яков спрашивал, не видела ли свертка, отвечала:

— Разве ты не помнишь, что положил его за сундук?

Ох, эта материнская хитрость, как она грела юную душу Якова!

Он никогда не был тихоней, «пай-мальчиком». Когда однажды прибежала Соня, встревоженная тем, что Яков опять далеко заплыл, мать отвечала:

— Что же делать, Сонечка? Уж он у нас такой.

И не было в этом «такой» ни осуждения, ни горечи. Мама...

И первое «доброе утро», и позднее «спокойной ночи», и заботливое «поешь, ты ведь голоден», и беспокойное прикосновение ко лбу — не повысилась ли у ребенка температура, и свежевыстиранное белье, и добрый напутственный поцелуй, и молчаливое понимание того, что делают, к чему стремятся дети. Все это — мама.

Первое и самое большое в его жизни горе...

Так повелось, что о болезни матери не принято было говорить. И не только говорить, но, кажется, и думать. И все потому, что мать не подавала к этому ни малейшего повода. Ее руки всегда были в работе, сама она — в непрерывном движении, в заботах маленьких и больших. Никогда не видели ее отдыхающей, беспомощной, больной. Вот разве только кашляла... И то умудрялась задушить в себе этот кашель, выходя в такие минуты во двор.

А это все было очень серьезно...

Однажды она слегла и уже не могла встать с постели. Вся большая семья горестно притихла и насторожилась.

Самый знаменитый и дорогой доктор Нижнего, прослушав своей деревянной трубкой грудь матери и выйдя из комнаты, сочувственно сказал Михаилу Израилевичу:

— Бессилен. Чахотка запущена. Удивляюсь, как с такими легкими ваша жена могла столько лет прожить.

— Она лечилась, пила всякие снадобья, отвары,— горестно сказал Свердлов.— И никогда не жаловалась.

— Да-да, понимаю...

И с этого дня никто в доме громко не разговаривал. Слышалось прерывистое дыхание матери, слышался ее кашель.

Сестры Якова потихоньку плакали, и сам Михаил Израилевич не мог сдержать слез, прячась от взгляда жены.

Пришел день, когда мать стала прощаться с мужем и с детьми. Глаза ее были сухие, горящие, черты лица заострились, говорила она прерывисто, но ясно и спокойно:

— Только живите дружно... Берегите друг друга... Не надо плакать, прошу вас...

А когда держала руку Якова, вдруг улыбнулась лег-

кой своей и мгновенной улыбкой и спросила почти шепотом:

— Живем? Живи, мой мальчик...— И обведя всех взглядом, повторила: — Живите...

И в гробу она лежала с просветленным лицом, спокойная и мудрая. И все вокруг удивлялись:

— Как живая. Как будто уснула.

И Якову тоже казалось, что она уснула. Только когда он приник губами к ее лбу, неотвратимо понял: это смерть...

Он еще не представлял, как отразится эта смерть на жизни всей семьи. А Михаил Израилевич знал — будет без Лизы намного тяжелее. Она умела создать ощущение благополучия в доме, затратив минимальное количество средств,— ей было хорошо известно, сколь трудно зарабатывает деньги муж. Она была душой семьи, ее основой.

И вот — все рухнуло. Буквально на глазах исчезало относительное благополучие семьи. Как ни старалась старшая дочь Софья, к которой перешло хозяйство, ничего не получалось. Выяснилось, что не так уж много зарабатывает отец, что все на рынке стоит очень дорого, что прокормить такую семью — дело немыслимо трудное.

Осиротела семья Свердловых, осиротела...

Смерть матери, необходимость помочь семье вынудила старших сыновей искать самостоятельный заработок. Ушел из семьи Зиновий. Яков оставил гимназию и по примеру Володи Лубоцкого устроился учеником аптекаря.

Отцу он сказал коротко:

— Трудно тебе с нами. А так еще и помогу.

Отец, тяжело вздохнув, спросил:

— Жить будешь дома?

— Нет, меня Климеки пригласили — это ближе к аптеке.

Михаил Израилевич знал эту семью — с Женей Климеком Яков учился в одном классе гимназии и даже сидел за одной партой.

Канавино, вероятно, от слова «канава». Оно — у подножия Нижнего Новгорода, дождевые потоки, случается, стекают сюда широкой, мутной от глины рекой. Деревянные домишки раскинулись неровными рядами, словно плохо обученные солдаты.

Но аптека, созданная еще в 1871 году, размещалась в каменном двухэтажном здании на Шоссейной улице. В ее окнах красовались большие стеклянные шары, наполненные зеленой и красной жидкостью.

В качестве помощника аптекаря Яков развешивал порошки и считал пилюли, узнал, как делаются лекарства с внушительными названиями «волчьи клыки», «заячьи лодыжки», «щучьи зубы», различные виды сала — волчье, лисье, собачье и даже сало диких котов.

Новая жизнь началась с порошков, с касторки, разлитой по бутылочкам с гофрированной бумажкой на пробке, да приятного запаха анисовых капель.

Хозяин аптеки Зак порядок в деле любил.

— От каждой унции лекарства жизнь человеческая зависит,— поучал он.— Кто не верит, пусть выпьет лишнюю ложку касторки... А? Не хотите? Тогда попробуйте скипидар. Тоже не нравится? Значит, надо быть аккуратным.

Но чаще всего Зак молчал. Иногда он мог часами не произнести ни слова, и что-то настораживающее было в его молчании. По нескольку минут смотрел он, как работает Яков, и, не сказав ни «хорошо», ни «плохо», уходил восвояси. Свердлов провожал его мрачным взглядом. Он не мог определить отношение к Заку. Почему молчит?

Уловив взгляд Свердлова и, словно угадав его мысли, помощник провизора Иосиф Иванович Мияковский сказал:

— Этот человек у жандармов на особом счету: они на него не один лист бумаги перевели.

Мияковскому Свердлов верил. Именно о нем говорил Яровицкий, когда Яков устраивался в аптеку:

— Слушай Иосифа Ивановича. Он лишнего не скажет и плохого не посоветует.

На первых порах они присматривались друг к другу — Иосиф Иванович уже немолод, в этой аптеке он начинал учеником. Внешне Мияковский был мало похож на волевого, закаленного судьбой бойца — маленькая бородка, торчащие пиками усы да насмешливые глаза скорее делали его лицо мягким и добрым.

Иногда вечерами в аптеке занимались кто чем хотел. Чаще всего играли в карты.

— А хотите, я вам почитаю книгу,— предложил както Свердлов товарищам.

Кто-то подхихикнул:

— Про любовь?

Яков не ответил. Он подошел к стулу, придвинул его к себе, взял в руки книгу, которую, видимо, читал не раз, потому что все в ней было ему знакомо, открыл нужную страницу и, убедившись, что его будут слушать, произнес:

— Владимир Галактионович Короленко. «В облачный день». Очерк.

Сделав паузу, как заправский чтец-декламатор, Свердлов посмотрел на Мияковского, и ему показалось, что тень доброжелательной улыбки мелькнула на его лице. Яков начал читать:

«Был знойный летний день 1892 года. В высокой синеве тянулись причудливые клочья рыхлого белого тумана. В зените они неизменно замедляли ход и тихо таяли, как бы умирая от знойной истомы в раскаленном воздухе».

Он читал и представлял себе, как толпятся, громоздясь друг на друга, кудрявые облака...

Поначалу он видел на лицах слушателей плохо скрываемую скуку — дескать, чем нас, взрослых людей, удивишь. Да и картина невеселого облачного неба вряд ли могла развеять тоску, заменить соленую шутку или карточную игру. Но вот в рассказе появился Силуян, ямщик и балагур, который, не боясь, рассказывал всякие истории, то ли услышанные, то ли выдуманные.

«— Да ты, Силуян, смотри, не все болтай зря,— говорил иногда исправник.— Как бы иной раз и не того... не нагорело за твои сказки.

— Убей меня бог, Степан Митрич,— отвечал Силуян с убеждением и совершенно искренно.— От проезжего барина слышал, от генерала. Чай, не станет врать...»

Среди слушателей послышался одобрительный смешок — им явно нравился ямщик с А-ского тракта. И уж совсем покорил он их, когда запел:

«Да Аракчеев господин,
Да ен всеё дороженьку березкой усадил...»

Свердлов читал так, что, казалось, ему хорошо известна мелодия этой старой ямщицкой песни.

«Да он тебя, дороженька, березкой усадил...
Да всеё Расеюшку в раззор раззорил!
И-э-э-эх, моя березынька, дороженька моя...»

В аптеке воцарилось молчание, похожее на оглядку. Неужто так и напечатано: «Расеюшку в раззор раззо-

рил»? Кто-то даже посмотрел на хозяина, который то ли не слушал, то ли делал вид, что не слушает, а потом — на Мияковского. Тот сидел, подперев руками голову, думая о чем-то.

«Тая ли дороженька-а-а да кровью полита!..»

Все мрачнее, все настороженнее становилось вокруг от того, что читал Яков. Будто читал он рассказ не о ямщике Силуяне, а обо всей России.

«А в вышине все ходили тучи, в темноте пробравшиеся кверху и занявшие все небо... Но дождя все не было, чувствовалось только медленное передвижение, тревожная суета и все то же бессилие. Порой только вспыхивала синеватая зарница, падая на уходящую вдаль дорогу с рядами бледных берез... Одна из таких зарниц осветила невдалеке старый запущенный сад, густая зелень которого будто грезила о чем-то в тишине этого загадочного вечера, в виду надвигающейся грозы...»

— Это о какой грозе речь? — услышал Яков.

— Не понимаешь, что ли? Все тебе растолкуй, разобъясни...

Даже самые завзятые картежники требовали дочитать очерк до конца.

Но дочитать Якову не удалось. В аптеку вбежал худой, с бледным лицом и впалыми щеками человек. У виска его багровела кровоточащая рана.

Первым заметил его Иосиф Иванович.

— Йоду,— произнес он.

Зак поспешил принести бинт и коричневый пузырек.

— Я сам,— сказал он.— Бурнаковец?

Человек утвердительно мотнул головой.

Хотя в Канавине и не было таких крупных предприятий, как сормовские, но это пролетарский район Нижнего Новгорода. Много здесь кустарных и мелких ремесленных мастерских, были и заводы, льнопрядильная фабрика. Прочно обосновали на этих землях свои владения видные заводчики Добровы и Набгольцы. Они вместе с торговыми тузами знаменитого ярмарочного центра были фактически владельцами городской окраины.

А неподалеку, в Бурнаковке, прижались к реке лесопильные заводы. Здесь рабочие баграми вы. .вливали сплавляемый лес, сушили его, и под стонущими пилами разлетались вокруг древесные опилки, наполняли едкой пылью воздух и человеческие легкие.

— До каких пор это будет длиться?

Пострадавший молчал. Он поглядывал на Иосифа Ивановича, и Яков понял, что эти люди не впервые видят друг друга. К чему относился вопрос аптекаря? К тому, что приходится ему ни за грош оказывать помощь незнакомым людям? Или к тому, что так безбожно издеваются над людьми бурнаковские толстосумы?

— До тех пор,— сказал Яков,— пока человеческая жизнь будет покупаться за гроши, пока миром правят не справедливость, а капитал и нажива.

Рабочий встал, пощупал повязку на голове, поблагодарил аптекаря и медленно подошел к Якову:

— Как твоя фамилия?

— Свердлов.

— Проводи меня.

Встал и Мияковский.

— Мы вместе проводим тебя, Андрей.

Теперь Яков часто бывал в Бурнаковке. Там, в рабочей среде, он рассказывал о Марксе и его «Капитале», читал рассказы Горького и Короленко. Чем ближе узнавали его деревообделочники, тем проникались к нему все большим доверием.

— Сколько же стукнуло тебе? — пробасил безбровый мужчина лет сорока.— Моему Ивану побольше твоего лет, а он ни к какому делу, кроме столярного, непригоден. А чтоб про какие-то книжки...

Яков ответил уклончиво:

— Важно — дело я говорю или нет?

— Так-то оно так... Да только трудно будет тебе. Наш брат в силу верить привык. А какая в тебе сила?

— Не о моей силе речь, а о вашей, рабочей. Ее почувствуйте. Ей доверьтесь. А о моей силе говорить незачем. Просто я больше вашего читал, в том и сила моя.

— И то верно,— согласился безбровый.— Умом бревно не перепилишь, да без него пилы не придумаешь. Приходи, мы тебе всегда будем рады. И книги приноси.

С Мияковским Свердлов сошелся близко. Не случайно оказался Иосиф Иванович в аптеке Зака. Не пределом его мечтаний была должность помощника провизора. Он сдал экстерном за гимназию и Казанский университет, а сюда, в Канавино, вернулся ради этих самых бурнаковцев.

— Тебе тоже учиться нужно,— сказал он Якову.— Мы тут с хозяином договорились — и время тебе даст, и возможность. Неучи, Яков, революции не нужны... Не спорю, прочитал ты много. А за то, что «Капитал» изучил, я

тебя вон как уважаю. Но гимназию изволь закончить. Экстерном.

Как-то Свердлов спросил его в упор:

— Иосиф Иванович, вы — социал-демократ?

Мияковский помолчал, а потом ответил твердо:

— Да. Только...

— Я понимаю,— успокоил его Яков.— Это тайна. А что я должен сделать, чтобы тоже стать социал-демократом?

— Видишь ли, Яков. Социал-демократ — не должность, не увлечение. Это — убеждение, совесть и большой каждодневный труд. Это — вся жизнь...

Глава четвертая

Доверие

Из Канавина к отцу Яков приходил часто, иногда оставался ночевать. И тогда, как в былые времена, возникали споры, рассказы о том, что случилось в те дни, пока они не виделись. И снова возвращалось к Якову ощущение домашнего уюта, словно слышались отчетливо и звонко слова матери: «Живем? Живем!»

Михаил Израилевич после смерти жены как-то сник, потускнел, Яков старался ничем не огорчать отца.

— Ох, Яша, знаю, нелегко тебе живется...

— Ты словно извиняешься, папа... Пойми, мне нравится моя жизнь. Нравится самостоятельность, возможность встречаться с людьми. Разве можно сравнить мою жизнь с тем горем, которое окружает нас? Папа, я за это время столько понял...

— Я боюсь за тебя, сынок.

— А за себя? — Яков улыбнулся.

— Мне-то чего бояться? Пусть боятся заказчики... Какое мое дело, что печатать. Их деньги, моя работа.— И, увидев, что сын не поверил ему, добавил: — Конечно, и без того хватает заказов. Но есть люди, которым отказать невозможно.

— Ты все-таки будь осторожен. Говорят, за это по головке не гладят.

Отец промолчал, подумал, а потом ответил:

— Ты бы лучше наш чердак привел в порядок. Кто-

нибудь нагрянет — подумает, что ты с друзьями бог знает чем занимаешься. Тут без тебя Володя Лубоцкий приходил. Пускать его туда или нет?

Он не ждал ответа сына, и Яков нежно, как в детстве, улыбнулся отцу.

В канавинской аптеке сменился хозяин. Зак не объяснил, почему он продает заведение — скорее всего он решил уехать из Нижнего.

Привыкшие к доброму отношению работники сразу же ощутили перемены. Новому хозяину установившиеся порядки не понравились. Зака мало заботило, о чем говорят, что читают в аптеке,— лишь бы дело выполняли добросовестно. Порошки развешаны, микстуры и другие снадобья разлиты по бутылкам, в аптеке прибрано — значит, все в порядке.

Новый хозяин увеличил рабочий день до двенадцати часов, да к тому же снизил жалованье.

Работники аптеки молчали: что делать?

— Протестую! — неожиданно для всех заявил Яков.— Мы привыкли здесь к другому, человеческому отношению.

— Я никого не держу,— спокойно сказал хозяин.— Скатертью дорога. На твое место найдется сколько угодно желающих.— И наклонил голову, словно приготовился бодаться.

Не хотелось Якову покидать Канавино. У него наладились настоящие дела и новые связи.

Хотя он по-прежнему старался не пропускать занятий в ученическом кружке, Мияковский посоветовал ему чаще бывать на сходках, посещать общественные библиотеки, участвовать в работе различных легальных просветительных организаций — общества распространения начального образования, секции гигиены воспитания и образования...

Когда Яков вошел в библиотеку Всесословного клуба, там было многолюдно и шумно. Невысокого роста темноволосая женщина пыталась успокоить посетителей. На ней была черная, с высоким воротником кофта, расшитая сверху донизу белыми зигзагообразными линиями.

— Господа, прошу вас, здесь ведь не дискуссионный клуб.

Яков сразу уловил суть спора. Ну конечно же, опять по поводу нашумевшей статьи Максима Горького.

Яков тоже читал его фельетон «О «размагниченном интеллигенте», напечатанном в «Нижегородском листке». Фельетон этот был вызван очерком Н. Рубакина.

Интеллигент, переписка с которым, как сообщал Рубакин, дала ему материал для статьи, сравнивал себя с мягким железом, «которое обладает способностью быстро приобретать магнитные свойства и так же быстро терять их... Друг мой! Я это самое мягкое железо и есть! Но разве я не способен и теперь стать снова магнитом? Ей-богу, способен! Пропусти только живые токи вокруг меня — и сила во мне тотчас явится. Вот когда я был студентом, этих токов вокруг меня было сколько угодно... Я верю в их благотворность и силу по-прежнему. Ни в одном пункте своих убеждений я не раскаялся и не изменил им. Я только размагнитился, иначе сказать — *настроение потерял»*.

Рубакин даже процитировал песенку «размагниченного интеллигента», которая заканчивалась так:

Мне бы смерти ие хотелось,
Но жизнь весьма прнелась.
Я, право, сам ие знаю —
Живу иль умираю.

Какой-то полный, с лоснящимся лицом мужчина, вытирая платком лысину, требовал «подать сюда Горького»:

— Я покажу ему, что он босяком был, босяком и останется. Нас тысячи, «размагниченных», и, слава богу, иначе нельзя было б жить...

— Нет, ты можешь не соглашаться с такими людьми. Дело твое, я либерал, я все допускаю,— говорил обиженно другой, в пенсне, с коротенькими усиками.— Но почему они должны умереть? Это жестоко. Это несправедливо. Вы только послушайте: «Умирай скорее и физически, ибо «все что мог, ты уже совершил». Это черт знает что такое. Это же призыв к революции!

— Именно-с,— вторил ему лоснящийся господин.— Именно-с. А разве это не угроза? «Жизнь неустанно растет и вширь, и вглубь, и нет сил, которые могли бы остановить рост ее...» Знаем мы литератора Пешкова, знаем, о каких силах он говорит!

Женщина в черной кофточке, видимо библиотекарь, тщетно пыталась установить тишину.

— Пожалуйста, не мешайте читателям. Тише.

— Нет! — воскликнул Свердлов.— Почему же «тише». Статья Горького как раз и направлена против тишины.

— Это еще что за мальчишка?

— Ну конечно, теперь и дети могут поучать. Они ведь еще не размагничены. Ха-ха-ха!

Но Якова уже нельзя было остановить.

— Да, Максим Горький против тишины. Против тихого болота, в котором черти водятся. Смотрите, как намагнитились «размагниченные» интеллигенты. Нет, не добрые токи их намагнитили, а то, что ковырнул Горький их тихое болото и полетели вверх пузыри, выдыхая зловоние. Их покой, видите ли, нарушили, обывателя потревожили. Так не воображайте, что вы еще живы! Вы давно уже похоронили себя заживо.

Тишина, которая воцарилась после этой речи, не сулила Якову ничего хорошего. Он взглянул на библиотекаршу, и ему показалось, что на ее лице промелькнула улыбка.

Многие посетители библиотеки, почуяв опасность, поспешили уйти. Ушел и либерал, пробормотав что-то вроде: «Учат курицу яйца». А полный господин, поминутно вытирая лысину, подошел к строгой женщине:

— Что ж это творится в вашей библиотеке, Ольга Ивановна? Крамольные речи-с!..

— А ведь это вы затеяли дискуссию, сударь. Я просила вас не шуметь в библиотеке. Нет же, разбушевались, впору полицию вызывать. Чем же вы сейчас недовольны? Получили то, чего добивались.

— Ну-с, знаете, это вроде как с больной головы на здоровую.

И он завихлял к выходу.

К Якову подошла библиотекарша:

— Мне о вас много рассказывали Яровицкий и Мияковский. Пожалуйста, пока не приходите сюда. Я сама разыщу вас в Канавине.

Утром в аптеке Якова встретил хозяин. Неприветливо сказал:

— Ты вчера обрабатывал рану какому-то бродяге и вылил столько йоду, как будто это не йод, а вода. Даже вода, и та денег стоит.

— А совесть?

— Что «совесть»?

— Совесть нужно иметь человеку, если он даже хозяин?

Яков не ждал ответа — он пошел на рабочее место и тихо уселся к маленьким аптекарским весам. Понимал, что стычка с хозяином добром не кончится.

И словно подтверждая мысли Якова, к нему подошел Иосиф Иванович:

— Тебе житья здесь не будет, Яша.

— Знаю... Вижу,— ответил Свердлов.

Весна 1901 года наступала нехотя, лениво. Река задумчиво стояла, сменив снежную белизну на серый, пористый покров. Днем появлялись первые проталины, лужицы, которые к вечеру затягивались ледяной коркой, отражая лунный свет.

И все-таки даже к ночи пахло весной. Пробуждались от зимней спячки деревья, потрескивая ветвями, наливаясь соками.

Яков любил весну. Он ощущал ее приход задолго до первых вешних ручьев, когда белый снежный покров беззаботно поблескивает под солнечными лучами. Еще крепки морозы, еще спит скованная льдом Волга, а весна уже наполняет душу надеждой, ожиданием тепла, запахом пробуждения и свежести. А потом она смело врывается с первыми теплыми ветрами, с птичьим многоголосьем, с веселыми талыми водами.

Весна — это не только светлая, радостная пора года. Это — особое настроение, заряд бодрости и оптимизма.

Казалось, все вокруг дышало весной.

На берегу валялись оставшиеся от прошлогоднего лесосплава бревна, и они тоже пахли весенней свежестью. На одном из них и сидели рядом Яков и Мияковский.

Яков сказал Иосифу Ивановичу:

— Я познакомился с Ольгой Ивановной.

Мияковский одобрительно кивнул.

Яков рассказал, что Ольга Ивановна поначалу разочаровала, когда пыталась погасить дискуссию, и о том, как «отчесал» он этих самых «размагниченных».

— Может, напрасно я...

— Нет, не напрасно. Одного лишь ты не понял: не гасила Чачина дискуссию, а сама же ее затеяла. Да только не прямолинейно, а тонко, умно.

Яков вспомнил, как отчитывала Ольга Ивановна толстяка, как бормотал тот растерянно: «С больной головы

на здоровую...» Вспомнил и промелькнувшую на лице библиотекарши улыбку.

— Иосиф Иванович, расскажите мне о Чачиной,— попросил Яков, глядя на широкую, застывшую реку.— Пожалуйста. Мне это очень важно.

— Видишь ли, у нас не принято много рассказывать друг о друге. Но тебе я верю, Яков. Ты молод, у тебя доброе и чистое сердце. И знаешь, что мне в тебе нравится? Ты научился владеть собой. Правда, иногда срываешься, как срывается и твой еще неокрепший голос. Речь произнес в аптеке неизвестно для кого. Изменить хозяина тебе не удастся, а уходить из аптеки придется.

— Так что же — молчать?

— Нет, говорить, но знать время и место. Это не просто. Вот Ольга Ивановна знает, как это делать. Чачина женщина волевая. Прямо скажу — талантливая. Она наша землячка, крестьянская дочь из Сергачского уезда. Поступила на Бестужевские курсы. Потом ее выслали в Казань, Уфу. Там она встретилась с одним удивительным человеком. Фамилия его Ульянов, звать Владимир.

Недавно Яков с Володей Лубоцким переписали и распространили статью «Насущные задачи нашего движения». Не он ли автор? Именно здесь, в этой статье, прочитал Яков слова, во многом определившие его поведение, его жизнь: «Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса — наша главная и основная задача».

— Ольга Ивановна знакома с Ульяновым? — спросил Свердлов.

Мияковский не ответил, а лишь похлопал Якова по плечу.

Яков думал: «А ведь не сразу догадаешься, что она — революционерка. Слушает так, будто все для нее внове: и Маркс, и социал-демократы, и классовые битвы, и рабочее движение». Чем-то напоминает робкую девушку. И, если бы не рассказ Мияковского, ни за что не доверился бы ей...

Он уже твердо решил, что пора ученичества кончилась — надо искать другой заработок. Из канавинской аптеки уйдет завтра же — работать у нового хозяина бессмысленно, да и небезопасно: аптекарь уже заявил, что «противозакония и всякого там чтения в своем заведении не потерпит».

После памятной дискуссии в библиотеке Всесословного клуба Чачина действительно разыскала его в аптеке.

Купив для вида каких-то порошков (от мигрени) она, будто вспомнив что-то, обратилась к Якову:

— Ах, какая досада. Проклятая мигрень извела. Не сделаете ли, юноша, любезность. Обещала зайти к сестре, да позабыла.— Она протянула ему бумажку.— Вот адрес. А я плохо себя чувствую. Будто кто-то молоточком в виски стучит. Не откажите, любезный. А это вам на извозчика, чтобы пешком не бегать.

Увидев деньги, хозяин засуетился:

— Не извольте беспокоиться, мадам, он и так... вприпрыжку.

— Ну зачем же...

Она вложила Якову что-то в руку. Он накинул пальто, нахлобучил на лоб ушанку и исчез за дверью аптеки.

В руках у него лежала записка: «Е. И. Пискунова — действительно моя сестра. Познакомьтесь с ней и ее мужем, запомните дом на Жуковской. Завтра к девяти вечера жду в библиотеке. Записку сожгите».

С каким удовольствием он не сжигал бы ее, а оставил у себя как память об этом вечере, об этой замечательной женщине!

Пискуновы встретили Якова так, словно давно ждали.

— Эту книгу передайте, пожалуйста, сестре. Вы, вероятно, изучали — «История государства Российского». Передайте лично в руки, разумеется. Помните, это очень важно.

И записка Чачиной, и книга, завернутая в бумагу, и «очень важно» — это же доверие. Оно придало ему смелости для сегодняшнего разговора с Ольгой Ивановной.

...Чачина слушала его внимательно. Она видела, что Яков не просто жаждет деятельности, но давно и активно работает в ученическом кружке и среди бурнаковских лесопильщиков, парень не по возрасту образован, связан с рабочими. Ей нравилось, что он избегал красивых слов, озабочен самим делом.

— Вы понимаете, Ольга Ивановна, иногда мне кажется, что я рассказываю рабочим не то, совсем не то. О дне сегодняшнем, о том, что было вчера, позавчера я могу им рассказать не более, чем они знают сами,— о забастовке на лесопилке или несправедливости Добровых. Все это важно, но узко — не дальше Канавина. А пора уже шире, глубже. Вы понимаете?

«Неужели этому юноше только шестнадцать? Да и шестнадцати, кажется, нет... А он красив. Особенно гла-

за и шевелюра. Зачем парню такие волосы?» — подумала она, а вслух сказала:

— Погодите, Яков, дайте мне с мыслями собраться... То, что вы говорите, очень, очень важно и интересно. Я хочу вам показать один документ. Но учтите, я рискую свободой. И не только я...

Она бы не удивилась, если б Яков вскочил, возмутился, упрекнул ее в недоверии, недостойном революционера. Но он только кивнул и тихо сказал:

— Понимаю.

Чачина подошла к двери, накинула крючок, а затем развернула книгу, которую передали для нее Пискуновы,— «Историю государства Российского» Карамзина. Яков увидел, как Ольга Ивановна открыла переплет и ловко, почти незаметно вынула оттуда вчетверо сложенный листок тонкой бумаги.

— Посмотрите, Яша, с этой газетой теперь вам придется иметь дело часто...

Он прочитал эпиграф газеты: «Из искры возгорится пламя».

Ольга Ивановна посмотрела на Якова, и ему показалось, что она еще не сказала чего-то самого главного.

— Знаете, Яша, кто создал эту газету? — И тут же ответила: — Ульянов. Это газета нашей социал-демократической рабочей партии.

Яков уже читал Манифест Российской социал-демократической рабочей партии, принятый на ее Первом съезде. Запомнились ему слова о том, что политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только САМ, в социальной революции.

— Так вот, Яков,— говорила Чачина,— партия наша провозглашена, однако ее еще нужно создавать. Нужна программа, нужна организация. За эту задачу и взялся Владимир Ильич Ульянов. Для этого он и создал за границей нашу «Искру» — первую нелегальную общерусскую политическую газету революционных марксистов.

Вдруг внимательно взглянула на Якова, словно что-то проверяя, и тихо произнесла:

— А знаете, что Ульянов встречался с нижегородцами?

— Когда?

— Последний раз — прошлой зимой. Он лишь недавно возвратился из ссылки — и уже побывал у нас, в Нижнем, узнавал, как работают наши социал-демократы, говорил о задачах революционной борьбы. Знаете, где это

происходило? В знакомом вам доме на Жуковской улице.

— На Жуковской?

Иной увиделись ему и Чачина, и нижегородские социал-демократы. Значит, местная организация связана с другими организациями России, если сюда, в Нижний, приезжал Ульянов.

— Ольга Ивановна, я тоже социал-демократ. Я выполню любое задание партии.

— Если бы я не верила в это, сегодняшнего разговора не было бы.

Она бережно взяла из рук Якова газету, словно боялась обидеть его.

— А как же... Я хотел прочитать ее рабочим.

— Прочтете, Яков, непременно прочтете. А пока расскажете о ней своими словами. Не побоитесь?

— Я побоюсь? — воскликнул Яков и тут же устыдился того, что сказал слишком громко, по-мальчишески. И уже спокойно, по-взрослому, спросил:

— В Бурнаковке?

— Нет, в Сормове.

— Хорошо.

— И еще одна боевая задача. Для вас — главная. Нужно, чтобы нижегородская молодежь понимала нас. Конечно, учащаяся молодежь — это не рабочий класс. Но их активность, боевой дух могут сыграть большую роль в просвещении рабочего класса.

Слушая Ольгу Ивановну, Яков мысленно представлял людей, с которыми придется работать, с которыми свяжется немедленно. Это, конечно, Леопольд Израилевич, бурнаковцы. Это Митя Павлов, с ним он познакомился у Горького. Это высланные в Нижний из Москвы члены студенческого «Исполнительного комитета». Яков уже встречался с Леонидом Мукосеевым, Яковом Грациановым, Сергеем и Борисом Моисеевыми, Алексеем Сысиным. Конечно, они старше его, но относятся к Якову, как к равному. Все ближе по духу и убеждениям становится Якову четырнадцатилетний Вениамин. Ах, быстрее рос бы ты, братишка! Впрочем, уже сейчас на него вполне можно положиться.

С Алексеем Максимовичем Яков встречался довольно часто — во Всесословном клубе, на разных собраниях, бывал он и на знаменитых горьковских «посиделках» в

его квартире. Это были литературные чтения, и если прежде покоряли гражданский темперамент писателя, его страстная ненависть к несправедливости и злу, то теперь Яков был очарован красотой горьковского слова, его меткостью и удивительной наполненностью.

Особые отношения были у Горького с братом Зиновием: Алексей Максимович вел с ним доверительные беседы, разрешая сидеть «помалкивая» у себя дома даже во время работы. Иногда посылал в редакцию «Нижегородского листка» с различными поручениями, и Зиновий выполнял их с каким-то особым шиком — сотрудники редакции просили Алексея Максимовича почаще присылать симпатичного юношу.

Молодежь Нижнего не просто тянулась к Горькому — она черпала для себя силы и в его произведениях, и в его яркой бунтарской личности.

На этот раз Яков пришел к Горькому вместе с товарищем — сормовским рабочим Митей Павловым.

Горький был сердит.

Причиной тому явилась неудача с опубликованием письма, подписанного многими петербургскими литераторами. Горький написал его, протестуя против разгона студенческой демонстрации в Петербурге, у Казанского собора, в марте 1901 года. Ни одна столичная газета не решилась напечатать письмо.

— Вы подумайте, как отважны эти свободолюбцы,— говорил он и, казалось, специально подбирал слова, в которых было бы побольше «о».— С каким равнодушием и спокойствием взирают они на полицейский произвол... Жалкие, ничтожные людишки.

Митя сказал решительно:

— Мы сами распространим письмо-протест, если этого не хотят сделать газеты.

— Как же вы... Впрочем, действуйте. Но если на это благое дело потребуются деньги, не скупитесь. Дам. А сейчас хотите, борцы за рабочее дело, я вам песню прочитаю?

— Песню? — удивился Яков.

— Вот именно, песню.

Яков и Митя уселись рядом, на небольшом диванчике. Горький взял со стола несколько исписанных листков бумаги, поднял их на уровень глаз левой рукой, а правую вскинул, как бы призывая к вниманию:

— «Над седой равниной моря ветер тучи собирает...»

Яков восторженно глядел на Горького.

— «Пусть сильнее грянет буря!..»

Для Якова словно слились в одно целое и письмо-протест, и могучая фигура Максима Горького, и эти дышащие надвигающейся грозой слова-призывы.

— Как это называется? — спросил он.

— «Весенние мелодии»,— задорно ответил Горький.

Губернатор Унтербергер с еле скрываемым презрением смотрел на полицмейстера Таубе. Боже, какой тупица! (Он даже не подозревал, что умевший скрывать свои чувства полицейский чиновник думал о губернаторе примерно так же. Этот самовлюбленный кретин сейчас будет тыкать в нос листовками, которые доставляли сюда его же, Таубе, подчиненные.)

Полицмейстер без труда узнал их: письмо сорока петербургских писателей, отпечатанное на гектографе не очень чисто, но вполне разборчиво.

Для Таубе эта листовка представила немало загадок: кто и где мог их напечатать? Где взяли гектограф? Все подозрительные квартиры и типографии были под наблюдением. Он сам не спал ночей и своим людям спать не давал, всякий раз повторял одно и то же слово: «Найти!» Разве поймет это почтенный господин губернатор, который умеет лишь приказывать да грозить «неполным служебным соответствием»?

Унтербергер мог бы и не поднимать особого шума — в конце концов, письмо написано по поводу событий, случившихся в столичном граде Петербурге, и пусть себе почесывает затылки столичная жандармерия. Так нет. Телеграфное распоряжение из Петербурга требовало не только разобраться, но и виновных препроводить в тюрьму. Губернатор заметил явно отрицательную реакцию Таубе: далеко не просто заключить в тюрьму Максима Горького! А именно Горький — автор злополучного письма.

Таубе установил, что на всех заводах Нижнего, в Канавине и Сормове, в окрестных селах и поселках читают письмо вслух и шепотом восторгаются им рабочие, артисты, писатели. На одном экземпляре письма сообщалось: «Это письмо писателей газеты отказались печатать — распространяйте». Кто это написал? Пешков? Сличали почерк — не он. Может быть, другой писатель, приехавший из Самары,— Скиталец? Вряд ли... Впрочем, надо проверить. А может быть, А. Корнев, он же бывший студент

Яровицкий? Гласный надзор за ним ведется давно и аккуратно.

Таубе мог бы обо всем этом доложить губернатору, но Унтербергер все равно не поймет, оборвет, скажет: «Мне подавайте результат, а ваши полицейские дела оставьте при себе».

17 апреля в Нижнем начались аресты. В тюрьме оказались Горький, Скиталец, арестовали Яровицкого и многих других. Яков ждал ареста, поэтому не появлялся в доме отца.

Зато почти каждый день возле тюрьмы собиралась молодежь, возникали митинги. И даже дошлые сыщики не подозревали, что одним из активных организаторов их был чернявый паренек с пышной шевелюрой. Сыщики аккуратно записывали всех особо активных демонстрантов. А однажды услышали еще неокрепший юношеский бас — за частоколом поднятых кверху рук невозможно было определить, кому он принадлежал. Между тем, звучал голос призывно и звонко:

— Буря! Скоро грянет буря!

Глава пятая

В числе деятельных участников

В состоянии ли юноша осознать, когда он становится взрослым, когда появляется в его характере та серьезность, осмысленность в каждом поступке, которая позволяет сказать: с детством покончено?

Яков редко задумывался о днях минувших, хотя ничего не забывал. Не любил копаться и в самом себе — он знал, куда идет, к чему стремится.

Чувствовал себя самостоятельным и взрослым, когда вместе с Володей Лубоцким произносил свою торжественную клятву, когда читал Маркса, Плеханова, Ульянова, когда познакомился с Ольгой Ивановной Чачиной и впервые ощутил себя социал-демократом. Все шло так, как должно было идти.

Якова уже хорошо знала нижегородская молодежь,

посетители Всесословного и Коммерческого клубов, рабочие Канавина и Бурнаковки. Знала и охранка, присвоившая ему кличку Малыш за его юный возраст.

Но если бы все-таки у самого Якова спросили, когда он почувствовал в себе подлинную уверенность и силу, он, наверно, ответил бы: когда впервые побывал в Сормове, в доме Мити Павлова.

Он шел туда по заданию комитета, чтобы передать сормовичам несколько экземпляров «Искры».

Сормово... Для Якова это было не просто название. Он мысленно произносил слова «рабочий класс» и представлял себе не Нижний Новгород, хотя рабочих в нем было немало, не Канавино, не Бурнаковку, а именно Сормово. В нем сконцентрированы для Свердлова и непримиримость к несправедливости, и сила, и рабочий протест, и единство.

Еще в середине прошлого века эти тихие, щедрые растительностью места волжского побережья огласились металлическим звоном. Поднимались, словно вырастали из-под земли, длинные бараки — цеха «Нижегородских мастерских Камско-Волжского буксирного пароходства». Пешком да по Волге стекались сюда, в Сормово, из различных губерний России обездоленные люди.

Якову было ясно, кто «согнал сюда массы народные»:

В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

Дела мастерских шли бойко. Строились суда, пароходы — лучшие на Волге. А потом появился новый цех — вагоностроительный. Рос и ширился завод. Уже проглотил он близлежащие деревни Починки, Мыньяковку, Дарьино. Уже владельцем его стало акционерное общество «Сормово». В самом конце девяностых годов загудел, зачадил на всю округу новый, паровозостроительный цех. Сделанные в Сормове паровозы и вагоны стучали по стальным рельсам, покидая девятнадцатый век и въезжая в новый, двадцатый.

Росла рабочая армия Сормова. Как-то Ольга Ивановна сказала: это живая иллюстрация к произведениям Маркса. И концентрация рабочего класса, и беспощадная эксплуатация, и рождение протеста, и возникновение еще в восьмидесятых годах первых стихийных стачек, а затем и марксистских кружков.

...Яков шел в Сормово поздним вечером по шпалам железнодорожной ветки — так конспиративнее. Не ехать

же, в самом деле, по железной дороге восемь верст от Нижнего — вагоны и станции кишмя кишат соглядатаями. Да и днем на глаза полиции попадаться неразумно.

Зимняя ночь наступила рано, и только заснеженная земля освещала путь. Вокруг ни души. Лишь далеко впереди мелькают огоньки поселка... Чачина говорила: дойдешь до дома служащих, оттуда по Соборной — к берегу Волги. Там живет Дмитрий Павлов. Свердлову понравился этот рабочий парень с густой, как и у него, Якова, шевелюрой и приветливым лицом.

Был Дмитрий на пять лет старше Якова, но сошлись они быстро: Павлова поразила начитанность, эрудиция Свердлова, его энергия, готовность к любому, самому опасному делу.

— Ты — как паровоз,— говорил сормович,— загудишь своим басом и — вперед. Угля-то в топке на весь путь хватит?

И вот сейчас именно к нему, к Дмитрию Павлову, направила его Чачина со свертком «Искры», надежно спрятанным в подкладке пальто.

Якова ждали. За небольшим круглым столиком сидел Митя с товарищами, чуть поодаль — его отец Александр Тимофеевич. Открывшая двери мать, Васса Семеновна, посмотрела на Якова, подивилась молодости гостя и ушла на кухню.

Яков знакомился с присутствующими. Это были парни лет двадцати и более. Чуть младше других выглядел кареглазый юноша с застенчивым лицом, с широкими, налитыми плечами.

— Григорий Ростовцев,— назвался он и с той минуты не проронил ни слова. Яков уже встречал в рабочей среде таких парней, скупых на слова.

Говорили о Парижской коммуне — горячо, как о своем кровном, словно завтра идти на баррикады. Яков достал из подкладки сверток и передал Дмитрию:

— Вот, от Ольги Ивановны.

— Спасибо. Один экземпляр оставим, остальное припрячем.— И Дмитрий нагнулся к столу, поколдовал у одной из ножек, и вдруг сверток исчез, как из рук фокусника.

Яков рассмеялся:

— Ну ты просто факир.

— Это не я, это отец. И не факир, а модельщик.

Потом Митя пристально посмотрел на Якова:

— Завтра митинг. Выступишь?

— Конечно.

Сказал и испугался. На митингах Яков еще не выступал. Одно дело — сверстники, их собрания, разговоры, занятия в кружке. Или печатание листовок. А вот выступить на митинге... Поймут ли его рабочие?

...Он поднялся на небольшое возвышение из ящиков.

— Товарищи! Нижегородский комитет Российской социал-демократической рабочей партии призывает вас, рабочих Сормова, закаленных в социальных битвах за политические свободы, к новым выступлениям против царского правительства и его прислужников. Директор Мещерский готов вас укротить войсками или ублажить сладкими пряниками обещаний...

— Нас пряником не купишь!

— И на войска найдем управу!

И вдруг Свердлову стало легко, словно реплики были продолжением его речи, словно не митинг это, а простая беседа... Теперь он говорил громче обычного, и речь лилась свободно и широко. Яков это чувствовал. Кто-то воскликнул:

— Давай, парень, давай, друг!

Друг! Значит, поняли, поверили...

Начальник Нижегородского жандармского управления доносил: «За последнее время среди рабочих сормовских заводов, при посредстве интеллигентных агитаторов, вновь организовались рабочие кружки... Организация и деятельность этих кружков вполне соответствует программе, выработанной известным сообществом, именующимся Российской социал-демократической рабочей партией».

Позднее в департамент полиции сообщалось: «...в числе деятельных участников по Сормовской организации состоит и полоцкий мещанин Яков Свердлов».

Глава шестая

Задание партии

Это было в апреле 1902-го. Якову Свердлову шел семнадцатый год. Но те, кто впервые знакомился с ним, уже не считали его мальчиком и даже

юношей. В черной косоворотке и брюках, заправленных в сапоги, он казался не по годам серьезным. Серьезность чувствовалась и во взгляде черных, острых глаз, и в решительных, уверенных жестах.

Той весной молодежь Нижнего Новгорода хоронила Бориса Рюрикова, студента Казанского ветеринарного института. Жандармы обвиняли его в сочувствии социал-демократам, арестовали, жестоко поиздевались над ним в тюрьме, выслали в Нижний. Тут его, уже безо всяких улик, арестовали вторично, засадили в одиночную камеру. Здесь и скончался он, замученный тюремщиками.

На похороны Рюрикова революционно настроенная учащаяся молодежь вышла как на демонстрацию. В ее рядах был и Яков Свердлов. Он стал признанным вожаком. Его имя уже хорошо знакомо многим.

Оно было известно и начальнику Нижегородского губернского жандармского управления. По инстанции он доносил: «22 сего апреля, во время похорон скоропостижно умершего и находившегося под особым надзором полиции бывшего студента Бориса Рюрикова на Петропавловском кладбище собралась значительная толпа, причем на гроб умершего были возложены венки с тенденциозными надписями... А при выходе из кладбища отделившаяся от толпы группа людей, преимущественно молодежи, в числе коих находились поименованные в прилагаемом при сем списке лица, запели песни тенденциозного и даже революционного содержания.

Ввиду сего предлагаю Вашему высокоблагородию приступить к производству по этому поводу расследования, в порядке Положения о государственной охране, для выявления участвующих лиц и степени их виновности в означенном демонстративном проявлении. Генерал-майор Шеманин».

В списке числились: Соколова Лидия, Грацианов Павел, Гурвич Николай, Израилевич Леопольд, Свердлов Яков, Галанен Михаил, Свердлов Вениамин...

А вот из другого документа — полицейского протокола: «Когда священник Тихоновской церкви Троицкий и дьякон Рюриков, отец покойного, вышли из квартиры, собравшиеся к выносу взяли гроб с умершим и на руках понесли его на кладбище через Ново-Базарную площадь по Полевой улице... На углу Полевой и Всесвятского пер. брат покойного Николай Рюриков и мещанин Леопольд Израилевич взяли с гроба в руки венки с лентами, снаб-

женными надписями: «И ты погиб, не требуя венца», «Не нужно плакать, а мстить», «Ты не щадил в борьбе усилий честных, мы не забудем твоей гибели, товарищ».

...На церковной паперти к дверям были пришиты две-три прокламации за № 10, одна из них была вынута дочерью чиновника Лидией Ивановной Соколовой из кармана, переложена в рукав, а когда ее загородил студент Борис Морковин и Свердлов Яков, то она приколола булавками прокламацию к церковной двери около крышки гроба... «Студент-товарищ, мы знаем, за что ты пал, здесь собралась небольшая кучка тебя понимавших и сочувствующих, придет время, настанет заря свободы, тогда весь русский народ поймет, за что ты пал»,— говорил студент, развернув предварительно прокламацию и, видимо, заучивший наизусть... Потом пели все присутствующие под мотив «Марсельезы»: «Вставай, поднимайся наш русский народ, вперед, вперед...» Запевалами были братья Яков и Вениамин Свердловы...

С кладбища уходили с «Марсельезой». Требование — прекратить пение, но толпа не послушалась предупреждения полицейских чинов... и вышла в том же составе, продолжая петь, на Петропавловскую площадь, отказавшись разойтись, крича: «В кучу собирайтесь». Особенно кричали Гурвич, Моисеев, Михайлов, Грацианов, Борис Морковин, Яков Свердлов, Вениамин Свердлов...»

Финал, как и следовало ожидать, таков: «Основываясь на заключении комиссии, назначенной мной для выяснения участников в беспорядке, имевшем место 22 сего апреля, за демонстративное нарушение порядка и спокойствия в общественном месте подвергнуть аресту: Израилевича, Свердлова, Мияковского, Покровского... на две недели каждого. Подписал: губернатор, генерал-лейтенант Унтербергер».

Из показания Якова Свердлова на допросе: «Лидию Соколову я знаю очень мало, Бориса Морковина я совершенно не знаю, Николая Гурвича тоже не знаю, Павла Грацианова, Павла Корсака, Владимира Загиндикова не знаю и никогда не видал. С Анной Доброхотовой я не знаком и тоже никогда не видал, Галонина, вольнослушателя Московского университета, я тоже не знаю, Леопольда Израилевича знаю только по гимназии, был один раз у его матери, когда мой брат Зиновий жил у

него на квартире. Был ли Израилевич на похоронах, утвердительно сказать не могу, но кажется, что был».

Свердлов откровенно издевался над ротмистром, который, чувствуя это, посматривал на свои холеные пальцы (с каким удовольствием он сжал бы их сейчас в кулак...). Неужели этот жандармский ротмистр надеется, что Яков выдаст кого-то из своих товарищей?

Впрочем, Яков был уверен, что остальные арестованные поступят так же — и Морковин, и Лида Соколова, и Леопольд, и Володя Лубоцкий...

Из протокола допроса Лубоцкого: «По поводу демонстрации, бывшей 22 апреля, по поводу похорон студента Рюрикова я показаний никаких дать не могу, так как меня там не было. Я находился дома. Виновным себя не признаю».

Яков знал цену листовкам, этим небольшим, с превеликой осторожностью отпечатанным вестникам самого важного, что необходимо рабочему в его борьбе против царизма.

С тех пор, как очутился в Сормове, он еще больше убедился, как нужны людям эти небольшие, иногда некрасивые листочки бумаги. Недаром так старательно прячут их рабочие, недаром так охотятся за ними полицейские фараоны.

Однажды член Нижегородского комитета РСДРП Михаил Федорович Владимирский попросил Митю Павлова:

— Передай Якову Свердлову, пусть придет ко мне.

Вечером Яков был дома у Владимирского. В комнате на широком диване сидел Яровицкий, облокотившись о валик.

— «Хвоста» за собой не притащил? — поинтересовался Яр.

— Нет, иначе не зашел бы.

— Садись, чаю попьем,— предложил Владимирский.

Яков понимал: не чаю ради пригласил его Михаил Федорович, и не ошибся. Владимирский, как говорится, взял быка за рога:

— Нижегородский комитет Российской социал-демократической рабочей партии доверяет тебе ответственное дело.

То ли чай был слишком горячим, то ли слова эти на Якова так подействовали,— он почувствовал, что у него

перехватило дыхание. Российской социал-демократической... ответственное дело... Он даже встал.

— Мы между собой решили, что тебе такое дело по плечу.— Владимирский сделал паузу, затем продолжил:— Речь идет об организации типографий, подпольных, конечно.

Яков предвидел, что именно об этом пойдет разговор. И не потому ли выбрали его, что отец Якова гравер и печатник?

— Конечно,— как бы угадал его мысли Владимирский,— в какой-то мере мы бы могли использовать уже существующие типографии — везде найдутся свои люди. Но это неконспиративно и опасно... Нужно налаживать свои станки... И ты лучше других в этом разбираешься.

— А что печатать? — спросил Свердлов.

— Листовки. Прежде всего листовки, прокламации. Привлеки к этому делу верных людей, отыщи надежное место...

Для Якова словно началась новая жизнь — настолько отдался он организации подпольного печатания листовок. А дел было невпроворот. Надо и «техников» обучить, и доставать все необходимое: желатин, глицерин, бумагу, специальные чернила, обеспечить «заказы» и наладить экспедицию прокламаций. Впрочем, «заказчиков» было много — и сормовичи, и студенты, и рабочие лесопилки...

Как-то Чачина спросила его:

— Нужен типографский шрифт, где бы достать?

Обычно Свердлову в этом помогали рабочие нижегородских типографий. Но теперь связи с ними оборвались. Да и контроль за шрифтами становился все строже. Где же взять?

«Надо съездить к Соне, в Саратов»,— подумал Яков.

После смерти матери старшая сестра Якова Софья недолго оставалась в Нижнем Новгороде. Она вышла замуж за владельца небольшой типографии, печатавшей главным образом билеты для пароходных компаний. Значит, муж Софьи может приобрести шрифт, не вызывая подозрений.

Отцу сказал:

— Папа, я давно не видел Соню. Съезжу к ней в Саратов.

Отец внимательно посмотрел на сына:

— Съезди, Яша, тебе не мешает отдохнуть. А может быть, найдешь себе какое-нибудь дело.

Яков понял отца. Папа всегда мечтал о том, чтоб у сына был постоянный и надежный заработок. Если не здесь, то в Саратове. Якову, действительно, после аптеки приходилось заниматься то репетиторством, то корректурой. А теперь он ехал по заданию комитета. Не мог же он сказать отцу, что на обратном пути в его чемодане между стенок будет столь желанный гуттаперчевый шрифт, что повидается он в Саратове с людьми, знающими гектографирование и типографское дело.

Когда Яков вернулся в Нижний, на вокзале его встретил Ростовцев. Они вышли на привокзальную площадь и сразу заметили, что мужчина в черном котелке, стоя к ним боком, непрерывно косит глаза в их сторону.

— Твой? — спросил Свердлов у Григория.

Тот сделал еле заметный кивок и добавил:

— А может, и твой...

В это время со стороны города на извозчике появился Леопольд. Теперь ускользнуть от шпика было уже нетрудно — сразу за троими не угонишься. Пока Яков с Ростовцевым о чем-то переговаривались, Леопольд, захватив чемодан, уехал на извозчике в город.

В Сормове была создана подпольная типография. Текст приносил Свердлов. Опоясавшись широкими кушаками с готовыми оттисками, уносили листовки Митя Павлов, Гриша Ростовцев, Леопольд Израилевич. Помощников у Свердлова было много — и Катя Сомова, приходившая не раз по заданию Якова в дом гравера Свердлова, и рабочие его мастерской Иван Сазонов и Николай Яхонтов, свои люди во многих типографиях города, и одессит Иван Калиновский, которого друзья называли Пан Ян, и, конечно же, Вениамин Свердлов.

А Лубоцкого не было. Его арестовали во время первомайской демонстрации 1902 года, когда звучали слова, похожие на клятву, ту самую, которую давали он и Яша, казалось, не так уж давно:

— Красное знамя «Долой самодержавие!» поднимается по городам и местечкам, его высоко держат тысячи рабочих рук, готовых смело отстаивать свои права. Сегодня мы, нижегородцы, присоединяем свой голос к общему требованию — долой самодержавие!

Григорий Ростовцев с удивлением приглядывался к своему новому другу. Они почти ровесники, но было в убежденности Якова, его твердости, решительности что-то вдохновляющее, сильное, и оттого тянулась к нему сормовская молодежь.

Однажды Свердлов сказал Григорию:

— Будем организовывать нашу рабочую разведку. Не позволим фараонам и провокаторам хозяйничать в Сормове.

Григорий понимал это, однако с трудом представлял себе, как следить за шпиками.

— Можно, еще как можно,— сказал Яков.— Вот тебе первое такое дело. Нужно немедленно предупредить Алексея Максимовича — во время вечерних «посиделок» у него дома жандармы устроят облаву и обыск. Григорий, не теряй времени!

Ростовцев не придал этому серьезного значения. Правда, задание Якова выполнил. Но когда все, о чем предупредил Свердлов, подтвердилось и жандармы ушли из дома Горького ни с чем, Григорий был поражен.

Уже много позже ему стало известно, что о планах жандармов Свердлов узнал от сотрудников сыскного отделения Петра Зимницкого и Владимира Германа.

На очередной сходке представителей сормовских рабочих кружков Яков Свердлов сказал:

— Товарищи! Вы все знаете о судьбе наших боевых друзей сормовичей — Заломова, Фролова, Ляпина, нижегородцев Моисеева и моего друга Володи Лубоцкого. За первомайскую демонстрацию 1902 года их лишили всех прав и приговорили к вечному поселению в отдаленных местах Сибири. А позавчера их всех отвезли в пересыльную тюрьму Москвы. Но нас кандалами и Сибирью не запугаешь! И мы докажем это новой демонстрацией в мае 1903 года!

Одобрительный гул был ему ответом.

...Продолжались встречи с Митей Павловым, членом Нижегородского комитета РСДРП. Бывал и тот в доме Свердловых на Большой Покровке. Чудом избежавшие ареста в первомайские дни Дмитрий и Яков ловили каждую весть о Петре Заломове, восторгались стойкостью его товарищей, их великим достоинством революционеров.

А в это время ротмистр Грешнер призывал «пресечь и арестовать!», разработал «ликвидационный план». В жандармском донесении было написано: «Городская

организация снабжает сормовскую нелегальными изданиями и доставкой интеллигентов, кои ведут пропаганду на сходках отдельных кружков».

«Петербург. Департаменту полиции. Указанию ротмистра Засыпкина арестованы поличным Вениамин, Яков Свердловы, Борис Морковин. Улице задержан ученик Растопчин каучуковой типографией. Указанию ротмистра Герасимова арестована Тетяева. Сто тридцать два революционных издания. Генерал-майор Шеманин».

Помощник прокурора Виссарионов был, как говорится, молодым да ранним. Следователь Немчинов, может быть, еще и поверит в то, что плетет этот самый Яков Свердлов. Но он, Виссарионов, знает, откуда ветер дует. Нижегородская социал-демократическая организация давно уже занимается распространением всякого рода изданий, и гектографирование производится в разных домах. Но как доказать, как изловить? Да к тому же адреса меняются слишком часто. Вот сообщение о том, что Борис Лебедев гектографировал воззвание у себя на квартире, участниками такой преступной деятельности являются Лидия Соколова, Леопольд Израилевич, Николай Рюриков, Александр Захаров, Мария Покровская, Яков Свердлов и другие лица. Есть сведения, что прокламации печатались и на квартире некой Савиной Веры Васильевны. Виссарионов насчитал более десяти различных адресов, по которым установлено наблюдение.

Более всего Виссарионова интересовала личность Якова Свердлова — его имя чаще других упоминается в донесениях. А ведь ему неполных восемнадцать лет. Мальчишка еще... Впрочем, мальчишка ли, если ему доверяет Горький. В организованном Пешковым книжном магазине под названием «Книжный музей» при «Нижегородском листке» распространяется крамольная литература в городе. Виссарионову довелось читать донесение в департамент полиции: «Через Якова Свердлова можно подписаться на революционный журнал. По агентурным сведениям, Я. Свердлов был в близких отношениях с «Книжным музеем». Ах, эти полицейские донесения! Ни одного факта. Ссылки на «агентурные сведения» к делу, увы, не подошьешь...

На столе начальника Нижегородского жандармского управления генерала Шеманина лежала карта, испещренная красными и черными линиями. Это схема наружного наблюдения по Нижнему Новгороду.

— Яков Свердлов... Ведь юнец, совсем юнец.

Генерал вглядывался в красные линии — ими отмечены связи Свердлова с Савиной, Лазаревым, Гурвичем и многими другими поднадзорными. Черной — связь с Галонецом и через него со Всесословным клубом.

— Неужели этого мало? — спрашивал генерал у Виссарионова.

— Линии на схеме, ваше превосходительство,— еще не улики. Кроме того, я убежден, что здесь далеко не все связи. Не уверен, что у их главного печатника нет контактов с Сормовом. Свердлов опаснее, чем мы полагаем. Вы еще услышите о нем. Лозунги, которые он печатает,— «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!» — свидетельствуют о его приверженности к радикальному направлению. А сборники стихов и песен тенденциозного содержания, которые они печатают? Теперь «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу» стали популярными среди молодежи. С каким удовольствием они поют: «Вставай, поднимайся, рабочий народ», «Пусть наш голос грянет разом, как весенний первый гром». Они даже российскую «Дубинушку» перелицевали: «И в родимых лесах на врагов подберет здоровее и крепче дубину».

— Вот видите.

— Но улики! Этот юнец, как вы изволили выразиться, отменно умен. Я уже имел возможность в этом убедиться.

— Да, пожалуй... Вот и начальник охранного отделения сообщает: «Наружное наблюдение за Яковом Свердловым таковой всегда замечал и потому таковое приходилось прекращать...»

— Вот видите.

— А как вы отнесетесь к этому письму? Анонимное, правда, но все-таки...

Виссарионов прочитал: «На квартире учащегося технологического училища Ивана Калиновского создана тайная типография, сюда регулярно приходят Николай Гурвич, Леопольд Израилевич, Яков и Вениамин Свердловы...»

— Что же, это уже нечто.

...Обыски шли по всему городу. Арестовали Калинов-

ского, Растопчина, Морковина. Под кроватью у Вениамина нашли чемодан с нелегальной литературой. У сестры Якова Сары обнаружили рукопись статьи о французской революции.

— Вы и теперь будете отрицать свою принадлежность к преступному сообществу? — спрашивал Якова Виссарионов.

Ему вторил следователь Немчинов:

— Ваших сообщников в Сормове мы тоже взяли. Так что отпираться бессмысленно. Вы бы хоть брата пожалели...

Из протокола допроса Якова Свердлова:

«На предложенные мне вопросы отвечаю:

1. Я не признаю себя виновным в принадлежности к противозаконному сообществу, имеющему своей целью свержение самодержавия.

2. Я также не признаю себя виновным и в том, что в течение периода времени с января по апрель 1903 года занимался в г. Н. Новгороде преступной пропагандой, выразившейся как в издании прокламаций, так и в распространении их. Найденные у меня при обыске предъявленные мне 18 воззваний «Ростовская стачка», 2 (два) листка, «Почему крестьяне волнуются», 1 (одна), «Почему русскому рабочему нужна политическая свобода», 2 экземпляра, «По делу о демонстрации», 1 экземпляр, «Заявление социал-демократической организации» принадлежат мне и к брату моему никакого отношения не имеют. Чемодан, в котором они были найдены, тоже мой. Все эти прокламации были получены мной в 1-х числах марта для хранения от лица, назвать которого я не желаю.

Никакого участия в издании как отобранных у меня прокламаций, так и в гектографировании других произведений, как, например, «Песен революции», я не принимал. В конце января 1903 года я не собирал денег на покупку типографии с гуттаперчевым шрифтом. Из учеников механико-технологического училища я никого не знаю. Никакого Растопчина я не знаю... С Гурвичем я знаком, с ним вместе занимался чертежной работой. К своим показаниям добавить ничего не могу. Яков Свердлов».

«1903 год, апреля 14-го дня. Я, отдельного корпуса жандармов генерал-майор Шеманин... на основании ст. 21 Положения о государственной охране, высочайше ут-

вержденного 14 августа 1881 г., постановил: сына полоцкого мещанина Якова Свердлова впредь до разъяснения обстоятельств настоящего дела содержать под стражей в 1-м корпусе Нижегородского тюремного замка».

Здесь, в тюрьме, Яков узнал, что такое башня: сырой, изолированный от белого света, пропахший плесенью каменный мешок, куда его бросили из общей камеры за «буйный нрав». Здесь, в башне Нижегородского тюремного замка, содержали самых непримиримых, самых опасных. «Тут не разгуляешься»,— ехидно заметил тюремщик, звеня тяжелыми засовами.

Да, не напрасно эти башни называли «каменными мешками». Два шага в диаметре, не более. Темно: до густо зарешеченного окошка не достать — высоко...

И все же Свердлов изучал здесь немецкий язык. Потерянного времени у революционера быть не должно, потому что он всегда стремится в день завтрашний, день грядущий, а этому помешать не в силах никто — ни прокурор, ни тюремщик, ни карцер, ни башня...

Был еще один девиз в тюремной жизни Якова — не смиряться. Протест на имя прокурора... Голодовка — это мучительное, но верное оружие политического заключенного. Пишут протесты и прошения Дмитрий Павлов, Николай Гурвич, Петр Замятин. Главное — не спасовать, не дрогнуть на допросах, не убояться ни голода, ни этой проклятой башни.

Свердлов вышел из тюрьмы — доказать его «противуправительственную деятельность» так и не удалось — и сразу в работу.

Именно в эти дни, далеко от Нижнего Новгорода, от русских городов и весей, произошло чрезвычайной важности событие, определившее пути Российской социал-демократии: Второй съезд РСДРП.

Яков ознакомился с докладами Ленина (оказывается, К. Тулин, В. Ульянов, Н. Ленин — одно и то же лицо!), с дискуссией по поводу Устава и Программы, вчитывался в каждое слово Программы РСДРП, принятой на съезде. Он сравнивал ее с Манифестом Первого съезда и убеждался, насколько полнее отражает она существо марксизма. За эту Программу вела борьбу ленинская «Искра», за ее революционность, за идею диктатуры пролетариата, союза рабочего класса и крестьянства в революции, права наций на самоопределение. Теперь борьба выиграна!

Дошли до Нижнего вести и о том, какую борьбу вел Ленин против оппортунистов. Большинство пошло за Лениным. Ленинцы — большевики.

Яков Свердлов ловил эти вести жадно, понимая, как важно ему, члену партии, найти свое место в революционном ряду.

В Дарьинском лесу и Марьиной роще, на Маховых горах и Артемьевских лугах выступал перед рабочими Нижнего и Сормова оратор и пропагандист большевик Свердлов.

— Грядущее обновление,— говорил он на сходке сормовичей,— неужели не способно уже сейчас поднять лучшие элементы нашего времени до бодрости и веры? Идет же он, настоящий день. Идет шумный, бурливый, сметающий на пути расслабленное, хилое и старое...

Член Нижегородского комитета РСДРП Николай Александрович Семашко давно присматривался к Якову Свердлову. Сколько раз комитетчики говорили об удивительных организаторских способностях парня, об особой его страсти к печатанию листовок, прокламаций. В этом деле во всем Нижнем Новгороде не было человека более умелого и надежного.

А в последнее время у Якова Свердлова выработалось новое качество, совершенно необходимое для революционера-подпольщика: он становился настоящим конспиратором. Хитрые, поднаторевшие на сыске филеры безуспешно гонялись за ним. Хотя еще в августе 1904 года Свердлову было объявлено, что он освобождается от гласного надзора полиции на основании весьма милостивого, как о том ему было сказано в жандармском управлении, «высочайшего повеления», слежка за ним не прекращалась. Опытные нижегородские конспираторы Митя Павлов, сестры Невзоровы, Пискунов и раньше доверяли ему — не по годам серьезному и начитанному. Теперь же корреспонденция, которая приходила в Нижний Новгород от Ленина, нередко распространялась среди рабочих именно через Свердлова, и он стал не только ее распространителем, но и пропагандистом. Все, что связано с Лениным, его трудами, для Свердлова — дело жизненно важное. Он чувствовал себя ленинцем, называл себя идущим за Лениным и знал, что с этого пути он не свернет никогда.

С начала 1904 года связи с большевиками, находив-

шимися за границей, стали еще более тесными. А созданное Северное бюро ЦК явилось как бы промежуточным центром между Лениным и комитетами северных губерний России: Москва, Петербург, Тверь, Рига, Нижний Новгород, Кострома, Ярославль...

Членов Северного бюро Семашко знал хорошо — Бауман, Красиков, Стасова, Ленгник. Для Якова же они были известны лишь по партийным псевдонимам — Грач, Август Иванович, Абсолют, Курц. И надо же было случиться, что именно в Нижнем Новгороде арестовали Абсолют, то есть Стасову.

Яков узнал об этом от одного из своих «контрразведчиков» — Петра Зимницкого. Он рассказал о том, как невольно стал свидетелем ареста женщины, приехавшей из Петербурга.

— Нет, мне не поручалось следить за ней. О ней, наверно, уже все знали заранее. Она только вышла из вагона, и тут же подошел жандарм. Меня он знает и потому не стеснялся,— рассказывал Зимницкий.— Ты, Яков, этого жандарма видел, он все по буфетам шастает, не перепадет ли стопка водки. А тут направился прямо к этой женщине: извольте, мол, следовать... Вы арестованы. Он даже фамилию ее назвал: Беклемишева, что ли. Мне интересоваться нельзя было — подозрительно. А тебе решил рассказать. Подкатись к жандарму сам. Он, между прочим, любит пари держать по всякому поводу.

Когда Яков рассказал об этом Семашко, Николай Александрович воскликнул:

— Ты говоришь — Беклемишева? Надо немедленно выяснить, где она, что с ней. Яков, комитет поручает это тебе.

На вокзал Свердлов отправился вместе с Ростовцевым. Ну конечно же, станционного жандарма они разыскали в буфете. Григорий, как и условились, заспорил с Яковом:

— Нет, это не шашка, а палаш.

— Нет, шашка. Могу поспорить.

— А у кого выясним, кто из нас прав?

— Хотя бы у господина жандарма.

Григорий подошел к столику, за которым важно восседал блюститель порядка. Разрешить спор двух парней ему труда не составило — ведь речь шла о его личном оружии.

— А на что же мы спорили? — сказал Яков Григорию, который наигранно сокрушался по поводу того, что проиграл.

Григорий вытащил из кармана монету и звонко бросил ее на стол.

— Вот, пятиалтынный...

Такая ставка заинтересовала жандарма.

— Немного, но на пару стопок хватит,— продолжал Свердлов.— Правда, я не пью.

— Вот и хорошо,— обрадовался Григорий.— Значит, ничего я не проиграл.

— Нет уж, этому не бывать! — нарочито запротестовал Яков.— Их благородие нас рассудило, они и получат эту монету.

Жандарм не отказался. Он давно уже посматривал с вожделением на граненую, видать, только что опустошенную им рюмку, стоявшую на столе.

Яков, внимательно вглядываясь в жандарма, вдруг сказал:

— А я ведь знаю ваше благородие. На днях вы так браво уволокли куда-то одну дамочку. Не влюбились ли? — хитро подмигнул он, но тут же добавил, как бы извиняясь: — Впрочем, не думаю.

— А я могу держать пари, что это так! — подхватил Григорий и вынул из кармана еще одну монету.

— Вот ты и проиграл! — воскликнул жандарм и положил на пятиалтынный свою огромную руку.— Эта дамочка,— уже вполголоса сказал он и присвистнул: — Ее сам штабс-ротмистр затребовал к себе.

— Красивая, наверно,— высказал предположение Григорий.

— Эх ты, недоумок,— возмутился блюститель порядка и, снова перейдя на шепот, добавил: — Политическая она. Особо опасная!

— Больная, что ли? — подмигнул Яков.

— Сам ты больной. Противу государя она. Штабс-ротмистр так и сказал: попалась, голуба.

— Ну и что же с такими делают? — поинтересовался Григорий.

— Знакомый телеграфист сказывал, что ее Москва к себе затребовала. Я ее сам в вагон сажал.

— Второго класса? — наивничал Яков.

— Первого,— сострил жандарм.— С решетками который...

Хоть Семашко признал этот разговор с жандармом излишне озорным, он, однако, не осудил Якова: значит, Абсолют арестована. А еще раньше взяли Грача — Баумана... Кто же теперь в Северном бюро?

С той поры прошло несколько месяцев. И вот возле мастерской отца Яков встретил Ростовцева. Тот поспешно:

— Я тебя целый час ищу. Николай Александрович ждет. Срочно.

— Сейчас, только пальто надену. Ноябрь нынче холодный.

У Семашко сидел незнакомый мужчина.

— Это товарищ из Северного бюро,— сказал Николай Александрович.— Наш комитет рекомендует тебя, Яков, на самостоятельную работу партийца-профессионала.

Самостоятельная работа... Свердлов еще не полностью представлял себе, что это значит. Но он давно ощущал, что здесь, в Нижнем Новгороде, полиция не даст ему развернуться. Слишком уж хорошо она знает его.

— Подумай, Яков, отныне тебе придется расстаться с родным городом, со всем тем, к чему ты привык с детства,— говорил Семашко.— Но подумай и о другом. Тебе доверяет Северное бюро Центрального Комитета, за тебя ручаемся мы, нижегородцы.

— Куда я должен ехать? — коротко спросил Свердлов.

— А уж это тебе скажет представитель Северного бюро товарищ Титоренко.

Нижний Новгород... Начало жизни, всей деятельности Якова Михайловича. Листовки, выступления, демонстрации. Знаменитые, воспетые Горьким сормовские события. И пламенные речи, бросавшие в дрожь нижегородскую жандармерию, и твердое решение после Второго съезда РСДРП идти с Лениным, с большевиками. Все это — Нижний Новгород, город детства и юности Якова, его революционная колыбель.

Его весенние мелодии...

Но и первые встречи с полицией, с помощником прокурора Виссарионовым. О, этот «слуга царя и отечества» слишком уж пристально присматривался к Свердлову, словно старался запомнить, словно чувствовал, что эта их встреча — не последняя.

Яков стал профессиональным революционером. Отныне у него не было ни дома, ни постоянного места жительства, ни твердого заработка — приходилось выполнять отдельные чертежные работы, давать частные уро-

ки, чтобы прокормиться. Но главным для него, для всей его жизни оставалось стремление быть полезным пролетариату, его революционной ленинской партии.

Из письма Я. М. Свердлова товарищу: «В Москве, как тебе, вероятно, известно, я пробыл день и с вечерним поездом отбыл к конечной цели своего путешествия — Ярославль. Но тут мне пришлось пробыть всего трое суток, по прошествии коих я отправился в Кострому, где в данный момент и пребываю. Я поселился здесь в качестве «профессионала» по поручению Северного комитета... Вообще чувствую себя довольно бодро; иногда жаль Нижнего, но все же я доволен, что уехал, ибо там я не мог расправить крылья, а я думаю, они у меня имеются; там учился работать, сюда же приехал уже ученый и имею широкое приложение всех своих сил».

Если условия царизма и обрекали его,
как и всех тогдашних революционеров,
на деятельность преимущественно
подпольную, нелегальную,
то и в этой подпольной и нелегальной
деятельности тов. Свердлов шел всегда
плечо к плечу и рука об руку
с передовыми рабочими...

В. И. ЛЕНИН

Часть вторая

ТОВАРИЩ АНДРЕЙ

Глава
седьмая

Город на Урале

1905 год начался кровавым воскресеньем в Петербурге. Возмущенный народ решительно требовал свержения самодержавия, большевики призывали к вооруженному восстанию. Бастовали рабочие, запахивали помещичьи земли крестьяне, пускали в барские усадьбы «красного петуха». Свободной территорией революции стал мятежный броненосец «Потемкин».

«Кровь тысяч людей обагрила улицы Петербурга, и клик мести, клик ненависти к правительству убийц пронесся по всей стране, находя отклик повсюду. Идея свободы и народного правления проникла в широкие массы, мысль о необходимости вооруженного восстания распространяется с поражающей быстротой...»

«Вперед же, товарищи рабочие, на организованную, дружную и стойкую борьбу за свободу!.. Да здравствует международная революционная социал-демократия!»

В руках Свердлова резолюция Третьего съезда РСДРП — о вооруженном восстании, о временном революционном правительстве, об открытом политическом выступлении РСДРП. Сюда, в Екатеринбург, он приехал по заданию Центрального Комитета. Третий съезд РСДРП, точно оценив остроту момента после январских событий в Петербурге, призывал пролетариат России готовиться к вооруженному восстанию.

Сентябрь не был холодным — в такую пору здесь бывало и похуже: и ветры налетали студеные, и белые мухи кружились над городом. А нынче — вполне терпимо. Не жарко, конечно, но для осени сносно. Оно и хорошо: к зиме одежда Свердлова не приспособлена.

В день приезда в Екатеринбург Яков разыскал книжный магазин на углу Главного проспекта и Колобовской. Двухэтажное здание обычной архитектуры, с некоторыми, однако, претензиями на шик: блестящие медные ручки на парадной двери, французское название «Пале-Ро-

яль», относящееся к меблированным комнатам на втором этаже доходного дома.

Свердлов обратил внимание на то, что за углом — кинематограф «Художественный», куда можно в случае опасности нырнуть и затеряться среди зрителей.

Здесь, в Екатеринбурге, шпики, вероятно, еще не успели с ним познакомиться. Впрочем, уверенности в этом нет.

Пройдя улицу, он заглянул в мелкие магазинчики, находившиеся в том же доме, сделал несколько незначительных покупок, а затем зашел в книжный магазин.

У прилавков стояли люди. К ним то и дело подбегал приветливый приказчик — совсем еще юноша, с улыбчивым смуглым лицом.

Его звали Осей, Ося Гилев. Когда парень услышал пароль: «Я к вам от «Полярной звезды», он оглянулся и тихо сказал:

— Вас ждут. Как передать — кто приходил?

— Товарищ Андрей.

В тот же день на одной из конспиративных квартир Свердлов встретил членов Екатеринбургского комитета: горного техника Федора Сыромолотова — Федича, двух Сергеев — Черепанова и Чуцкаева. От них узнал Яков, что в тюрьме Вилонов, Батурин, Мария Авейде, Клавдия Новгородцева и многие другие товарищи.

В эту ночь Яков долго думал о людях, с которыми теперь придется вместе работать, о Федиче, начавшем свою революционную деятельность еще в девяностых годах прошлого века, о молодом парнишке Сергее Черепанове. Что сейчас главное? Идти на заводы, в цеха, устраивать митинги, выступать на собраниях, сходках. Решение съезда обязывает привлекать к роли руководителей движения сознательных рабочих, непосредственно участвовавших в этом движении и наиболее тесно связывающих с ним партию. Федич сообщил, что завтра на Верх-Исетском в листовом цехе собирается митинг. Рабочий завода Ятеса Павел Кин рассказал, что у них хороший кружок. До ареста им руководила Клавдия Новгородцева по партийной кличке Ольга. Грамотная, образованная девушка, увлеченная революционной борьбой. Уже в первые дни пребывания в Екатеринбурге Свердлов познакомился со многими партийцами, о других ему рассказали.

Находясь постоянно в тесной близости с рабочими, товарищ Андрей все больше убеждался в проницательности и необыкновенной работоспособности Ленина. В те дни в каждом номере большевистской газеты «Новая жизнь» появлялись статьи Владимира Ильича. В них по горячим следам событий оценивалась обстановка, вскрывались роль и поведение политических партий России. Ленин определял политическую линию, направление большевиков, их стратегию и тактику, призывал твердо стоять во главе рабочего класса в революции, довести ее до победного конца.

Положение на Урале подтверждало ленинские мысли.

Яков Михайлович изучил прокламации, выпущенные еще в мае Петербургским комитетом РСДРП. «Товарищи, пробуждайтесь,— говорилось в обращении «Ко всем рабочим и работницам»,— предъявляйте требования: увеличение заработной платы, уменьшение рабочего дня... Итак, вперед, смелей! Призывайте рабочих всех заводов последовать за вами. Помните, что в единении и стойкости ваша сила... Да здравствует стачка! Долой самодержавие!»

Большевистские листовки распространялись не только на заводах. В деревнях Екатеринбургского уезда появилось обращение Пермского комитета РСДРП «К товарищам крестьянам». Многие листовки печатались в типографии, которую Клавдия Новгородцева устроила на самой окраине близ Верх-Исетского завода.

Свердлов уже был далеко не новичком в революционной работе. После Нижнего партия посылала его в Ярославль, Кострому, Казань, Пермь — опыта приобрел немало. И теперь вот здесь, в Екатеринбурге, он воочию убеждается в правоте ленинских слов — пролетариат выносит на улицу свой клич: «Долой самодержавие!» Повсюду идут политические демонстрации. Значит, призыв Третьего съезда партии к вооруженному восстанию основан на глубоком знании обстановки, сложившейся в России.

...Листовой цех Верх-Исетского завода — длинный, похожий на барак огромный корпус. Но светлый: одна стена почти целиком стеклянная, и от нее разливается по всему корпусу чуть задержавшийся на грязных окнах, посеревший предвечерний свет. Поближе к стенам лежит упакованное в тюки листовое железо, и кажется, что совершенно пусто в этом огромном корпусе.

Когда Свердлов входил сюда, Петр Ермаков, молодой парень в рабочей, пропитанной ржавчиной блузе, сказал:

— У каждой проходной наши ребята, чуть что, дадут знать. У них и браунинги есть, и кинжалы самодельные. А у меня даже маузер.

Выступающих на митинге было много.

Свердлов слушал, присматривался к каждому оратору. Многие из них уже прошли школу рабочей стачки. Вон рассказывает парень о том, что во время забастовки в степи, за заводским поселком полиция пыталась отобрать у рабочих листовки.

— Как бы не так,— говорил юноша.— Ни одной бумажки не отдали мы, спрятали, и ищи ветра в поле!

Свердлов любовался парнем.

— Почему тогда, за поселком, отступила полиция? — Это говорил уже Ермаков.— Потому что были мы там не одни. С нами вместе бастовал завод Ятеса. А уж если рабочие сжались, как пальцы, в кулак, не разжать его никому.

Ермаков закончил, но не сошел с места. Смахнув со лба пот, он произнес:

— Слово имеет товарищ Андрей.

Яков слышал, как перешептывались рабочие:

— Андрей? А фамилия!

— Наш? Заводской?

— Увидим...

Свердлов взобрался на один из железных тюков и начал свою речь — первую в здешних условиях. Со вниманием слушали его рабочие, пристально вглядывались в простое, но одухотворенное лицо неизвестного им еще человека.

— События в Петербурге и во всей России подтверждают — царский трон скрипит и шатается, ножки у него подточены. Самодержавие ни перед чем не остановится, чтобы удержать свою власть. Но растет демократическое движение в России. Это не мелкие волны, не отдельные приливы, это само революционное море. И вы, рабочие, в том море главная сила, единственный последовательный революционный класс.

Андрей сделал небольшую паузу и добавил:

— А что же сейчас главное в нашем революционном движении? Партия большевиков говорит, что исторический час решительных схваток с царизмом наступил. Стало необходимостью вооруженное восстание!

— Вот это по-нашему! — раздался голос.

— Восстание нужно готовить, рабочим надо вооружаться,— продолжал оратор.— Призываю вас создать на Верх-Исетском заводе боевую дружину.

— Верно!

— Говори, Андрей!

Где-то вдалеке едва слышно прозвучал, несмело взлетел тревожный, предупредительный свист. Рабочие насторожились. Свист повторился, но уже гораздо ближе.

Андрей вскинул руку:

— Да здравствует вооруженное восстание! Долой царизм! Да здравствует революция!

Только соскочил Андрей с железного тюка, Петр Ермаков настойчиво потянул его за собой:

— Пошли, товарищ Андрей. Брат мой, Алексей, тебя проводит... Мне здесь оставаться надо.

Кто-то из рабочих остановил Свердлова:

— Погоди, я сейчас...

И подошел к стеклу, ладонью снял с него черный нагар и провел по рукам Свердлова.

— Так-то лучше, Андрей. Больше на нашего заводского будешь смахивать. У нас иногда руки проверяют... А ты, Ермаков, веди его котлами. Знаешь дорогу?

— Знаю.

Пробирались через закоулки завода, вышли на улицу. Алексей Ермаков поминутно оглядывался, не преследуют ли. Но жандармские свистки заглохли.

Свердлов шел за Алексеем, думал о старом заводе, о его рабочих, с которыми теперь ему встречаться часто, об этом молодом парне в черной, как и у брата, рабочей блузе.

Вышли с завода, когда стемнело.

— Идти-то в какую сторону? — спросил Андрей.

Парень почесал затылок, оглянулся на заводской забор и сказал:

— Да вот уж, пойдем ко мне.

Первые дни в Екатеринбурге пролетели стремительно, словно слились в одно целое. Движение — постоянное, безостановочное. Екатеринбургский комитет, разумеется, нужно укреплять, хотя люди здесь боевые, энергичные. Свердлову необходимо еще побывать на окрестных заводах — в Сысерти, Алапаевске, Надеждинске, Нижнем Та-

гиле. С его приездом центр всей революционной работы на Урале постепенно переместился в Екатеринбург.

Поездки по заводам Урала убедили Андрея — стачечное движение нарастало и рабочие хотели встретиться с членами комитета, получить ответ на вопрос: что делать дальше?

Еще одно обстоятельство требовало этих поездок — нужно разъяснять позицию большевиков в связи с выборами в Государственную думу, статью Ленина, напечатанную в газете «Пролетарий». Проект министра внутренних дел Булыгина о создании «Законосовещательного органа» — это не что иное, как сделка царизма с помещиками и крупными буржуа. Рабочие и крестьяне практически никаких избирательных прав не получали. Но сейчас ясно, под каким лозунгом проводить этот бойкот. Ленин в «Пролетарии» пишет определенно — даже для активного бойкота необходим точный, прямой лозунг. Таким лозунгом может быть только вооруженное восстание.

У Екатеринбургского комитета позиция ленинская, и Яков Михайлович имел возможность убедиться в этом. Перед самым его приездом в Екатеринбург отцы города снизошли до разговора с рабочими о том, что, мол, выборы в Государственную думу — это и есть народное правление. Им хотелось заручиться голосами рабочих. Собрание состоялось в уездном земстве.

Об этом Свердлов узнал от Сергея Черепанова.

— Нашим тузам казалось, что все идет по их замыслу и плану. Однако...

Сергей, для товарищей — Лука, говорил радостно, даже весело, а Федор Сыромолотов степенно поглаживал бороду... Когда земцы насладились некоторыми милыми их сердцу речами, поднялся один из рабочих:

— Ваша Дума, ваш избирательный закон ничего не имеют общего с интересами народа. Мы предлагаем свою, пролетарскую резолюцию: «Долой Государственную думу! Долой самодержавие! Да здравствует вооруженное восстание! Да здравствует РСДРП!»

Словно птицы, разлетелись по залу листовки с этой резолюцией, с этими призывами.

— Долой правительство!

— Долой царя!

И слились голоса в одну боевую песню:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...

Очнулись земцы и охранники, кинулись от одного телефонного аппарата к другому, но напрасно: провода перерезаны. Так и вышли демонстранты из зала на улицу, а их обгоняли революционные песни.

Шуму демонстрация наделала много: о социал-демократах говорили повсюду. Помощник прокурора Екатеринбургского окружного суда Глассон, по поручению своего сановного начальства, допрашивал одного свидетеля за другим — купцов, земцев. Но в глазах каждого из них был такой испуг, а в показаниях — столько противоречивости, что он сам во всем запутался. Виновных не удалось обнаружить...

Комитетчики были довольны и не скрывали этого. Им хотелось знать, что скажет по поводу демонстрации представитель ЦК товарищ Андрей.

— Что и говорить, смело и даже отчаянно... Екатеринбургским ищейкам вы задали работы, а у сильных мира сего, безусловно, поджилки затряслись.

— А что дальше? — спросил Федич у Андрея.

— Мужество, храбрость всегда вызывают уважение. Но сейчас этого мало. В России революция, товарищи. Значит, нужны не отдельные выступления, пусть даже самые звонкие, а организация всех рабочих на общую стачку, на вооруженное восстание. Оружие, боевые дружины, агитация рабочих масс повседневная, неустанная — вот что сейчас нужно прежде всего. Оружие частично можно выковать на месте,— продолжал Андрей.— За взрывчаткой и винтовками поедем в Ижевск... Местные товарищи обещали помочь. С железнодорожниками я уже договорился — перевезут.

В лесу за вокзалом — одна из массовок. Теперь посланец ЦК товарищ Андрей признанный руководитель екатеринбургских большевиков. Они увидели, как самозабвенно работает этот человек, с какой увлеченностью, как быстро ориентируется в обстановке, находит правильные решения. Постоянно звучит на митингах его голос. Вот и сейчас:

— Товарищи! Здесь, вдали от екатеринбургских площадей, мы собрались, чтобы поговорить о своих делах. Настанет время, и мы выйдем на улицы хозяевами своего города, своей судьбы. А сейчас главное — готовиться к этому, создавать боевые дружины, учиться стрелять, владеть оружием...

Петр Ермаков слушал Андрея — вроде все обычно, все известно. Но почему хочется идти за этим человеком

в огонь и в воду хоть сию минуту? Откуда сила в нем такая — вести за собой людей!

Уже в конце сходки Петр вдруг запел... Поначалу Свердлову показалось, что он уже слыхал эту песню на мотив «Дубинушки» — пели ее в разных местах России поразному. Был свой вариант «Дубинушки» и в Нижнем. А здесь слова другие. Яков прислушался:

За годами года проходили чредой,
Изменилась родная картина.
И дубина с сохой отошли на покой,
Их сменила царица-машина.

Видно, рабочие хорошо знали эту песню, потому что припев подхватили дружно:

Эх, дубинушка, ухнем,
Эх, зеленая, сама пойдет!
Наладим,
Тай смажем,
Тай пустим!

Все было в этой песне — и про дворянскую жизнь, и про барщину, и про то, что русский купец превратил мужика в машину, и что «наш рабочий порой восклицает с тоской: «Тяжелее сохи ты, машина...»

А заканчивалась песня воинственно:

Нет, страшись, грозный царь, мы не будем, как встарь,
Безответно сносить свое горе,
И, как в бурю волна, пробуждаясь от сна,
Люд рабочий бунтует, как море.

Федор Федорович Сыромолотов похож на былинного, русского богатыря. Товарищи любили его и называли Федей Федичем. Отсюда и его партийная кличка — Федич. Именно от него впервые узнал Яков о Клавдии Новгородцевой. Ее только что выпустили из тюрьмы под денежный залог, внесенный братом Иваном. Она решила покинуть Екатеринбург, где ее слишком хорошо знала охранка. Федич так красочно, восторженно говорил о Новгородцевой, что Свердлову казалось — он давно знает ее, видит, как едет она на своем велосипеде по всей округе, выполняя задание комитета. Все, что слышал он о ней, было близко и понятно ему, отвечало его представлению о женщине-революционерке.

Впоследствии Свердлов не раз вспоминал первую встречу с Клавдией Новгородцевой. Но тогда не мог и предполагать, что она навсегда войдет в его жизнь.

...На свидание у плотины через реку Исеть Клавдию

привел Федич. Свердлов еще издали заметил в толпе гуляющих его могучую фигуру. Яков неторопливо направился в ближайший переулок. Через какое-то время он услышал позади себя быстрые и легкие шаги (как и условились, Федич остался на центральной улице). Новгородцева взяла Якова под руку, как старого знакомого.

Он быстро взглянул на Клавдию, словно фотографируя ее в своей памяти: бледное лицо, светло-карие, с золотыми искорками глаза, прекрасный открытый лоб.

— Что же, собираетесь удирать с Урала? — спросил он.

Теперь она смотрела на него. И это товарищ Андрей, о котором так много слышала еще в тюрьме? Такой юный, с черным чубом и развеселыми глазами из-под пенсне?

— Так что же напугало вас, если вы поспешно собрались удирать из такого славного города?

— Я бегу не в тихую заводь и не от борьбы. Думаю, что там я смогу принести больше пользы. Так считает и комитет.

— Знаю,— махнул рукой Андрей и повторил:— Знаю. Но не согласен. Подумайте, хорошо ли это? Здесь вас запомнили жандармы и сыщики? Но вы-то в городе свой человек! Свой в кружке на заводе Ятеса, на Верх-Исетском заводе, на Макаровской фабрике... Нам нужна партийная школа, и кому, как не вам, опытному пропагандисту, образованному человеку, налаживать ее работу? У вас кругом друзья, товарищи. Каждая улица, каждый переулок, все ходы и выходы — все знакомо-перезнакомо. Да и знаете не только друзей, но и сыщиков, врагов. Не так ли?

— Так,— ответила Клавдия.— Это, однако, не помешало им посадить меня в тюрьму. И сейчас не помешает.

— Черта с два! — резко воскликнул Андрей.— Во-первых, надо строже конспирироваться. А самое главное — не пасовать перед властями. Теперь наступили новые времена — они боятся революции. А в новых условиях нужно и мыслить, и действовать по-новому. Так?

Ей хотелось повторить «так, так», но она промолчала.

— Вы здесь необходимы, именно здесь, а не в другом месте. Комитет предлагает вам остаться в Екатеринбурге.

В словах Андрея звучала такая твердость, что Клавдия невольно взглянула на него, и он ей уже не казался таким юным.

Они шли по тихому, совсем безлюдному переулку, и под ногами шуршала октябрьская жухлая листва.

День выдался на редкость солнечный, хотя и холодный. Со дворов наносило запахи сена, свежезасоленной капусты и жареных грибов. Здесь жили хозяйственные уральские семьи почти по-деревенски.

Молодая женщина вышла из калитки и пошла через дорогу, чуть сгибаясь под пружинящим коромыслом с полными ведрами воды. Она с ухмылкой посмотрела на Клавдию и Якова, приняв их за влюбленную парочку. Яков будто не заметил и крикнул женщине:

— Простудитесь! На дворе-то прохладно.

— Чего это? — женщина приблизилась, остановилась.— Мы и в январе не простужаемся. Никакая хворь не берет.— И глядя на высокие сапоги Свердлова, на его чуб из-под фуражки, лукаво подмигнула и сказала, обращаясь к Клавдии: — Только запомни: ежели он из старателей, ни в жизнь за него не ходи. По себе знаю — муж золотишко добывает. Непутевый народ, шалый, бродяжий. Так вот и будешь свои молодые года куковать в одиночестве.— И рассмеялась: — Да нет, не похоже. С такими-то стеклышками на глазах не больно постараешься, там враз их расшибешь, а без них — не человек.

— Без них — полчеловека. Уж это правда,— сказал Яков.

А женщина не на шутку удивилась:

— Ну, парень, ты будешь почище нашего дьяка. Тебе в самую пору в дьяки податься. И спокойно, и сыто, и при молодой женке завсегда!

— А вот в дьяконы меня не возьмут!

— Возьмут! Ты только захоти. С таким-то голосищем да не возьмут? А ну скажи: «Мно-огие ле-та!»

— Мно-огие ле-ета, мно-огие ле-ета...— пропел Яков.

— Откуда и берется такой голосище!

...Клавдия вдруг почувствовала всю прелесть этого осеннего дня с его золотыми красками, и особую пахучесть бодрящего воздуха, и невесомость срываемых ветерком листьев. Только сегодня впервые после того, как перед нею открылись кованые тюремные двери, она в полной мере ощутила свободу. Легкость, необыкновенную легкость во всем теле. Как в детских снах: достаточно оттолкнуться от земли — и ты летишь без всякого усилия...

— Что с вами? — спросил Яков.— Чему вы улыбаетесь?

— Со мной? Все хорошо. А с вами? Вы тоже улыбаетесь.

— Еще бы! Отличный денек подарила нам осень. Не правда ли?

Глава восьмая

Каменные палатки

Александр Александрович Бессер, лесничий дачи Монетного двора, жил в самом центре города — на Главном проспекте. Ему самому было 37 лет от роду, но молодость товарища Андрея, которого только что услышал, поразила его. А ведь он не сейчас пришел в революцию; как же ему удалось повести за собой людей здесь, в Екатеринбурге? Может быть, причина и в том, что екатеринбургские большевики по преимуществу молодые. Вот Лука — Сергей Черепанов или Петрович — Сергей Чуцкаев, Фаддей — Семен Залкинд, Николай Бушен, которого именовали Иваном,— все они не намного старше Андрея и с такой же жаждой деятельности: энергичные, решительные и бесстрашные.

Доверяли екатеринбургские товарищи Бессеру. Не случайно его квартира стала для них конспиративной. Ведь он состоит в их партийной организации.

Однажды Яков Михайлович сказал Александру Александровичу:

— Мы вчера в ваше отсутствие мысленно свергли царское правительство и устанавливали демократическую республику.

Бессер едва заметно улыбнулся.

— Как вы думаете, для вашей квартиры это честь или крамола?

— Слова «честь» или «крамола» могут относиться к людям, а не к квартире,— ответил Бессер.

— Согласен, но ведь квартира кому-то принадлежит.

— Тот, кому принадлежит квартира, в это время решает серьезную проблему: прикупить для дачи Монетного двора близлежащий лес, во сколько это обойдется и скоро ли окупится?.. Вероятно, революции не безразлично, хороши в окрестностях Екатеринбурга леса или нет. И вообще, я сторонник строгого разделения труда на земле. У каждого свое дело, и он обязан вершить его

добросовестно и честно, в меру своих сил, способностей и знаний.

Помолчал. Потом добавил:

— И еще одно небольшое жизненное наблюдение. Есть в нашей не совсем налаженной жизни честные и весьма порядочные люди, которые, увы, никогда не станут героями. По-моему, не надо судить их строго. Я смею отнести себя к их числу.

— Вы? Насколько мне известно, вы не побоялись...

— Прошу вас, об этом не нужно. Укрыть у себя преследуемого человека или пригласить в свой дом порядочных людей — никакого героизма, уверяю вас, в этом нет. А подвиг... В конце концов, подвиг — результат высоких нравственных убеждений, к нему надо готовить себя всю жизнь, может быть, ради единого, не исключено последнего, мгновения.

За окном лил белесый дождь, осенний и холодный. А может, это был уже снег? Но тогда не хлестал бы он так настойчиво по окнам, не заливал бы на Главном проспекте мостовую, пробуждая жалость по ушедшему короткому уральскому лету.

— Скажите откровенно,— спросил Бессер,— может быть, у вас имеется ко мне какая-либо просьба?.. Вы не стесняйтесь. На даче есть укромные местечки, и это, в конце концов, не так уж далеко. Сейчас там много сезонных рабочих, и появление людей, нуждающихся в помощи, не вызовет никаких подозрений.

— Нет,— решительно ответил Свердлов.— Товарищи мне рассказывали о том, что вы и без того активно работаете в организации. Спасибо за эту квартиру и за то, что храните списки.

— Они у меня в памяти,— уточнил Александр Александрович.

В этот вечер Бессер сам попросил товарища Андрея дать ему почитать что-либо из новой политической литературы.

— Именно новой. Покапитальнее.— И улыбнулся: — У этого российского интеллигента в осеннюю пору на даче бывает много свободного времени по вечерам...

Яков знал, какую книгу дать Александру Александровичу. Он сам изучил ее, прежде чем приехать сюда, в Екатеринбург, а приехав, спросил, кто из членов местной организации еще не знаком с ней: «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Бессер тоже не знаком. И он, конечно же, поймет эту книгу, поймет

ленинскую точность определения расстановки сил в революции, развитие Владимиром Ильичем марксистских положений о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, о союзе рабочего класса и крестьянства. Не может не понять этот вдумчивый, серьезный человек и вопроса о вооруженном восстании, о временном революционном правительстве, о перерастании на следующем этапе буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Свердлов спросил у Клавдии:

— Товарищ Ольга, кто из ребят помог бы собрать рабочую молодежь завода Ятеса на митинг?

— Поручим это Павлу Быкову. Его уважают рабочие.

— Это тот, который стихи на массовках декламирует?

— И сочиняет.

Было раннее утро. Уже опали листья теплолюбивых деревьев, опустилась, точно устала, потерявшая буйную зелень трава.

Парни шли хорошо знакомой дорогой. В руках у них были удочки, ведерки, сделанные из банок, да мешочки с нехитрой рыбацкой провизией. Значит, идут к озеру Шарташ, недалеко от Каменных палаток.

Кто в Екатеринбурге не знает Каменных палаток? На небольшом заросшем кустарниками и деревьями взгорье возвышаются, словно играя в ребячью «кучу малу», огромные каменные глыбы. Деревья, пристроившись на склоне, росли негусто, и с Каменных палаток было видно далеко.

А с другой стороны — болото.

Место для сходок подходящее, давно проверенное рабочими. Полиция здесь врасплох не застанет, со стороны болота не подойдешь, со стороны взгорья — сразу будешь замечен. Да к тому же любит эти места уральская молодежь. Сосновая свежесть перемежается с ласковым озерным духом, и что-то бодрое, бередящее душу есть в этом аромате.

Впереди, чуть вразкачку, шел рослый юноша, строго посматривая по сторонам, и по тому, как все обращались к нему, как уважительно разговаривали с ним, чувствовалось — вожак. На Мельковке Павел Быков слыл парнем отчаянным: не раз доставалось от него зареченским драчунам.

Правда, то было раньше, до того, как вернулся в Екатеринбург из Турганских степей старший брат Павла — Виктор, которого бросала из конца в конец России специальность горного техника. С тех пор словно подменили Павла — серьезный, задумчивый — таким его прежде не видел никто. Именно под влиянием брата стал в 1904 году восемнадцатилетний Павел Быков членом Российской социал-демократической рабочей партии.

Озеро Шарташ — недалеко от Каменных палаток. От них сбегает к нему негустая сосновая рощица, и его разнообразие — лес и озеро невдалеке от чадного города — сделали данное место любимым для екатеринбуржцев.

Ребята пришли с удочками, но ловить рыбу никто не собирался. Это можно было заметить сразу же — парни и девчата, отложив рыбацкие снасти, сходились группами, о чем-то разговаривая между собой.

Павел стоял у дороги до тех пор, пока не встретил Андрея. Еще вчера договорились они о том, что в воскресный день здесь, на Шарташе, сойдутся на сходку рабочие завода Ятеса и товарищ Андрей, о котором они уже много наслышаны, выступит перед ними с речью. Неожиданно для себя тут, у озера, Быков увидел рабочих и с других заводов.

Народу собралось немало, и Павел чувствовал себя ответственным за то, чтоб ничто не помешало сходке.

Товарищ Андрей взобрался на одиноко стоявший бугристый и шершавый камень. Ему есть о чем рассказать. Яков недавно приехал с Сысертского завода. Там уже три месяца длится стачка. Рабочим угрожали локаутом, туда посылали казаков. Не помогло. Тогда управляющий Мокроносов сделал вид, что удовлетворяет большинство требований — мол, и восьмичасовой рабочий день, и отмена сверхурочных работ. И даже обещал вежливое обращение с рабочими.

— Но стачка не кончилась,— говорил Андрей,— и не кончится до тех пор, пока не будут удовлетворены все требования рабочих. Пусть знают хозяева, что мы не уступим, мы выстоим в борьбе. Вот почему нужна нам сплоченность...

Рабочие слушали, затаив дыхание. Павел на какое-то время даже забыл, что нужно следить за лесом — не промелькнут ли между соснами незваные гости. Ему самому становилось понятнее, что по-старому жить и бороться нельзя, что наступили новые революционные времена

и говорить об этом с людьми следует не шепотом, а в полный голос.

...Раздались два свистка — сначала заливистый, а затем густой и ровный. Павел знал — это сигналы, предупреждающие об опасности. Он бросился в лес. У одной из сосен происходило что-то непонятное: пьяный парень повис на блюстителе порядка.

— Чего разбушевались, всю рыбу испугаете,— произнес Павел.

Жандарм посмотрел в сторону озера и, что-то сообразив, спросил Быкова:

— Рыбачите?

— Рыбачим. Осенью клев хороший.

— А этого знаете?

Только сейчас увидел Павел лицо парня с ихнего завода — тот не был пьян, а умело притворялся.

— Наш это... заводской. Вот только зашибать любит.

Жандарм засомневался, однако сказал:

— Ладно, забирайте своего дружка.

И, стряхнув с себя его руки, пошел в сторону города.

Когда Павел спустился к озеру, митинг уже закончился. Андрей сидел на берегу, смотрел на поплавки и то и дело азартно выкрикивал:

— Да тяни же, тяни... Эх, опять ушла!

Глава девятая

«Благодарственный молебен»

Лев Афанасьевич Кроль любил, просто-таки обожал слово «свобода». Не забывал он при случае напомнить собеседнику, что образование получил за границей, первым в Екатеринбурге на своих мукомольных предприятиях вводил восьмичасовой рабочий день. Промышленник, капиталист, Кроль считал себя прежде всего человеком практического дела, специалистом, организатором производства. А это, мол, самое главное для народа. Есть работа — есть хлеб. Восьмичасовой рабочий день, который он так упорно вводил на своих предприятиях,— не дань революционной моде. Он был глубоко убежден, что это выгодно не только рабочему, но и капиталисту: отдохнувший работает лучше.

Если меньшевиков Кроль в душе презирал, то боль-

шевиков попросту боялся. Он внутренним чутьем ощущал силу, убежденность и высокий дух большевиков. Понимая, что никогда никакие пути не приведут его в их партию, он не мог подавить в себе уважения к этому непримиримому политическому противнику.

Кроль знал не только Маркса — всякий уважающий себя, образованный капиталист, полагал он, обязан знать столь выдающегося экономиста,— прилежно читал Ленина и, чем больше понимал его, тем больше тревожился: быстро росло влияние большевиков. Противостоять им могут не болтуны, у которых за душой ничего нет, а силы подлинные, могучие. А там уж — кто кого.

С Андреем судьба свела Кроля на митингах и собраниях, где перебивали друг друга ораторы, выражая различные взгляды и идеи.

Поначалу Кролю казалось, что в этом молодом человеке он вряд ли встретит достойного оппонента.

Между тем случилось неожиданное. Когда Андрей заговорил, Кроль подумал: боже, откуда у этого человека такой бас, такая бурлящая страсть, такое гипнотическое воздействие на людей?!

Кролю не следовало после этого оратора выходить на трибуну — он был обречен на провал. Его, искушенного полемиста, просто не стали слушать. Аудитория так долго и так бурно аплодировала Андрею, что Лев Афанасьевич никак не мог начать. Да и первая фраза его оказалась не очень удачной:

— Я понимаю, что предыдущий оратор очаровал вас своим великолепным голосом...

Дальше Кроль говорить не смог. Освистали. Первый раз в жизни.

Но самое обидное было в том, что история повторялась всякий раз, когда сталкивались эти два оратора. Ему даже казалось, что человек, кого рабочие называют товарищ Андрей, специально ищет встречи с ним, как дуэлянт — поединка с достойным противником. Он и себя ловил на том же чувстве — теперь дискуссии с ним приобрели для Кроля не только идеологический, но и сугубо личный интерес — нельзя же уходить с поля брани побежденным.

Нет, как ни пытался Лев Афанасьевич искать корни своих неудач в чем-либо другом, кроме голоса товарища Андрея, ничего не мог придумать. Ведь по образованности, по полемическому опыту он считал себя сильнее этого большевика. Впрочем, однажды, когда речь зашла

о Толстом, Кроль убедился, что Андрей знает его романы и судит о них довольно оригинально.

— Вы хорошо знаете Толстого,— с ноткой великодушия сказал Кроль.

— О нет, для этого нужно много читать. А времени, увы, не хватает.

Лев Афанасьевич предложил:

— Если вам угодно пользоваться моей библиотекой, она к вашим услугам.

— С удовольствием воспользуюсь приглашением.

— Очень мило. Если у вас завтра свободный вечер...

— Хорошо, завтра, так завтра.

...Кроль встретил его подчеркнуто гостеприимно.

— Прежде всего прошу вас верить, что все сказанное в этом доме за его стены не выходит.

— Вы могли убедиться, Лев Афанасьевич, что я своих мыслей не скрываю.

— Да, но вы скрываете кое-что другое. Вот вы назвали меня Львом Афанасьевичем. А как прикажете вас именовать? Согласитесь, товарищем Андреем мне называть вас неприлично.

— Зовите Андреем.

— Понимаю. Теперь осталось выяснить еще один щепетильный вопрос: что пьют большевики?

— Лично я, кроме чая,— ничего.

Кроль смущенно улыбнулся и сказал:

— Можете не бояться. Впрочем, извините, по отношению к вам эти слова несправедливы. И потом, вы же знаете мой принцип — никакого насилия. Между прочим, когда вы говорите, меня все время не покидает желание заглянуть вам в горло. Что у вас там?

— Это наш партийный секрет,— без улыбки ответил Свердлов.

Странные, что ни говори, установились у них отношения: сошлись на почве взаимного отрицания.

И вот сегодня Лев Афанасьевич Кроль торжествовал победу. Было радостно не только потому, что именно ему выпала честь находиться среди наиболее почетных граждан города в исторический момент провозглашения царского манифеста, но прежде всего потому, что сам этот манифест означал его успех, успех его класса. Он ловил себя еще на одной мысли, которую гнал как нелепую: в такую минуту ему хотелось встретиться с этим

товарищем Андреем и, ничего не сказав, по-детски показать ему язык.

«Благодарственный молебен» по случаю царского манифеста состоялся на площади Кафедрального собора. Стекались, как ручьи к озеру, люди — в одиночку и группами, чтобы еще раз услышать слова о дарованных по высочайшему повелению свободах, чтобы пропел красивый бас «Мы, Николай Второй...» и прочия, и прочия и прочия, чтобы пели царю люди «Многие лета, многие лета...»

...Андрей стоял рядом с Клавдией и Иваном Бушеном, переглядывался с находившимися поодаль Федичем и Сергеем Черепановым. Еще вчера вечером решили они использовать столь широкое стечение народа для того, чтобы сказать и свое большевистское слово. Правда, согласились с этим не все. Особенно активно возражал Иван. Свердлов присматривался к этому человеку. Ему казалось, что сложность Бушена в какой-то странной раздвоенности его. Образованный, начитанный, он вдруг оказывается несведующим в самых элементарных вопросах. Резко осудивший «амебообразность», по его выражению, меньшевиков, Иван как-то странно отнесся к созданию боевой дружины. Всегда активный на заседаниях комитета, он вдруг замыкался в себе, точно выключался не только из борьбы, но и из жизни.

Вчера, когда зашла речь о «благодарственном молебне» и необходимости выступить большевистским пропагандистам, Иван посоветовал вообще на площадь не идти.

— Не там наше место,— сказал он.— Не у парадных врат святого храма, не у барских палат. Не нам слушать малиновый звон да церковные песнопения. Я предлагаю митинг провести у тюремных стен, где томятся наши товарищи. Как?

Бушену ответил Сергей Чуцкаев:

— Наше место там, где народ,— и у тюрьмы, и на Кафедральной площади...

«Благодарственный молебен» проходил торжественно и чинно. Начальник первой полицейской части, находившийся рядом с площадью, предусмотрительно расставил своих гренадеров, как он любил величать полицейских. Градоначальник, довольный и счастливый, словно это он, а не царь издал всемилостивейший манифест, шел величаво — не шел, а плыл... Слова благодарности, обращенные к богу и помазаннику божьему, он сопровождал

понимающим взглядом — мол, слушайте, слушайте, я-то знаю...

Кроль выглядел празднично, словно жених,— с роскошной алой розой в петлице. «А это, дорогой Лев Афанасьевич, уже за пределами хорошего вкуса,— подумал Свердлов.— Мне за вас стыдно. Скажу, непременно скажу».

— Смешно,— сказала Новгородцева.

Оказывается, думали они об одном и том же.

В самый разгар молебна, возле ажурной металлической ограды, окружавшей собор, взметнулась вверх чья-то простая засаленная кепчонка. Люди повернули головы туда, а в это время прозвучал звонкий девичий голос работницы Макаровской прядильной фабрики Кати Денисовой:

— Товарищи, за что царя благодарите! Вы трудом и потом своим, протестом и кровью завоевали эти крохи свободы. Царь испугался, как бы народ вообще не сбросил его с гнилого трона,— вот и кинул нам манифест, как кость голодной собаке. Не верьте царю!

Уже свистели полицейские, уже зашевелилась, словно морская волна, толпа и более осторожные решили ретироваться, как в другом конце площади после протяжного двухпалого свистка прогудел сильный мужской голос:

— Товарищи! Не слов и молебнов требуем мы. Освободите заключенных! Долой царя! Довольно поповской болтовни и верноподданнейших песен. Да здравствует вооруженное восстание! Да здравствует демократическая республика!

И громогласный клич всколыхнул площадь:

— К тюрьме! Свобода товарищам!

Сразу поредела толпа на площади — люди двинулись по улицам, ведущим к тюрьме.

...В эту ночь два важных события произошли в городе. Комитет большевиков решил 19 октября провести на той же площади Кафедрального собора митинг и разъяснить народу истинную суть манифеста. Первым выступит Андрей. Боевой дружине обеспечить безопасность участников митинга.

Другое событие: полицмейстеру было приказано «не допускать противуправительственных митингов». Но делать это руками полицейских неудобно, все-таки свобода.

А в Петербург министру внутренних дел Трепову была отправлена телеграмма о большевистских выступлениях во время «благодарственного молебна», о том,

что ораторы призывали народ к всеобщему вооружению и свержению царствующей династии.

В ту холодную октябрьскую ночь 1905 года многие в Екатеринбурге не спали.

Начальник полицейской части подозвал к себе подчиненного городового. Он не помнил его фамилии, все сослуживцы называли здоровяка Мухомором, очевидно, потому, что нос его напоминал ядовитый гриб: красный с белыми пятнами.

— Форму давно носишь?

— Четыре года, вашество...

— Драться умеешь?

— Кулаками, что ль?

— Можно и кулаками,— презрительно скривился начальник.— А лучше палкой.

Мухомор бессмысленно выпучил глаза:

— Поясните, вашество... мне приказ-то...

На лице начальника дернулся ус.

— Никаких приказов! Слыхал, что на площади было?

— Так точно, вашество...

— А крамольники, социалисты... Ну?

— Так точно. Про сегодня, значит?.. Про митинг?

— Да. Короче говоря, возьми цивильный костюм у дежурного по части, и пойдешь разгонять этот сброд. Но помни, что служишь в полиции,— ни слова.

Мухомор никак не мог понять, чего хочет от него начальник. Он привык слушаться с первого слова. Но почему крамольников нужно уничтожать палкой, а не из револьвера, не мог взять в толк.

В дверь заглянули. Показалась знакомая Мухомору физиономия — этого лавочника ему приходилось не раз отправлять в участок за пьяные драки.

— Сгинь,— цыкнул Мухомор.

Но начальник остановил его:

— Входите, Белозерцев. Возьмите себе в помощники этого... У него, кроме физической силы да кулаков с трехпудовую гирю, никаких достоинств нет. Вполне может орудовать оглоблей от пожарной повозки.

Мухомор понял эти слова как приказ. Переодевшись, он отправился в пожарную часть, заприметил там лежащую без дела красную массивную оглоблю и пробормотал, взвешивая ее на руке:

— Сгодится.

Белозерцев, ухмыляясь, сказал:

— Вот это помощник! Мне бы в лавку такого...

— Ну-ну,— запротестовал Мухомор не слишком решительно: ведь этот лавочник хоть на один день, но все-таки начальник.

А когда Белозерцев пригласил его выпить граненый стаканчик и предупредил, что это тоже приказ, полицейский совсем приободрился. Он то и дело поплевывал на ладони и вскидывал, как перышко, оглоблю...

Утро было хмурым и ветреным. Откуда-то с гор доносился странный, непонятный запах горелого.

Неожиданно рано в квартиру, где ночевал Андрей, пришел Бессер.

— Что случилось?

— Вам нельзя идти на митинг. Я видел, как возле полицейской части шепчутся пьяные мясники. У них глаза налиты кровью, а губы трясутся, как у бешеных собак. Они хотят устроить погром, это очевидно.

Свердлов с улыбкой подошел к Бессеру:

— Дорогой Александр Александрович, все будет хорошо.

— Смотрю на вас — вы словно рады этой опасности.

— Я не отступлю.

— Знаю... Только просил бы вас принять от меня небольшой подарок.

— Подарок? В честь чего? — искренне удивился Свердлов.

— Просто так. Дарить эту вещь — необходимость. Я ведь теперь могу это объяснить теоретически.

Бессер, не прощаясь, вышел. Яков понял, что находится в свертке, который оставил ему Александр Александрович. Наган...

За Свердловым зашли товарищи, и они вместе отправились на площадь Кафедрального собора. Там, окруженный густой толпой екатеринбуржцев, Андрей поднялся на деревянный, взятый, очевидно, с какого-то склада ящик и начал говорить.

Его перебил пьяный, хриплый голос:

— Братцы, не слушайте его! Он стоит на ящике, а в ящике бомбы... Долой его! Бей!

К такому обороту дела горожане, очевидно, готовы не были — они пришли на мирный, гарантированный манифестом свободный митинг. Зашевелились, забеспокоились люди.

И вдруг раздался выстрел, другой...

— Товарищи! Черная сотня — вот кто получил свободу щедрым актом царя! Хулиганы безнаказанны, полиция

мирно спит... Она решила расправиться с народом руками пьяных лавочников.

Но продолжать речь было бессмысленно. Свердлов оценил обстановку: выстрелы напугали участников митинга, и многие разбегались кто куда. А пьяные, хриплые голоса продолжали вопить: «Бей его, бей!»

— Товарищ Андрей, идите за мной,— услышал Яков голос хозяина одной из конспиративных квартир, Александра Васильевича Патрикеева. Как и было условлено на случай необходимости, он повел Свердлова к зданию Волжско-Камского банка, куда уже отходили другие товарищи...

Мухомор в тот день был пьян не от водки, хотя и выпил изрядно,— он захмелел от жажды крови, от ощущения безнаказанности. Он нес в руках оглоблю, гордый и воинственный, бил, калечил бегущих, падающих, испуганных насмерть людей.

— Давай, давай! — горланил Белозерцев, и городовому почему-то захотелось огреть этой оглоблей и его, этого пьяного верзилу.

Вокруг раздавались истошные крики, звон разбитого стекла и выстрелы... И вдруг Мухомор остановился — что-то ударило его в грудь, слегка обожгло, и он почувствовал, что ноги перестали слушаться — вот так падала убитая его отцом, сельским коновалом, взбесившаяся, разъяренная лошадь.

Погром длился долго. Разбушевавшиеся черносотенцы убили на Главном проспекте сотрудника газеты «Уральская жизнь» двадцатилетнего Соловьева, заколотили насмерть совсем еще мальчишку — ученика Художественно-промышленного училища, так и не выпустившего из рук красного знамени.

В тот же вечер Свердлов встретился с товарищами. Лица их были суровыми, но Яков не увидел в настроении друзей подавленности или растерянности. Только один Иван — Бушен говорил нервно, надрывно. Якову казалось, что он вел себя на площади молодцом: потрясал пистолетом, не дрогнул, когда грянули выстрелы. Что же теперь надломило его?

Во время погрома Иван не в состоянии был сдержать себя. Ему пришлось стрелять в черносотенцев, и он ранил одного из них. А может быть, не он ранил — выстрелов было много. Но Бушен видел, как расползалось на чело-

веке густое, темное пятно, как хватался он за раненое плечо и беспомощно смотрел вокруг испуганными, полными горя глазами...

— Я, это я его ранил! — воскликнул Иван.

Все сидели, опустив головы. И хотя было ясно, что это нервная реакция на минувшее кровопролитие, Свердлов не мог, не имел права дать человеку до такой степени опуститься.

Он встал, решительно и твердо прошелся по квартире.

— Это счастье,— сказал он наконец,— что нас никто не слышит. Что ни друзья, ни враги не видят истерии человека, который называет себя большевиком.

— Андрей...— умоляюще простонал Иван.

— Нет, Бушен, не жди сочувствия. Мне стыдно за твою слабость. Ты что же, хотел пройти по революционному пути, как по ковровой дорожке во дворце миллионера Конюхова? Тогда ступай к либералам, к различного рода соглашателям, болтунам и другим миротворцам.

Иван встал, вышел на кухню — вероятно, облился холодной водой, потому что вернулся мокрый, как из-под ливня.

— Простите,— тихо сказал он.

— Подумай, не слишком ли тяжкую ношу взвалил ты на свои плечи. Лучше решить сегодня, чем потом оказаться предателем.

— Андрей, ты не смеешь так,— запротестовал Бушен.

— Смею...— И, обращаясь к товарищам, сказал совсем другим тоном: — Да, трудно отнести сегодняшний митинг к числу побед. Это понятно — организация была плохая. Полагаю, что после освобождения из тюрьмы наших товарищей нужно перераспределить обязанности, создать новые партийные школы для рабочих, укрепить боевую дружину и поставить во главе ее надежного товарища, такого, как, к примеру, Федич.

— Правильно,— поддержал Петрович — Чуцкаев.

— А главное, не поддаваться панике, разъяснять терпеливо и бесстрашно, что царские свободы — чистейшая липа... Сегодняшний погром — тому доказательство.

На следующий день из тюрьмы были выпущены Замятин и Вилонов. Их освободила не столько «царская милость», сколько настойчивые требования рабочих. Они пришли на квартиру Патрикеева, чтобы встретиться с Андреем — до этого видеться им не приходилось. Но Яков все знал о них, преданных революции, образованных марксистах, талантливых организаторах,— Николае

Николаевиче Замятине (Батурине, Константине) и Никифоре Ефремовиче Вилонове (Михаиле Заводском).

Свердлов огорчен был их видом — худые, желтые. Тяжело дышал Михаил, надрывно, со свистом кашлял Константин...

...В новый состав Екатеринбургского комитета большевиков было решено ввести Свердлова, Батурина, Вилонова, Черепанова, Чуцкаева, Авейде, Сыромолотова, Новгородцеву, Бушена.

Глава десятая

Коммуна

Бессер знал совершенно точно, что избиение революционеров черносотенцами инспирировано местными властями. И твердо решил идти к прокурору, чтобы высказать все, что наболело, что кажется ему постыдным. Он не верил в царский манифест и монаршью милость.

Его встретил человек с холодными глазами и безразличным выражением лица.

— Фамилия, имя, отчество, звание, занятие?

— Бессер Александр Александрович, коллежский асессор.

— Вы имеете что-либо сказать?

— Да, имею. Категорически заявляю...

— Ну зачем же так взволнованно, милостивый государь. Спокойнее.

— Категорически заявляю, что во все время неспровоцированных убийств, вплоть до прибытия на площадь Собора воспитанников учебных заведений, не было видно ни одного полицейского чина. Громадная толпа оказалась во власти черной сотни, вооруженной дубинками, гирями и револьверами...

— Уж не хотите ли вы обвинить полицию?

— Вот именно, господин прокурор. Нелишним считаю заметить, что, подходя к собору мимо первой части, я видел три группы подозрительных лиц с характерными физиономиями хулиганов.

— Скажите, вы социалист?

— Я честный человек, милостивый государь.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь.

Лицо прокурора оставалось непроницаемым.

«1905 года октября 22-го дня мне, прокурору Екатеринбургского окружного суда, Клавдия Тимофеевна Новгородцева, проживающая в Верх-Исетском заводе, в доме Новгородцева... заявила, что городовые, т. е. нижние полицейские чины, а также пожарные, очевидно, переодетые, принимали участие в избиении 19 октября 1905 года евреев, учащихся, демократов». Свидетельства налицо — один из избивавших был вооружен пожарной оглоблей красного цвета, один городовой — убит.

Клавдия Тимофеевна смотрела реалистичнее Бессера на действия прокурора. Допросы десятков, а то и сотен людей Андрей назвал очередным спектаклем, в котором, увы, слишком много действующих лиц. Между тем виновный не будет объявлен, потому что имя его — царизм. Было ясно, что допросы ведутся для виду и наверняка закончатся ничем, в крайнем случае отыщут третьестепенное лицо или, что наиболее вероятно, обвинят тех, кого уже скороспешно похоронили.

Зато по городу шла молва: следствие идет! Сегодня вызвали купчиху Клушину, а третьего дня — господина Сыромолотова. Всех, всех допросят, никого не пощадят — ни интеллигента, ни богача, ни городового.

Заявление за заявлением, протокол за протоколом... Словно сговорившись, приходили люди, чтобы пролить свет на события 19 октября, они возмущались, доказывали, обвиняли... И лишь немногие отвечали на вопросы строго и скупо — понимали: бессмысленно метать громы и молнии, если следствие — всего лишь громоотвод.

Зато спокойнее становилось на душе обывателя оттого, что идет следствие, что кого-то вызывают и наверняка наказание последует. Господин прокурор, уж наверное, не оставит это дело без самого строгого и справедливого суда.

В поселке, в нижнем, полуподвальном этаже дома на улице Проезжей, недалеко от Верх-Исетского завода, осенью 1905 года образовалась коммуна. Началось с того, что в этом гостеприимном доме Новгородцевых поселились вышедшие из тюрьмы Мария Авейде и Сашенька Орехова. Им просто негде было больше жить. Узнав об этом, Яков Михайлович обрадовался:

— Всем, по возможности всем нам, «бездомным», нужно собраться в один боевой кулак и жить и работать вместе, сообща, одной партийной коммуной.

Идея жить коммуной очень обрадовала Клавдию.

— Я думаю, наш дом для этого вполне подходящий. Вот только с братом посоветуюсь.

Жена Ивана Тимофеевича Новгородцева Евгения Александровна уверенно сказала:

— Он возражать не будет. Я сама его об этом попрошу.

— Спасибо, большое спасибо,— поблагодарил Андрей.

В этом доме Клавдия родилась. Отец скоропостижно умер до ее появления на свет, оставив в наследство небольшой капитал от проданного дела да строгие нравы раскольнической семьи. Денег хватило ненадолго. Остался лишь дом, из окон которого Клавдия видела, как тянутся на Верх-Исетский завод рабочие — изможденные, с безрадостными лицами.

Училась на казенный счет — своих средств семья уже не имела. В гимназию, расположенную в центре Екатеринбурга, ходила пешком и, чтоб не такими долгими казались эти версты, читала про себя любимые стихи Некрасова.

В семье сестры Мамина-Сибиряка Елизаветы Наркисовны ей, Клавдии, дали «Что делать?» Чернышевского, резкие, бескомпромиссные статьи Добролюбова... После окончания гимназии она уехала учительницей в Сысерть. Здесь, в Сысерти, часто звучала поговорка: «Мы Сибири не боимся, у нас каторга своя...»

Через несколько лет — Петербург, курсы Лесгафта. Студенческие годы. Марксистский кружок...

Петр Францевич Лесгафт, широко известный врач и педагог, был человеком проницательным. Талантливый психолог, он одобрял любознательность девушек. И когда полицейский чиновник предупредил его, что курсистки на своих собраниях ведут недозволенные политические разговоры, Петр Францевич ответил:

— Я считаю, что молодые люди должны вступать в жизнь сознательно, и мешать им в этом не буду.

Не удалось Клавдии Новгородцевой закончить курсы Лесгафта — смертельно заболела мать, пришлось возвратиться в Екатеринбург. Она поступила на работу в книжный магазин и целиком посвятила себя тому делу, с которым познакомилась в петербургских марксистских кружках.

Многие екатеринбуржцы знали Клавдию Тимофеевну — и учительницу, и заведующую книжным магазином — как девушку добрую, по тому времени широкооб-

разованную, с которой хотелось и поговорить, и посоветоваться. Ей тоже были интересны ее старые товарищи, старые знакомые.

Но появились и новые. Она ловила себя на том, что все чаще и чаще мысли обращались к товарищу Андрею.

Теперь они встречались ежедневно. Родительский дом Клавдии Тимофеевны, где расположилась коммуна, стал штаб-квартирой екатеринбуржских большевиков, их комитета. Хорошие люди поселились здесь. Веселые. Проверенные годами подполья. Словно созданные специально для коммуны — спаянные накрепко единой целью, готовые пойти ради нее на любое испытание. Сюда, в этот штаб, приходили товарищи, чтобы получить литературу, листовки или просто деловой совет, столь необходимый в сложной, нелегкой обстановке. Приезжали рабочие, крестьяне из окрестных городов и сел, порой засиживались допоздна за беседами и спорами, а то и оставались ночевать. На случай нападения полиции или черносотенцев коммунары были готовы к «круговой обороне».

Днем каждый был занят своим делом — нужно работать, зарабатывать деньги, а к концу дня уходили на заводы, чтобы по заданию комитета встретиться с рабочими, выступить на митинге или собрании. Потом Андрей просил рассказывать подробно обо всем, что где было, внимательно ли слушали рабочие ораторов, как реагировали они на призывы большевиков. И он видел: в эти минуты преображались его товарищи, горели искры в их нередко усталых глазах. Николай Батурин, который в обыденной жизни смешил всех своей рассеянностью, в разговоре о делах был предельно точен, как и Вилонов, который, несмотря на слабое состояние здоровья, не упускал возможности выступить перед рабочими. Возвращался он в коммуну усталым, измученным, но долго еще не ложился отдыхать — ему просто необходимо было поделиться своими впечатлениями с Андреем, другими товарищами.

Рассказывали о дне минувшем по-разному. Клавдия Тимофеевна — уверенно, привычно. Сашенька Орехова, напротив, больше спрашивала, правильно ли она сказала или поступила. Мария Авейде говорила горячо, словно продолжала речь на митинге...

А потом намечали план на завтра — кто куда опять пойдет, с кем встретится. Андрей распределял людей таким образом, чтоб ни один завод не только в

Екатеринбурге, но и во всем уезде не оставался без постоянного влияния большевиков.

Коммуна жила по неписаному уставу, складывались и традиции, зарождавшиеся еще в дни, когда нынешние коммунары лишь приобщались к марксизму, тайно собирались в кружках, где каждый был как на ладони, где товарищество и взаимовыручка становились нормой поведения.

Они все делали сообща — дежурили по кухне, добывали продукты, все без исключения мыли полы, стирали, чинили одежду.

В свободные минуты Свердлов обращался к небольшой, но тщательно подобранной библиотечке Клавдии Новгородцевой. Она знала и любила русскую классику, увлекалась Пушкиным и Лермонтовым. Яков тоже любил этих поэтов. Но среди книг можно было найти томики Мамина-Сибиряка, которого прежде Якову читать не доводилось, и его книги стали для Свердлова откровением.

Так вот откуда брались, чьим потом и кровью политы приваловские миллионы!

В те дни Яков часто возвращался к лирике Гейне. Свердлов и раньше любил его гражданственные стихи, но и сейчас будоражила именно лирика поэта. И ей, иноязычной, как-то в лад отвечали родные, без устали играющие по ночам гармони, и озорные частушки верхисетских заводских ребят и девчат (тоже неизвестно, когда они спят), и образ Клавдии.

Что бы ни делал, с кем бы ни говорил, кого бы ни слушал, он глазами искал ее, ловил еле приметную, сдержанную улыбку, находил повод, чтобы остаться с милой девушкой.

Никому Яков не говорил о своей любви, никому, в том числе и самой Клавдии. Но, кажется, все догадывались о его тайне.

Как хорошо, как радостно-тревожно было ему в эти дни! Горы хотелось перевернуть, совершить что-то необыкновенное. Каждый день, каждый час были заполнены до краев, но он чувствовал: в его жизни зреет радостная перемена.

Однажды Яков сказал Клавдии:

— Пойдем, подышим чистым воздухом.

— Поздно уже,— неуверенно сказала она.

— Почему поздно? Давайте подойдем с другой меркой: рано! Именно рано. Всего лишь четвертый час.

— Хорошо, пусть будет по-вашему.

Они оделись и вышли во двор. По-прежнему было тепло, хотя впервые падал снег.

— Видите, снег. У нас на Волге, когда первый снег, загадывают желание. Давайте и мы загадаем.

— Хорошо.

Пустынная улица бела от выпавшего снега. Тише звучала гармонь, умолкли девичьи голоса, наступал в заводском поселке единственный час тишины. И тишину эту обволакивают снежные хлопья.

— Я загадал, Кадя... Можно, я буду тебя так называть?

Ох как крепко-крепко он держал сейчас ее руку в своей руке! А эти глаза — то задумчивые, то веселые и ласковые, то ироничные,— сколько в них оттенков!

— Кадя, милая Кадя, я хочу сказать тебе со всей серьезностью, на какую только способен: я люблю тебя... Ты слышишь?

И он увидел на ее лице улыбку — не широкую, а сдержанную.

Но как много она сказала ему!

Глава одиннадцатая

На Верх-Исетском

Из жандармских документов:

«Случаев волнения среди заводских рабочих было несколько. Все волнения происходили потому, что рабочих подбивали на это различные последователи противоправительственных партий, преимущественно с.-д.»

«В течение 1905 года усиленно распространялась нелегальная литература, которую получали местные с.-д. от Екатеринбургского комитета РСДРП...»

Клавдия Тимофеевна подсчитала — только в октябре на Урале было свыше сорока забастовок. Это те, о которых знал Екатеринбургский комитет, так как стачечники почти всегда обращались к большевикам за советами, листовками, просили прислать пропагандистов и агитаторов.

— А ведь это зиачит,— говорил Аидрей,— в забастовочном движении участвует более восьмидесяти тысяч человек. Армия! Вооружи такое пролетарское войско — кто устоит против иего? И знаешь, Клавдия, что примечательно — ие сработал царский маиифест, не утихомирились рабочие, иапротив, еще больше убедились в своей силе.

О том и решил говорить Аидрей во время митиига иа Верх-Исетском заводе. Ои часто бывал иа едва ли не самом крупном предприятии Екатеринбурга, любил его каленый воздух, иеумолкающий гул и издали замечал его аркообразную вывеску иад воротами на сетчатой металлической осиове. Чем-то напоминал ему Верх-Исетский завод Сормово, снующие по иему свистуиы-паровозики. Да и люди поиимали его здесь с полуслова.

...Митииг был иеобычным. Первым держал речь меиьшевик Лапиков. Опытный оратор, он, ссылаясь иа Маркса, приводил, как казалось ему, иеопровержимые доводы, чтобы уговорить рабочих отказаться от создаиия боевой дружииы и вооружеиия ее.

— Победа пролетариата иад капиталом неизбежна, ио время еще не пришло, ие подоспело.

Аидрей, задержавшийся в одиом из цехов, пристроился поодаль, виимательио слушал, какие же выводы сделает меиьшевик из всемирио известиого положеиия «Маиифеста Коммунистической партии» о иеизбежиой победе пролетариата.

— Мы убеждеиы,— продолжал Лапиков,— что рано или поздно осуществится это пророчество иашего учителя. Но мы никогда не допустим, чтобы революцию превращали в заговор, формировали события, чтобы проливалась кровь иаших братьев по классу — рабочих. Да, товарищи, имеино к этому зовут нас иекоторые социал-демократы. И доказательством тому — создаиие иа заводе боевой дружииы. Боевой! Вдумайтесь в это слово, товарищи!

Свердлов иетерпеливо повернулся. Случайио задев ногой какую-то металлическую деталь, обратил на себя вниманиие.

— Э-э-э,— раздался возглас рабочего, стоявшего впереди Якова и обернувшегося на звук,— да тут товарищ Аидрей! Зачем же мы этого оратора слушаем? Андрей, давай!

— Андрея!

— Товарищи,— уговаривал меньшевик,— мы еще послушаем Андрея, но прежде...

— Довольно, Андрея давай!

Свердлов поднялся на стоявшую рядом широкую деревянную чурку и произнес так, что его можно было услышать за версту:

— Эх, товарищи, как жаль, что мы не дослушали этого оратора. Интересно, до чего бы он договорился... Мне бы его и раздевать не пришлось, сам бы предстал перед нами голеньким, в чем мать родила.

Рабочие рассмеялись. Андрей продолжал:

— Революцию, видите ли, подавай ему на подносике, как печенье к чаю. Вот так поговорил, поговорил — и готовы тебе и революция, и демократическая республика. Нет, не так, ни в коем случае не так должны вести себя сегодня рабочие Урала! Десятки забастовок, стачек, массовых выступлений — еще часть дела. Мы говорим: мало протестовать! В нынешних условиях царизм можно свергнуть только восстанием! Значит, без вооружения рабочих, без боевых дружин не обойтись. Восстание рабочих и беднейших крестьян — не заговор, это массовое движение, охватившее все уголки Российской империи. Посмотрите, товарищи, вокруг, как действует черная сотня, как сжала она в своих руках пистолеты и кинжалы. Бьют копытами кони под жандармами и казаками. Что ж, давайте ждать и смотреть, как будут нас бить и расстреливать царские холуи...

— Не будет этого!

— Мы тоже не лыком шиты!

Возгласы покатились словно эхо. И только оратор-меньшевик пытался перекричать толпу:

— Но ведь это безумие! У них войска, у них первоклассное оружие, а что у нас?

— У нас — рабочая солидарность, единство, историей подтвержденная вера в справедливость, в победу,— решительно ответил Свердлов.— А насчет оружия — правильно. У них есть оружие. Значит, и у нас оно должно быть. Пусть пролетарский кулак взметнется над головами капиталистов и эксплуататоров. Пусть в кулаке будет зажато боевое оружие, как символ того, что мы не намерены выпрашивать милостей от царя. Рабочие Петербурга пробовали идти к царю с хоругвями да знаменами. Мы знаем, как встретил их царь-убийца. Нужно, чтобы на убийц у нас была своя, рабочая управа!

...В тот день Андрей выступил также на собрании заводской боевой дружины.

— Товарищи,— говорил он,— вооружение идет пока медленно. Правда, комитет позаботился, чтобы несколько грузов с оружием нам доставили рабочие одного из городов России. Какого — пока сообщать не буду. Главное — кое-что из оружия уже имеется.

— Здорово!

— За это спасибо!

— Дело тут не в «спасибо»! Мало пока оружия. Нужно самим себе ковать его. И в этом сейчас — главная задача.

Долго не отпускали дружинники Андрея, а потом один из них, уже немолодой рабочий, сказал:

— У меня заночуешь. Тут недалеко.

До Проезжей было рукой подать. Яков любил ночевать в рабочих семьях, знакомиться с их бытом, укладом, беседовать с женами, детишками.

— К нему можно,— подтвердил Ермаков.— Клюка не подведет, не сомневайся, товарищ Андрей.

— А я и не сомневаюсь,— ответил Свердлов и подумал: «Клюка... Видать, прозвище. А он и верно, на клюку похож: сухой и длинный, руки, как сучки, голова наклонена вперед на жилистой тонкой шее».

Рабочий не стыдился этого прозвища. Он и жену назвал Клющихой, когда переступил порог своей квартиры. Та с укором посмотрела на мужа, мол, человека постеснялся бы.

— Почти до седины дожил, а ума не нажил,— жаловалась она.— Дети уже фамилию свою забыли, огольцы их на улице клющатами зовут. Грех да и только.

Свердлов поздоровался, представился:

— Товарищи называют меня Андреем.

Были у Клющихи натруженные руки с белыми пятнами на пальцах. От каждодневной стирки в комнате пахло мыльной пеной и гнилым деревянным полом. За свежевыстиранной в пестрых цветочках занавеской, повидимому, спали дети: мать то и дело заглядывала туда.

— Хоть бы холода пришли попозднее,— причитала она, занятая своими заботами,— дров на зиму не напасешься.

— Ты бы ужин поставила,— сказал Клюка, и Якову показалось, что дома он не так смел, как на заводе.

— Ужин? А ты на него заработал?

Андрей хотел что-то сказать, но Клющиху уже остановить невозможно было.

— Ужин ему подай... А сам, небось, опять митинговал или еще каким делом занимался. Вы мне скажите, милый человек, какого рожна ему на этом митинге нужно? Дают эти митинги хлеба?

— Вы хотите, чтобы я вам ответил?

— Чего тут отвечать, и сама знаю, что не дадут. Сказывают, что еще он в какую-то дружину записался. Боевую, что ль... У него вон сыновья мал мала меньше...

Неожиданным этот разговор для Якова Михайловича не был. Да, многие женщины стали его товарищами по партии, по революционной борьбе, помогали ему в нелегкой, нередко опасной подпольной работе, активно участвовали в забастовках и стачках. И все же не раз в рабочих семьях — в Нижнем, Сормове и здесь, в Екатеринбурге, он ощущал бабью тревогу за мужа, за свой хоть и не слишком устроенный, а все же сложившийся, привычный семейный очаг. То, что мужья их вступили на путь опасный, некоторые женщины, не всегда будучи в курсе подробностей, чувствовали сердцем, своим самым надежным вещуном.

Клющиха, видать, была из таких. Она поняла, что муж привел не просто гостя. В душе колыхнулось даже что-то похожее на гордость — значит, муженек ее не из последних, если именно к нему пришел этот серьезный человек. И потребность высказаться, освободить душу от того, о чем сама с собой долгими часами вела беседу, одолела все — и любопытство, и опасение сконфузить мужа.

— Вот скажите, вы в царскую милость верите? — заговорщически спросила она.

— Нет,— твердо ответил Андрей.

— А за боевую дружину погладят по голове, ежели дознаются?

— Нет, не погладят.

— Так какого дьявола ему там нужно? Детей по миру пустить? О них думать надобно.

— О детях можно думать по-разному. Я, конечно, не имею в виду вашу семью, а вот другие женщины мне рассказывали о мечтах своих... Ах, как умеют матери мечтать! — словно самому себе говорил Андрей.— Не о своем счастье, конечно, сами-то они на любую беду согласны,— о счастье детей. И представьте себе, многим родителям хочется, чтобы их сын или дочь непременно был

доктором, или инженером, или учителем. Иные согласны на меньшее — на приказчика в богатом купеческом деле или горного техника, чтобы ходили их сыновья в форменных тужурках и все невесты на них заглядывались. А что плохого в этих материнских мечтах?

Клющиха, не сразу сообразив, к чему клонит гость, согласилась:

— А ведь верно — что плохого? Я вот тоже стираю чужое белье, и такая зависть берет: хоть бы своим огольцам справить, на ноги поднять их и в грамотные люди вывести, к хорошему делу приставить. Да вот сказали вы: материнская мечта... А почему не отцовская? Им-то, мужикам, до своих детей дела нет, что ли? Принес на кусок хлеба — и все?

— И отцовская, конечно. Родительская. Многие мужчины и женщины — да-да, женщины — теперь уже понимают, что счастье к их детям само не придет. Ну одному, другому повезет — выбьется в люди. А остальные? Так и вырастут, едва научившись писать, и пойдут гнуть спину на чужого дядю, зарабатывать ему миллионы, а себе грыжу да чахотку наживать.

Клющиха вздохнула тяжело и больно, словно попал гость в самое сердце — всегда жила в ней, ни на секунду не остывала тревога за детей, за сыновей ее...

— Настоящие люди доказывают: за счастье детей драться надо. Уверяю вас, это очень честные люди. И очень смелые!

— Мой-то смелый? Да он мне слово поперек сказать боится...

Клюка при этом недовольно поморщился. Свердлов — ему на выручку:

— Я ведь не о вашем муже говорю. Он, может быть, и не состоит в дружине. А что на митинги ходит, так всем интересно, о чем там говорят.

— Хорошо говорил, мил человек, да в конце заговорился. Что же вы думаете, бабы меньше вас знают? Только тревожно, ей-богу, тревожно.

— Это верно,— согласился Андрей,— и тревожно, и опасно.

— Опасно...— Клющиха посмотрела на мужа, словно примеряла к нему это ничего хорошего не сулящее слово.

— Так что не все на это дело идут — драться за будущее детей,— продолжал Свердлов.— Иные решили подождать... Авось образуется, авось другие осмелятся.

— Ну вы бросьте,— без злобы сказала Клющиха.— Мой-то от подобного дела не отстанет, ох, не отстанет.

— А не отстанет, так и правильно сделает,— улыбаясь, сказал Андрей.

— Правильно... Вам все правильно, мужикам. А горе мыкать нам, бабам...

— Ладно тебе, ладно... До слез дошла. Ты бы, в самом деле, попотчевала гостя.

— Я не хочу,— попробовал отказаться Андрей.

— То есть как «не хочу»? — обиделась Клющиха.— Тут уж не взыщите — без чая спать не ляжете. Насчет разносолов мы не шибко богаты, а так, на зиму, кое-что припасли.

Да, она оказалась более разговорчивой, чем ее муж,— за какой-нибудь час узнал Яков, что живут они бедно, но нельзя сказать что голодно. Хлеб есть, картошка тоже... Она стирает людям, детишек трое всего, крыша над головой не протекает. На мужа тоже не жалуется — и работящий, и домовитый. Тихий только он...

«А ведь знает, что ее тихий, домовитый муж записался в боевую дружину»,— подумал Свердлов и незаметно взглянул на Клюку. Тот сидел, покорно опустив руки на колени, словно разговор его вовсе не касался.

Глава двенадцатая

Советы

Зима 1905—1906 годов уже начиналась, Андрей же все в курточке «на рыбьем меху». А ходьбы много — с одного конца города на другой. Ни один митинг не обходился без Андрея. Он ежедневно получал известия о забастовках, стачках, столкновениях рабочих с царскими сатрапами. В Лысьеве на митинге рабочих он еще раз убедился, что некоторые партийцы ограничиваются лишь тем, что ведут кружки, выпускают и разбрасывают листовки, но дальше этого пойти не решаются.

И когда Андрей сказал, что с царем и капиталистами можно разговаривать только с оружием в руках, рабочий Данилин спросил, да так, что был вопрос ярче любого выступления:

— Товарищ докладчик! Скажи, где взять оружие? Хоть сейчас пойду за тобой в огонь и в воду.

Хоть сейчас... Подобное слыхал Андрей уже во многих городах Урала. Каждый завод, каждый рабочий поселок — как пороховой погреб: поднести фитиль — и взорвется.

Либерал миллионер Конюхов как-то сказал Свердлову:

— Кто же свои миллионы зазря отдаст? Я вон, к примеру,— он всегда себя приводил в пример,— можно сказать, почти красный... Хошь прятаться у меня — прячься. Хошь речь мою послушать? Скажу. А деньги мои не дам! Потому как мне революцию подавай такую, чтоб миллионы мои при мне остались. А уж я подсоблю... Вон екатеринбургские козырные тузы Коробейников, Ятес поняли, что их заводы могут тю-тю, и сговорились меж собою. А ведь прежде горло друг дружке грызли. Нет уж, когда паленым пахнет, огонь тушить сообща нужно. Это легко на митинге кричать про свободу — за слова денег не берут.

Якову Михайловичу важно было узнать об этом — значит, сговор капиталистов. Это ведь и есть контрреволюция. Все правильно. Диалектика жизни и борьбы. Значит, оберегая свое добро, капиталисты уже не надеются на прогнивший царский строй, они ищут согласия между собой... А что противопоставит им рабочий класс?

Стихийно, самодеятельно возникли на Урале первые Советы. По-разному назывались они: в Алапаевске, например, где побывал Яков Михайлович, они сначала именовались Собранием рабочих представителей. В Надеждинске избрали Совет уполномоченных, а в Сосьве — товарищеский Совет рабочих. Товарищеский суд, Совет старшин — это в Мотовилихе. Потом все эти названия сменились одним — Совет рабочих депутатов.

Здесь, в Екатеринбурге, он тоже поначалу именовался иначе — Советом помощи бастующим. Разгоравшееся с каждым днем забастовочное движение требовало и политического единства, и материальной поддержки. Для Свердлова было ясно — эта стихийно возникшая форма объединения рабочих должна помочь им бороться с хозяевами за свои права. Совет рабочих депутатов в тысячу раз ближе революции, чем угодная царю Государственная дума.

Из газетного отчета о выступлении товарища Андрея 6 ноября 1905 года на митинге в Екатеринбурге, посвященном Государственной думе:

«Мы уверены, что буржуазия скоро споется с правительством. Что же это за Дума? Рабочих в ней не будет. Правительство проделало с рабочим классом жалкую комедию, дав ему возможность провести из своей среды в Думу 20 человек. Что могут сделать эти 20 человек? Их голоса потонут в голосах буржуазии.

А между тем борьба еще не кончена, борьба еще впереди. Какая же будет польза от Думы? Ведь положение в ней будет таково: горсточка народа и масса буржуазии. Я желал бы со своей стороны предложить собранию присоединиться к старой нашей резолюции: по-прежнему бойкотировать Думу. Она бесполезна и будет только вилять между пролетариатом и буржуазией. *(Аплодисменты и крики «браво!»)*».

Кроль спросил у Якова Михайловича:

— Вы на собрание социалистов-революционеров пойдете? Ведь они на 16 ноября забронировали городской театр. Если не ошибаюсь, зданием хотели воспользоваться меньшевики, тоже ведь социал-демократы, кажется...

Свердлов знал, что эсеры решили провести свое собрание, выступить публично.

— Лев Афанасьевич, приходите на собрание. Я вас приглашаю.

— Вы? Так вы пойдете?

— Не только пойду, но и выступлю.

— Ой ли! — воскликнул Кроль.— Я понял лидера эсеров Ленского так, что он не намерен вам уступать. Знаете, как он сострил? Не всякий Ленский, говорит, бывает убит на дуэли. Согласитесь, мило сказано.

— Мне и пушкинский Ленский не по душе.

— А кто же — Онегин?

— Нет, его дядя.

— Шутить изволите!

— Нисколько. Помните, тот самый дядя, который «уважать себя заставил».

Кроль рассмеялся.

— Чувствую, что Ленскому и на сей раз дуэли не избежать. Чьим прикажете быть секундантом?..

В городском театре Кроль жестом пригласил Андрея сесть рядом. Яков осмотрел зал — здесь было много ра-

бочих. Эсеры стремились найти на заводах поддержку своей «непримиримой» программе.

Впереди показалась знакомая, чуть сгорбленная спина. Клюка?.. Ну, конечно, он. Они не виделись с того дня, когда случай привел Свердлова к нему на ночлег.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, Клюка обернулся и увидел Андрея. Он как-то смущенно улыбнулся, заерзал на стуле и отрицательно замахал руками, дескать, не подумайте худо, я не эсер.

Яков успокаивающе кивнул: «Знаю, Клюка, знаю... Ничего дурного я не подумал».

Подошел Матвеев, рабочий с завода Ятеса, не поздоровавшись, улыбнулся, будто сегодня с Андреем уж не раз встречались.

— Вы популярны,— сказал без ревности Кроль и добавил: — В этой аудитории, разумеется.

За столом, покрытым зеленой скатертью, появился эсер Ленский. Лицо его сияло и было полно торжественности. Деловито разложив на столе бумаги, он, откашлявшись и глотнув чая из стакана, сказал:

— Итак, начнем наше собрание. Прошу избрать председателя.

Кто-то поднялся в первом ряду и громко, повернувшись к залу, крикнул:

— Предлагаю председателем товарища Андрея!

Ленский от неожиданности вздрогнул и задел стакан: чай расплескался по скатерти...

А по залу уже неслось:

— Андрея председателем!

— Товарища Андрея!

Кроль смотрел на Якова во все глаза. За что так любят его?

Он вспомнил слова Андрея: «Слишком узкому кругу людей, Лев Афанасьевич, выгодны ваши речи. А я... Дело ведь не во мне, поймите. Я представляю подлинную партию рабочего класса, всего бедного люда. В моем большевизме ищите источник популярности, а не во мне лично». Тогда Кролю показалось — кокетничает... «Нет, я был несправедлив. Просто человек целеустремлен, прочно стоит на ногах, уверен в себе, в своей партии. У него под ногами прочная почва. Жаль, что не его, Кроля, а совсем-совсем другая...»

А по залу неслось:

— Андрея председателем!..

И вдруг поднялся Клюка:

— Дай слово!

Ленскому показалось, что именно сейчас раздастся угодное ему предложение.

— Сию минуту. Только прошу учесть,— Ленский приложил руку к груди, словно призывал людей прислушаться к своему сердцу,— что собрание нашей партии социалистов-революционеров, а гражданин Андрей, насколько мне известно...

— Известно,— перебил его Клюка,— известно, какой он партии. Вот потому-то я и говорю: председателем товарища Андрея!

Яков уже шел между рядами, и зал дружно аплодировал ему...

В газетном отчете о выступлении товарища Андрея сказано, что в крупных центрах России растут массовые стачки рабочих. И в ходе этих стачек рождается новая форма — Совет. Такой Совет возник, например, в Иваново-Вознесенске. Создан Совет и в Москве. В него вошли железнодорожники, печатники, металлисты, табачники, столяры. Возникли Советы и на Урале, и в Екатеринбурге. Необходимо принять активное участие в этих Советах, рожденных революционной борьбой рабочего класса России.

«...Вы знаете, что владельцы забастовавших заводов Ятес, Коробейников и Беренов уже организовались между собой, чтобы бороться против рабочих. Вы будете сильными, если вы будете дружны. Теперь у нас учрежден Совет депутатов от рабочих... Слушайтесь во всем Совета депутатов и следуйте его указаниям... К сборам в пользу забастовщиков уже приступлено, забастовщики ни в коем случае не должны бросать забастовку, пока Совет депутатов не решит, что забастовку надо кончить. Каждый нуждающийся пусть обращается за помощью в Совет депутатов... Рабочие других промышленных заведений желают начать бастовать. Это показывает, что рабочая армия сильна... До сего времени в Совет входили депутаты только от нескольких фабрик. Необходимо, чтобы в Совете были депутаты от всех фабрик и заводов».

Кроль читал газетный отчет и вдруг ясно понял, что бессмысленно искать силу Андрея только лишь в его словах. Читаешь — и вроде бы ничего особенного. А слуша-

ешь — и словно гипнотизируют тебя его убежденность, страстность, его неукротимый порыв... Нет, не в состоянии газетный отчет передать силу личности этого большевика.

В ту ночь Свердлов и Клавдия долго не спали. В маленькой комнате дома на Проезжей Яков писал воззвание к рабочим от имени Екатеринбургского комитета социал-демократической рабочей партии.

«15 ноября к забастовавшим накануне рабочим ятесовского завода примкнули товарищи коробейниковского и береновского заводов. Стачка объявлена... Сильное, но трудное для рабочих средство борьбы против угнетателей — стачка только тогда приносит удачу рабочим, когда она организованна».

Он вставал из-за стола, ходил по комнате, и Клавдия видела, как напряжен Яков, все его мысли сейчас о тех, к кому обращено это воззвание.

«Составьте, товарищи, Совет рабочих депутатов и поручите ему руководить вашей борьбой за улучшение вашего положения. Избирайте от каждых 50—100 человек по одному депутату, и пусть они наметят план борьбы, ознакомят с ним всех рабочих Екатеринбурга, соберут необходимые средства и приведут нас к 8-часовому рабочему дню. И тогда-то будет пробита первая брешь к светлому будущему — к социализму, к которому зовет и ведет нас Российская социал-демократическая рабочая партия!»

Яков перечитал воззвание и, подумав, сказал:

— Пожалуй, сюда нужно еще несколько слов. «Организуйтесь, товарищи, следуйте примеру петербургских борцов за пролетарское дело и смело ударьте на вашего векового врага...»

Организуйтесь... Екатеринбургский комитет РСДРП действительно был похож на штаб, на боевой военный штаб. Бастуют все, даже извозчики, даже служащие аптек. Значит, недалек день восстания...

Плоды трудов Якова Михайловича сказывались. Доставлено и роздано боевым дружинам оружие из Ижевска. Горные техники во главе с Федичем привезли свой «подарок» — доставили с Пышминского — Ключевского медного рудника динамит, целых 12 пудов.

Раскрывался организаторский талант Сергея Черепанова — Луки. Его избрали председателем Екатеринбургского Совета. А Павел Быков? Какие стихи пишет

парнишка, какая в нем чистая и красивая душа! «Жаль, что уехал Михаил Вилонов»,— сокрушался Андрей. Его послали с партийным заданием в Самару. Зато Батурин — какая это интеллектуальная сила! Он активно помогал в создании партийных школ, и одна из них находилась на Вознесенском проспекте, начала работать в ноябре 1905 года. Яков Михайлович выступал в школе с лекциями о Программе партии, слушал доклады Батурина об истории революционного движения и теории научного социализма. Здесь, в этой комнате с несколькими рядами скамеек, керосиновой лампой на маленьком столике и с красующимся лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» готовились кадры пропагандистов, которые потом разъезжались по всему Уралу.

А Федич — Сыромолотов... Именно он предложил разбить город Екатеринбург на боевые участки и закрепить каждый из этих участков за боевой дружиной.

Свердлов подсчитывал силы — сейчас очень важно знать, сколько человек в вооруженных отрядах на окрестных заводах, приисках, рудниках. Это нужно знать, чтобы план восстания, который разработал комитет, был реальным.

Когда наступила реакция и Екатеринбург наводнили казачьи части, Яков Михайлович на вопрос товарищей, что делать дальше, ответил, как всегда, коротко и бодро: «В подполье. Нам не привыкать».

Тут кстати оказалась дача Бессера, которому члены комитета доверяли самые конспиративные дела. Они уже считали его членом большевистского секретариата.

Это были трудные для большевистской партии дни. В Екатеринбурге провалились многие явки. Шпики шныряли по всему городу. За голову Андрея обещано пять тысяч рублей... А Свердлов продолжал работать, поддерживал бодрость у других членов комитета. Намеченная на февраль 1906 года конференция большевиков Урала, несмотря ни на что, состоялась.

Уезжая в Пермь, где он находился потом около полугода, Яков Михайлович зашел проститься к Бессеру:

— Не знаю, скоро ли свидимся. Но я рад встрече с вами и вашей семьей. Если позволят обстоятельства, буду писать.

Какие уж там «обстоятельства»! Бессер узнал, что Андрей, тогда уже Михалыч, арестован в Перми, в тюрьме он изучает языки, читает одну за другой книги

по философии, организует с политическими заключенными занятия по теоретическим вопросам.

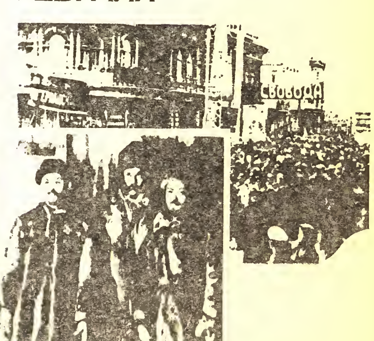
И все-таки Яков Михайлович находил время, чтобы написать своим екатеринбургским друзьям. Удивительные эти письма, дошедшие до наших дней. Он слал их отовсюду, куда забрасывала его нелегкая судьба революционера-профессионала,— из тюрем, из подполья, из глухой Курейки, из таежного Максимкиного Яра, из заполярной Туруханки и Монастырского. В них, этих письмах,— стремление помочь людям найти свое место в жизни, влить веру в будущее, поделиться оптимизмом — этим сокровищем, которым он обладал в избытке. Поражают в письмах Якова Михайловича доброта, чуткость, внимание и отсутствие хоть малейшего сетования на тяжелейшие условия жизни заключенного и ссыльного. Наоборот, бодрость, вера в светлое грядущее, в неминуемую победу революции!

Никто не поверил бы,
что из школы нелегального кружка
и подпольной работы,
из школы маленькой гонимой партии
и Туруханской тюрьмы
мог выйти такой организатор...
работы партии...

В. И. ЛЕНИН

Часть третья

ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ

Глава
тринадцатая

Здравствуй, Питер!

Еще не отступили зимние холода, еще чернел на обочинах тротуаров опавший, потерявший и силы, и красоту свою снег, а весна уже заявила о себе моросью, окутавшей высокие шпили Адмиралтейства и Петропавловки.

Ночная тишина в Петрограде чуткая, настороженная. Она улавливает каждый звук и звонко разносит его по всему огромному городу. Здесь, на Петроградской стороне, услышишь сигналы паровозов с Финляндского или Московского вокзалов, перекличку сирен еще не проснувшихся полностью заводов и даже далекие-далекие пароходные гудки. Да что там говорить — металлический звон сапог городового о мостовую еще недавно можно было услышать за квартал, а то и дальше. Ростовцев научился отличать эти шаги, шумные, уверенные.

Но сейчас нет городовых, и Ростовцев весь был обращен к тем двоим, кто шел с ним рядом. Он встретил их этой ночью по поручению Ивана Чугурина. И хотя городовых теперь бояться нечего, ночной Петроград полон случайностей. А тут еще товарищи очень несговорчивые — ни за что не пожелали нанять извозчика, дай, мол, Григорий, невским воздухом надышаться...

Сколько вопросов возникло у Григория, когда шел на вокзал встречать своих товарищей членов Центрального Комитета партии большевиков Якова Свердлова и Филиппа Голощекина,— и о том, как дошла весть о революции в Туруханку, и как удалось уехать, и где семья Якова. Но только пожали друг другу руки — и Яков сам набросился с вопросами: что в Питере, где Ленин, кто из старых товарищей уже возвратился? Яков! Все тот же неутомимый, непоседливый, всем и вся жадно интересующийся.

Много раз приходилось Григорию встречаться с Яковом — и в Сормове, и в Перми. Тесно сплелись судьбы

трех нижегородских пареньков — Якова Свердлова, Ивана Чугурина и Григория Ростовцева. Иван сейчас здесь, в Питере. Вот и Яков приехал... И хотя дела и масштаб работы в революции у них разные, хотя порой не виделись годами, всегда при встречах вспоминали Нижний Новгород и Сормовский завод.

Улица Широкая — на Петроградской стороне. Здесь живет сестра Якова. Григорий Ростовцев знает этот дом. Вот уже скоро — еще минут десять ходьбы.

Рядом с Яковом Филипп Голощекин — Жорж. Они встречались в Питере пять лет назад, в редакции «Правды». Филипп тоже из Туруханки — вместе с Яковом в ссылке был.

— А ты такой же молчун, Григорий. Умоляю, не молчи, рассказывай,— нетерпеливо настаивал Свердлов.

Да разве Григорий молчит? Сколько уже рассказал... Конечно, многих подробностей он, Ростовцев, не знает. А Свердлов требует именно подробностей. Григорий вспомнил, как недавно Чугурин, подмигнув ему по старой привычке, сказал: Владимир Ильич уже выехал из Швейцарии и находится на пути в Россию.

— Вот это здорово! — в один голос воскликнули Свердлов и Голощекин и сразу же приободрились.

Рассказал Григорий и о том, что знал о Центральном Комитете. Поначалу работало лишь Русское бюро ЦК — Залуцкий, Молотов, Шляпников.

— Опыта у них маловато,— сокрушался Голощекин.

— Но сейчас ЦК расширился,— словно успокаивал его Ростовцев.— Вернулись из Сибири многие товарищи. У них опыта достанет.

Свердлов внимательно слушал, хотя Григорию казалось, что обо всем этом он уже знает. Лишь изредка Яков вставлял вопросы:

— О Москве ничего не знаешь?

— Приезжали москвичи, видел Ногина. Говорят, Дзержинский прямо из тюрьмы пришел на заседание Совета и даже выступил с речью.

О меньшевиках и эсерах Свердлов не спрашивал — еще в пути они много беседовали с Голощекиным о том, как разоблачили себя эти, с позволения сказать, революционеры. Жорж со свойственным ему темпераментом назвал их охвостьем буржуазии.

Свердлов спросил у Ростовцева:

— Ну а как наша «Правда»? Не забыл зиму тринадцатого года? Да говори же, говори.

— Так ведь говорю, Яков. Да больно уж вы с Жоржем нетерпеливы. Разве за вашими вопросами угонишься? А «Правда» ожила. Между прочим, рабочие сами охотно на нее деньги собирают, шлют их в ЦК.

— А кто сейчас в редакции? — спросил Яков.

— Опять же Калинин, Сталин, Еремеев, сестра Ленина — Мария Ильинична Ульянова.

Ростовцев вынул из кармана свежий номер газеты.

— «Правда»? Спасибо, Гриша, это мы с Жоржем сейчас же прочтем. Ну-с, а другие газеты что пишут?

Григорий вспомнил, что недавно он прочитал в кадетской «Речи»: «Со времени государственного переворота никто в России не вправе считать себя обывателем. Обывателей больше нет. Мы все стали гражданами».

— Понятно,— заметил Свердлов,— этой газетке выгодно поставить всех в одну шеренгу — и тех, кто революцию совершал, и тех, кто сейчас в правительстве заседает.

— Эта же газета,— говорил Ростовцев,— писала, что, мол, в революции участвовали все, все ее делали — и пролетариат, и войска, и буржуазия, и даже дворянство.

— Ну конечно,— возмутился Свердлов,— а как же? Кадетская «Речь» хочет, чтобы люди думали именно так. При чем здесь пролетариат? Все граждане, все революционеры...

— Все, да не все,— отвечал Ростовцев.— Одни за революцию в ссылку и на каторгу шли, боролись, народ поднимали, а другие быстро-быстро поспевали, чтобы стать у власти.

В тоне Григория ощущалась горечь. Прошли, пролетели первые дни после Февральской революции. Скольким людям слово «свобода» кружило, пьянило голову, наполняло гордостью сердца, наливало глаза лучистым блеском... Каждый чувствовал себя точно в самом начале своей судьбы, новой жизни, как молодые на свадьбе.

Похмелье наступило скоро — нет, не разочарование, а какая-то неопределенность: а что же дальше? Хлынули, как в паводок, волны из разных рек, и не сразу разберешь, которая из этих волн своя и которая — чужая. Особенно буйствовали газеты. «Рычит от радости душа всего народа русского»,— вопил «Петроградский листок», выражая самое главное, самое желанное для буржуазии — представить дело таким образом, что революция, дескать, ликвидировала понятие классовой

борьбы, что нет больше богатых и бедных, угнетателей и угнетенных. «Сейчас,— писала эта газета, захлебываясь от восторга,— действительно народ составился из всех русских людей, за исключением нескольких сот или нескольких тысяч негодяев...» Туманила мозги и «Маленькая газета». Поди разберись, что значат для простого человека слова: «Свобода — это когда народ выше своего правительства и душа народная молода, полна силы и рвется ввысь...» Скольким, не слишком твердым в делах политических, людям были милы и ласковы эти слова! Шутка ли — выше правительства... Выше самого военного министра Гучкова!

Григорий Ростовцев не считал себя человеком, умеющим на ходу разобраться в сложившейся обстановке. Чугурин, который сейчас в Выборгском райкоме работает, тот пограмотнее — прошел ведь ленинскую школу в Лонжюмо. Однако и он ждал приезда в Петроград Владимира Ильича, чтобы многое понять и осмыслить.

Кончалась ночь на 29 марта 1917 года. Утренняя свежесть пахла еще крепким, студеным запахом Финского залива. Из домов начали выходить дворники. Звонко скребли они лопатами мостовые и тротуары, чинно покашливали, словно напоминали — а мы уже при деле, разглядывая каждого прохожего: одних с подозрением — не бродяги ли, других — почтительно, с лакейским поклоном. Григорий любил присматриваться к дворникам. Вот и у них в доме — Никодим. У самого сыновья в рваных штанах бегают, а смотрит на людей как хозяин, сверху вниз, делит их на «чистых» и «пустопорожних». «Пустопорожние» — это те, у кого карманы пусты... «А ты-то из каких будешь?» — спросил его Григорий. «Я-то? В дворниках я...» Значит, ни то, ни другое. И к революции Никодим отнесся по-своему. «Я не против — демократическая, так демократическая! Но водки почему нет?! Разве это порядок? Тут, брат, что-то не то...» Григорий так и не понял, зачем Никодиму водка — он ведь непьющий... Разве что давали ему прежде за всяческие услуги на водку, а теперь никто ничего не дает.

Остановились у дома под фонарем.

— Хорошо, Ростошка, что пешком прошлись,— сказал Свердлов.— Такая ночь...

— Да ведь скверная ночь,— удивился Григорий.— Погода-то дрянь.

— Разве? А я и не заметил,— серьезно ответил Яков Михайлович.

Голощекин рассмеялся.

— Ну, вы постойте здесь,— предложил Свердлов,— а я к сестренке поднимусь, проверю, что там и как.

— Может быть, лучше мне сначала? — спросил Григорий.

— Нет уж, подожди здесь. Нам еще с тобой о многом поговорить нужно.

— Мне на завод пора. Счастливо вам, Яков Михайлович...

— Ростошка, какой я тебе Яков Михайлович?

Григорий улыбнулся широко, удовлетворенно. Конечно же, он — Яков, в Перми — Михалыч, в Казани и Екатеринбурге — товарищ Андрей.

— Нельзя мне. Свидимся еще...

— Ладно, давай руку, земляк.

Филипп Голощекин почти всю дорогу молчал, слушая разговор Ростовцева и Свердлова. Он понимал, что Андрей, мысленно, конечно, видит себя в делах, в Центральном Комитете, на заводах, в солдатских казармах...

У Голощекина и Свердлова давно уже много общих интересов. Вместе — в Москве, в Питере, в Нарыме, потом в Туруханке. Даже там, в далеком далеке, стремились они быть в курсе всего, что происходит в столице, стране и за границей.

Филипп вспомнил трудную обстановку тех лет. Крах II Интернационала у многих социал-демократов посеял сомнения: а нужно ли возрождать его? Ленин, партия большевиков выдвинули задачу создания нового, III Интернационала, свободного от соглашательства и оппортунизма. К этой же точке зрения пришел и Свердлов. В «Очерках по истории международного рабочего движения» он писал: Крах II Интернационала — крах лишь данной организации, не идеи объединения пролетариата всех стран. Да, это в характере Свердлова — никогда, ни при каких обстоятельствах не теряться, не поддаваться пессимизму, не опускать руки. Жив пролетариат, жива идея коммунистов, а потому не должна исчезнуть и идея их объединения, международной солидарности.

Особенно активен стал Андрей с началом войны. Все его заботы были о том, чтобы помочь сберечь партию от раздробленности, шовинистического угара и паникерства, от неверия в дело победы рабочего класса.

Из Курейки он писал: «Некоторые из товарищей провидят отчаянный разгром рабочего движения, торжество реакции, которая отбросит его далеко назад. Не могу думать так. Скорее рабочее движение сделает большой скачок вперед. Ужасы войны, ее последствия, тяжелое бремя, долженствующее надавить на самые отсталые слои, сделают огромное революционное дело, прояснят сознание еще незатронутых миллионных масс и в отсталых странах. Возможны жестокие репрессии во время войны, возможны и эксцессы реакционеров. Но победа не в их руках. Их эксцессы могут быть, по-моему, лишь предсмертными судорогами. Да, мы, несомненно, переживаем начало конца».

А пока война разбросала, разрознила людей. Нарушились почтовые связи, в Туруханке это чувствовалось особенно остро.

Отсутствие информации мучило Свердлова. Он слал во все концы отчаянные письма. «Знаем, что все левее либеральной прессы уничтожено. И только? Разгромлены ли союзы? Где депутаты? Каково их отношение к войне? Промелькнуло сообщение об аресте в Австрии Ленина. Верно ли, не знаем».

Он пишет, пишет вместе с Голощекиным, восстанавливает связи. Сколько тревожных дней провели они в Селиванихе, а потом в таежном селе Монастырском. Сколько бессонных ночей коротали за работой, за письмами, беседами, спорами. И хоть характеры у них несхожие, но по партийным вопросам не было между ними разлада. В Андрее Филипп открывал для себя все новые и новые стороны.

Вспомнилось такое. Сговорился как-то Свердлов с местным крестьянином, и тот дал ему на время озерную лодчонку-душегубку. Андрей обучил двух собак на постромках «бурлачить» эту ненадежную посудину по берегу Енисея, вверх по течению. Сам обычно сидел на корме и правил лодкой. Местные жители, и особенно ссыльные, в том числе и он, Голощекин, страшились такой забавы, опасались, что, неровен час, перевернется лодчонка. Свердлов отшучивался:

— Какая рыба позарится на мои кости и кожу? Да и секрет у меня есть: я, как поплавок, непотопляемый.

Видно, были у него любимые места на Енисее. О чем он тогда думал, в какие дали уносила его беспокойная мечта?

Возвращался Андрей самосплавом вниз по течению,

чуть подгребая веслами. На дне лодки дремали собаки, доверчиво вытянув морды к его ногам.

Очень часто после таких поездок садился он за стол и о чем-то торопливо писал...

Но вот путешествия по Енисею стали реже. К Свердлову приехала семья — Клавдия Тимофеевна с детьми Андреем и Верочкой. Многих тогда потянуло к Свердловым. Клавдия затеяла общественный огород. Сообща стали высаживать и выращивать овощи. Свердлов с удовольствием наблюдал, с какой серьезностью относятся к огородным делам жена, дети, помогал им. Ах, как любил на них смотреть Филипп Голощекин, как радовался семейному счастью своего друга!

Свердлова хватало на все. И колоть дрова, и печку топить, и вести наблюдение на метеостанции, где Клавдия Тимофеевна официально числилась заведующей, а все обязанности выполнял Яков Михайлович. И ловить рыбу, и лечить людей (ведь на весь Туруханский край был один земский врач!). И вместе с товарищами лепить пельмени, если удавалось купить в складчину оленье мясо. И сидеть по ночам за книгами. И собирать вокруг себя единомышленников. И писать исследование о крае, в котором они находились, статьи на самые острые темы партийной жизни. Дела, дела, дела. Книги, газеты, самообразование, вечная и неутомимая жажда знаний. И все это — Яков Свердлов. Товарищ Андрей, Михалыч.

Воспоминания Филиппа Голощекина прервал голос друга:

— Пошли, Жорж, все в порядке. Сестра ждет...

Глава четырнадцатая

Встречи, встречи...

Какая это радость для Елены Дмитриевны Стасовой — встречать товарищей, возвращающихся из ссылок, тюрем, с каторги, из эмиграции. Вот и приехали члены ЦК Голощекин и Свердлов.

Стасова много слышала о Якове Михайловиче. И хотя товарищей из Туруханки ждали с началом навигации на Енисее, она с радостью узнала от приехавшего из Красноярска Теодоровича, что Свердлов и Голощекин первыми примчались туда из ссылки, что они уже выступили

перед местными товарищами, перед солдатами, что, может быть, уже едут в Питер.

Колоритная личность Филипп, по партийным кличкам — Жорж, Иванович, Фрам. Царская охранка немало сбила сапог в поисках этого человека, немало извела бумаги, описывая его приметы. Она рассылала филерам его словесный портрет: «Приметы Голощекина: рост два аршина шесть вершков, глаза серые, волосы желтоваторусые, родился 26 февраля 1876 года в городе Невеле. Примите меры к аресту...»

...Красноярцы наперебой, как могли, рассказали о том, что знали, и по их разговорам Свердлов понял — единого мнения, единой оценки происшедших событий нет. И потому столь естественной казалась просьба к нему, члену Центрального Комитета партии, высказать свое суждение, наконец, просто посоветовать.

— Товарищи! Дорогие друзья мои! Мне очень приятно встретиться с вами в новой России, России без царя, без жандармов... Поскольку точка зрения ЦК мне сейчас неизвестна, я буду говорить только от своего имени, высказывать только свое мнение, а уж вам самим решать, что делать дальше и как поступать. Лично у меня нет никаких сомнений, что Временное правительство — буржуазное, империалистическое по сути своей. И отношение пролетариата к нему — соответствующее...

Яков высказал свою точку зрения на оборончество, считая его контрреволюционным, на примиренцев, многие из которых попросту не разобрались еще в существе дела.

Стасова уже слышала об этой речи Свердлова — рассказали красноярские товарищи, опередившие его в дороге. С какой точностью разобрался он, находясь вдали от центра событий, в сложившейся обстановке!

Они не были лично знакомы, но Елена Дмитриевна составила свое впечатление о нем по рассказам товарищей, по его выступлениям и лекциям (вести о них доходили до нее) и, наконец, по переписке, которая установилась между ними с 1913 года. Она мысленно представляла этого человека, закалившего себя в тюрьмах и ссылках, выросшего в крупного революционера, видного партийного деятеля всероссийского масштаба.

Много слышала от товарищей о его смелости, работоспособности и знаниях, его пропагандистской щедрости. Он мог выступать по политическим вопросам в любое время — хоть разбуди его среди ночи.

Елену Дмитриевну радовало и другое — в условиях оторванности от центра, вдали от Ленина, нередко не имея сведений о взглядах Владимира Ильича по тому или иному вопросу, Свердлов занимал истинно ленинскую позицию. В этом она убедилась, завязав переписку с Яковом Михайловичем. Произошло это тогда, когда Стасова находилась на поселении в селе Рыбном Канского уезда Енисейской губернии.

Она помнила многие письма Свердлова и от души жалела, что по соображениям конспирации их не удалось сохранить. Не забыть ей его стремления вселить в товарищей дух оптимизма, глубокую веру в победу революции. Он делился своими мыслями о каждом событии, о каждой прочитанной статье, иногда пересылал их заказным письмом, именно заказным, чтоб цензура не уничтожила — ведь за пропавшее заказное письмо почта обязана была выплатить червонец.

Тогда, в годы переписки, и окончательно сформировался в ее воображении образ Свердлова — твердого, не знающего устали, пытливого большевика.

И вот он перед ней, в ее квартире на Фурштадтской.

Яков Михайлович давно ждал этой встречи. Он всегда с уважением относился к деятельности Стасовой, к ее высокой интеллигентности, много слыхал о ее семье... Да и кто в Петербурге не знает Павловских казарм, входящих в ансамбль Марсова поля, или Триумфальных ворот у Московской заставы, или Нарвских ворот, поражающих воображение своей величественностью, строгостью композиции. Все это творения Василия Петровича Стасова, выдающегося архитектора, деда Елены Дмитриевны. А ее дядя, Владимир Васильевич Стасов, крупнейший в России критик, друг и глашатай художников-передвижников и композиторов «Могучей кучки»! А знаменитые «Музыкальные четверги» в доме ее отца — Дмитрия Васильевича, которые Елена Дмитриевна называла «папиным собранием». О них знали вся петербургская интеллигенция, студенчество.

Елена Дмитриевна была достойной представительницей этой семьи, но в своих революционных взглядах пошла дальше. Ее путь в большевистскую партию был естественным, как и путь многих видных представителей русской интеллигенции.

Секретарь ЦК, женщина огромной воли и стойкости, абсолютной эрудиции — и кличка-то у нее Абсолют, —

была, несомненно, информирована о делах партии. Именно такой и представлял ее Яков Михайлович.

— Не ждали? — спросил Свердлов.

— Ждала, очень ждала.

Стасова познакомила Свердлова с родителями — Поликсеной Степановной и Дмитрием Васильевичем. Яков Михайлович почувствовал их стремление расположить гостя к свободной, непринужденной беседе.

— Дочь ваша, право, молодчина. Выбралась из Сибири в Питер, совершила революцию и нас из ссылки вызволила,— шутил он.

Старики смеялись, а Елена Дмитриевна благодарно смотрела на Якова Михайловича — давно уже не были так веселы ее, увы, сильно постаревшие родители.

Яков узнал от Стасовой, что в Питере немало екатеринбуржцев и среди них Быков и Черепанов. Это обрадовало — уральцы стали его земляками. А Быков и Черепанов — это Мельковка, завод Ятеса, это знакомство с Клавдией...

Словно угадав его мысли, Елена Дмитриевна спросила:

— Семья осталась в Туруханке?

— Да... Выедет оттуда, как только начнется навигация на Енисее.

Они много говорили о делах. Картина была для большевиков нелегкой — сказались репрессии царской охранки и предательство различного рода соглашателей. Даже численно большевики значительно уступали другим партиям — их по всему Петрограду насчитывалось не более двух тысяч человек, причем большинство из них сосредоточилось в Нарвском, Выборгском, Василеостровском и Петроградском районах. Во всех остальных районах города — всего 250 ленинцев.

Если так сложно положение большевиков в столице, каково же им на местах!

В Таврический он пришел вместе с Голощекиным. У входа в актовый зал стоял огромный стол, заваленный бумагами. На большом листе бумаги чернилами было написано: «Бюро Центрального Комитета РСДРП (б)».

Из-за стола вышла Стасова.

— Вот и наш Секретариат,— сказала она.

— Ну что ж, по-моему, недурно на первый случай. А ты как думаешь, Жорж?

Тот согласно кивнул.

В эти дни большевики ждали возвращения Владимира Ильича. Хотя Временное правительство и объявило всеобщую амнистию политическим эмигрантам, преград на пути возвращения Ленина в Россию было немало. Особенно усердствовал английский посол Бьюкенен, которого в осведомленных кругах именовали «некоронованным королем России». Одна французская бульварная газета пустила слух, что по приезде на родину эмигрантов ожидает тюрьма и ссылка. Временное правительство, его министр иностранных дел Милюков не стремились опровергнуть разные провокационные сообщения.

Все эти слухи, естественно, не могли остановить Владимира Ильича — в этом большевики не сомневались. И все-таки, когда приедет Ленин, Стасова не знала.

Не знал и Сталин, с которым Яков Михайлович встретился в редакции «Правды» на набережной реки Мойки.

Свердлов листал мартовские номера газеты, и прежде всего внимание его привлекла опубликованная в двух номерах — за 21 и 22 марта — ленинская работа «Письма из далека». Вот «Письмо 1. Первый этап первой революции».

— Владимир Ильич написал несколько писем,— объяснил Сталин,— но напечатали пока только одно.

Читая «Письмо» Ленина, Яков Михайлович ощущал справедливость и точность каждого слова, сверял собственные мысли, свою оценку момента, Временного правительства. Получил он подтверждение и непримиримого отношения к оборонцам... «Правительство октябристов и кадетов...— читал он,— *не может* дать народу *ни мира, ни хлеба, ни свободы*». «...«Задачей дня» в *этот* момент должно быть: *рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции*».

В ЦК, во дворце Кшесинской, Яков Михайлович увидел Николая Ильича Подвойского. Они встречались в 1904—1905 годах в Костроме и Ярославле, куда приезжал молодой Свердлов по заданию Северного бюро ЦК. Сейчас Подвойский в «военке» — Военной организации большевиков, ее боевой и активный работник.

Стройный, худощавый, с небольшой бородкой клинышком, Подвойский казался более молодым, чем был

на самом деле. Свердлов помнил его юношескую пылкость, и казалось, что ничего не изменилось в нем за эти без малого двенадцать лет. Разве только стал он более подтянутым и строгим. Военный да и только.

— Рад видеть тебя, Яков Михайлович, в Питере. Надолго ли в столицу? — торопливо спросил Подвойский.

— Нет, ненадолго. Нужно ехать в Екатеринбург. Мое место сейчас там, надо готовить партийную конференцию.

— Между прочим, много уральцев приехало на Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Я иду туда.

...Неужели это Быков? Перед Свердловым стоял высокий, подтянутый, широкий в плечах прапорщик. Лицо его с небольшими усиками — не по годам суровое, и совсем не просто в атлетически сложенном военном узнать парня из Мельковской слободы, увлекающегося стихами. Столько лет прошло!..

— Павел!

Быков, читавший в этот момент какое-то воззвание, увидел Свердлова и заулыбался всем лицом.

— Товарищ Андрей! Дорогой Яков Михайлович!

Они обнялись, никого этим не удивив. Здесь, в помещении ЦК большевистской партии, такие встречи были нередкими. Встречались товарищи по баррикадам, по тюрьмам и ссылкам.

Свердлов взял Быкова за руку и потянул к окну, туда, где стоял небольшой диванчик.

— Садись, рассказывай, дружище! Ты себе даже не представляешь, как я скучаю по Уралу. Как велика охота повидать товарищей, побывать на Проезжей, пройтись по Главному проспекту, взобраться на Каменные палатки или посидеть на берегу Шарташа. Да рассказывай же, рассказывай! Или нет, погоди. Знаешь что? Пока совещание не началось, давай-ка соберем уральцев.

— Где? — спросил Быков.

— Да здесь же, здесь.

Яков Михайлович взглянул на часы.

— На организацию сходки уральцев — десять минут. Вперед, прапорщик Быков!

Павел улыбнулся — как это похоже на товарища Андрея!

Уральцев на совещание действительно прибыло немало. С одними Яков был знаком по Екатеринбургу, с другими вместе сидел в тюрьмах.

Перед глазами Свердлова словно наяву прошли революционные события в Екатеринбурге. В марте 1917 года рабочие освободили из тюрем политзаключенных, и они сразу же избрали временный комитет большевиков...

— Вы Малышева не знали? — спросил Быков.

— Слыхал только,— ответил Яков.

— Его избрали председателем. А меня, после того как слились рабочий и солдатский Советы, избрали председателем Екатеринбургского Совета.

— Рад, что во главе Совета — большевики. Да ты подробнее, подробнее.

— Призвали в прошлом году, закончил в Чистополе школу прапорщиков. А теперь — в Екатеринбурге, в 124-м полку. Солдаты и выбрали меня в Екатеринбургский Совет.

— А брат, Виктор, все скитается по рудникам?

— Нет, вернулся, мы с ним вместе в Совете работаем.

Вдруг Яков встал и, тронув Быкова за плечо, сказал:

— А это помнишь?

По-ораторски вскинув руку, он продекламировал:

Тираны, страшитесь!
Пред знаменем красным
Покорно склонитесь.
Про
ле
тари
ат
Идет!

Быков смущенно посмотрел на Свердлова. «Неужели запомнил? Ведь это его, Павла, стихи!»

— Ну рассказывай, рассказывай, Павел. Кто еще из старых екатеринбуржцев на месте?

— Да многие, Яков Михайлович. Петр Ермаков, Семен Глухих, Николай Давыдов, Леонид Вайнер. Его-то вы, видно, не знаете...

— Как же, в Перми были вместе.

— А с Малышевым познакомитесь. Толковый он, крепкий.

— Конечно, познакомлюсь, как только приеду.

— И обязательно познакомьтесь с Юровским.

— С Яковом Михайловичем, моим тезкой? Да мы же с ним в Томске через стенку в тюрьме перестукивались. Правда, никогда его не видал. Ничего, скоро увидимся.

В дни Всероссийского совещания партийных работников уральцы собирались не раз. Обсуждали, намечали

пути создания Уральской партийной организации. Были здесь кроме Быкова Цвиллинг, Крестинский, пермяки, уфимцы, челябинцы. Все высказывали твердое мнение: товарищу Андрею непременно надо ехать в Екатеринбург — географический центр Урала.

Это мнение совпало с желанием Свердлова, его стремлением туда — к своей молодости, к своим боевым товарищам. Ехать он решил сразу после совещания партийных работников.

Глава пятнадцатая

Потапыч

Григорий Ростовцев пришел домой поздно — снова задержался на митинге. Митинги теперь каждый день — то на заводе, то в цирке «Модерн» на Петроградской стороне, то просто на улице, у какой-то афишной тумбы. Меньшевики и эсеры кричали о свободах и благах народных, о том, что они и есть главные партии рабочих и крестьян. Эсеры, правда, убеждали, что их партия рабочая, потому что... крестьянская. Кто такие, мол, рабочие? Вчерашние крестьяне.

Этот митинг на Металлическом заводе действительно был бурным. Выступали друг за другом ораторы-меньшевики, эсеры, большевики. Слесарь Дмитрий Иванов, или просто Митрич, пятидесятилетний бородач с металлическими очками на мясистом носу, негромко буркнул:

— Все агитируют. Уже в третью партию, видно, буду записываться.

— А в какие, Митрич, записывался-то? — смеясь, спросил Ростовцев.

— Да одних меньшевиками зовут, значит, меньше их. Другие про мужика больно уж красиво говорили. А теперь вот большевики. С ними я согласный — они за мир и против войны. И Временному правительству не доверяют. Не наше оно — буржуазное, а значит, и цели ставит буржуазные — за продолжение войны и прочее.

— Так, может, ни в какую партию не вступать? — снова спросил Григорий.

Сосед Митрича по работе, Потапыч, тоже Дмитрий и тоже Ивáнов, ответил за товарища:

— Как же тут не вступишь? Революция ведь. Нескладно вроде без партии. Мне бы вот тоже...

И расстроили, и обрадовали Ростовцева два неразлучных друга — Митрич и Потапыч. Расстроили тем, что порой поддаются увещеваниям меньшевиков и эсеров. С другой стороны, было ясно, и это отрадно, что ни у меньшевиков, ни у эсеров, несмотря на кажущееся благополучие, нет прочной, осмысленной людьми основы. Вот Митрич в третью партию собирается вступать. Значит, он хочет иметь свою, единственную, ту партию, которая ему по душе. Но он пока еще не во всем разбирается...

С некоторых пор на заводе стало модным слово «оратор». Оно объединяло всех — и левых, и правых, и партийных, и беспартийных. Кто выступает — тот оратор.

Уже выступили многие. И он, Ростовцев, выступал. Слушали его вроде внимательно, да только был он недоволен своей речью. Эх, Якова Михайловича бы сюда!..

Громче всех орал с трибуны меньшевик, хотя на вид он был сухоньким, невзрачным. Ростовцев припомнил его фамилию: Либер. Речь его, правда, не отличалась особой стройностью, но говорил он красиво:

— Нет, мы не именуем себя правящей партией — таковой в единственном числе сегодня не существует. Но мы, социал-демократы, меньшевики, вправе напомнить рабочему человеку, что именно мы выражаем его интересы, что именно мы создали прочную, революционную власть, что именно мы...

Ростовцев уже собрался прервать меньшевика, как произошло неожиданное: Потапыч, кашлянув в кулак, не очень уж громко, но довольно отчетливо сказал:

— Ты не серчай, товарищ оратор, но у меня вопрос.

— Пожалуйста, пожалуйста,— широким жестом Либер пригласил его говорить.

Потапыч с неожиданной ловкостью поднялся на небольшое возвышение, стал рядом с меньшевиком и сказал:

— Ты вот про все на свете знаешь, и вроде, когда говоришь, все понятно.

— Это естественно,— попробовал вступить в разговор оратор, но Потапыч жестом руки остановил его.

— Вот и сын мой, Сергунька, говорит вроде тебя, меньшевиков хвалит. А Николка — он слесарем на железной дороге — твердит одно и то же — серы да серы...

— Эсеры, очевидно,— поправил меньшевик,— социалисты-революционеры, значит...

— Так и есть,— согласился Потапыч.— А дочь моя, Катюша, стало быть, большевичка, только и говорит Сергуньке: «Эх вы, марксисты липовые». Вот и считай: большевики, меньшевики, эсеры да еще к тому же марксисты... И все кричат, что они-то и есть рабочая партия. Попробуй — выбери...

Григория насторожило, что Потапыч заговорил о Кате и при этом, как показалось Ростовцеву, посмотрел на него не то с вопросом, не то с укором. А с Катей у Григория были отношения особые...

Потапыч продолжал:

— А я, по правде, уже опасаюсь. Четыре раза в Думу выбирал. И все — пальцем в небо. Как за кого проголосую, так обязательно не изберут...

Легкий смешок горошком покатился среди рабочих.

— Простите,— попытался урезонить Потапыча Либер.— У нас разговор серьезный, и если у вас действительно есть важный вопрос...

— Очень важный,— клятвенно положил руку на грудь Потапыч.— Вот Митричу, дружку моему, например, легко: он, чтоб не ошибиться, к большевикам потянулся. Говорит, ежели все партии рабочие, так уж лучше к большевикам — они против войны. Я тоже мог бы... Да вот сумление у меня имеется. Ежели все партии рабочие, то почему же ораторы по-разному толкуют? Да и может ли так быть, чтоб все три — рабочие? Вот и выходит, что рабочая-то одна, а другие поддельные. Кто-то из вас, стало быть, извини меня, брешет. А?

— Видите ли... Вы хотите получить ответ на этот вопрос...— профессорским тоном тянул меньшевик.

— Хочу, да не от тебя. Ты уж извини, но всякий кулик свое болото хвалит. А вот записываться к вам пока не буду. Потому как для меня это дело не шутейное, ведь я кому-то из детей должен предпочтительность отдать. А они у меня все честные, рабочие.

Ах, Потапыч, Потапыч! Люди вокруг смеялись, а он, Григорий Ростовцев, даже растрогался. И не потому, что в этот день никто ни в какую партию не записался,— словно задуматься над тем, что происходит, очнуться ото сна призвал их Потапыч. Старику никто не аплодировал, не говорил «правильно» или «долой», как это теперь модно. Просто смотрели на него во все глаза, будто видели впервые. Вот он какой, этот всегда склонившийся над замасленными тисками человечек, который, казалось, и склонялся-то пониже, чтобы его труднее было заметить.

А у него в душе тоже революция: дома, видать, нелегко — трое детей, и все в разных партиях.

А дочка у Потапыча в самом деле особенная. Ростовцев увидел ее впервые, когда она еду отцу приносила на завод, и врезались в память ее озорные глазенки. Потом ему казалось, что Катя не замечает его любопытных взглядов и вообще не обращает на него внимания.

Ростовцев жил одиноко. Не встретилась ему на пути женщина, которая могла бы это одиночество разрушить. Так уж складывалась его судьба, швыряла по новым местам, нигде подолгу не засиживался. Из Нижнего — в Пермь, в Мотовилиху, а точнее, в помощь Якову Свердлову, потом Петербург. Тогда, в тринадцатом году, он последний раз видел Якова, кажется, в редакции «Правды». С тех пор Григорий почти безвыездно (арестовали все-таки в пятнадцатом, но улик не нашли — отпустили) в Питере, да и то болезнь тому причиной: после того как упала на ногу тяжелая шестерня, оказался он чуть хромым на левую ногу. Сразу от двух бед, горько шутил он, избавило его это — от призыва в армию и от женитьбы. Хотя хромота его была не такой уж заметной.

Запала ему в душу дочь Потапыча. И какова же была его радость, когда однажды увидел ее на митинге рядом с Подвойским. Николай Ильич познакомил их тогда:

— Это наша Катюша.

— Мы уже встречались. Да только неразговорчив товарищ Ростовцев,— улыбнулась Катя.

— Да, это верно,— подтвердил Подвойский.— Ростовцеву любое дело можно поручить. А вот насчет речи — тут он не очень...

— Это заметно,— опять улыбнулась Катя.

Катюша, милая... Значит, она его запомнила. Как хорошо, что она большевичка. Пошла против родных братьев. Смелая. А внешне ни за что не скажешь.

С тех пор нет-нет да задумается Григорий о своем житье-бытье. Комната его, выкроенная из чердачного помещения трехэтажного дома, никогда не казалась ему маленькой и неуютной. Он привык к этой железной солдатской кровати, к запаху от дымоходной трубы, к постоянному шуму дождя о жестяную, покрашенную красной краской крышу. Питался он чем попало и пищу готовил себе на керосинке, купленной по случаю у дворника Никодима.

И вдруг шальная мысль закралась ему в голову: вот пришла бы сюда Катя! В комнате нет даже стульев,

лишь одиноко стоит самолично сколоченная табуретка. Ему стульев и не надо. Читал он за этим самым шкафчиком-столом, а если кто заходил — усаживал гостя на табуретку, а сам садился на кровать. Да и так ли уж часто приходилось ему бывать дома? Кто придет, да еще поздно, когда он с работы вернулся?

Григорий, усталый и разморенный теплом от дымоходной трубы, собирался уже было погасить керосиновую лампу и завалиться спать, как в дверь постучали.

— Не спишь, Григорий? — послышался голос Никодима.— Тут тебя господин-товарищ спрашивает.

Нельзя сказать, чтобы жильцы любили дворника Никодима, но недоверия к нему не испытывали: не пьянствовал. Правда, был он сердит, ворчлив и несговорчив, зато за порядком во дворе следил ревностно.

Ростовцев открыл дверь и удивился: за спиной Никодима стоял Яков Михайлович, он надеялся, как выяснилось потом, встретить у Григория кого-нибудь из нижегородцев — Ивана Чугурина или Митю Павлова.

— Вот, к тебе, Григорий,— сказал дворник.— Я сам проводил, потому как вопрос имеется.— И, указывая головой на Свердлова: — Не большевик ли?

— Большевик. А почему это вас интересует? — спросил Свердлов.

— Да и не знаю, как сказать... Звать-то как прикажете?

— Яков Михайлович.

— Так вот...— мялся Никодим.— Хотел было одного Григория просить, а тут оба вы... Не зашли бы ко мне чайку попить?

— А что случилось?

— Да брательник пришел ко мне... младший, стало быть, Викулов Иван Васильевич. Солдат он. Отпустили до утра... И все на фронт рвется. Жалко мне его... Один ведь остался. Другого, среднего, немцы убили.

Григорий увидел, как повлажнели глаза Никодима, и немало тому удивился: очень уж непохоже было это на сердитого дворника... Если б не Михалыч, он, конечно, сейчас пошел бы — просто интересно поговорить с солдатом.

— Я зайду,— сказал Никодиму,— вот побеседуем с Яковом Михайловичем и зайду.

— Нет, почему же? — запротестовал Свердлов и совершенно по-детски добавил: — Я тоже хочу... чаю.

Ростовцев выразительно посмотрел на Свердлова, но

тот, казалось, не замечая его многозначительных взглядов, подтвердил:

— Да-да. Мы придем.

— Вы не сумлевайтесь, он смирный, Ванюша-то...

— А мы не боимся, Никодим Васильевич. Словом, придем.

Когда дворник вышел, Григорий заколебался: нужно ли идти Свердлову? Кто знает, что на уме у брата дворника Никодима.

— Ну-ну, успокойся, Ростошка. Неужели мы с тобой труса праздновать будем? Ты понимаешь, что мне просто интересно. Подвойский сегодня рассказал, как необходимо укрепить наши позиции в гарнизоне. Как ты думаешь, нужно мне понять человека, который ни с того ни с сего сам рвется на фронт? Впрочем, смотри, я могу сходить и один.

— Ну уж нет! — категорически запротестовал Ростовцев.

Порывшись в постели, он положил в карман что-то тяжелое.

— Оружие оставь дома,— сказал Яков.

— Ни за что! Не беспокойся, я упрячу его понадежнее.

— Нет, мы идем к друзьям, если не сегодняшним, то завтрашним. Идти к ним с оружием нельзя. И дело совсем не в этом, увидят они твой револьвер или нет...

Глава шестнадцатая

В дворницкой у Никодима

Окна квартиры дворника Никодима в доме, где Григорий снимал комнатенку, выходили и во двор, и на улицу. При входе, отделенном от земли одной деревянной ступенькой, стояли дворницкие доспехи — лопаты, метлы, совки разных видов, а в самом углу лежал тяжелый топор. На гвозде висел фартук — гордость и щит любого петроградского дворника.

— Входите, граждане. Вот тут, в передней, и раздевайтесь. А шапка-то у вас знатная. Медвежья, что ли?

— Оленья.

— О!..— пропел Никодим, понимая, откуда, из каких мест привозят оленьи шапки.

Он повесил на аккуратно сделанную деревянную вешалку пальто и шапку Свердлова, полупальто Григория.

— Вот и наша конура.

— Почему же конура? — не понял Свердлов.

— Должность собачья, потому и конура.

Из передней дверь, тоже через ступеньку, вела в «зал», как торжественно называл Никодим маленькую комнату, предназначенную, очевидно, для гостей. Обстановка этой комнаты обычная: стол, комод, четыре стула да между двумя окнами — небольшой мягкий диванчик. Над ним — множество фотографий, разных по размеру.

На столе, ближе к краю, на пожелтевшем подносе стоял самовар, уже остывший, а посреди стола поблескивала неначатая бутылка водки.

Никодим вошел первым и поплотнее прикрыл дверь, которая вела в соседнюю комнату, видимо, там спали его домочадцы.

За столом, подперев лоб кулаком, сидел солдат. Он поначалу даже не обратил внимания на вошедших — мало ли кто придет к дворнику,— бормотал какую-то песенку, выстукивая пальцами по столу барабанную дробь.

— Здравствуйте,— произнес Свердлов, и от его баса солдат встал и по всем правилам отчеканил:

— Здра... жлаю! Рядовой Иван Викулов!

— Садитесь к столу,— пригласил Никодим,— гостями будете. Вот брат родной. Не виделись давно.

Свердлов подал Ивану руку, посмотрел ему в глаза и, придвинув стул, сел рядом.

Иван чувствовал себя в центре внимания — так пристально смотрели на него гости.

Выглядел солдат моложаво и, вероятно, зная это, для солидности выпустил на лоб вихрастый казачий чуб, что делало бы его лицо и строже, и даже суровее, если бы не доверчивые глаза, которые Иван старательно прятал под неестественно насупленными бровями.

— Никодим взял в руку бутылку.

— Мне, если можно, чайку,— попросил Яков Михайлович.

— Нет уж,— запротестовал Иван.— Это неуважение к революционному солдату.

— Вы меня извините, гражданин революционный солдат,— ответствовал Свердлов,— но я даже за Новый год вина не пью. Ничего не поделаешь — не люблю.

Он сказал это так твердо и категорично, что солдат сдался.

— А ты? — спросил Иван у Григория.

— А он, пожалуй, рюмочку выпьет,— ответил Яков за Ростовцева.— Так за что же вы предлагаете выпить?

Видимо, Иван собирался произнести очень торжественную речь, вспомнив все, что услышал за последнее время на солдатских митингах, прочитал в газетах, запомнил из разговоров в казарме и на улицах. Он медленно и многозначительно поднялся со стула, долго откашливался, прежде чем начать... Нет, перед братом или этим рабочим он не стал бы выкаблучиваться, а вот бородатому в очках стоит кое-что порассказать. Видали, мол, мы и не таких — всякие в наших казармах агитаторы перебывали.

— Я предлагаю выпить за демократическую республику для всего русского народа. И еще за наше, рабочее, крестьянское, солдатское, Временное правительство, которое есть дух нашего патриотизма. И еще за победу над злейшим нашим врагом — Вильгельмом, которую мы добудем своей горячей революционной кровью. Вот!

Он посмотрел на Якова Михайловича без угрозы и злости.

Свердлов даже не взглянул в его сторону. Он чистил лежавшую перед ним на тарелке картошку «в мундире», словно то, что говорил солдат, его вовсе не касалось. Яков Михайлович посолил картошку и деловито отправил в рот.

Солдат посмотрел на него, на Григория — в его глазах тоже не прочел одобрения, на Никодима, которого мучило только одно: уговорят брата не проситься на фронт или нет, и решил, что этим людям его не понять.

Яков Михайлович посмотрел на тяжело вздыхающего Никодима, потом на Григория, на лице его было написано: я же говорил — нечего нам здесь делать... И только солдат был, вероятно, доволен собой.

Свердлов терпеливо дал ему насладиться собственным красноречием.

— Я слыхал, что брат ваш погиб на фронте,— сказал, наконец, он.

— Да, погиб бедняга,— поспешил подтвердить Никодим.

— Он вам писал с фронта?

— А как же. Такие письма писал...— ответил Никодим и подошел к комоду, вытащил из ящика аккуратно сложенный листок пожелтевшей бумаги.— Уж как писал-то красиво — он средь нас самый грамотный был. Вот:

«А еще сообщаю тебе, что завтра, наверно, пойдем в бой на заклятого врага нашего — немца. И так я себе думаю: неужели отдадим мы вражине нашего царя и нашу Россию? Да не будет этого! Вот и двинем мы завтра вперед, на врага! С нами бог, а потому не тревожься, Никодимушка...»

Голос Никодима сорвался, и Яков понял, для кого прочитано это письмо. Он вынул из кармана газету, развернул ее и тихо, словно в ответ, сказал:

— А вот я прочитал сегодня в газете любопытную речь Родзянко. Хотите послушать? — И, не дождавшись ответа, прочитал:— «Братья, неужели мы немцам отдадим свободную Россию? Не будет этого! С богом на врага!» Скажите, когда ваш брат погиб?

— Да уж два года прошло.

— Значит, до революции. А слова те же... тот же бог, тот же враг. Тот же лозунг — война до победного конца. Что изменилось?

— Так тут же сказано: «свобо-о-дную Россию»,— почти пропел солдат.— Значит, не за царя уже...

— А за что?

— За республику...— ответил Иван и на всякий случай добавил: — Демократическую.

— Понятно. Хотя честно говоря, не очень. Может, вы мне объясните, что это значит?

Свердлов подмигнул Ростовцеву — это, дескать, только начало, и озорные огоньки уже засверкали в глазах Якова Михайловича. Они-то знакомы Григорию!

Иван не торопился с ответом, видимо, желая сказать как можно умнее.

— Это когда,— вспомнил он все, что слышал о демократической республике,—когда всем все поровну.

— Так... Значит, поровну. Интересно, миллионер Родзянко наравне с вами на фронт собирается? Или, может быть, сахарозаводчик Терещенко? Или министр Гучков? А может, они своими миллионами собираются поделиться — полмиллиона себе, полмиллиона вам? А как же: поровну так поровну. А вы потом со мной поделитесь...

Солдат сначала растерялся: чего говорит этот чернявый? Какие ему полмиллиона? Потом сказал:

— Причем здесь Родзянко.

— Как при чем? Это же и есть ваша демократическая республика. А может, вы думаете, республика в том, чтоб красивые речи говорить? Тогда научите, я, например, не умею...

Иван посмотрел на Никодима и никак не мог понять, чего от него хотят.

— Так они же,— стал объяснять Григорий Ивану,— Терещенко и Родзянко, как были капиталистами, так и остались. А ты как был бедняком, так бедняком и будешь.

— Я свободный,— упрямо твердил Иван.

— Правильно. Свободный бедняк,— уточнил Григорий.

— Ну, с этим я не согласен,— снова вошел в разговор Свердлов.— Вероятно, Ивану Васильевичу уже кое-что пообещали — землю, например. Вы откуда сами-то? — обратился он к Никодиму.

— Ярославские мы.

— Бывал в этих местах, знаю. Бедные там деревеньки.

— Ох, бедные...

— Но зато вам теперь там землю дадут — или в другой губернии?

— Какую там землю...— простонал Никодим.

— Как это какую? — вспылил Иван.— Нам посулили: как только победим Вильгельма, так сразу землю и нарежут.

— И у кого же ее отберут? Ведь свободной земли нет,— уточнял Свердлов.

— Мне-то какое дело. Лишь бы дали...

И такой вздох вырвался из груди солдата, что Свердлову стало жаль его. Он вдруг представил себе Ивана не в солдатской шинели, а в посконном крестьянском рубище, может, в лаптях, а может, босиком, идущим за плугом. Такими задумчивыми показались глаза Ивана, столько в них было тоски и надежды, что Яков понял: нет для этого человека ничего дороже земли. «Что ж, все правильно. Под солдатскими шинелями бьются сердца крестьян».

— И вы серьезно верите, что вам дадут землю? Впрочем, брат, по-видимому, тоже верил в это. Он ждал ее от царя, вы — от Родзянко.

Вдруг Иван тупо уставился на брата:

— Ты кого привел? А? По-моему, это большевики.

— Да нет, что ты, Ваня, они беспартийные...

— Почему же беспартийные? — спокойно сказал Свердлов.— Я лично большевик. За это при царе в Сибири побывал, в тюрьмах сидел.

— Вот такого мы уже один раз подняли на штыки. Приходил агитировать нас, чтоб войну кончать, — возбужденно проговорил солдат.

— Это ужасно,— возмутился Свердлов.— Нашли чем хвастать — убивать своего же брата. Придет время, и вы тяжело раскаетесь за эту подлость.

Иван поднялся и уставился на Свердлова:

— Значит, мы, солдаты, подлецы? Да?

— Подлецы и убийцы, если посмели так расправиться с большевистским агитатором.— Свердлов не мог представить себе страшную картину смерти агитатора.— Подлецы и убийцы. Человек пришел, чтобы принести вам правду — не липовую, не поддельную, а настоящую, рабочую, крестьянскую правду, а вы его на штыки. Он против войны, видите-ли... Да, мы, большевики, за мир, за то, чтобы закончить эту кровопролитную бойню. Конечно, мы против того, чтобы открыть немцам фронт... Но народы должны сами решить судьбу войны и мира! Народы, а не капиталисты, не Терещенко и не Родзянко, которым война эта выгодна.

— Замолчи! Слышь?!

— Остынь, Ванюша,— успокаивал брата Никодим, но тот уже озирался по углам, отыскивая что-нибудь тяжелое. Вдруг он рванулся в переднюю, где лежал топор, но на пути его встали Ростовцев и Никодим.

— Не держите его,— сказал Свердлов.— Пусть хватает нож, топор, винтовку. Он же научился убивать братьев, своих ли, немецких — какая разница...

— Вы и есть враги революции! Вы против войны, хотите Россию немцам отдать!

— Не говорите глупостей. Вы же сами не верите в то, что плетете. Понимаю, вам пока трудно во всем разобраться. Но придет время, и вы поймете... Если не будет поздно. Ведь что ни говори, а пуля — дура.

— Не позволю...— уже не грозился, а стонал Иван.

— И землю не просить у буржуев нужно, а отбирать, потому что даже комочка глины никто еще добровольно не отдавал...

Когда Свердлов и Григорий уходили, Иван, уронив голову на стол, сквозь слезы лепетал: «Не позволю...» Но это не была истерика хмельного человека — это были слезы отчаяния.

Глава семнадцатая

«Благо тому, кто уяснит свои стремления»

На Широкой жила семья Бессеров, екатеринбургских друзей Якова Михайловича. Кирочка была еще совсем ребенком, когда там, в Екатеринбурге, познакомилась с Яковым Михайловичем. Запомнились ей добрые, все понимающие глаза, черные, как смородина. Всякий раз, когда Свердлов появлялся у них в доме, ей становилось радостно, а главное — всегда интересно.

Но обычно Кирочка грустила. Она часто болела и, видимо, поэтому страдала, попросту говоря, хандрой. Ее родители, Александр Александрович и Лидия Ивановна, переехавшие в Питер, летом увозили ее в деревню.

«Чем живет, о чем мечтает это юное существо? — нередко размышлял Яков Михайлович.— Она увлекается скульптурой, но, должно быть, это пока еще поверхностное увлечение».

И он слал письма — из тюрьмы, из ссылки — не только отцу и матери, но и Кире. Он отвечал ей на письма. Вот, к примеру: «Трудная штука избрать что-либо такое, что удовлетворило бы. Благо тому, кто уяснит свои стремления и сразу же сумеет повести занятия по выбранному предмету. Это мало кому удается, особенно у нас на Руси. Я все же думаю, что больше всего внимания Вы должны уделять работе над скульптурой, изучая, с одной стороны, технику, с другой — историю искусства вообще».

Она хранила его письма. Иногда это были простые поздравления к празднику, но даже в них Кира находила что-то очень важное, очень существенное для себя, словно умел этот человек почувствовать, что ей более всего необходимо.

Каким уверенным в своей правоте нужно быть, чтобы в тюрьмах, ссылках не потерять себя: чувство полной оторванности от всего мира, от всего, что дорого, близко,— это ужасно тяжелая штука... Особенно для человека с такой кипучей энергией, читала между строк Кира. «В самом бродят такие силы, которые не дают сжиться, примириться с окружающим...» Она восторга-

лась его умением даже в самые тяжелые минуты верить в будущее. Ах, как это важно! Как учнлась и учится у него она! Мама понимает это и, может, потому с таким удовольствием читает ей письма.

— Ты подумай, Кнрочка, ведь письмо из ссылкн. Из ссылки!.. «В общем же жнть можно. Вскрылась река, кругом лес шумит, проезжают лодкн за лодками, скоро покажется н пароход... Всего-всего доброго н бодрого... Надеюсь встретить Кнру и Вас здоровыми. Не скоро? Что ж из этого. Не век же прожнву здесь. Сохранюсь, уцелею, не превращусь в «обломок» человека...»

А вот из тюрьмы: «Дорогне друзья! Из-за толстых стен шлю свой горячнй привет... всему семейству. Очень жаль, что пока не могу нсполнить просьбу Кирочки (может Александровны?) и напнсать на интересующую ее тему о смысле жизни. Обсуждение вопроса требует больше места, нежели то, которым я при данных условиях располагаю. Но обещаю не забыть и при первой возможности напишу со всей обстоятельностью, на которую способен. Думаю, что такая возможность представится прнблизительно через один — полтора месяца. В конце месяца ожндаю отправкн. Ждал еще в конце марта, но ничего не вышло; ну, да оно не беда. Полагаю, что придется на этот раз проехать немного дальше. В силу счастливой случайности знаком с речью Маклакова в Думе, она не сулнт мне ничего хорошего. Но сне не важно. Я ведь из той категории человеков, которые всегда говорят: хорошо, а могло бы быть хуже. Но так как абсолютного вообще не существует — я ведь дналектик, а значит, релятивист,— то подобное положение утешает при всяких обстоятельствах. Я не помню точно, но предполагаю, что, когда тонул, думал так же: могла бы быть н более тяжелая смерть. Что ж писать о себе? Живу хорошо, насколько это возможно при данных условиях. Занялся французским языком, теперь более или менее читаю, конечно со словарем. Есть у меня французскне, немецкие книги. Но не только учебой в буквальном смысле занимаюсь, пополняю и общие знания. В этом отношении дело обстонт неважно: мало материала, но кое-что все же находится. Уделяю время и поэзии, порой увлекаюсь даже ею. Побывали у меня Шелли, Верхарн, Верлен, Эдгар По, Бодлер, Кальдерон, не счнтая многих пишущнх прозой. Перечитываю частенько Гейне, он у меня в подлиннике, я довольно хорошо к нему отношусь. Как виднте, жизнь моя до-

вольно богата. Если же прибавить ко всему «силу духа», дающую возможность чуть ли не в любой момент переноситься в наиболее желательный пункт земного шара, то я иногда с друзьями беседую. Хорошо, Лидия Ивановна, жить на свете! И дочери своей должны сие внушить. Жизнь так многообразна, так интересна, глубока, что нет возможности исчерпать ее. При самой высшей интенсивности переживаний можно схватить лишь небольшую частицу. И надо стремиться к тому лишь, чтобы эта частица была возможно большей, интересной... Настроение самое что ни на есть болтливое... Вы говорите, что я еще ничего и не сказал? Факт! Черкните мне в Сибирь, как буду там. Не хотел бы терять с Вами постоянных сношений. Всего доброго Вам всем. Кирочке цветущего здоровья, а Вам обоим вообще всего наилучшего. Крепко жму всем руки...»

Кира перечитывала эти письма и тогда, когда ей что-то в жизни удавалось, и когда было трудно. Они существовали уже сами по себе, независимо от Свердлова, как ее мысли, ее чувства, ее настроение. И она писала ему в тюрьму и в Сибирь. Не только потому, что это ему приятно, но и потому, что ей необходимо. Как радостно было прочитать: «Всегда думаю о Вас тепло, задушевно. Люблю Ваши письма... Бегут года, бегут».

Кира смотрела на Свердлова. Узнавала его и не узнавала... Розовая косоворотка, высокие сапоги — то, что сразу бросается в глаза... Бородка, пенсне. Она мысленно подсчитала: ему тридцать второй год. Впрочем, годы эти не простые, около двенадцати из них — тюрьмы, ссылки. Но у него такая же пышная шевелюра, такие же не слишком широкие, но крепкие плечи, такая же юношеская подвижность. И, конечно, деликатность.

— Ах, какая вы стали взрослая! — с искренним удивлением воскликнул он и посмотрел на нее добрым улыбчивым взглядом.

Да, девушка совсем взрослая. И хороша собой — круглое лицо, подчеркнутый ровной прядью черных волос высокий лоб, брови вразлет... Но почему же взгляд ее по-прежнему такой задумчивый и даже грустный?

— Я привез вам, Кирочка, скромный подарок, но он символизирует силу человеческого духа, умение в самых, казалось, жестоких условиях увидеть красоту

жизни и не только увидеть, но и творить ее своими руками.

И он положил на стол, покрытый белой скатертью, цепочку, извивающуюся, точно маленькая змейка.

Кира не сразу поняла, что это. Она положила цепочку на ладонь и от удивления воскликнула:

— Боже мой, какая легкая!

— Эта цепочка сделана моими друзьями-ссыльными из обыкновенного конского волоса.

Кира гладила цепочку и чему-то улыбалась.

Лидия Ивановна уже хлопотала вокруг стола. Яков Михайлович помог ей принести самовар...

В этот вечер они засиделись далеко за полночь.

— Яков Михайлович, вы такой же неисправимый оптимист! Неужели вас никогда не посещают отчаяние, неуверенность?

— Бывают и у меня минуты тяжелых переживаний, но все они вызваны различными, как я их определяю, житейскими мелочами. Одни из них более значительны, другие — менее. Но не они определяют основу существования. Это, так сказать, временный налет. Основа — жизнерадостность, а она вытекает из такой необходимой человеку вещи, как миросозерцание. Именно она дает бодрость в самых тяжелых условиях. При моем миросозерцании уверенность в торжестве гармонической жизни, свободной от всякой скверны, не может исчезнуть. Процесс развития как раз и идет в сторону преобладания хорошего.

— Но ведь этот процесс может быть очень длительным.

— Вопрос времени уже не имеет значения. И сама борьба за победу новых начал захватывающе интересна. Участвовать в этой борьбе — огромное наслаждение!

Он встал, вышел в коридор, и Кира слышала его неспокойные шаги. «Пошел покурить. Щадит мои легкие...» — думала она.

— А теперь,— сказал Свердлов, возвратившись,— по зимним квартирам. Спать, спать, спать! Утро вечера мудренее. Через несколько дней я должен ехать в Екатеринбург.

Глава восемнадцатая

Снова в Екатеринбург

Потапыч обиделся, когда Митрич, скосив в его сторону лукавый взгляд, как бы между прочим процедил себе в бороду:

— А твоя Катька к Гришке Ростовцеву льнет.

«И все-то ему знать надо, везде нос свой сует этот козел бородатый»,— подумал Потапыч, однако изрядно встревожился. Он и сам заметил, как поглядывает на Ростовцева его Катюша. Ну если бы поглядывала, то еще не страшно. А вчера сама к нему подошла, о чем-то рассказывала...

Потыпыч ничего не имел бы против Григория, если бы не одно обстоятельство. Как-то Митрич шепнул ему, что Ростовцев уже и тюрьму, и ссылку понюхал. Но что-то на него это не похоже. Парень работящий, в слесарном деле понятливый и исправный, живет тихо, не пьет.

Но и Митрич придумывать не станет. Он хоть с хитрецой мужичок, а правильный. Да и зачем ему врать? Хотелось у самого Григория спросить — неловко, подумает, что для Катьки интересуется батя.

Конечно, по нынешним временам не такой уж и грех в тюрьме посидеть или в ссылку попасть, ежели, предположим, не по воровскому или пьяному делу. Вот и сын как-то в каталажку угодил — тот, что в меньшевиках ходит. Благо, держали неделю — выпустили. Говорят, речь какую-то, неугодную царю, сказал, против, мол, вандалов,— он много всяких ученых слов знает. Это Николка всегда молчит, зато работник — первый сорт. Мастер в нем души не чает, он его в свои эсеры и записал.

Вот с Катюшкой беда — определилась к белошвейке в ученицы — сбежала, в прислуги тоже не захотела. Потом при какой-то типографии устроилась — опять не понравилось. Теперь в сестры милосердия пошла. Бог с ним, милосердия так милосердия, лишь бы на фронт не угодила. Вроде бы не должна — при военном лазарете ведь служит, по армейской линии, значит, тех же раненных на войне солдат лечит.

И еще беспокойство — в большевички записалась. Ну да это не страшно. Замуж выйдет, дети народятся —

не до политики будет. Лишь бы муженек хороший попался.

Так рассуждал Потапыч сам с собой, потому что поделиться не с кем. Уж три года как вдовствует, жена умерла неожиданно, в одночасье: утром, когда уходил на работу, все было ладно — и чай согрела, и из дому проводила. А пришел к мертвой: видать, прилегла отдохнуть и не встала.

Друзей у него было много, но только с Митричем мог он иногда поделиться семейными делами, да и то не самыми сокровенными.

«С Григорием надо поговорить,— думал он,— прояснить про него все. Потом то ли приласкать, то ли оттолкнуть». Но совершенно неожиданно Григорий сам затеял с Потапычем разговор. Сначала, как водится, о делах заводских, потом про митинг вспомнили — уж очень интересно рассказывал старик про своих сыновей.

— Ты им подсоби, Потапыч.

— Ничего, сами разберутся. Ты мне, Григорий, рассказал бы лучше, как в тюрьму угодил,— сказал Потапыч, не снижая голоса.

Но Ростовцев даже не оглянулся, чтоб удостовериться, слышал ли кто. Он ответил просто, словно никакого подвоха в этом вопросе не почувствовал. Не поинтересовался и тем, откуда знает Потапыч о тюрьме, кто рассказал.

— Я, отец, в тюрьме не однажды сидел. Сначала за то, что наши сормовские рабочие провокатора убили, всех хватали и меня посадили. Потом на Урале в жарком рабочем деле участвовал и в ссылку угодил. Да и в Питере не так уж давно посидеть пришлось — недолго, правда. Так что врать не буду — случалось и мне за наше общее дело в тюрьмах побывать.

— Общее...— проворчал Потыпыч.— Я тебе на то документу не давал. Ну а ежели ты такой отчаянный, почему же твое народное правительство тебя в начальство не вывело?

Григорий улыбнулся:

— В том-то и дело, Потапыч, что не ради министерских портфелей борются большевики. Да правительство-то это не народное и не мое.

— А какое же оно?

— Временное. А мое правительство еще будет. Мое и твоей Кати.

— Ну насчет Кати ты брось. Не твоего поля ягода.

— Конечно, она ведь графского роду. Из каких графьев — Потоцких или Бобринских?

— Умолкни. А не то покажу тебе таких графьев, что своих не узнаешь!

Не было злости в словах Потапыча, и Григорий сразу почувствовал это.

Стасова спросила, когда он намерен выехать на Урал.

— Завтра.

— Между прочим, должна вам заметить, Яков Михайлович, что вы произвели неизгладимое впечатление на моих родителей. Уж не знаю, чем вы их так покорили,— ведь на своем веку они повидали интеллектуалов.

— Милая Елена Дмитриевна, видимо, только мы, старики, можем понять друг друга. Вам это не дано. Низкий поклон Поликсене Степановне и Дмитрию Васильевичу.

Елена Дмитриевна улыбнулась:

— Что ж, старик, понимаю ваше нетерпение. Собирайте там наших. И — до новой скорой встречи в Питере.

Поезд уходил с Московского вокзала. Ростовцев провожал Свердлова. И вдруг он увидел Катю. Она бежала по перрону, внимательно вглядывалась в лица. Вот она увидела Свердлова:

— Яков Михайлович, вам пакет от Подвойского.

— Здравствуйте, сестричка из «военки». Я вас сразу узнал. За пакет спасибо. Передам екатеринбуржцам. А где Николай Ильич?

— Он на митинг поехал.

Свердлов, слушая Катю, взглянул на Григория. Э, да с ним что-то происходит...

— Гриша, ты знаешь эту девушку?

— Знаю... Это дочь Потапыча, я рассказывал о нем.

— Стоп. Тот Потапыч, который не знает, в какую партию записаться? Значит, это и есть его «самое умное дите»? Ну вот что. Приеду — непременно поможем и вашему отцу, и братьям. А пока пусть помогает мой товарищ,— он кивнул на Ростовцева.— Уверяю вас, у него это не плохо получится.

Станционный колокол просигналил отправление поезда.

Яков Михайлович любил Екатеринбург, хотя прожил в нем не так уж много. Товарищи назовут потом Урал второй, партийной родиной Свердлова. И это правильно. Здесь он возглавил крупную большевистскую организацию этого рабочего края, здесь товарищи, друзья...

Была у Свердлова еще одна причина стремиться на Урал. Вот уже месяц, как расстался он с Клавдией и детьми — Андрюшей и Верочкой. Они остались в Монастырском до начала навигации по Енисею, а потом направятся в Екатеринбург.

Яков всегда досадовал, если у него не хватало времени, для того чтобы еще и еще раз написать письмо Клавдии. Обладал он особым даром — умел представить себе, что она рядом и нет между ними ни тысячи верст, ни долгих месяцев разлуки. А может быть, так оно и было? Не письма, а продолжение давнего, ни на минуту не прекращающегося разговора:

— Дорогая Кадя! Наконец-то я получил от тебя письмо. И какое славное письмо.

— Лучше расскажи, Яков, как ты себя чувствуешь?

— В общем-то хорошо. Да и в частности неплохо. Много внимания уделяю своему физическому состоянию. Главным образом, посредством гимнастики и обтирания.

— По системе Мюллера? — шутит Клавдия.

— Да,— серьезно отвечает он.— В результате почти исчезла моя сутуловатость, хожу, гордо выпрямившись.

— А здоровье?

— Грудь не болит, с сердцем тоже ладно.

— Признайся честно, куришь много?

— Представь себе, мало. Максимум десять папирос в день... против сорока — пятидесяти прежних... Прогресс?

— Прогресс... Но ты ведь наверняка экономишь на питании. Очень прошу тебя, не делай этого.

— Грешен... Благодаря экономии купил на восемь рублей тридцать восемь копеек книг, в том числе четыре тома Меринга, «Историю прибавочной стоимости» и другие. Правда, ради этого пришлось «повоевать» с тюремным начальством. Но добился разрешения. Нужно ли посылать много книжек? Много не надо. Мне не менее, чем тебе, хотелось бы основательно заняться языками. Лучше всего посылай мне побольше немецких книжек. Эх, кабы Сергей Чуцкаев послал мне своего Гейне! У него полное собрание сочинений в одном томе,

что очень важно для меня, ибо могу иметь в камере лишь три свои книги, кроме учебных пособий. У меня есть три немецких книжки, беллетристика и по общественным вопросам, но они давно прочитаны, хотя и нет до сих пор словаря. Поторопи его с посылкой. Впрочем, тебе теперь не приходится и не следует даже заботиться обо мне. Под твоими желаниями «иметь сына здорового и быть поскорее вместе» подписываюсь обеими руками.

— Яков, о нас не беспокойся, прошу тебя. Все будет хорошо, я в этом уверена. Больше думай о себе...

— Подобно тебе, и меня не особенно беспокоит будущее, никогда не теряю уверенности, что все будет хорошо, что впереди много увидим и хорошего. О себе пока что и думать не приходится. Рассчитывать на скорую возможность быть вместе трудно... Если беспокоюсь о чем, так это как ты устроишься с ребенком. Все остальное сравнительно неважно. Наши отношения не изменятся ни на йоту от большей или меньшей продолжительности разлуки.

Он умел разговаривать с ней при помощи писем, по возможности старался скрыть от нее самые большие трудности, которые выпадали на его долю. Но разве скроешь от Клавдии? Она и между строк читать умеет, словно видит все, что происходит в глухом Максимкином Яре.

— Милый Яков... Уже час ночи, а ты все пишешь, думаешь обо мне с сынишкой. Не надо тревожиться — он растет хорошим, спокойным мальчишкой. Ты предоставил мне самой выбирать для него имя — А или Я... Конечно же, А. Ведь я тебя узнала Андреем. В этом имени для меня — и гармония чувств и идейное единство. Андрей и только Андрей!

— Спасибо тебе, Кадя, родная моя. Главное, будь здорова... Надеюсь получать всегда и постоянно хорошие весточки о вас. Первый час. Не всегда сижу так поздно. Керосин — десять копеек фунт, а посему начал уже экономничать, пока немного, а после, может быть, и больше. Зажигать уже теперь приходится вскоре после четырех. Когда ни лег, встаю аккуратно после шести часов. Ты спрашиваешь, как выглядит мое жилище. Представь узкую комнату. Горит небольшая семилинейная лампочка. Я уже привык к такому свету, который раньше считал бы слишком скудным. Комната низкая, оклеенная мною снизу доверху газетами.

— Да, не рай, хотя мы с тобой привыкли ко всякому. Но в твоем Максимкином Яре невероятно холодно...

— Пришлось сшить себе теплую рубаху на зиму, а теплого пальто нет, только демисезонное. Все это, впрочем, не беда, проживу и не потеряю себя. Скоро придется снова неводить и ездить осматривать «чердак».

— Что это?

— Особая ловушка для ловли рыбы. Немало остается времени и для занятий. Кроме сего, занимаюсь со своей хозяйкой и еще одной девицей, готовлю их на учительниц, на что уходит ежедневно часа по два по вечерам.

— Это хорошо, что даешь уроки. Расскажи, интересный ли народ тебя окружает, как относятся к тебе местные жители. Меня ведь все-все интересует.

— Максимка, где я проживаю, является остяцкой столицей своего рода, и сюда на «вешнего» и «осеннего» Николу съезжаются остяки со всех юрт по реке Кети и около нее. Из остяков грамотных очень мало... Приходится иногда заходить к больным, я здесь за врача, у меня есть кое-какие медикаменты, присланные товарищами.

Время... Оно точно спрессовано, слито воедино в этих письмах-разговорах. Клавдия Тимофеевна перечитывала их, да и Яков — она не сомневалась — делал это не раз. Давно ли писал он из Максимкиного Яра... Теперь в Нарыме. Как хочется хотя бы словом согреть его в морозной, вьюжной тайге.

— Ты мечтаешь, чтобы мы были вместе. Хочешь — приеду? Возьму сынишку — и айда... Только скажи... А пока посмотри на эту фотографию и напиши, понравилась ли.

Яков смотрит на фотографию Андрюши и никак не может себе представить его рядом. Вот Кадя — другое дело. Она тут. Вот она...

— Да, я мечтал о возможности жить вместе, продолжаю мечтать и теперь, но это не стоит в непосредственной связи с возможностью превратить мечту в действительность. Не потому, что я побоялся бы мнения товарищей: «Пришел-де к тихой пристани». Дело совсем в другом. Я чувствую себя настолько годным для живого дела, что реализацию моей мечты вижу не в твоем приезде.

— Опять побег?..

— Тс-с... Это не для писем... Понравилась ли мне

карточка сынишки? И карточка, и твои описания наполняют меня гордым, радостным чувством. Порой голову занимают мысли о том, что я смогу дать ему, живя мало вместе. Быть может, позднее жизнь сложится иначе, но ближайшее время вряд ли много изменит... Буду ли тогда, когда окружающий мир пробудит его сознание, когда он станет задавать различные вопросы? И многое-многое приходит в голову. Ты — да. Ты можешь много дать, я же — лишь косвенно, через тебя. А впрочем? Разве мы не представляем собою чего-то единого? Разве, несмотря на наши индивидуальные различия, мы в то же время не проникнуты одним? Разве переживания одного не отражаются самым живым образом на другом? Иначе откуда это чувство близости, даже и после долгой разлуки, порой оторванности.

— Мне кажется, как будто бы ты все время живешь с нами... Я никогда и никому не покажу твои письма, настолько они мои... Но Андрейке рассказываю о них, о тебе. Пусть он не поймет еще, но пусть чувствует тебя, отца своего, пусть ощущает твою близость, твое присутствие, как я...

— И я настолько не отрываю своего существования от твоего, что часто в душе говорю с тобой. Для меня как-то странно, что мы долго не виделись. Но как хочется все же быть около, поглядеть на тебя и детишку воочию. Сознаюсь, гораздо больше желание быть с тобой, ты занимаешь мои мысли больше, ты, ты и ты, и еще раз ты, а потом наша детка. Не понимай меня превратно. Да, мне хочется твоей ласки, сознаюсь: иногда до боли хочется, и я не вижу в этом ничего дурного. Так хочется положить голову к тебе на колени, смотреть, смотреть без конца в твои глаза, превратиться в маленького-маленького и чувствовать прикосновение твоей руки к волосам — да, невыразимое наслаждение в этом. Но больше, больше, сильнее всего хочется передать тебе все свои переживания, все свои думы, чтобы и тебя полностью захватило мое настроение. Хочется заботиться о тебе, сделать жизнь твою полной бодрости, радости... Много-много хочется дать. Но что я могу? Слишком мало, но я верю, что будет время иное. Еще не всю жизнь прожили, будут и светлые дни. Да, да. Будут светлые дни. Верь в это твердо, будь полна этим, пусть эта мысль всегда перевешивает тяжесть разлуки.

— Милый мой Яков, дорогой мой человек... Сколько радости доставляют мне твои слова! Но не нужно обо

мне. О себе... Давно ли приехал на новое место, как устроился?

— Уже около двух недель. Вначале я собирался вести замкнутую жизнь, обложился книжками, в особенности периодическую литературу хочется пересмотреть, ведь Максимка не менее тюрьмы отрывала от всех и всего. Но при бедности в интеллигентных силах, при моем общественном темпераменте я не мог выдержать и сдался на просьбы, уговоры, приставания товарищей, согласился читать и лекции по политической экономии, и рефераты, а теперь проявил инициативу и сам затеял собеседования по таким живым вопросам, как оценка момента, избирательная кампания, характер работы и прочее, причем взял на себя роль докладчика...

Чем явственнее вспоминал Яков Михайлович переписку с Клавдией, ее нежность, умение поддержать в трудную минуту и просто понять его состояние, мысли, желания, тем больше хотелось поскорее увидеть ее и детей.

Что ж, теперь уже недолго ждать...

Поезд набирал скорость.

Глава девятнадцатая

Первая свободная...

У красно-белого здания екатеринбургского вокзала, как всегда, толпилось много народа: и приехавшие, и встречавшие, а больше всего — любопытные. Так повелось издавна, а сейчас, когда вести из столицы ловили жадно, нетерпеливо, каждое слово схватывали на лету, вопросы «Ну, что там?», «Какие новости в Петрограде?» звучали чаще, чем поздравления с приездом.

Свердлов вышел из вагона и тотчас ощутил приближение уральской весны. Она приходит в эти края быстро и властно, и не столько приносит с собой тепло, сколько свежесть, пряный запах талой земли.

По возможности Свердлов все эти годы не выпускал уральцев из виду. Поистине, «иных уж нет, а те далече...» Знал Яков о смерти Михаила — Вилонова. Сгорел в борьбе этот удивительный самородок, угас светлый, не унывающий, не знающий устали ум. Нет в Екатеринбур-

ге Батурина — он еще в эмиграции. В Самаре Мария Авейде.

Яков Михайлович теперь уже, после встреч в Питере с Быковым, Крестинским, Цвилингом, был частично в курсе уральских дел. Во главе комитета стоят преданные партии люди — Малышев, Вайнер. Силы есть, их нужно только собрать воедино. Правильно сделали уральцы, объявив призыв рабочих в партию. Необходимо немедленно разослать пропагандистов по всему краю.

Он вошел в дом Поклевского-Козеля, где помещался комитет большевиков. И сразу же:

— Товарищ Андрей!

— Качать товарища Андрея!

Десятки рук подбросили его вверх.

Было в этом порыве людей, в их возгласах, в том, как произносили они «товарищ Андрей», что-то родное, до боли близкое.

Один за другим подходили к нему товарищи — знакомые, незнакомые. О многих из них уже рассказали Андрею в Питере, со многими увиделся впервые.

...В театр, на городское собрание большевиков, Яков пришел в окружении товарищей.

Он окинул зал — в основном молодежь.

И вдруг услышал:

— Товарищ Андрей...

Обернулся — перед ним стоял Клюка. Свердлов знал, что его фамилия Бурых, зовут Николаем Степановичем, но именно прозвище запомнилось ему с 1905 года. Якову Михайловичу показалось, что рабочий нисколько не изменился, даже помолодел и чуть выпрямился, несмотря на то, что пролетело двенадцать нелегких лет.

Яков Михайлович спросил:

— А как жена? Детишки как?

— Живы, слава богу. Да что там говорить, как-нибудь заночуете у нас по старой памяти — обо всем и узнаете.

Свердлов улыбнулся — тепло у него стало на сердце.

— Спасибо, Николай Степанович.

А вокруг уже обступили участники собрания, услышав «товарищ Андрей». Те, кто постарше, узнавали его, а кто помоложе — дивились: неужели это и есть тот самый товарищ Андрей, о котором из уст в уста передаются рассказы, похожие на легенды?

— Слово товарищу Андрею! — И весь зал зааплодировал шумно и единодушно.

Яков Михайлович, вскинув руку, попросил тишины.

— Дорогие товарищи! Родные уральцы! — начал он.— Когда рабочие в памятном 1905 году бесстрашно встали за свои права, против царского самодержавия, они верили, что настанет день освобождения, что сможем мы вот так собраться, в этом театре и гордо произнести: «Да здравствует революция!»

Зал снова дружно зааплодировал. Свердлов говорил о пролетариате, силами которого свергнут царизм, открыты двери тюрем и каторжных централов...

— В Питере сейчас нелегко нашему брату. Но большевики твердо знают: главные события еще впереди, и во имя этих событий мы должны сплотиться воедино, в одну боевую пролетарскую дружину. Я верю, уральцы будут в ее первых рядах.

Он уже сошел со сцены, пожимая руки вставших ему навстречу товарищей, уже вышел, окруженный партийцами, в фойе. А вокруг только и слышалось:

— Товарищ Андрей, приходите на Верх-Исетский!

— И к нам не забудьте!

— И в Мельковку тоже...

Первую ночь в Екатеринбурге Яков провел в семье военного фельдшера Якова Михайловича Юровского. Давно уже знал он этого человека, а видел впервые. Перестукивание через стенку в Томской тюрьме, так сказать, знакомство заочное.

Зато жену его, Марию Яковлевну, Свердлов встречал еще в пятом году — была она подпольщицей, и на ее квартире не раз укрывались революционеры.

Когда, после собрания, екатеринбуржцы наперебой приглашали Свердлова к себе, дочь Юровского Римма безапелляционно заявила:

— Товарищ Андрей пойдет к нам, в нашу семью.

— А фамилия у этой семьи есть?— спросил Андрей.

— Юровские мы... Мой папа вместе с вами сидел в Томске. А мама, Мария Яковлевна, работала тогда здесь.

— Все правильно, все совпадает,— весело откликнулся Свердлов.— И в тюрьме сидели, и маму вашу знаю. И собирался навестить вашу семью.

Еще по дороге на Первую Береговую, где жили Юровские, Римма рассказала Якову Михайловичу о том, как создавался в Екатеринбурге юношеский социалистический Союз, как выбирали ее председателем.

— Очень интересно,— вполне серьезно заметил Свердлов.— И все за вас голосовали?

— Не знаю.
— То есть как? Разве выборы были тайными?
— Конечно.
— Вот как? Значит, бумажки в урны?
— Вовсе нет. Тот, чья кандидатура обсуждается, выходит за дверь. Вот и меня выставили. А потом сказали, что за мной большинство.

Свердлов улыбался этой придумке молодежи и радовался, что выбрали они все-таки потомственную большевичку.

— Ну-с, и чем вы думаете заняться?— спросил он.
— Партийный комитет скажет. Наш Союз ведь при партии большевиков. Да и существуем мы всего три дня.
— Ну, товарищ председатель, в наше время три дня — это огромный срок. Нужно, чтобы вы были настоящим боевым помощником большевиков... Для этого вовлекайте в свой Союз рабочую молодежь. Без рабочей молодежи не может быть никакого социалистического Союза.

Во время ужина Юровский рассказал о том, как узнал он, госпитальный фельдшер, о свержении царя. Дошедшие до Екатеринбурга сообщение об этом и воззвание Временного комитета Государственной думы были напечатаны лишь 3 марта.

А до того — слухи... Ползли шепотки, таинственно переглядывались обыватели, страшась самих слов «свергли царя!». Пермский губернатор Лозина-Лозинский издал воззвание, в котором призывал не верить слухам. В Екатеринбурге «сильные мира сего» срочно собрались, чтобы решить, как вести себя в сложившейся обстановке. Был здесь начальник гарнизона полковник Марковец, были командиры полков и лидер местных кадетов Кроль.

— Мы не можем допустить, чтобы такие слухи распространялись среди простого люда, среди солдат и рабочих особенно. Факты не проверены,— сказал Марковец.
— Но ведь есть телеграмма,— вставил Кроль.
— Да, есть. Но знать о ней народу не обязательно. И я прошу вас, милостивые государи, об этом позаботиться,— напутствовал полковник.— Я уже запретил в войсках гарнизона всякие сборища. А все либеральчики... Вот вы, господин Кроль, сами выступили бы перед солдатами. Так сказать, от имени граждан.

— Не знаю, не знаю,— говорил Лев Афанасьевич.— Хорошо еще, если солдаты не прослышали о телеграмме, а то, пожалуй, и ног оттуда не унесешь.

— Наш почтенный конституционный демократ,— язвительно заметил Марковец,— вероятно, думает, что сохранить порядок легко и просто. Если эта рвань узнает правду...

Кроль возмущенно пожал плечами — что за тон?!

...Командир части полковник Богданов понимал, что одним запретом собраний, изданным начальником гарнизона, делу не поможешь: солдаты все настойчивее требовали ответа — свергли царя или не свергли? Значит, нужно, чтоб выступил перед ними человек посторонний, лучше всего из числа либералов. И он пригласил Кроля, личность достаточно известную в Екатеринбурге.

— Поймите,— убеждал его полковник,— скоро придется создавать комитет безопасности, и нам небезразлично, кто в него войдет.

— Да,— вдруг сразу согласился Кроль,— если туда попадут социалисты, это будет ужасно.

— Социалисты социалистам рознь. Вы о большевиках подумайте...

— Хорошо, я пойду. Выступлю...

Митинг в солдатской казарме 108-го полка начался спокойно.

Солдаты ждали. Кроль смотрел в их лица и сразу же сказал то, что приготовил заранее:

— Братья! Солдаты! Я пришел к вам для того, чтобы сказать правду — царь Николай второй свергнут с престола.

Он ожидал взрыва, бурной реакции, выражения благодарности за то, что наконец-то им сказали правду. И сказал ее он, Кроль...

Но солдаты молчали. И лишь из угла казармы донесся голос:

— Давай дальше!.. Что же теперь?

— А теперь,— ухватился за этот вопрос Кроль,— теперь власть передана светлейшему князю Михаилу Романову. И под его началом русское воинство добьется новых побед над Германией...

И снова ответом было молчание. Почему? Этого Кроль понять не мог.

— Братья,— продолжал он,— мы создадим комитет общественной безопасности. Я верю в то, что общими си-

лами сумеем сохранить порядок в нашем городе, на Урале. А всякие слухи... Они никогда не помогали делу. Поверьте мне, наша партия не зря именуется партией народной свободы. Верить слухам — это лгать самому себе.

— А телеграммам можно верить?

Кроль насторожился:

— Каким телеграммам?

— Из Петрограда. Тем, которые получило почтовое ведомство. Не беспокойтесь, нам все известно...

Это Юровский, госпитальный фельдшер, решил, что пора противопоставить правду истинную, большевистскую, полуправде кадета Кроля.

— Словом, вывели мы почтенного Льва Афанасьевича на чистую воду,— рассказывал Юровский Свердлову.— Я прямо сказал солдатам, что без представителей рабочих и солдат никакого комитета не будет — так решил городской митинг. Ну, конечно, Кроль возмущается, размахивает руками, чуть ли в драку не лезет.

— Ай да Кроль! Ай да Лев Афанасьевич! — дивился Яков.— Вот вам и вся его «конституционная демократия». Обычная контрреволюция.

И, обратившись к Юровскому, спросил:

— А как же ваша служба?

— Чахотка помогла, товарищ Андрей,— с горькой иронией ответил тот.— Взял отпуск на три месяца. И не знаю, возвращаться в армию или нет?

— Думаю, что это необходимо, нам предстоит еще большая и сложная работа в войсках,— ответил Свердлов.— Разумеется, если вам позволит здоровье.

Иван Михайлович Малышев в партии с 1905 года. Он долгое время работал на Верх-Исетском заводе, был секретарем больничной кассы. И сейчас, когда екатеринбургские большевики избрали его своим вожаком, часто бывал на заводе, беседовал, выступал на собраниях и митингах.

Нелегко ему было — большевистская организация Екатеринбурга, как и других промышленных центров Урала, оказалась к февралю значительно ослабленной многочисленными арестами и ссылками. После Февральской революции долго пришлось бороться с владельцами предприятий за установление восьмичасового рабочего дня, за повышение заработной платы рабочим.

— Ну, с установлением восьмичасового рабочего дня мы кое-как справились, хотя сопротивлялась буржуазия отчаянно,— рассказывал Малышев Якову Михайловичу.— А с заработной платой плохо — никак заводчики не хотят раскошелиться. Особенно трудно на Верх-Исетском.

Они ехали на этот завод, и Свердлов, слушая Малышева, разглядывал знакомые улицы, переулки, постройки... Вот и дом на Проезжей, где некогда помещалась коммуна, где впервые назвал женой свою Кадю. Тот же деревянный забор, только ворота чуть покосились...

— А нельзя сильнее нажать на хозяев?— спросил Свердлов.

— Пробовали, товарищ Андрей. Так ведь грозят закрыть предприятие. Правда, мы послали в Петроград людей в Главное управление заводов Верх-Исетского округа, но уверен, что к успеху это не приведет.

— Верно, Иван Михайлович, не приведет — капиталисты чувствуют, что Временное правительство их в обиду не даст. А допускать, чтоб завод закрыли, нельзя — буржуазия рада бы избавиться от такой армии организованного пролетариата.

На Верх-Исетском Свердлов встретил Клюку. Он заметил, что рабочие, особенно молодые, почтительно здороваются с ним, называя по имени и отчеству — Николаем Степановичем.

— Товарищ Бурых у нас вроде министра финансов на заводе,— сказал Малышев.

— Заводской кассой заведует?

— Похлеще, товарищ Андрей. Когда заводская администрация заявила, что повысить жалованье не может из-за финансовых затруднений, рабочие создали специальную контрольную комиссию. Вот в нее-то и вошел Бурых. Он, брат, все бухгалтерские книги перевороши л.

Свердлов обратился к Бурых:

— Ну и как, одолели бухгалтерскую премудрость, Николай Степанович?

Тот смущенно почесал затылок:

— Да черт в ней разберется. Я, товарищ Андрей, за эти годы много книг прочитал. А вот с цифрою никак справиться не могу.

— Ничего, дружище, разберемся. Подыщем вам в помощь знающего человека. А насчет рабочего контроля — это здорово. Повысят плату или нет, рабочий контроль должен действовать.

К Бурых подошел ладный паренек лет семнадцати, и Свердлов сразу догадался: сын, до того похож на Клюку.

— Чего тебе? — строго спросил отец.— Видишь, с товарищем Андреем разговариваю.

— Потому и пришел — поглядеть на него,— простодушно признался паренек.— Сколько раз слыхал — «товарищ Андрей». А видеть не приходилось.

И, протягивая руку Свердлову, сказал:

— Меня тоже зовут Андреем.

— И у меня сын Андрей. Мое настоящее имя — Яков Михайлович. А ты слыхал что-либо о молодежном социалистическом Союзе?

— Не-е-е...— признался Андрей.

— Напрасно. Я тебе сейчас напишу записку к Римме Юровской — она у них председатель. Ты и сам в этот Союз запишись, и товарищей вовлеки. Договорились, товарищ Андрей?

Необычно гордый тем, что его назвали «товарищем Андреем», юноша раскрыл глаза от удивления:

— Я... товарищ Андрей?

— Конечно,— ответил Свердлов,— а как же еще прикажешь тебя звать?

...С Бурых у Свердлова разговор был особый. Лишь на днях комитет решил создать группу разъездных инструкторов для разъяснения позиции большевиков среди рабочих Урала. Решено было послать их в Невьянск, Нижний Тагил, Кушву и в другие промышленные районы. Верхисетцы рекомендовали привлечь к этому Клюку.

— Уехать из Екатеринбурга сможете? — спросил Свердлов.

— Надолго?

— На недельку-другую... Недалеко — в Алапаевск. Вас комитет рекомендовал. Нужно там рассказать рабочим о том, что происходит в Петрограде и Екатеринбурге, что Временное правительство не стало и никогда не станет выразителем интересов рабочего класса, а меньшевики да эсеры пошли с буржуазией на сговор. Только что приехал из Питера Павел Быков. Он был среди тех, кто встречал на Финляндском вокзале Ленина. И лозунг Владимира Ильича теперь должен стать лозунгом всех рабочих: «Да здравствует социалистическая революция!» Прочтите, Николай Степанович, в «Правде» статью Ленина «Письма из далека»... Ну, так как? Справитесь?

— Отчего же,— степенно ответил Бурых,— если будет доверие, как не справиться.

— Помните, это опасно... Мне вон один солдат уже грозил за то, что я против войны.

Бурых посмотрел на Якова Михайловича, почему-то подмигнул и с задором сказал:

— Нам бояться не след, товарищ Андрей. Я вроде бы как сам Клюка — могу и сдачи дать. Клюкой-то оно дальше достанешь.

Свердлов расхохотался.

— Вы не очень-то руками размахивайте,— хитро проговорил он.— Словом, доставайте людей.

— А как же: у меня, товарищ Андрей, давненько уж язык прорезался — он теперь со словом-то больше в ладу, чем в пятом. Я по-рабочему, по-простому. Не сомневайтесь, товарищ Андрей. А статью товарища Ленина мы всем цехом читали. Все там для меня яснее ясного. А если я понял, то и другие поймут.

В те дни многие большевики разъезжали по Уралу с заданием комитета провести на местах подготовку к Уральской партийной конференции, помочь в восстановлении и росте большевистских рядов.

Кроль, узнав, что представители рабочих вошли в комитет общественной безопасности, заявил, что заседать вместе с социалистами отказывается... «Ну,— думал он,— а если этим социалистом оказался товарищ Андрей, тогда как?» И отвечал себе твердо: «Все равно».

О Свердлове он вспоминал часто. Вспоминал и в марте семнадцатого... Ну теперь-то Андрей появится в Екатеринбурге, непременно появится. Впрочем, полной уверенности нет: в большевистской партии он весьма значительная птица, член Центрального Комитета.

И вот случайная встреча на улице.

Яков Михайлович смотрел на этого человека с любопытством. Пожалуй, внешне он мало изменился, разве немного потолстел.

— Ну, как там в столице наше правительство?— спросил Кроль после обычных слов приветствия.

— Все, как и должно быть. Временное...

— Ах, вот как... Постоянными бывают только большевики?

— Разумеется.

— Отчего же?

— Оттого, что большевики выражают интересы народа. А народ будет всегда.

Они шли медленно.

Беседа затянулась. Кроль ждал ее долго — он знал, что Яков Михайлович в Екатеринбурге, ежедневно бывает в большевистском комитете и, как записал Кроль в дневнике, распоряжается, по-видимому, на правах партийного эмиссара высокого ранга. Ему хотелось выяснить кое-что из тех давно минувших дней. Лев Афанасьевич давно уже решил, что его впечатлений вполне достаточно для того, чтобы оставить свою отметину в истории российской революции. И Свердлову, несомненно, будет уделено в этой летописи определенное место.

Кроль даже знал о товарище Андрее больше, чем тот мог предполагать: на поиски его в конце 1905 года был брошен весь сыскной аппарат, из Нижнего Новгорода был вызван и прибыл в распоряжение начальника Екатеринбургского жандармского управления Хлебодарова сыщик Орехов, знавший Якова в лицо и «наблюдавший» за ним еще в Канавине.

— Да, я знал о том, что меня собирались арестовать,— сказал Свердлов.— Царская охранка ведь в средствах не стеснялась. Однажды мою знакомую прачку Анну Константиновну вызвали в полицию и предложили ей пять тысяч рублей за то, что она выдаст меня.

— И что же вы?

— Посоветовал взять. Неплохие деньги, право. За пять тысяч вполне можно было одеть ее милых дочерей — Катюшку и Августу — и даже выдать их за купцов.

— Шутите... Вы удивительный человек. Я непременно запишу это в свой дневник.

— Можете записать, что мы все-таки в феврале шестого года провели в Екатеринбурге партийную конференцию большевиков. И не один час, а пять дней заседала конференция в доме рабочего-машиниста. Между прочим, беспартийного. Как видите, простые рабочие, даже не состоявшие в партии, не посчитались с опасностью быть арестованными. А ведь они знали, на что шли. Да, знали. Сделайте выводы, Лев Афанасьевич.

Кроль поразился, слушая Свердлова. Пожалуй, впервые за все время ему стало страшно. Да, это конец. Конец всему: чем жил, во что верил, на что он еще смутно надеялся. Этот человек, эти люди, эта партия, их Ленин оказались живучими. Они не уйдут, их ничем не возьмешь.

Подготовка Уральской конференции шла полным ходом. С мест поступали сообщения о росте организаций, о выборах делегатов на конференцию, и большинство из них были сторонниками Ленина.

Перед Свердловым стояла задача — провести конференцию и по возможности быстрее в Питер, там Ленин. Увидеться с Владимиром Ильичем, рассказать ему об Урале, о том, что еще в марте здесь насчитывалось всего 500 членов партии, а сейчас — 16 тысяч. За короткое время — полтора месяца — Уральская партийная организация выросла в тридцать два раза. Значит, была почва для ее роста! Значит, не удалось задушить репрессиями дух большевизма в этом пролетарском крае.

Один за другим съезжались в Екатеринбург делегаты. Яков Михайлович знал, где, в каком общежитии кто остановился, где питается, с кем вместе живет. Он ходил по общежитию, беседовал с товарищами, спрашивал, как пережили они годы реакции, каково настроение теперь...

Один из уфимских делегатов предложил:

— Хорошо бы, Яков Михайлович, подготовить приветствие товарищу Ленину от нашей конференции.

Свердлов уже думал об этом. Он мысленно представлял себе текст телеграммы: «Ленину. Собравшиеся на Уральскую областную конференцию делегаты в количестве 65 человек от 43 организаций, объединяющих 16 тысяч членов партии, единогласно постановили приветствовать ЦК партии и идейного вождя российской социалдемократии товарища Ленина...»

Яков Михайлович не сомневался в том, что это приветствие будет принято, и тогда, когда редактировал текст, и когда беседовал с делегатами, и когда по поручению президиума сказал:

— Товарищи! Первую свободную Уральскую областную партийную конференцию объявляю открытой...

В той кипучей борьбе,
какой является революция...
громадное значение имеет крупный,
завоеванный в ходе борьбы, бесспорно
непререкаемый моральный авторитет,
авторитет, почерпающий свою силу...
в морали революционного борца,
в морали рядов и шеренг
революционных масс.

В. И. ЛЕНИН

Часть четвертая

АПРЕЛЬ-ИЮЛЬ 1917 год

Глава
двадцатая

Незабываемое

Два дня и две ночи слились для Григория в один большой, удивительно важный в его жизни день. Начался он с той самой минуты, как прозвенел на вокзальном перроне колокольный сигнал об отправлении поезда, в котором уезжал Яков Свердлов.

Григорий провожал Катю.

— Отец говорил, чтоб я вас сторонилась.

— За что же?

— У него насчет меня особые планы.— И она смущенно улыбнулась, глядя на Григория.

— Жениха побогаче? Он и меня предупреждал, чтоб я от вас подальше держался.

— Смешной,— сказала Катя, и не осуждение, а большая, нежная любовь к отцу чувствовалась в ее тоне.

Григорий хотел было рассказать о том, как Потапыч «выяснял», за что и про что он в тюрьмах бывал, но не решился: обидится девушка за отца и тогда пропало все — исчезнет этот вечер, это хождение по Питеру и доверие, которое, он чувствовал, возникло у Кати к нему.

Они остановились возле здания, где колыхался освещенный уличным фонарем белый флаг с красным крестом посредине — такой же и на Катиной нарукавной повязке.

— Я здесь работаю,— сказала Катя.

Григорий вспомнил, что уже бывал тут — рассказывал раненым о войне, о том, кому она выгодна. Солдаты-фронтовики завели его в свою палату, закрыли дверь, чтоб никто не вошел, и слушали, слушали, словно он, Григорий, а не они, возвратился с фронта, словно он лучше их знал, что такое война и каким дымом она пахнет. Григорий отвечал на вопросы о том, чем заняты сейчас рабочие Питера, как отнеслись они к революции, а главное — что говорят о земле и чем дышат здешние солдаты.

Ростовцев понял — на больничных койках лежат люди, которым важно для себя решить, куда идти дальше из этой огромной госпитальной палаты.

Каждое утро, уходя на работу, Ростовцев встречался с Никодимом. Дворник деловито царапал метлой мостовую — подолгу на одном и том же месте сметал уже не грязь, а влагу. Григорий любил присматриваться к тому, как работает Никодим: старательно, задумчиво, точно не улицу метлой подметает, а напильником деталь вытачивает. Они здоровались, как обычно, без слов — только взглядами да легкими кивками.

Вчера Никодим заговорил первым.

— Брат приходил,— не поздоровавшись, сказал он,— тебе привет передавал. И Якову Михайловичу особый. Что-то не по мне его разговорчики. Раньше на фронт рвался, а теперь говорит — подумать надо... как бы не угодить из огня да в полымя.

— Не пойму тебя. То отговаривал его на фронт проситься, то недоволен, что остается.

— Да ведь как остается! Солдату думать не положено. Сам в пекло не лезь, это верно. А прикажут, тогда уж молчи и выполняй. А он — подумать, разобраться...

— Так он прав.

— Прав-то прав, да только за такие слова, знаешь, что бывает? К стенке — и баста! Вот и получается: там не убьют — здесь расстреляют. Так и есть — из огня да в полымя.

Он вздохнул тяжело и безысходно: видно, отчаялся найти ответ на жестоко мучивший его вопрос.

А Ростовцев думал о Свердлове. Ну что особенного сказал тогда Михалыч Ивану? Наверно, каждый большевик сказал бы то же. А ведь он, Григорий, не сказал... Не нашелся в данную минуту. Вот если б кинулся солдат на Свердлова — тут уж, конечно, не растерялся бы, нет.

Повидать бы сейчас Якова Михайловича! Много надо рассказать ему — и про то, что происходит в Питере, и про Металлический завод. И про нее... Нет, про нее, пожалуй, не надо. Не стоит. Так ведь сам расспросит. По глазам поймет. Не первый день знает.

Не первый, да только, если эти дни сложить, немного получится. Расстались в Сормове, снова встретились в Перми, а через несколько лет — в Петрограде.

Григорий спросил у Никодима, не собирается ли брат навестить его.

— Нет, ничего не говорил.

Ростовцеву показалось, что дворнику не по душе этот вопрос, не твое, мол, это дело — придет Иван или нет. Да и вообще...

Никодим даже не подозревал, что Григорий Ростовцев может рассказать ему о брате гораздо больше, чем Никодим сам знает. И привет передавал Иван не случайно. Все произошло накануне, в тот памятный день, в солдатской казарме...

Нижегородцы привыкли «окать», но у Ивана Дмитриевича Чугурина это получалось как-то особенно густо, со смаком. Потому, когда еще в Перми зашла речь о кличке для него, сомнений не было — Нижегородец.

— Он всем нижегородцам нижегородец,— говорил Яков Михайлович.

Внешне Иван Чугурин выглядел простым пареньком. Прическа с пробором справа, потертый пиджачок да рубашка, доверху застегнутая, с отложным воротничком. На лице его всегда таилась улыбка, да глаза искрились лукавой усмешкой. Чугурин был участником демонстрации, во главе которой шел Петр Заломов и его товарищи.

А потом близ Сормова в лесу нашли труп провокатора. Начальник Нижегородского охранного отделения Грешнер приказал «перешерстить все Сормово, потрясти этих... Свердлова, Чугурина...».

Нет, ни Свердлов, ни Чугурин провокатора не убивали — другие в лесу, без свидетелей, допросили, да там и суд устроили... Но аресты пошли широко — заполнился до отказа Нижегородский острог — лабиринт глухих стен, окруженных высокой каменной оградой. Сколько испытал здесь Иван — и побои, и карцер в круглой башне с недосягаемо высоким окном.

С тех самых дней, когда в Нижнем и Сормове они впервые встретились и подружились, Иван Чугурин и Яков Свердлов были вместе — и в подполье, и в нарымской ссылке. И вот — в Питере.

Много воды с тех пор утекло, много было событий, встреч, переживаний, новых друзей и товарищей по борьбе, но те годы, те встречи, та верная дружба, радость познания — навсегда врезались в сердце и память Ивана Чугурина, и, видно, не забыть их уже никогда.

Сормово в 1905 году. Воскресный день. На железнодорожной насыпи — Яков Свердлов в своей черной косоворотке, в сапогах, густые волосы его треплет ветер. Не помнит сейчас Чугурин тех слов, помнит только их смысл — проклятье бойне в далеких Маньчжурских сопках, проклятье царю-убийце и всем, кто наживается на русско-японской войне. Война эта несет горе, слезы и нищету народу.

Что подхватило людей, построило их в шеренги и двинуло на Сормово — туда, где с утреннего гудка до позднего вечернего они отдавали свои силы за кусок хлеба, где жили в жалких, холодных избах, где бегали их оборванные дети, где жены и матери латали нужду на жалкие заработки...

Впереди колонны рядом с Яковым шагал Иван Чугурин, и вместе со всеми пели они «Марсельезу». Вот этого тоже никогда не забыть. Повысыпали из домов и млад и стар. На большой улице встретила их полиция, и зычный голос потребовал разойтись. Но в ответ полилась еще более мощная «Марсельеза».

Полицейские ворвались в ряды демонстрантов, началось настоящее сражение. В ход пошли и кулаки и булыжники. Иван Чугурин увидел, как этот крепкий паренек, Яков Свердлов, снял пенсне, засунул в карман и стал отбиваться от полицейских камнями. Честное слово, неплохо они дрались в тот день и заставили полицейских отступить. Хоть на время, а заставили!

Чугурин увлек Якова в переулок и, посмеиваясь, сказал:

— А ты ничего, драться умеешь.

Яков вытащил из кармана пенсне, протер стекла носовым платком и спокойно водрузил на место.

А потом встретились они в Мотовилихе, под Пермью, на Урале. То было уже в 1906 году. Шли аресты, полиция охотилась за каждым, кто словом или делом выражал свое несогласие и свой протест против существующих порядков. Недолго пришлось им поработать в Перми — засели на этот раз крепко. Что же, в тюрьме Иван Чугурин, пожалуй, больше всего и познал особенности характера своего молодого товарища по борьбе.

Политические заключенные избрали Михалыча своим старостой. Это дало ему возможность бывать в других камерах, беседовать. Михалыч учился сам, и вместе с ним учились другие.

Он много читал и обычно, низко склонившись к толстой тетради, держа ее на коленях, вел записи. Чугурин, увидев как-то у Свердлова объемистую книгу, спросил:

— Это что у тебя, Михалыч? Небось, прячешь в ней чего-то...

— Нет, дружище, с этой книгой и не расстаюсь. Это «Капитал» Маркса.

Не расставался Яков Михайлович и с тетрадями, исписанными мелким, убористым почерком. Тут были конспекты ленинских трудов «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», записи мыслей, возникших при чтении Плеханова, Каутского, Меринга. О многих авторах, книги которых конспектировал Свердлов, Чугурин тогда не слыхал вовсе: Сидней и Беатриса Вебб — «Теория и практика английского тред-юнионизма», Вернер Зомбарт — «Современный капитализм», Поль Луи — «Будущее социализма», В. Кларк — «Рабочее движение в Австралии». И каждая из этих прочитанных книг оставляла след в тетрадях Михалыча.

Нижегородец — Чугурин не раз слушал в тюрьме его лекции, поражался глубоким знаниям, умению говорить доходчиво, понятно. Именно свердловские тетради раскрыли глаза Чугурину на то, откуда у Михалыча эта широкая эрудиция, редкая для такого молодого человека, способность точно разобраться в сложнейших, даже запутанных вопросах. Один раз прочитанное в книге, записанное в тетради запоминалось им навсегда. Эта поразительная память, в которой хранились знания, имена сотен людей, их биографии, их качества, сильные и слабые стороны, впоследствии сослужила для партии и молодого Советского государства немалую службу.

Но это было годы спустя.

А прежде... Чугурин, будучи в ленинской школе Лонжюмо под Парижем, вспомнил «свердловский университет» и тюремные тетради Михалыча. Звали тогда Чугурина уже не Нижегородец, а товарищ Петр. Ленин расспрашивал его подробно о том, что происходило в Сормове и Мотовилихе.

Уже с первых слов беседы понял Владимир Ильич, как нужна этому человеку учеба. Сказал:

— Да, в вопросах теории вам еще многое предстоит постичь.

Лекции Ленина, Луначарского, Инессы Арманд, Семашко (с ним встречались еще в Нижнем)... Не раз доставалось Чугурину за его ошибочные взгляды на роль

мелкой буржуазии и крестьянства в революции. Впрочем, за эти же ошибки доставалось ему и от Свердлова тогда, в Пермской тюрьме. Встретились с Михалычем еще и в ссылке, в гиблом Нарымском крае. Свердлов сделал несколько попыток к побегам.

В подготовке некоторых из них участвовал и Чугурин. Однажды Свердлов должен был на лодке плыть по Оби из Колпашево до Парабели, а это ни много ни мало — сто двадцать верст. В условленном месте лодку ждал Чугурин. Буквально у него на глазах ветер перевернул жалкую посудину. И вот Свердлов — в холодной воде. На севере в конце сентября вода уже достаточно студеная. На беду товарищ, находившийся с ним в лодке, не умел плавать; Яков помог ему ухватиться за лодку... Окоченевших, вытащили их из реки. Яков чудом не заболел — держался на своем железном характере. Казалось, где уж после такой купели бежать, а Михалыч решительно махнул рукой — надо!

В февральско-мартовские дни семнадцатого года Чугурин был одним из руководителей Выборгского райкома большевиков, и Ростовцев пришел сегодня к нему — рассказать, как обстоят дела на Металлическом, как проводил в Екатеринбург Якова Михайловича.

В райкоме народа — не протолкнешься. Поминутно звонит телефон. И Чугурин едва успевает отвечать.

Но уже с первой минуты понял Григорий, что с Иваном что-то происходит. Глаза расширились, сияют...

— Что с тобой, Иван Дмитриевич? Ну-ка, выкладывай, Нижегородец. Неужели пасха на тебя так повлияла?

— Конечно, пасха. Ох, и догадлив же ты, Григорий. Посмотри-ка, я этот документ переписал да запомнил накрепко.

Стоило Григорию прочитать, как все сразу стало ясно — телеграмма из Торнео: «Приезжаем понедельник, ночью, 11. Сообщите «Правде».

— Торнео... Так это же Финляндия! Рядом, рукой подать.

— Встречать будем Ленина!— взволнованно сказал Чугурин.— А прежде соберем большевиков в зал «Сампсониевского общества» и поговорим, как лучше это сделать. Понимаешь, трудность в том, что день нерабочий — пасха. На нас, выборжцев, вся ответственность ложится: Финляндский вокзал-то в нашем районе. Вот что, Григорий, революционное задание тебе: скачи по домам, на

завод, мобилизуйте прежде всего отряд рабочей милиции, его надо построить на платформе перрона, чтоб никакая провокация не случилась.

Ростовцеву повторять не надо было — он уже понял: нужно мобилизовать всех, кого застанет дома, оповестить металлистов... Он бежал по Выборгской стороне, не чувствуя апрельского холода.

Решил заглянуть и на квартиру Потапыча. В дверях столкнулся с Катей.

— Вы? — удивилась она.

— Вот, по делу... Катя, вы знаете о приезде Ленина?

— Конечно,— и взглянув, не видит ли отец, шепнула: — Сейчас иду к солдатам. Поручение Подвойского...

Потапыч все же увидел. Пригласил в комнату.

— Куда ты? — строго спросил он дочь.

— По делу.

— Гриша, куда она?

Григорий не стал скрывать:

— К солдатам в казарму. Ленин приезжает!

Григорий заметил, как вскочил со своего стула белобрысый Сергей, старший сын Потапыча, как, оторвавшись от книги, заинтересованно посмотрел на него Николай, младший сын.

Потапыч тоже встал, прошелся по комнате.

— Ленин? — переспросил он.

— Это псевдоним его. Настоящая фамилия — Ульянов. Он и есть вождь всего российского рабочего класса,— объяснил Григорий.

Сергей ехидно хмыкнул.

Катя спокойно:

— Ты просто глуп, Сергей. Извини, но это не оскорбление, а, как у нас доктора говорят, диагноз.

А Григорий, устремив взгляд на Потапыча, сказал:

— Пойду и я с Катей.

— Я тоже,— вызвался Сергей.

— Нет уж, дудки! — озорно ответила Катя.— Мы тебя в свою большевистскую фракцию не принимаем.— И к Григорию: — Давайте сделаем так: сначала ваше дело, заводское, а потом мое, солдатское. Разделим район на всех. Отец и Николай помогут. Так будет быстрее.

— Что ж, подсоблю,— отозвался Потапыч.

Поднялся и Николай. Ничего не сказав, он надел на себя пальто.

— Куда? — спросил отец.

— В мастерские. Надо бы Ленина послушать.

— Да еще неизвестно, будет ли речь говорить. С дороги ведь, уставши.

— Ну так глянуть. Словом, пошел я...

И хотя Ростовцев успел уже многих оповестить, до того как пришел к Потапычу, помощь оказалась кстати.

...Видимо, Катя уже бывала здесь: часовой пропустил ее и только поглядывал с подозрением на такую же, как у нее, повязку с красным крестом на рукаве у мужчины.

— Санитар,— объяснила Катя.

Навстречу вышел крупный, высокого роста солдат.

— Это товарищ Лагутин, член солдатского комитета,— представила Катя.

Они познакомились, прошли в отдельную комнату, и Григорий тут же пояснил цель прихода.

— На Финляндский, значит. А наши сегодня туда в наряд идут...

— Знаю,— сказала Катя.— Поэтому-то товарищ Подвойский и прислал меня к вам. Нужно поговорить с солдатами.

— Нужно так нужно. Посидите здесь, я скоро вернусь.

Они остались в пропахшей йодом комнате одни.

— Катя, как настроение здесь у солдат?

— Разное, Григорий. Было поначалу очень трудно. Намучилась я с ними.

— Так почему же именно вас сюда посылают?

— Не знаю. Солдаты сказали, что, кроме меня, никого слушать не будут. Да и безопаснее: все-таки девушку не решаются тронуть. А ребята серьезные, страсть какие!

Катя передернула плечами, точно стало ей зябко, и от этого ее движения у Григория появилось желание оградить ее от этих «серьезных ребят» — он вскочил, готовый хоть сейчас ринуться в бой. Девушка расценила это по-своему:

— Да вы не бойтесь.

Она улыбнулась — благодарно и белозубо, и в комнате вдруг стало уютнее и теплее. Черт возьми, Ростовцев никогда не подозревал, что такое возможно: и запах йода стал каким-то приятным, и мрачные, застилающие свет, хотя и белые, занавески вдруг повеселели, и вообще хорошее настроение снова вернулось к нему.

— Теперь уже не страшно,— сказала Катя.

Ему хотелось, чтоб слова эти означали: ей с ним не страшно, а не то, что солдаты стали иными, многое осознали. И Катя поняла его желание.

— Мы ведь вдвоем,— добавила она.— Веселее, правда?

Лагутин вернулся и сообщил, что в казарме собрались представители батальона, но только от двух рот. Катя и Григорий пошли за ним.

Солдатская казарма — железные койки вперемежку с деревянными нарами, серые одеяла да у входа составленные в пирамиды винтовки.

Разговор начал Ростовцев:

— Товарищи солдаты! Сегодня ночью в Петроград из вынужденной эмиграции возвращается Владимир Ильич Ленин...

Кто-то выкрикнул «Ура!», и не по-уставному — раскатисто, а коротко, словно выдох, раздалось в ответ «Ура!».

— Рабочий Петроград выйдет сегодня на Финляндский вокзал, чтобы встретить вождя мирового пролетариата...

— А ты чего это за всех расписываешься? — перебил усатый солдат с нашивкой на погоне.

— Помолчи! — ответили ему.— Дай послушать.

— А чего слушать? Я в большевики пока не записывался.

Катя сразу же:

— Да вы понимаете — Ленин! Он не только вождь рабочих, он для всего народа. Все, о чем мечтает бедный люд, все может дать только его партия большевиков — и свободу, и землю, и мир.

Катя задыхалась, и Григорий чувствовал, что сейчас, если усатый не уймется, произойдет взрыв. Нет, нельзя, нельзя этого допустить.

Но усатый солдат не сдавался:

— И ты туда же, курносая. Грамотные больно. Мир! Что ты знаешь про войну и про мир?

— А что вы знаете про большевиков и Ленина? — не сдержался Ростовцев.— Вы в карцере сидели? Вы шомполов по спине отведали? Или, может быть, сами угощали шомполами да нагайками борцов за свободу?

То ли попал Григорий в самую точку, то ли, наоборот, обидел усатого этими словами, только поднялось в казарме что-то невообразимое. Один солдат громче других кричал: «Да тихо же! Тихо, дай послушать». А шум продолжался.

— Солдаты!..— пытался урезонить сослуживцев Лагутин.

Катя остановила его:

— Граждане солдаты, я обращаюсь к вам от имени «военки»...

Но и Катю уже не слушали. Отдельные слова, долетевшие до Григория, только подтверждали, насколько сложна, накалена обстановка в этой разноликой, хотя и одетой в одинаковую форму, солдатской массе. И про землю, и про хлеб можно было услышать в разрозненных выкриках, а главное — про войну, фронт, окопы...

И вдруг Григорий услышал довольно звонкий голос, показавшийся ему удивительно знакомым:

— Братцы, дайте слово сказать! — Шум несколько стих.— Несправедливо так... Керенский приходил, говорил красиво, слушали мы его? А? Слушали?

— Слушали, ну и что? — был ответ.

— Этот... фамилию позабыл. На чих походит.

— Чхеидзе.

— Во-во, он самый. И его слушали.

Григорий уже узнал солдата — это же Иван Викулов, брат дворника Никодима!

— Так ведь и Ленина послушать надо,— продолжал Иван.— Чтобы про все понятие иметь.

— Верно!

— Вот и я говорю,— подытожил Викулов,— надо прислушаться к голосу большевиков и Ленина.

Катя тут же повернулась к солдатам:

— По-моему, правильно сказал вам товарищ. Те, кто выступал в эти дни перед вами, говорили против большевиков и Ленина. Это и понятно: они заодно с буржуазией. А вы вроде того коня, у которого шоры на глазах. Сдерните их да оглянитесь, послушайте Ленина, а потом и решайте, с кем по пути. Ведь у каждого из вас голова на плечах не только для того, чтобы шапку носить или усы, вроде этого крикуна...

— Ну-ну, не очень,— уже несмело, сдаваясь, пробурчал усатый.

Иван Викулов смотрел на Катю — бедовая!

— Ладно,— сказал он, обращаясь к солдатам.— На том и порешим. А к проходной я сам их провожу.

Отряд рабочей милиции Металлического завода был уже выстроен на перроне Финляндского вокзала, когда

Григорий увидел, как все теснее и теснее становится на платформе. Еще в девять вечера, а то и раньше собрались металлисты возле завода и колонной, с красным знаменем направились к Финляндскому вокзалу. Ростовцев знал многих членов Центрального и Петербургского комитетов партии, партийных активистов Выборгского района и охотно рассказывал о них товарищам. Об одном жалел Григорий — нет Свердлова, его бы сюда, сколько радости испытал бы Михалыч!

Был двенадцатый час. Прозвучал колокол. К перрону, почти не замедляя хода, подошел поезд. Громкое тысячеголосое «Ура!» завладело вокзалом. Рабочие, солдаты, матросы — все, кто заполнил перрон, приветствовали человека, стоящего в тамбуре вагона с непокрытой головой.

Ленин!

Ему отдает сейчас рапорт морской офицер — командир почетного караула, состоящего из моряков. Потом оркестр гренадерского полка заиграл «Марсельезу».

Ростовцев увидел Чугурина. Иван о чем-то пошептался с Женей Егоровой — одним из секретарей Выборгского райкома партии, а затем направился к Ленину. Григорий стоит близко, и ему слышно, как Нижегородец произносит взволнованным, срывающимся голосом:

— Владимир Ильич! Мне поручено в честь вашего возвращения на родину вручить вам партийный билет. Большевики-выборжцы считают вас членом своей районной организации.

Партийный билет... Первый партийный билет Ленина!

— Благодарю вас, товарищ Петр. Ведь вы учились в Лонжюмо... Ну конечно же, товарищ Петр. Наденька,— обратился он к Надежде Константиновне Крупской,— ты узнала его?

Ленин спросил у Чугурина, наш ли это караул, и удовлетворенно кивнул, когда узнал, что эти военные сочувствуют большевикам, что они вызвали броневики.

Рабочие парни с красными повязками на рукавах идут вслед за Лениным. Рядом с Чугуриным — Егорова. Егоровой она стала во время побега из ссылки — жена ссыльного Николая Козицкого отдала ей свои документы. А в действительности она латышка — Элла-Марта Лепинь. Это она, Егорова, предложила, чтобы партийный билет Ленину вручал именно Чугурин: он и большевик со стажем, и рабочий, и лично знаком с Владимиром Ильичем.

Навстречу Ленину приближается группа людей. Этого, с бородавкой и пенсне, Григорий знает — Чхеидзе, один из лидеров меньшевизма. Он улыбается, приветствует, и Владимир Ильич вежливо отвечает ему. Но взгляд Ленина скользит по «официальной» делегации и останавливается где-то там, за вокзальной дверью, откуда доносится все то же несмолкаемое «Ура!».

Ростовцеву кажется, что Ленин взволнован — он мнет в руке кепку, пытается вложить ее в карман пальто. Да, взволнован и даже смущен таким непредвиденным выражением к нему любви и восторга.

Привокзальная площадь, несмотря на позднее время, переполнена. И вдруг, словно по команде, взлетели в воздух самые разные головные уборы, освещенные прожекторами.

— Ура-а-а! Ура-а-а!

— Да здравствует Ленин!..

Григорий видел, как передернуло Чхеидзе...

На площади — броневик. По узкому коридору между матросами, солдатами, рабочими идет Владимир Ильич к этому броневику. Возле броневика — Подвойский.

Несколько человек бережно помогают Ленину взойти на броневик. Владимир Ильич вскинул вперед руку:

— Товарищи!

Постепенно смолкала, готовилась слушать площадь Финляндского вокзала.

— Товарищи! Приветствую революционный пролетариат России и солдатские массы, совершившие победоносную революцию против царизма. Пролетариат всего мира с надеждой смотрит на смелые шаги русских рабочих. Да здравствует социалистическая революция!

И снова «Ура!». Заиграли медные трубы военного оркестра «Интернационал». И запели все:

Это будет последний
И решительный бой!

Когда заревел мотор и броневик, на котором находился Ленин, двинулся вперед, вся живая, волнующаяся площадь последовала за ним. А броневик останавливался возле новой колонны людей, и Ленин приветствовал их. Еще раз, и еще...

Ростовцев догнал шеренги рабочих Металлического завода. Рядом с Потапычем шла Катя.

— Куда идем? — спросил Потапыч у Григория.

— К дворцу Кшесинской.

Глава
двадцать первая

Знакомство

Большевики Екатеринбурга избрали Свердлова делегатом седьмой Всероссийской партийной конференции. Двенадцать лет тому назад они тоже посылали его на конференцию. Но Яков Михайлович приехал тогда в Финляндию с опозданием — задержала стачка железнодорожников — и Владимира Ильича уже не застал.

Тогда была Таммерфорсская конференция, проводившаяся, как и все съезды и конференции партии, нелегально. А теперь первая легальная. Едут в Питер представители всей России, представители всех большевистских организаций страны. И он, Яков Свердлов, руководитель уральских большевиков, одной из самых крупных организаций страны, встретится с Лениным.

Давно мечтал он об этой встрече — и в Нижнем Новгороде, когда впервые взял в руки его книги, и в Екатеринбурге, и в Перми, и в далекой Туруханке. Не раз говорил товарищам: «Эх, кабы деньги, кабы за границу на месяц дернуть. Я был бы счастливейшим из смертных. Чем больше думаю, тем сильнее сознаю, насколько это необходимо для меня, для всего моего дальнейшего существования...»

Дворец Кшесинской был украшен красными флагами — символом революции и зелеными ветками — символом жизни. Дворец этот заняли в феврале солдаты бронедивизиона и с тех пор тщательно и с гордостью охраняют и берегут его. Бывший прапорщик, а ныне член «военки» Пашкевич с особым вниманием следит за тем, чтобы комнаты, предоставленные Центральному Комитету большевиков, охранялись надежно.

Многие делегаты, приехавшие на конференцию, были уже хорошо знакомы Якову — по работе в «Правде», по тюрьмам и ссылкам. Из Самары приехал Валериан Куйбышев, с которым подружился в Нарыме, Стасову и Сталина (с ним знаком по сибирским ссылкам) он уже встречал в Питере перед отъездом на Урал.

А вот и новые знакомые — Клим Ворошилов из Луганска, Феликс Дзержинский, Виктор Ногин, Петр Смидович, приехавшие из Москвы. Они знали друг о друге

по работе в партии, но не виделись. И теперь встреча — на партийной конференции.

Здесь же, на конференции, Свердлов впервые встретился с Владимиром Ильичем Лениным. В президиуме конференции они сидели рядом. Слушая очередного оратора, Владимир Ильич часто взглядывал то на него, Свердлова, то на другого соседа, словно проверяя, какое впечатление на них производят речи товарищей с мест. Он делал какие-то записи летящим своим почерком, и выражение его лица при этом удивительно менялось: от одобрительного, радостного до разочарованного и даже сурового — в зависимости от того, что слышал. Ни разу Ленин не перебил ни одного оратора, только очень тихо, скорее для себя, произносил: «Вот, извольте», «Превосходно!», «Ну, куда это годится?», «Вот так бы давно».

Его глаза, живые и лучистые, словно впитывали в себя все происходящее на конференции. Яков Михайлович улавливал их блеск, всю живость и переменчивость лица, и самое поразительное заключалось в том, что лицо это и глаза, и постоянно напряженная работа мысли, и короткие эти слова, слышные только двум-трем соседям по президиуму, были знакомы-перезнакомы и находили в душе Свердлова моментальный отклик. Вот, оказывается, как бывает: годами складывался в воображении образ Ленина, а теперь и ранее услышанное о нем, и прочитанные, до мельчайших деталей продуманные его книги, статьи — все это будто воплотилось в живом, рядом сидящем человеке.

И стал он еще больше понятным и близким.

...Ленин внимательно слушал доклад Свердлова о работе уральских большевиков. Ему важно было узнать, что уральская делегация представляет ныне 43 организации. Он помнил: до революции только в десяти местах Урала проводилась активная нелегальная работа, в главных ее центрах — Перми, Екатеринбурге, Уфе и других городах.

Ленину казалось, что Свердлов, заранее предвидя его вопросы, отвечает на них: работа ведется среди рабочих и отчасти солдат, а среди крестьян только начинается, уфимская газета «Вперед» не сразу встала на большевистские рельсы. Владимир Ильич убеждался, что докладчик до тонкости знает особые условия жизни и борьбы уральских рабочих, многие из которых связаны не только с промышленностью, но и с землей в деревне.

Вот Свердлов стал отвечать на вопросы делегатов о

профсоюзном движении, о Красной гвардии, о земле. Ленину приятно было отметить для себя, что Яков Михайлович объективно оценивает положение дел, не преувеличивает успехов, не преуменьшает недостатков.

Владимир Ильич смотрел на Свердлова и думал: у этого товарища большая осведомленность во всем, он обладает и опытом, и умом. Да, история русского революционного движения в течение многих десятилетий знала немало людей, преданных революционному делу, но не имевших возможности найти практического применения своим революционным идеалам. Теперь революция дала им эти возможности, и они, герои революционной борьбы, смогут проявить себя.

Владимир Ильич видел в Якове Михайловиче именно такого героя революционной борьбы. Но не только самоотверженность и беззаветную преданность революции заметил он в Свердлове. Несомненен его яркий организаторский талант. Именно Свердлов предложил создать из делегаций конференции шесть секций и оказал влияние на их работу путем разъяснения Апрельских тезисов Ленина. Глубоко понимая своеобразие момента, он заботился о единстве партии, о единстве взглядов на дальнейшее развитие революции.

Заметил Ленин и то, с каким уважением относятся к Свердлову делегаты конференции, как советуется с ним Стасова, доверительно беседует Куйбышев, о чем-то спрашивает Чугурин. Так разговаривают с человеком, от которого ждут делового, умного совета. И это не ускользнуло от внимательного взгляда Владимира Ильича.

Свердлова увлекла, как бурный, стремительный поток, работа конференции, необходимость бороться, доказывать, убеждать. Он почувствовал, отчетливо увидел то новое, то главное, что внес в работу конференции Ленин: «Своеобразие текущего момента в России состоит *в переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,— *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства».

Ленин в спорах не щадил противников и вместе с тем требовал разумного подхода к «революционным оборонцам», которые пока еще находятся в плену буржуазных и соглашательских партий.

— К ним,— говорил на конференции Владимир Ильич,— надо уметь подойти с разъяснением, и это является

самой трудной задачей, в особенности для партии, которая вчера еще находилась в подполье.

В этой связи Свердлов вспомнил Никодима Викулова и его брата Ивана, беседы с рабочими в Екатеринбурге и еще больше ощутил справедливость мысли Ленина — необходимо вести среди широких масс терпеливую, вдумчивую пропаганду.

Но, пожалуй, самым важным было для Свердлова мнение Ленина о Советах. На данном этапе революции, когда фактически образовалось двоевластие, а Временное правительство по сути своей контрреволюционно, Ленин провозгласил лозунг «Вся власть Советам!». Да, это подлинное открытие. Советы... Первые шаги к социализму. Владимир Ильич так и сказал:

— Мы явно выдвинули формы, которые не походят на формы буржуазных государств: Советы рабочих и солдатских депутатов — такая форма государства, которой ни в одном государстве нет и не было. Это такая форма, которая представляет первые шаги к социализму и неизбежна в начале социалистического общества. Это факт решающий.

«Это факт решающий». Свердлов мысленно повторял эти слова. Они звучали для него всякий раз, когда он слушал Ленина, когда отстаивал его точку зрения в различных секциях конференции, убеждая делегатов, что ленинский план дальнейшего развития революции — это факт решающий...

Стали избирать Центральный Комитет, и слово попросил Валериан Владимирович Куйбышев. Он назвал Якова Михайловича незаменимым организатором, чье присутствие в ЦК необходимо. И Ленин вновь убедился, сколь уважаем Свердлов. Центральный Комитет партии поручил ему руководство Секретариатом ЦК.

Свердлов жил у Бессеров на улице Широкой — своей квартиры у него не было. Но вот уже несколько дней ночевал он во дворце Кшесинской. Ему все время приходилось бывать не только на конференции, но и в Секретариате, вместе с Еленой Дмитриевной Стасовой следить за перепиской ЦК, рассылать на места различные документы.

— Яков Михайлович вездесущ,— говорила Стасова Вере Рудольфовне Менжинской.— Когда он только успевает везде побывать — на конференции, на митингах,

собраниях. А ведь большую часть времени проводит здесь, в Секретариате. Он знает почти всех работников на местах, переписывается с ними. Память отменная.

Лишь поближе к ночи, после бесконечных выступлений на собраниях и заседаниях, Свердлов ложился на диван, подкладывал под голову пиджак, снимал пенсне и засыпал сном праведника. На дверях в таких случаях он прикалывал записку: «До 6 часов утра будить только в случае острой служебной необходимости».

Как-то Яков Михайлович привел Киру во дворец Кшесинской, и она стала работать в «Солдатской правде». Но вскоре почувствовала обострение туберкулеза. Александр Александрович и Лидия Ивановна по совету врачей решили отвезти дочь в деревню. Яков Михайлович одобрил это. Перед их отъездом он сказал:

— Не вешайте носа, Кирочка. И непременно напишите. А я, по старой доброй привычке, буду вам отвечать.

— Вы? Яков Михайлович, да отыщется ли у вас секунда прочитать мое письмо, не то что ответить на него.

— Найдется. Вы же знаете: когда люди уже спят, я совершенно свободный человек.

— Спасибо. Прощайте, Яков Михайлович.

Она посмотрела на него таким взглядом, что ему стало не по себе.

— Я не утешаю вас, Кирочка. Возвращайтесь поскорее. И пишите, не теряйте связи с «Солдатской правдой», с товарищами по работе. Словом, вперед, к жизни! И только к жизни. Это говорю вам я, убежденный и неисправимый оптимист.

Со времени отъезда Бессеров Яков Михайлович остался единственным жильцом их квартиры на Широкой. А напротив, в квартире Марка Тимофеевича Елизарова, жил Владимир Ильич Ленин.

Глава двадцать вторая

В Секретариате ЦК

Ежедневно к девяти часам утра, если не случалось ничего чрезвычайного, Свердлов являлся в Секретариат ЦК. Елена Дмитриевна Стасова, Бронислав Андреевич Веселовский, сестры Вера и Людмила Рудольфовны Менжинские, машинистка Ганя составля-

ли весь аппарат Центрального Комитета. Здесь не только оформлялись и хранились все протоколы, но и велась переписка ЦК с районами и губерниями России. Сюда поступали заявки на выступления в рабочих и солдатских аудиториях, отсюда шли письма во все города страны, звонили по телефону во все уголки столицы. Это был небольшой, но деятельный, оперативный рабочий орган Центрального Комитета партии большевиков.

С тех пор как его возглавил Яков Михайлович Свердлов, функции Секретариата значительно расширились. Именно сюда прежде всего приезжали представители партийных организаций России с докладами и отчетами. Свердлов принимал их и направлял на места опытных работников, прошедших революционную школу. Ленин предложил создать при ЦК муниципальную группу и поручить возглавить ее Якову Михайловичу. Он сказал ему:

— Вы лучше других знаете положение дел в российских губерниях. Подберите в муниципальную группу людей энергичных, давно и прочно связанных с партийными организациями на местах. Это архиважно — ни на минуту не терять связи с пролетарскими районами и окраинами России.

В муниципальную группу вошли кроме Свердлова Крупская, Луначарский, Мануильский, Подбельский. Со многими из них Яков Михайлович до Питера был знаком только заочно. Характерным для Свердлова было то, что он быстро сходился с товарищами, непринужденно общался с ними. С Дзержинским, например, он подружился с первой встречи, оба в чем-то похожие друг на друга, активные, деятельные, рыцарски преданные революции ленинцы. Дзержинский — живой, цепкий ум. Или вот Луначарский. Выступит, как ярким лучом осветит, словно богаче, содержательней сделает целую аудиторию, независимо какую — рабочую ли, студенческую, партийную или беспартийную.

Обретая новых друзей, Яков Михайлович ни на минуту не забывал старых. Александр Александрович Бессер попросил однажды Якова Михайловича удостоверить его участие в революционном движении — понадобится в дальнейшей работе на новом месте.

— Да, это очень важно,— сказал Свердлов.— Ваш опыт может пригодиться другим. Пусть это будет не личной запиской, а официальным документом, или, как мы говорим, мандатом. Непременно подтвердим.

И, не теряя времени, написал о том, что Бессер «состоял в секретариате Уральского областного комитета РСДРП(б) и был активным членом партии в течение ряда лет».

По-прежнему часто встречался Свердлов с Чугуриным. Сюда, в ЦК, приходил Иван по делам Выборгского райкома. Иногда специально находил для этого повод, чтобы повидать Якова. Вот и сегодня решил лично сдать деньги, которые передал один из заводов за лекцию Свердлова о решениях Апрельской Всероссийской конференции большевиков. Многим партийным пропагандистам ЦК выдавал удостоверения на право выступать от имени большевистской партии. Некоторые из лекций были платными, и деньги за них поступали в кассу Центрального Комитета. Свердлов тоже выступал с такими лекциями. Иван и принес сейчас в ЦК очередной взнос.

— Получите, Яков Михайлович, девятнадцать рублей девяносто пять копеек.

— Спасибо, Ванечка. Деньги отдай Елене Дмитриевне: она денежными делами ведает. Только что-то вид у тебя немножечко усталый.

— Ничего. Эх, на Волгу бы сейчас, искупаться. Сразу усталость как рукой сняло б.

— А что, верно! В мае нижегородские мальчишки уже делают первые заплывы. Так, кажется?

— Так,— мечтательно подтвердил Чугурин.

— Но,— шутливо продолжал Свердлов,— помочь тебе в этом не смогу, хоть мы и находимся при бывшем бассейне балерины Кшесинской. Воды, как видишь, нет. Разве что макнуть друг друга из графина?

— Яков Михайлович, товарищ Свердлов, несолидно как-то будет. Революцию ведь делаем.

— Ах, несолидно... Дорогой мой друг, революцию нужно делать весело.

Говорил Яков Михайлович озорно, словно собирался вместе с нижегородскими мальчишками ринуться в Волгу или в самом деле «макнуть» старого друга — Ванечку Чугурина.

Женщины, знавшие, каким серьезным и даже строгим может быть Свердлов, радовались его озорству — он всегда приносил хорошее настроение. Сестры Менжинские охотно «подыгрывали» ему, и лишь Стасова, человек степенный, не выражала своих эмоций по этому поводу. И как только Яков Михайлович встречался с ней

взглядом, он, будто гимназист при виде учителя, немедленно сгонял с лица улыбку, напускал на себя строгость и говорил с хитринкой в глазах:

— Простите, Елена Дмитриевна, я, кажется, опять напроказил.

Стасова, глубоко пряча рвущуюся наружу улыбку, отвечала как можно серьезней:

— Что поделаешь, Яков Михайлович, не могу же я вас поставить в угол. Все углы заняты нашими бумагами.

— Ах вот как? Так хочу вам доложить, что скоро станет еще теснее. Мадам Кшесинская — владелица роскошных палат — требует возвратить их ей в целости и сохранности. Вы мне скажите, товарищ строгий секретарь,— обращался Свердлов к Стасовой,— с точки зрения женщины, это справедливо?

— Не знаю, как с точки зрения женщины, но, с точки зрения секретаря, скажу, что придется нам с вами подыскивать другое помещение.

Стасова была права: тяжба Кшесинской с большевиками по поводу ее дворца принимала все более и более настойчивый характер. Балерина подала в суд, нанесла визит самому министру юстиции Керенскому и однажды явилась во дворец в сопровождении своего адвоката и репортера какой-то скандальной газетенки. Солдаты были возмущены:

— Мы дворец силой брали!..

— Пусть эта дамочка катится в свои заграницы.

— Отдать дворец обратно? Дудки!

Свердлов понимал, что идти на скандал из-за этого нецелесообразно — у большевиков есть дела посерьезнее и поважнее. Да и давать пищу для сплетен и пересудов — не время. Он пригласил к себе присяжного поверенного Козловского.

— Вот что, дорогой друг. Для суда вы присяжный поверенный, а для нас, большевиков, товарищ, борьбой проверенный. Боритесь-ка со старым законом. Объясните суду, что тот закон, на который ссылается мадам Кшесинская, отменила революция.

— Отменила ли? — спросил Козловский.

— Увы, к сожалению, нет. Но что-то эта революция должна же была отменить. Словом, не мне вас учить...

— Вы рассчитываете на успех?

— Не обижайтесь, дорогой друг, но, даже не сомневаясь в том, что вы произнесете блестящую речь в судеб-

ном заседании, скажу откровенно: нет. Увы, ни суд, ни Керенский не пойдут против частной собственности. Так что временно придется нам потесниться.

— Что значит «временно»?

— До следующей революции,— пожав плечами, ответил Свердлов.

Стасова слышала этот разговор, и она теперь исподволь концентрировала дела Секретариата в одной из комнат. Она понимала, что время для настоящей правды еще не наступило.

С Лениным Свердлов теперь встречался часто — дела Секретариата, работа среди различных землячеств требовали постоянных консультаций, советов Владимира Ильича. И к тому же Свердлов держал его в курсе всего нового, что происходило в различных губерниях России,— обширная переписка давала Якову Михайловичу постоянную информацию о делах партийных организаций страны. Кроме того, ему по предложению Ленина Центральный Комитет поручил возглавить предвыборную кампанию большевиков в Учредительное собрание.

Как-то в разговоре с Лениным Свердлов привел такой поучительный факт:

— Петроградская фабрика «Скороход» отправила в деревню десять ходоков-рабочих, чтобы разъяснять крестьянам наши большевистские лозунги.

— А как же эти ходоки будут жить? Ведь у них, вероятно, есть семьи? — спросил Ленин.

— В том-то и штука, Владимир Ильич, что партийная организация изыскала деньги и заработная плата этим рабочим сохраняется.

— Великолепно. Необходимо срочно рассказать об этом опыте в «Правде». А вас, Яков Михайлович, прошу написать об этом товарищам на места.

— Хорошо, Владимир Ильич. Я как раз собираюсь отправить письмо Кавказскому комитету. Нужно проинформировать товарищей о том, что происходит в столице, и напомнить о необходимости добывать деньги. Секретариат рекомендует на местах создавать боевые агитационные группы.

— Более того, необходимо,— посоветовал Владимир Ильич,— организовать при комитетах краткосрочные — недельные, что ли, курсы агитаторов, вооружить их нашими лозунгами.

Ленин и сам вел огромную агитационную работу среди рабочих Петрограда. Свердлов слышал его речь на Невской заставе, в здании Главных вагонных мастерских Николаевской железной дороги. Здесь собрались не только железнодорожники, но и рабочие Александровского судостроительного, Механического заводов, а также фабрик Паля, Торнтона. Словом, представители всей Невской заставы пришли тогда на доклад Владимира Ильича о текущем моменте.

Выступал Ленин и на Обуховском заводе. Он рассказывал потом Свердлову:

— Завод работает на войну, выполняет военные заказы, вполне естественно, что многих рабочих настроили на свой предательский лад наши почтенные оборонцы. Уму непостижимо: так быстро растеряли меньшевики последние капли своей революционности. И эти, с позволения сказать, социал-демократы, представьте себе, пытались сорвать мой доклад. Методы обычные — реплики, выкрики, истерика. Но там умно работают большевики. Они осадили крикливых провокаторов.

А во время другого выступления, в Политехническом институте на Выборгской стороне, Ленин ответил крикунам-меньшевикам сразу: «Вы пришли сюда, чтобы сорвать мое выступление. Но это вам не удастся...»

— И те умолкли. Рабочие заставили их умолкнуть,— весело сообщал Владимир Ильич.

Встречались Ленин и Свердлов обычно в ЦК или в редакции «Правды», а порой и дома у Владимира Ильича. Своей квартиры у Ленина, как и у Свердлова, не было. У Якова Михайловича к тому же не было в Питере и семьи — Клавдия с Андрюшей и Верочкой все еще никак не доберутся до Петрограда.

Дом на углу Широкой и Газовой улиц мало чем отличался от многих строений этого района. Обычное шестиэтажное здание, едва заостренное с угла, да, возможно, парадная дверь выглядела побогаче, чем у дома, расположенного напротив, где жил Свердлов.

Квартиру свою Елизаровы называли пароходом — длинный коридор, заканчивающийся салоном, по бокам комнаты-каюты. Одну из таких комнат, слева от входа, и отвели Елизаровы для Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Марк Тимофеевич, служащий Российского транспортного страхового агентства, дома бывал редко, чаще увозил его поезд на Урал и в Сибирь по делам Ространса.

Иногда по вечерам Яков Михайлович заходил к Владимиру Ильичу, и, если позволяло время, они выходили вместе, беседуя о делах, шли по Широкой улице, сворачивали на Газовую и снова возвращались на Широкую.

Стояли дивные питерские белые ночи. Улицы и дома, тихие и по-ночному успокоившиеся, окрашены в какой-то особый цвет — ни в какую дневную погоду такого не увидишь, словно город освещен не снаружи, а изнутри, откуда-то из глубоких земных недр.

Яков Михайлович чувствовал состояние Владимира Ильича и старался не утомлять его разговорами. Что может быть в такие минуты дороже молчания идущего рядом близкого человека!

С некоторых пор поселилось в душе Свердлова и чувство тревоги за Ленина. Черносотенная возня вокруг его имени, его приезда из-за границы, провокационные слухи о нем как «немецком шпионе» создавали атмосферу накаленную и опасную.

Несомненно, контрреволюция готовила физическую расправу с вождем рабочего класса.

Нет, неспокойно на питерской земле даже в эти белые ночи. Сколько раз, возвращаясь в квартиру Бессеров, поглядывал Яков Михайлович на подъезд дома, в котором жил Владимир Ильич. Свердлову даже показалось, что он дважды видел там, на углу, одного и того же весьма подозрительного типа. И когда на следующий день к нему в Секретариат ЦК пришел по делам завкома большевик завода «Старый Парвиайнен» Шуняков, Яков Михайлович сказал:

— Передайте, пожалуйста, комитету, что вам поручается создать дружину для охраны, понимаете, личной охраны Владимира Ильича Ленина.

Рабочий встревожился:

— А разве существует опасность?

— Существует. Вы прочтете об этом в «Правде». А пока познакомьтесь вот с этим протоколом пресловутой лиги по борьбе с большевизмом и анархией.

Шуняков читал и не верил своим глазам... Ленина лишить жизни!

— Да они в своем уме ли? — воскликнул Шуняков.

— В своем, именно в своем... бандитском. Так что вопрос о том, существует ли опасность для Ленина, отпадает. Существует. Под охрану вам нужно взять дом по улице Широкой, где живет Ленин, и в дружину должны войти лишь проверенные люди, настоящие большеви-

ки. И вот еще что — Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне об этом ни слова.

Большевики «Старого Парвиайнена», известного своими революционными традициями, отнеслись к заданию Свердлова со всей серьезностью — уже к вечеру на Широкую отправилась группа рабочих во главе с Ефимовым, человеком смышленым и верным, он уже несколько лет состоял в партии. Впрочем, и другие дружинники — надежные товарищи из Красной гвардии. И Михаил Васильев, и его однофамилец по кличке Кудрявый, и Кузьма Кривоносов, и Александр Бубнов, и Митьковец — Абрам.

— Мы решили,— докладывал Ефимов Якову Михайловичу,— охрану вести в две смены — одной командую я, другой — Михаил Васильев. Поговорили только с Марией Ильиничной — обещала не выдавать нас...

Они гуляли по Широкой улице в эту удивительную белую ночь. И вдруг Владимир Ильич оглянулся — шагах в пяти шел за ними мужчина в простой косоворотке, подпоясанной ремешком под серым, с помятыми бортами пиджачком. Свердлов насторожился.

— Не пугайтесь, Яков Михайлович, или, точнее, не делайте вид, что пугаетесь. Все. Разоблачил я вас, старого, матерого конспиратора.— И Ленин погрозил Свердлову пальцем:— Не думал, батенька, что у вас имеются от меня тайны!

Яков Михайлович смущенно пожал плечами.

— Не пытайтесь оправдываться. Мы вчера с моими товарищами со «Старого Парвиайнена» великолепно пили чай.

— Не может быть? — искренне удивился Свердлов.

— Не верите? Идемте в дом...

Ленин взял Якова Михайловича под руку, повел за собой. Не выпуская его руки, вошел в парадное и, не оглядываясь, взбежал на третий этаж, повернул ручку двери. Они оказались в квартире.

Яков Михайлович сразу же заметил: в дальней угловой комнате, которую в семье Елизаровых называли рубкой-салоном, сидели Мария Ильинична, Надежда Константиновна и... Ефимов с Шуняковым.

— Ну-с, батенька, как вы думаете, зачем пожаловали ночью эти славные товарищи в дом по улице Широкой? Ах, вы не догадываетесь! Так давайте тоже попьем чай-

ку. Нет уж, отказываться не смейте. Что? Неудобно поздно приходить и людей беспокоить? Не беда, заночуете у нас. Места хватит.

Ефимов и Шуняков виновато ерзали на стульях, глядя на Якова Михайловича,— дескать, что поделаешь, пришлось сознаться. А Владимир Ильич, видя это напряженное молчание, сказал:

— Вот и превосходно, дорогие гости, что мы с Яковом Михайловичем застали вас. И коль уж решили охранять мою очень-очень важную персону, то прошу заходить в любое время и не втайне от меня.

Рабочие встали, но Владимир Ильич тут же усадил их:

— Ни в коем случае не уходите, прошу вас, мы с товарищем Свердловым тоже с удовольствием попьем чайку. А может, Яков Михайлович проголодался?

— Нет, что вы... Ночь ведь, Владимир Ильич.

— Ну и что? Неужели вы перешли на рацион Кшесинской? Смею вас заверить, что эта мадам себя голодом не морит.

Надежда Константиновна, с улыбкой наблюдая эту сцену, сказала:

— Пошли, Яков Михайлович, на кухню, а то я, честно говоря, тоже проголодалась.

Свердлов вспомнил, что сегодня он действительно не успел пообедать.

Глава двадцать третья

Дела, дела...

В семье Потапыча назревал полный разлад. Начался он с того, что Сергея выбрали в фабричный комитет. Отца тоже избрали в заводской комитет, но дома он об этом не рассказал, а Сергей похвастался в тот же вечер. Катя, которая об отце знала от Григория Ростовцева, не выдавала его тайны — ей хотелось, чтобы сам он рассказал сыновьям,— и сейчас посматривала на него с укором: ты-то почему молчишь? Сергей вон как петушится, того и гляди закричит «кука-ре-ку».

— Единогласно? — спросил отец.

— Конечно,— соврал сын. (Прошел он большинством в один голос.)

Сергея на фабрике звали Мухой. Он не помнил, когда и почему прилипла к нему эта неприятная кличка. Может, с тех пор, как сказал на собрании кто-то из рабочих:

— Ну и назойливый ты, Сергей, ровно муха.

А может быть, и раньше. Только дома об этой кличке Сергея не знал никто: сам стеснялся ее и всячески скрывал от родных.

Хозяин фабрики почувствовал, что Муха может быть для него полезным в фабкоме. Именно ему подсунул он ложные счета и различные фиктивные банковские документы. Отмечая усердие и «подлинно революционную» заинтересованность Сергея, хозяин даже повысил ему жалованье и при первом удобном случае подарил, как, впрочем, и некоторым другим рабочим, новый костюм с жилетом из чистой английской шерсти.

Правда, надеть костюм и выйти в нем на люди Сергей не решался — было что-то зазорное в том, что капиталист жалует дорогим подарком социалиста, но дома надевал его по вечерам и долго-долго гляделся в зеркало.

Николай молча присматривался к брату.

— Жениться собрался, что ль?

— Почему непременно жениться? Может, я костюм для торжественного дня берегу. Выберут меня еще куда-нибудь.

— Куда же?

— Как знать, как знать...

Но в душе Сергея притаилась щемящая тревога. Он чувствовал, что больше ничего не сможет сказать против хозяина и отныне в фабкоме он думает только о том, как бы не навредить ему, хотя в речах и виду не подал, что встревожен чем-то.

Все выяснилось, когда большевики узнали о новом заказе на военное обмундирование. По документам, которые смотрел Муха, заказ был давний, оплаченный, но не завершенный. Огромную сумму, полученную за этот заказ, хозяин в банковские книги не внес и от фабкома скрыл.

Григорий Ростовцев узнал об этом случайно, в Выборгском райкоме, и вечером, будучи в гостях у Потапыча, рассказал, как иной раз обманывают капиталисты «нашего брата рабочего».

— Вот оно как бывает, — сказал он. — И ведь документы показал какому-то члену фабкома. Говорят, подкупил он этого контролера.

Сергей вскочил, словно его обожгло пламенем:

— Неправда! Все это враки!

— Почему враки? — возмутился Григорий.— Я даже имя знаю этого меньшевика. Муха его зовут.

Сергей сник разом, в одно мгновенье: он даже забыл, что дома неизвестна его кличка.

— Что с тобой, Сергунька? — спросил Потапыч.— Лица на тебе нет.

— Ничего... Устал я сегодня. Пойду полежу.

Катя смотрела на Григория, ожидая, что он еще что-то скажет. Но тот ничего больше не знал и сам недоумевал, почему его слова произвели такое впечатление на Сергея. Ему даже не было известно, на какой именно фабрике это произошло, да и то, что Сергей и есть Муха, ему и в голову не приходило.

Потапыч сердцем почуял неладное. Ему хотелось сейчас же строго допросить сына, но в присутствии Ростовцева сделать это не решался. Хотя Катя не скрывала своих чувств, и Потапыч мысленно считал его женихом дочери, то есть почти своим человеком, но в доме вслух об этом никто не говорил.

Николай подсел к столу, налил себе чаю и буркнул:

— Чего не пьете? Можно молоком забелить... Наливай, Катя, жениху.

И будто не заметил, как стали пунцовыми щеки сестры, как заерзал на стуле Григорий. Он сказал то, что давно хотел сказать: нечего в прятки играть. Жених так жених.

Ему, Николаю, Григорий нравился.

Никодим стоял у ворот, о чем-то задумавшись. Он дважды поднимался в каморку, где жил Ростовцев, но дверь была заперта.

Шел двенадцатый час ночи, когда из-за угла появился Григорий — дворник узнал его издали: хоть поздно, а светло.

— Все шляешься, — сказал он без злобы. — Женился бы.

— Скоро, Никодим, скоро.

— На свадьбу позовешь?

— А ты пошел бы?

— Отчего же... Мы люди не гордые.

— И не побоишься идти на большевистскую свадьбу?

— Не побоюсь, — уверенно ответил он. И добавил: — Зайди, брательник тебя дожидается.

Иван был не один. С ним рядом сидели уже знакомый солдат Лагутин и тот зловредный усач, которого так возненавидел Григорий, когда пришел впервые вместе с Катей в батальон.

Иван встал, вышел навстречу Ростовцеву, поздоровался.

— Вот, — жестом указал он на солдат, — к тебе пришли за советом.

И увидев, как подозрительно смотрит Григорий на усатого, сказал, словно извиняясь:

— Ты на него зла не держи. Сам знаешь, время какое. Только его тоже выбрали для разговору с тобой. Конечно, Катя — девчонка славная, да ведь баба и есть баба...

— Она не баба, а член большевистской партии, ее военной организации.

— Ну не сердись, разговор у нас с тобой мужской. — И, помявшись, добавил: — А вернее, не к тебе мы, а к Якову Михайловичу...

Усатый солдат встал и, переступив с ноги на ногу, заговорил первым. Там, в казарме, голос его показался Ростовцеву скрипучим и злобным, а сейчас он звучал тихо и степенно, даже приятно.

— Горюн я, Порфирием звать. Самарец я. Мы, самарцы, такие...

Ростовцев едва сдержал улыбку:

— Какие такие?

— Горячие.

— Ладно, горячий Порфирий. Слушаю тебя.

— Вот Иван нам все одно и то же твердит. Про что бы ни заспорили мы у себя, он завсегда один ответ имеет: «Что Яков Михайлович сказал бы...» А мы того Якова Михайловича в глаза не видели. Вот и просьба к тебе: сделай нам разговор с ним. Вот как с тобой сейчас — с глазу на глаз.

Григорий посмотрел на Лагутина — а ты, мол, что скажешь, товарищ? Но Лагутин молчал.

— Товарищ Свердлов,— сказал Григорий,— в Цека работает, его там и разыскать можно. Во дворце Кшесинской.

— Вот и я им то же говорю,— подтвердил Лагутин.

— А к нам он пришел бы? — спросил Горюн.

— Пригласите — придет. Если только бузу не устроите. Как тогда.

...Иван вместе с Порфирием пришли к Якову Михайловичу.

— Постойте, постойте... Да ведь мы с вами встречались.

Этого Иван не ожидал — больше двух месяцев прошло, как виделись они. Честно говоря, Викулов не думал, что тот узнает его.

— Верно, Яков Михайлович. Я и есть. А это Порфирий Горюн.

— Ну, как ваши военные успехи? Впрочем, мне Ростовцев рассказывал о вас. Так чем могу быть полезным? Садитесь, рассказывайте.

Иван не знал, с чего начать, хотя ему было что рассказать Свердлову, и выпалил все подряд:

— Беспокойно нынче в батальоне, по-иному смотрят солдаты на войну, письма приходят из дому тревожные и разные. Где отобрали землю у помещика, где имение сожгли, а где все остается по-прежнему.

— Трудно жить стало, Яков Михайлович,— подытожил Горюн.

— Да, это верно, я тоже получаю письма из деревни. Пишут, что процветает там стихия, дикость.

— Темноты много,— согласился Горюн.

— Наш брат русский мужик,—добавил Иван,— чуть что — за топор хватается.

— Неужели? — улыбнулся Свердлов.— Ну да это не страшно. Много еще темноты, много невежества. Наследие веков не исчезает в один день. К тому же нынешнее Временное правительство не собирается, как видно, отдавать крестьянину то, что ему принадлежит по праву,— землю. Вот он и хватается за топор.

— Это правильно,— согласился Горюн.

А Свердлов продолжал:

— Но, я думаю, унывать не следует. Докатятся волны подъема и до самых глухих уголков, всколыхнутся, потянутся к новой жизни мужики.

— Эх, скорее бы,— мечтательно произнес Порфирий Горюн.

— Да,— подхватил Свердлов.— Мы, большевики, направляем сейчас в деревню наших агитаторов, испытанных революционеров, чтобы рассказать крестьянам правду о земле, о революции, разъяснить аграрный вопрос, который рассматривался на недавней конференции. Уже поехали туда наши товарищи Володарский, Панюшкин — преданные, верные революции люди. А скоро вернутся в

деревню и нынешние солдаты. Они многое повидали, многое поняли — кто им друг, а кто им враг.

— Вот-вот, Яков Михайлович, мы и хотели бы, чтоб вы рассказали солдатам об этом,— попросил Иван.— Очень здорово у вас это получается. Вы не хитрите, как другие, а прямо и честно, как тогда со мной у брата Никодима. Крепко вы меня... До смерти не забуду.

— Что же, можно. Непременно приду.

Дела, дела...

Судебная тяжба балерины Кшесинской по поводу ее дворца совпала с другой акцией Временного правительства. Занятую рабочими в дни Февральской революции дачу бывшего царского министра Дурново было приказано очистить от посторонних лиц — выселить из нее рабочие организации.

Это распоряжение вызвало забастовку на многих заводах, возникли стихийные демонстрации, митинги. Обстановка накалялась.

Собственно говоря, накаленной она была и раньше. Перетасовка карт в правительстве, перестановка министров с одного поста на другой, бесконечные речи министров — почти социалистов, как называл их Ленин, поток обещаний, не подкрепленных делами,— все это вызывало раздражение и откровенное недовольство рабочих и солдат. К тому же все упорнее распространялись слухи, что назначенный военным министром Керенский готовит наступление на фронте, дабы уверить союзников, что Россия не намерена выходить из войны.

Разъясняя истинную суть Временного правительства, его буржуазный характер, необходимость перехода власти в руки Советов, Ленин и большевики, однако, вели курс на мирное развитие революции. Из нынешнего положения никакого выхода нет, писал Ленин, кроме перехода всей власти к Советам рабочих и солдатских депутатов.

Свердлов понимал, насколько важно в этих условиях не дать Временному правительству лишнего козыря в руки: оно искало всяческих поводов, чтобы расправиться с большевиками. И когда адвокат балерины Кшесинской предъявил Свердлову документ на выселение ЦК из дворца, Яков Михайлович, ко всеобщему удивлению, сказал:

— Потеснимся...

— Может быть, переедем всем Секретариатом ко мне домой? — произнесла Стасова.

Яков Михайлович уловил нотки сарказма в ее словах, однако не подал виду, спокойно проговорил:

— А ведь это идея, Елена Дмитриевна. Очень даже неплохая идея. Я всегда был глубоко убежден, что преданнее делу человека, чем вы, не отыскать во всем Петрограде.

Стасова только пожала плечами, и это означало: удивляюсь вашему терпению, дорогой Яков Михайлович.

Глава двадцать четвертая

Возвращаясь в недавнее прошлое

Встреча была неожиданной и приятной. Крыленко... Делегат 11-й армии на Первый Всероссийский съезд Советов. Начинающий лысеть со лба, круглолицый прапорщик с тонкими усиками над сочной губой, короткая мускулистая шея атлета, вокруг которой едва сходится воротник армейской гимнастерки, пристальный взгляд, полный неистраченной энергии. Крыленко Николай Васильевич. Товарищ Абрам...

И сразу в памяти Свердлова возникло совсем недалекое прошлое, и слились воедино день сегодняшний с днем минувшим, воспоминания радостные, восторженные и грустные, даже печальные. Печальные потому, что выплыло наружу отвратительное лицо подлеца, провокатора, человека без чести и совести — Романа Малиновского.

Они встретились в Петербурге холодным, снежным январем тринадцатого года.

Рыжеватый, чуть раскосый Роман жил недалеко от Таврического дворца, на Песках, на 10-й Рождественской улице. Его жена Стефа не всегда угощала обедом, но всегда — приветливой улыбкой.

В IV Государственную думу Малиновского избрали московские рабочие. Он тоже рабочий, неплохо говорит, знает положение на заводах и фабриках Москвы.

Бежавшего из нарымской ссылки в декабре двенадцатого года Якова Михайловича свела судьба с Романом Малиновским. Тогда же возникла дружба с умным, принципиальным и очень добрым Григорием Ивановичем Петровским, с преданными рабочему классу и революции Алексеем Егоровичем Бадаевым, Матвеем Константино-

вичем Мурановым, Федором Никитичем Самойловым, с товарищем по работе в Костроме Николаем Романовичем Шаговым. Познакомился Свердлов с бывшим учителем гимназии, человеком широкой эрудиции и глубоких знаний — Николаем Васильевичем Крыленко, который приехал тогда в Петербург по заданию Ленина как доверенное лицо депутатов-большевиков.

Это было время борьбы Центрального Комитета, Владимира Ильича за большевистскую «Правду». Ее редакция допустила тогда множество колебаний и ошибок.

Скольких усилий стоило Ленину, чтобы избавить «Правду» от соглашательства с ликвидаторами, с меньшевистской газетой «Луч». Владимир Ильич считал недопустимым и какой-то оборонительный тон газеты — будто она оправдывалась перед измышлениями «Луча». Ленин написал письмо в Петербург: «Правда» не умеет воевать. Она не нападает, не преследует ни кадета, ни ликвидатора. А разве может быть орган передовой демократии *не*боевым органом в горячее время? Допустим лучшее: допустим, что *«Правда»* уверена в победе антиликвидаторов. *Все же* надо воевать, чтобы *страна* знала... во имя *каких идей* идет борьба. «Луч» воюет с бешенством, с истерикой, с бесстыднейшим отказом от своих принципов. *«Правда»* — в пику ему — «сурьезничает», жеманничает и не воюет вовсе!! Разве это похоже на марксизм? Разве Маркс не умел соединять войны, самой страстной, беззаветной и беспощадной, с полной принципиальностью??»

Даже два вопросительных знака в конце казались Свердлову многозначительными, выражающими ленинскую страстность, непримиримость в борьбе и, наконец, темперамент публициста. Сколько раз Яков Михайлович убеждался в силе ленинского слова, ленинского печатного слова! До сих пор помнит он «Искру», ту самую «Искру», которую по заданию Нижегородского комитета РСДРП распространял среди рабочих Канавина, Бурнаковки, Сормова. Не прошла для него даром и короткая встреча с большевистской «Звездой». Было это в 1911 году, после побега из ссылки — по поручению ЦК Яков Михайлович возглавил ее редакцию, к сожалению, ненадолго: помешал очередной арест. Именно боевитости газеты добивался тогда Свердлов.

Может, поэтому в трудные для «Правды» дни Ленин, узнав о том, что кооптированному после Пражской конференции большевиков в состав ЦК Свердлову снова

удалось бежать из Сибири и что он находится в Питере, поручил ему возглавить «Правду».

Это был один из многих ленинских шагов, направленных на борьбу за боевую, подлинно марксистскую, большевистскую газету. Именно так стоял вопрос на краковском совещании большевиков. Именно так воспринял задание партии новый редактор Яков Свердлов.

Мнение Ленина было уже известно Свердлову — о нем он узнал от приехавших в Питер участников краковского совещания, от Петровского, на квартире которого собралось заседание Русского бюро ЦК совместно с работниками «Правды». Кроме самого Григория Ивановича присутствовали члены ЦК Свердлов, Голощекин, депутаты Думы — большевики.

Был студеный январь 1913 года. Выли северные ветры, плела свою паутину снежная кутерьма. А здесь шли горячие споры о том, как лучше выполнить ленинский план реорганизации «Правды».

— Я полагаю, что вопрос о «Правде» — это вопрос о единстве нашей партии,— говорил Свердлов.— Любое соглашательство — беспринципно, а любая беспринципность — разлад и шатания. Только на принципиальной, ленинской основе я вижу возможность сохранить единство большевистских рядов...

В те дни Владимир Ильич получил от Свердлова письмо из Петербурга: «Для ряда работников-практиков (ничего общего с примиренцами не имеющих) ясна и необходима стоит задача текущего момента — вырвать у ликвидаторов лозунг единства... Оставить его у них — значит обессиливать себя. Для борьбы с ликвидаторством, как таковым, необходимо изменить тактику... Попытки к единству должны происходить на местах и носить такой характер: «необходимо единство действия всех признающих партию».

«Правда», которую большевики в своей переписке именовали «Днем», стала предметом главной заботы Свердлова. Яков Михайлович получил по этому поводу принципиальное, категорическое письмо Владимира Ильича, предупреждающего против недооценки постановки газеты...

«Товарищу Андрею, а если его нет в Питере, то №№ 3-му, 6-му и др...»

Если его нет в Питере... Владимир Ильич знал, как велика опасность нового ареста Свердлова. На всякий случай и членов Государственной думы Ленин назвал их

конспиративными именами: № 1 — Бадаев, № 3 — Малиновский, № 6 — Петровский...

«...Именно в «Дне» и его постановке теперь *гвоздь* положения. Не добившись реформы и правильной постановки здесь, мы придем к банкротству и материальному и политическому. «День» есть необходимое организационное средство для сплочения и поднятия движения... Если верно, что №№ 1-й и 3-й или 3-й и 6-й стоят за осторожность с реформой «Дня»... то это очень грустно... Надо серьезно спеться и взяться за реформу «Дня»... Надо Вам взяться за дело прежде всего... Завести телефон. Взять редакцию в свои руки. Привлечь помощников... При нашей работе отсюда, вполне сможете поставить дело. При правильной постановке этого дела разовьется и работа ПК, который до смешного беспомощен, не умеет слова сказать, упускает все случаи выступления. А выступать он должен почти ежедневно легально (от имени «влиятельных рабочих» и т. д.) и хоть раз-два в месяц — нелегально. Еще и еще раз: гвоздь *всей* ситуации в «Дне».

Письмо Владимира Ильича и решение ЦК не только обязали Свердлова приложить все свои силы и старания на постановку «Правды», но и подсказали единственный путь оживления всей партийной работы в Питере. Вместе с «Правдой», которая вытеснила на заводах меньшевистский «Луч», пришли в цеха слова Ленина, его сторонников. И Яков Михайлович, ежедневно общаясь с рабочими Петербурга либо непосредственно, либо через своих помощников, не мог не видеть этого, не радоваться оживлению «всего дела».

Он жил в квартире Федора Самойлова. Как всегда, не хватало времени. Ах, как это мало — всего 24 часа в сутки!.. За это время нужно перечитать все материалы, отобрать наиболее интересные, боевитые, отражающие жизнь рабочей России, проследить, чтобы почти в каждом номере была статья Ленина. А потом газету нужно сверстать, прочитать гранки, посмотреть материалы в полосе, убедиться, насколько хорошо, броско представлены отделы «Рабочее движение», «Крестьянская жизнь», «Государственная дума».

Кто хоть раз соприкоснулся с газетной работой, тот знает, какой это тяжелый, изнурительный труд. Но ведь ради того и бежал Свердлов из ссылки, чтобы целиком отдаться работе.

31 января 1913 года Яков Михайлович писал из Петербурга своему партийному другу Ольге Дилевской:

«Четверо большевиков, членов с.-д. фракции думской, ушли из «Луча», теперь дело обстоит так: в «Правде» — большевики, впередовцы, меньшевики-партийцы во главе с Плехановым, а «Луч» в своем оголенном ликвидаторском виде. Это чрезвычайно хорошо. Ликвидаторы лопаются от досады и мобилизуют свои силы — не пролетарские, их нет, а литераторские. В борьбе с ними есть теперь и моя капля меду. Работы по горло. Тяжело порою, милый друг. Слишком много... интересного кругом... дела неотложного, необходимого, и как слабы силы для его выполнения. Мало людей, мало денег... Ладно, что руки не опускаются. А какая хорошая публика пошла из молодых рабочих, не пережившая периода развала. Публика с широким кругозором, большими запросами, просто прелесть. К сожалению, мне почти не приходится с ними встречаться, слишком занят, чтобы уделить им время... Не стесняйтесь иногда «посплетничать», пишите с внутренним конвертом... Всего доброго... Привет друзьям, крепко жму руки. М.».

«Правда» крепла — число подписчиков выросло почти в полтора раза. Да и по содержанию многое изменилось. С гордостью читал Свердлов письмо Владимира Ильича: «Позвольте прежде всего поздравить вас с громадным улучшением во всем ведении газеты, которое видно за последние дни. Поздравить и пожелать дальнейших успехов на этом пути».

Свердлов всегда казался свежим, бодрым, словно не было бессонных ночей, изнуряющего труда, иногда без отдыха и пищи. Вот уж верно — своя ноша не тянет. Пусть нелегально, пусть без документов, пусть каждую минуту висит над ним угроза ареста — он редактирует газету ЦК, выполняет большое и ответственное задание Ленина. Бадаев и Самойлов, Петровский и Шагов жили дружно, и вместе с ними, хоть и на разных квартирах, жил, питался Яков Свердлов. Иногда приходил поздно, и тогда старался не беспокоить мужчин и женщин, а молча укладывался спать.

Однажды с Крыленко они пришли к Малиновским. Было позднее время, и оба изрядно проголодались. Петровская немедленно предложила бы поесть, но Стефа Малиновская, как назло, что-то увлеченно шила под монотонный стук зингеровской машинки.

Когда пришел Малиновский, заговорили о делах, и как-то забылось о голоде. Но муж спросил у Стефы:

— Ты кормить нас будешь?

— Конечно, конечно,— заторопилась она.— Правда, в моих закромах — хлеб, картофель и огурцы.

— А мы от тебя рождественского гуся и не требуем, муж не заработал,— пошутил Малиновский.

Одно, казалось, малозначительное обстоятельство намотал себе на ус в тот вечер Яков Михайлович: не слишком щедра улыбчивая Стефа. Если бы он мог на несколько лет заглянуть вперед!

Но разве придет в голову, что многочисленные провалы самых искушенных в конспирации товарищей — дело рук Малиновского? Что длится его провокаторство уже много лет? Что этот человек кощунственно совмещал внешний облик революционера, деятеля партии и гнилое нутро предателя революции?

Если бы знать, как точно почувствовал что-то неладное Ленин, когда в Питер приехал один из отъявленных меньшевиков — Дан, чтобы возглавить газету «Луч». И никто его не тронул, никто даже не попытался арестовать. А между тем у большевиков — тяжкие провалы, аресты.

— Странная, архистранная история с Даном! — удивлялся Владимир Ильич.— Живет свободно, ходит во фракцию, редактор «Луча» и т. д.!! Какую-то *большую* игру ведет тут охранка!

Знать бы тогда, какую именно... Не знал этого Ленин, не знал и Свердлов.

То ли царская охранка почувствовала, что в Петербурге появился могучий организаторский центр, то ли по другой причине, но большевики — депутаты Думы заметили необычное оживление вокруг своих квартир. Вообще-то шпики никогда не обделяли вниманием многоэтажный дом на 10-й Рождественской. И хотя депутаты пользовались правом неприкосновенности, охранка не спускала глаз ни с этих «легальных врагов власти», ни с тех, кто их посещал...

О том, что редакция «Правды» реорганизована и в ее состав введен Андрей Уральский, царская охранка знала отлично. И хотя каждый шаг его был ей известен, она не на шутку встревожилась. Летели во все инстанции донесения, ориентировки, распоряжения. «В департаменте полиции получены сведения о том, что... в квартире члена Государственной думы Григория Ивановича Петровского состоялось собрание членов Русского бюро Ленинского Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии в составе Андрея Сверд-

лова, членов Государственной думы Петровского и Малиновского...»

Директору департамента полиции Белецкому нелегко было отдать распоряжение об аресте Свердлова: эта акция так или иначе могла бросить тень на Малиновского, числящегося в охранке под кличкой Портной. Где найдешь такого осведомителя да еще в самых жизненных центрах ленинской партии — в ЦК, в думской фракции, в редакции «Правды»?..

Опытный жандармский блюститель порядка Виссарионов, любимец высших чинов Министерства внутренних дел, требовал ареста Свердлова с особым усердием: он, видите ли, знает этого хитреца уже более десяти лет, еще в Нижнем, будучи следователем, допрашивал притворщика. Свердлов, тогда еще мальчишка, вел себя самоуверенно: знать не знаю и ведать не ведаю... Юноша умел заметать за собой следы: даже он, Виссарионов, не мог их отыскать. Хотя для пущей важности пришлось подержать его в тюрьме, все-таки доказать виновность тогда не удалось. Виссарионов в душе себе признавался, что и сам поверил тогда в его невиновность — пошалил мальчишка, с кем не бывает. С годами сие проходит. Пройдет и у него. Ох, если бы знать, какая фигура, какая яркая и опасная личность вырастет из сына нижегородского гравера. «Уж не с уважением ли я к нему отношусь?» — внутренне потешался над собой Виссарионов.

Так или иначе, Виссарионов настаивал на аресте Свердлова, и Белецкий понимал, что он прав. С приездом Андрея Уральского в Петербург дела большевиков значительно улучшились, их победы над меньшевиками среди рабочих стали все больше и явственнее. А Малиновский... Что ж, нужно их разлучить и произвести арест на квартире другого депутата. Свердлов живет у Самойлова? Великолепно. Там и взять...

Ростовцев давно предупреждал Якова Михайловича о слежке. Свердлов благодарил Григория, но, как всегда, был настроен оптимистично: работать-то нужно! Связные приносили ему материалы из «Правды», из Петербургского комитета, обеспечивали по мере возможности всем необходимым.

Была среди связных и сестренка Сара. Она жила в Питере, после того как в Саратове закончила акушерские курсы — в этом ей помогла, конечно, Софья... Милая, добрая Софья. Она никому не отказывала в помощи. И Якову доводилось пользоваться ее гостеприимством,

когда, сбежав из ссылки, вдруг являлся к ним «подкормиться да отоспаться». Подружилась Софья с Клавдией Тимофеевной, признав в ней не только преданного друга Яши, но и интересного, умного собеседника.

У младшей сестры Сары жизнь складывалась менее удачно. Яков знал причину: не угасла в ней первая и несостоявшаяся любовь — он умер в тюрьме. Никому ни слова не говорила о своем горе, только самые близкие люди знали, точнее, догадывались и молча переживали за нее. Милая сестренка. Добрая и сердечная. В дни, когда Яков был в Питере, она помогала ему, чем могла, не считаясь ни со временем, ни с опасностью. Появиться в редакции «Правды», отнести материал Якову и не привести за собой «хвоста» было нелегко...

Сигнал опасности подал дворник. Он пришел на квартиру Самойлова явно расстроенный. Было видно, что ему нужно что-то спросить, о чем-то предупредить, но он не знает, как это сделать. Самойлов, почуяв неладное, сам начал разговор:

— Вы чем-то обеспокоены?

— Есть немного.

— Но думаю, что это не очень серьезно. Ни вашему здоровью, ни свободе, ни работе не повредит.

— Насчет здоровья не жалуюсь, а вот насчет работы... Как сказать... А для меня работа — и жалованье, и жилье.

— Так кто же угрожает вашей работе?

— Вы. Вы, господин депутат.

— Я? Каким образом?

— Сказывают, непрописанное лицо содержите.

— Ну, бросьте.

— Да мне-то что. Только Филька по двору нашему бродит. Знаю я его давно. Не одного вашего брата он выследил.

— Меня это не касается.

— Может, и так, да только ежели полиция нагрянет...

— Не имеет права.

Дворник презрительно ухмыльнулся:

— «Права»! Скажете тоже... Так, если она наскочит, и вам и мне несдобровать. Мне-то вроде и не за что...

Самойлов, как мог, успокоил дворника.

...Филер, тот самый Филька, не покидал двора ни на минуту. Уже опустилась на Пески ранняя зимняя мгла, а он бродил, уткнув нос в воротник, и только глаза его шарили по двору.

— Закурим, дед? — спросил Ростовцев.

— Какой я тебе дед? — обиделся филер.— Ишь, внучек отыскался.

— Ладно, не обижайся. Вышел я покурить, да тоска одному. Мороз такой, что добрый хозяин собаку на улицу не выгонит.

— Это верно... Холодно-о-о,— пританцовывая, протянул Филька.

Из двери вышли несколько человек и стеной двинулись в сторону забора. За их спинами шел Свердлов.

— Давай,— шепнул ему Петровский.

Яков мигом перемахнул через забор. Легкий треск и звук прыжка по ту сторону забора привлекли внимание шпика. Увидев людей, он рванулся к ним.

— Куда же ты, братец? — пытался удержать его Ростовцев, но тот и слушать не пожелал. Внимательно всматривался он в лица — все знакомые... А этот где, в пенсне, с бородкой? Не видать...

Там, за забором, послышались звуки отъезжающего экипажа: застучала копытами лошадь, заскрипели полозья саней.

Когда все собрались на квартире Малиновских, Свердлов заметил, что Петровский взволнован. Конечно, пока опасность миновала, но надолго ли? Не установлена ли такая же слежка за всеми квартирами большевиков-депутатов? И Яков Михайлович решил: в этих «неприкосновенных» жилищах оставаться более не следует.

Вьюжный февраль 1913 года. Лютовали морозы. Пронзительная северная стужа причудливо разрисовала окна, оседала холодным утренним туманом, сжимала до предела и без того короткий зимний день.

Клавдия Тимофеевна приехала в Петербург в самую злую метельную непогодь. Ветер с моря, колючий и по-волчьи завывающий, ни в какое сравнение не шел с сухим и откровенным сибирским морозом. Еще в поезде думала она, куда податься,— адреса мужа не знала. В Томске получила известие о том, что Яков Михайлович в Питере, и лучше всего сразу же, если доедет, искать сестру Якова.

Так и сделала: оставила вещи в камере хранения и отправилась к Саре.

...Домна Федотовна Петровская удивилась, когда в дверях квартиры, которую занимали семьи Петровского

и Шагова, появилась женщина с ребенком на руках. И лишь по тому, что ее сопровождала сестра Свердлова, Домна Федотовна поняла: это и есть Клавдия Тимофеевна Новгородцева.

— А, сибиряки-уральцы,— добродушно приветствовала она.— С приездом. Давайте знакомиться.

Простота и доброта, непосредственность этой женщины вернули Клавдии хорошее настроение.

Свердлова у Петровских не было.

— Придет, от нас никуда не денется.

Домна Федотовна сразу же занялась Андрейкой. Ему было около двух лет — самый что ни на есть потешный возраст.

Тетя Домна понравилась Андрейке — он это выразил немедленно, доверчиво обняв ее за шею.

— Ах ты, какой ласковый. Мои-то озорники куда воинственнее.

Она раздела его и разула, строго допросила, не хочет ли есть, и даже отыскала в большом резном буфете какое-то лакомство. Андрюша внимательно изучал его, потом спросил все же — а что это такое? — и, лишь увидев разрешающий взгляд матери, отправил его в рот...

Вскоре число женщин увеличилось — пришла с букетом цветов Стефа Малиновская. С первой же секунды она предложила Клавдии Тимофеевне переехать с малышом к ним.

— Нет уж,— категорически запротестовала Домна Федотовна.— Этого большевика я никому не отдам.

Яков Михайлович пришел к Петровским, когда стемнело. Он уже знал о приезде жены — сообщил Шагов, но уйти из редакции «Правды» не мог: необходимо было прочитать материалы к очередному номеру, да и небезопасно, товарищи предупредили, что не отпустят, пока не наступит вечер. Он то и дело вскакивал из-за стола, выглядывал в окно, потом снова садился, ему казалось, что даже в эту зимнюю ночь мгла опускается слишком медленно...

И вот они — Кадя, Андрюшка. Родные... Он смотрел в искрящиеся глаза жены, словно в них стремился прочитать: как доехала, как самочувствие, какое настроение — ему все это было очень, очень важно. Они были частицей его самого, его мыслей, сердца, надежд и стремлений.

Ему было дорого все: и то, что Кадя не сказала, как

утомленно он выглядит, и то, что ни словом не обмолвилась о трудностях в пути из Сибири с маленьким Андрюшкой, и то, что она сейчас здесь, с ним, что так влюбленно, завороженно смотрит на него маленькое, нежное существо — сын!

Он впервые увидел сына, когда сидел в Томской тюрьме за попытку к бегству. Клавдия Тимофеевна тогда не знала о его аресте, с огромными трудностями добралась до Сибири и не застала мужа на месте его ссылки. Он в тюрьме, в Томске? Значит, надо ехать туда, добиться свидания, увидеть его.

И вот она с крохой Андрюшей — здесь, в Томске. Чего угодно мог ожидать Яков Михайлович, только не этого — отзвенели тюремные засовы, открылась дверь и... Разве это забудется?

Теперь из Сибири — в Питер. Надолго ли счастье?

За чаем и разговорами засиделись у Петровских допоздна. Хлопотливая Домна Федотовна не успокоилась, пока не уложила спать Андрейку, предварительно рассказав ему одну из сказочных небылиц, которых в запасе у нее было вдосталь. Стряпать и командовать самоваром она поручила мужу, и Григорий Иванович выполнял старательно ее распоряжения. Обычно в таких случаях вызывался помочь хозяину Яков, но сейчас ему не хотелось ни на минуту расставаться с женой.

Часы отстучали полночь.

— Григорий Иванович,— сказал Свердлов.— Ценю ваше гостеприимство, но нам, вероятно, имеет смысл перекочевать куда-нибудь... Хоть вы и депутат, я больше в вашу неприкосновенность не верю.

Петровский в тон ему отвечал чуть хриплым глуховатым голосом:

— Конечно, конечно... У Ольминского вам будет безопаснее, да с него давно уже шпики глаз не сводят. А может, вам угодно к Бонч-Бруевичу? Извольте, извольте... Он наверняка на примете у охранки. А может быть, вы к сестренке? Да там вас уже давно ждут — милости просим, господин Андрей, то бишь Свердлов... Или еще как прикажете именовать ваше высокопревосходительство?

Они шутили, но шутили горько. Во всяком случае, порешили завтра же поискать для Свердлова другое пристанище.

Ах, эта ночь, счастливая и ужасная ночь...

Его арестовывали уже много раз — и в Нижнем, и в Перми, и в Москве, и в Питере. И все-таки этот арест был особенно печальным. Только-только наладилась (да и то еще не совсем) работа «Правды», только-только встретился с семьей... Маленький Андрей никак не мог понять, чего нужно этим сердитым, злым дядям с блестящими пуговицами и шнурами на шинелях. Всех троих забрали: Свердлова в «Кресты», а Клавдию с сынишкой — в дом предварительного заключения. Уже потом узнал Яков Михайлович, что газета «Правда» с гневом и болью рассказала о вторжении полиции в квартиру «неприкосновенного» депутата, а затем и сам Петровский напечатал в «Правде» статью «К товарищам рабочим». «Закон о депутатской неприкосновенности оказался весьма прикосновенным»,— писал он.

Несколько лет спустя, в Туруханском крае, куда были сосланы большевистские депутаты, Григорий Иванович рассказывал Свердлову, какой скандал разразился в Государственной думе, когда к протесту большевиков присоединились еще 73 голоса.

Узнал позже Яков Михайлович и то, что он едва не лишился сына. Андрейка тяжело заболел дизентерией, и на свободу Клавдия Тимофеевна вышла с умирающим ребенком. Все та же семья Петровских, всегда отзывчивая Сара и одна из замечательнейших женщин-большевичек, врач Вера Михайловна Бонч-Бруевич, буквально спасли его от смерти. Они вместе с Клавдией Тимофеевной и Домной Федотовной не отходили от постели мальчика.

19 января 1914 года, 2 часа утра.

«Милая моя деточка!.. Очень хорошо, что Адик немного отвыкает от твоего неизбежного присутствия при каждом его шаге. К этому необходимо было давно его приучить. Мешали условия. Теперь стало возможно. Это очень хорошо. Что же это с нашей дочуркой? Ты и представить не можешь, как сильно хочется видеть деток. Такая острая, острая боль щемящая. Адькина карточка предо мною на столе. Тут же и ты. Смотрю, смотрю часами, закрою глаза, пробую представить Веруньку. Почти не удается. Думаю до боли в голове. Глаза делаются влажными, готов разрыдаться. Милые, милые, славные мои деточки... Эх, Кадя, Кадя! Родная моя, любимая... Как-то сложится наша дальнейшая жизнь. Я знаю глубину и силу своей любви. Прошел через боль-

шое испытание, сохранив нетронутым чувство. Больше того, оно могло бы, быть может, поколебаться на минуту, но не было колебаний... Помнишь мои слова при нашем последнем минутном свидании? В прошлом письме я начал писать кое-что о личных отношениях вообще. Не кончил, ибо разнервничался. Не помню точно, что именно писал. Помню, что полностью не развил своей точки зрения. Надеюсь вернуться к ней и выяснить подробнее, здесь попробую изложить очень кратко, не развивая выставляемых положений. Нет ни подходящего настроения, ни времени. Доходит к 4-м, а я встаю обычно теперь в 8—8$^1/_2$... Никогда один человек не удовлетворяет и не может удовлетворить целиком, полностью, все без исключения запросы другого... Стремление к прочности личных отношений считаю нормальным. Физическую близость допускаю лишь как завершение близости иной, не обязательно идейной, но, безусловно, «душевной», если можно так выразиться. Этим ограничусь... Ты с детками давно, давно, конечно, спишь, если только они спокойно спят.

...Жду давно обещанных французских книг... Хочу раньше овладеть французским. Настроение бодрое. Работоспособность нормальная. Много нехорошего в нашей жизни, но в общем все же живем недурно... Крепко, крепко целую, обнимаю вас всех.

Всегда твой *Яков».*

Глава
двадцать пятая

Есть такая партия!

Все эти воспоминания о днях минувших вызвала у Свердлова встреча с Крыленко, приехавшим на Всероссийский съезд Советов.

Опять наступают горячие дни. В этом Свердлов еще раз убедился, побывав вчера в батальоне, в том самом, куда пригласил его Иван Викулов. Яков Михайлович знал, что со времен Февраля изменилось настроение солдатских масс на фронте и в тылу. Бесконечные посулы и широкорекламные обещания Временного правительства, не подкрепленные делами, надоели, стали раздражать солдат.

Когда на первом съезде Советов Керенский произнес дежурную фразу — мол, долг каждого революционного

офицера заключается в том, чтобы вселить в солдат боевой дух и повести их в сражение, поднялся с места человек в офицерской форме и потребовал слова. Это был Николай Васильевич Крыленко, сидевший рядом с Лениным. Он сказал:

— Военный министр требовал, чтобы мы вели солдат в наступление. Но солдаты воевать не хотят. Милости просим на фронт, господин министр, попробуйте сами поднять их в атаку, посмотрим, как у вас это получится.

...В казарму Свердлов пришел вместе с Катей. Ее знали здесь и солдаты, и унтер-офицеры, и, судя по косым, подозрительным взглядам, даже командование. Катя — в своем обычном платье сестры милосердия, в нем впервые увидел ее Яков Михайлович на вокзале, перед отъездом в Екатеринбург.

Навстречу вышли уже знакомые Лагутин, Викулов, Горюн. В помещении было чисто и опрятно, и вместе с тем почему-то вспомнилась тюремная камера с ее грязными, пропахшими потом нарами, с земляными полами да мокрыми стенами. Тогда Яков Михайлович потребовал ото всех, кто находился в камере, прежде всего произвести генеральную уборку — аврал, как он ее называл, и сам же первым приступил к уборке... Как давно это было — одиннадцать лет прошло!

— Братья солдаты!— обратился к солдатам Порфирий Горюн.— Много спорили мы тут. Да вот Иван Викулов все похвалялся, что есть человек, который наши споры разрешить может. Свердлов его фамилия. Мы и сходили к нему во дворец Кшесинской, который солдаты еще в феврале конфисковали по закону революции и передали большевистскому ЦК. Яков Михайлович пришел по нашему, стало быть, приглашению. Мы ему все вопросы сейчас и выложим...

Да, вопросы были острые — начиная с того, нужно ли подчиняться командирам, и кончая мировой революцией. Больше всего вопросов, как и предполагал Свердлов, было о земле и мире. Яков Михайлович не сомневался в этом, он готов разъяснить, какая разница между ленинской точкой зрения и позицией Временного правительства.

Теперь не было нужды доказывать солдатам, как предало революцию Временное правительство. Напротив, приходилось сдерживать бурные эмоции гнева, мешавшие ораторам говорить.

Иван Викулов говорил о фронте. Солдат, мол, для войны и призван и обучен. Да только за что воевать? За кого?

И, расправив гимнастерку под ремнем, обращаясь к Свердлову, сказал:

— Вы объясните, Яков Михайлович, как это получилось, что я переменился вдоль и поперек после того, как встретил вас. Ведь прошло всего три месяца...

Ропот пронесся среди солдат. Не раз рассказывал им Иван о встрече со Свердловым, да мало кто верил. Может, потому он и сказал сейчас о том случае у брата в дворницкой.

Катя и Лагутин сидели в углу, на солдатской койке и, казалось, были спокойны.

Но Яков Михайлович не был спокоен. Не опасность волновала его — сегодня ее не было. Он видел, как бушуют страсти солдат.

Да только ли солдат? В Секретариат ЦК непрерывно шли сообщения о рабочих митингах, собраниях, сходках с требованиями выйти на улицу, силой свергнуть Временное правительство...

— Революция застала меня далеко отсюда,— говорил Свердлов,— и мороз там был — не чета петроградскому.

— В Сибирях, стало быть...

— Вот именно. И я ненавидел царизм. И моя радость была велика, когда революция смела его. Да только не затуманила она мне глаза.

— Правда...

— Конечно, это еще не вся правда, товарищи солдаты. Иван Викулов поначалу поддался агитации меньшевиков и эсеров, выдававших себя за истинных друзей народа, вот и поверил Временному правительству. Был у него такой грех

Свердлов налил из котелка чаю в кружку.

— Яков Михайлович, может, сахару принести, так я мигом.

Это Горюн вызвал общий смех.

— Чего это вы? — смутился Порфирий.— Пустой чай — кому приятно...

— Спасибо, друг. Я привык. Главное, чтоб горячий...

И пошел в казарме разговор. Горюн, слушая, вертел усы с каким-то особым ожесточением. Катя следила за ним внимательно — ожил этот солдат.

Порфирий и в самом деле переживал сложное чувство прозрения. Он был из тех русских мужиков, которые

трудно расстаются со своим убеждением: не верил Ивану, не верил Лагутину, а верил только тем, кто обещал землю. Верил потому, что хотел верить в это, и уже видел себя хозяином своей землицы — жирной, что у самой помещичьей псарни, где в дождливую погоду телеге не проехать... Он мысленно щупал руками эту землю, выжимая из нее воду, и она рассыпалась у него на ладони мукой-крупчаткой, только черной, сверкающей на солнце мириадами блесточек, пахнущей пряно, раздражительно до слез... Эх, самарская земля, на Волге настоянная, какой же ты могла бы быть обильной в его мужицких руках!

Горюн ссутулился, стал чем-то похож на медведя, сильного, упрямого, взъерошенного.

— Говори, Михалыч,— с такой решимостью выдохнул из себя Горюн, что все невольно повернулись к нему, и слово «говори» означало солдатское «приказывай».

Иван и тут не сдержал своего буйного нрава:

— Да что там говорить! Оружие в руки — и пошел. У Временного без силы землю не выпросишь. Давай новую революцию! Нашу!

— Погоди, Иван,— остановил его Свердлов.— Революцию не Милюков с Керенским делали, а народ, и мы, большевики во главе с товарищем Лениным, верим в то, что она может мирным путем перерасти в революцию социалистическую. Такой план предложил Ленин, и он реален. Ну а если Временное правительство, меньшевики и эсеры встанут на пути...

— Тогда мы знаем, что делать,— твердо сказал Горюн.

Вопросов больше не было, в казарме установилась тишина.

К Свердлову подошел Иван и медленно, спокойно проговорил:

— Спасибо, Михалыч. За честность. За правду.

Обстановка на съезде Советов была напряженной. Демагогические речи меньшевиков и эсеров то и дело прерывались едкими репликами слева — у самых окон, на свету, сидели большевики. Ленин записывал что-то, кому-то передавал записки, с кем-то переглядывался.

На трибуне заливался соловьем Керенский. Большевики — Ленин, Свердлов, Джапаридзе, Ногин, Васильев-Южин и другие их товарищи — отлично знали, к чему

клонит военный министр: поддержать, повторить призыв ко всеобщему наступлению на фронте. Красиво говорит бывший адвокат. Да только вряд ли наполеоновской позой да эффектной фразой можно замаскировать истинную суть этого контрреволюционного, антинародного шага.

Долгая, пространная речь лидера меньшевиков Церетели была посвящена вопросам демократии. И когда ему казалось, что слова не в состоянии выразить все его мысли и чувства, он простирал к небу руки, словно молился.

— В настоящий момент, — поучал Церетели, — в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте нам в руки власть, уйдите, мы займем ваше место. Такой партии в России нет!

— Есть!

Это Ленин.

— Есть такая партия! — повторил Владимир Ильич.— Это партия большевиков.

Выступая затем на съезде, Ленин особо коснулся речи Церетели:

— Он говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: «есть! Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком».

Ленинская речь была в центре внимания. И хотя предложенный проект резолюции не прошел — большевики были на съезде в меньшинстве, они в главном чувствовали, что поднялись на новую ступень — ближе к победе.

Яков Михайлович на съезде получил еще одно серьезное партийное поручение. Его официально выразил документ, написанный от руки черными чернилами Еленой Дмитриевной Стасовой: «Сим удостоверяется, что Центральный Комитет Российской социал-демократической рабочей партии делегирует во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов члена Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии Якова Михайловича Свердлова».

Июльское утро. Низко плыли над Питером рваные тучи, опуская на землю мелкий, похожий на пыль, дождь. Яков Михайлович шел на Коломенскую улицу, где сейчас

в здании старой гимназии находился Секретариат ЦК — отыскала-таки помещение для него неутомимая Елена Дмитриевна. Сегодня, как всегда, Свердлов распределит «кого куда». Так условно называл он направление большевиков в рабочие коллективы — с лекцией, докладом или просто для участия в митинге, собрании, сходке. Луначарский, Дзержинский, Коллонтай... Правда, Владимира Ильича нет дома, он уехал за город: работает над очередной статьей для «Правды». Завтра обещал приехать в Питер.

Яков Михайлович представил себе, как без улыбки поздоровается с ним Стасова, приветливо улыбнутся сестры Менжинские...

Вошел — и удивился: Елена Дмитриевна улыбалась!

— Что произошло? Это чудесно, что вы улыбаетесь!

— Хоть погода неважная, Яков Михайлович, а у меня хорошее настроение.

— Превосходно. По этому поводу я должен преподнести вам какое-нибудь лакомство.

— А мы не возражаем,— дружно ответили сестры.

В те дни работы в Секретариате ЦК прибавилось. Свердлов показал Ленину письмо из Гельсингфорса от Антонова-Овсеенко, в котором сообщалось о росте большевистского влияния среди моряков Балтики. Такие же письма приходили из других губерний России, Украины, Белоруссии. Поступавшие в ЦК денежные отчисления — 10 процентов от различных партийных доходов местных организаций — свидетельствовали о том, что влияние партии растет, растут и ее ряды. Это требовало большой организаторской работы Центрального Комитета. Только в июне ЦК разослал письма и телеграммы в Баку и Тифлис, Киев и Екатеринослав, Саратов и Екатеринбург, Харьков и Ростов. В них разъяснялась позиция ЦК, информировалось о состоянии дел в столице, были ответы на те или иные просьбы.

Особенно остро стоял вопрос о партийных работниках на местах. Член Средне-Сибирского бюро ЦК Яковлев, например, сообщал, что местные партийные организации забросали его просьбами «прислать организаторов». С аналогичным письмом обратился в ЦК и Киевский комитет большевиков. Яков Михайлович, лучше других знавший партийные кадры (с одними переписывался еще в подполье, с другими общался то в ссылке, то в короткие сроки пребывания «в бегах»), по возможности направлял товарищей в крупные промышленные

центры России. По решению ЦК выехал в Екатеринбург Филипп Голощекин, в Сибирь направлен Борис Шумяцкий... Да только ли они? Но это не решение вопроса. Вот почему на просьбу сибиряков и киевлян пришлось отвечать так: «Выход один: воспитание местных работников из рабочих масс, издание и распространение литературы...» Как правило, к таким письмам-ответам прилагались брошюры и книги, изданные в Питере и Москве.

Да, воспитание опытных и талантливых организаторов на местах было одной из важных задач партии. Во многих номерах «Правды» появлялись статьи Ленина по самым различным вопросам. В статье «На переломе» Владимир Ильич предупреждал, что буржуазия руками меньшевиков и эсеров стремится покончить с большевиками, и призывал пролетариат к стойкости и бдительности.

Выполняя указания Ленина, Свердлов, Стасова связались со всеми партийными организациями страны, вели оживленную деловую переписку, помогали местным большевикам советами и указаниями, денежными средствами, литературой.

Несмотря на такую загруженность, Секретариат ЦК работал дружно и даже весело. Опытные в работе сестры Менжинские понимали Якова Михайловича с полуслова, внешне строгая Стасова умела улыбаться как-то внутреннее, и эту ее улыбку выдавали лишь краешки губ да искрящиеся глаза.

Они часто разыгрывали друг друга, но обычно это происходило к концу дня, когда нужно было снять усталость, или во время коллективного обеда, когда каждый выкладывал на стол, устланный газетой, свои съестные припасы.

...Стасова уже занялась делами, сестры Менжинские тоже, и Яков Михайлович решил, что улыбка Елены Дмитриевны кстати: хорошо работать весело!

Но Елена Дмитриевна напомнила:

— Так о каком лакомстве вы говорили, Яков Михайлович?

— Пока неизвестно. Придется бежать на улицу.

Он выскочил из двери и стремглав пустился с лестницы — обещание нужно выполнить. Едва не столкнулся с поднимавшейся вверх женщиной.

— Извините,— произнес и замер:— Кадя! Вот это сюрприз! Вот это здорово! Адик, Верунька... Ах вы утренние зори! Откуда вы взялись, звереныши?

Яков расцеловал Клавдию, схватил на руки детей, поприжимал их к себе, уткнулся лицом в их головенки и осторожно опустил на ступеньки.

— Поднимайтесь вверх, я на минутку.

Когда он возвратился, женщины уже возились с детьми, внимательно рассматривающими новую, незнакомую для них обстановку.

Обращаясь к женщинам, Свердлов сказал:

— Вот вам обещанное лакомство. И детишкам, конечно. Ваша улыбка, Елена Дмитриевна, действительно хорошее предзнаменование.

...Кадя, Кадя! Светлая, самоотверженная женщина. То в тюрьму явилась на свидание, как ясное солнышко, с Андрейкой на руках, то перед самым арестом — на квартиру Петровского, то — уже с двумя детьми — в Туруханку. Ну-с, теперь никакие жандармы не помешают. Правда, своего угла у Свердлова не было, но квартира Бессеров пустовала, и они отправились туда.

Свердловы шли по шумному Петрограду. Адик и Верочка, перебивая друг друга, рассказывали, как плыли на пароходе из Монастырского.

— Месяц добирались,— объясняла Клавдия Тимофеевна,— уехала с первым пароходом.

Яков Михайлович слушал жену, а сам не спускал глаз с Андрея: ох, какой большой! Стройный, черноглазый. И Верунька... Четыре года дочурке.

Они подошли к дому на Широкой, к простому незамысловатому подъезду. Яков Михайлович обратил внимание жены на дверь в нише здания напротив.

— В этом доме живет Ленин. Здесь квартира сестры его, Ульяновой-Елизаровой. Сейчас Владимир Ильич на даче Бонча, в деревне Нейвола — тут недалеко, на Карельском перешейке.

Когда они вошли в квартиру, Свердлов объявил:

— Ну вот мы почти что дома. Андрей и Верушка, играйте, а мы с мамой приготовим что-нибудь покушать. Проголодались?

Клавдия выглядела счастливой — ее глаза излучали тепло. Казалось, ей не верится, что Яков не улетучится куда-нибудь, не уведут его товарищи, не упекут жандармы в тюрьму...

Всем, кому приходилось, как приходилось мне, работать изо дня в день с тов. Свердловым, тем особенно ясно было, что только исключительный организаторский талант этого человека обеспечивал нам то, чем мы до сих пор гордились и гордились с полным правом. Он обеспечивал нам полностью возможность дружной, целесообразной, действительно организованной работы, такой работы, которая бы была достойна организованных пролетарских масс и отвечала потребностям пролетарской революции...

В. И. ЛЕНИН

Часть пятая

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

Глава
двадцать шестая

После 3 июля

На тротуаре, возле дворца Кшесинской, стоял Порфирий Горюн. Он кого-то искал в большой массе солдат, толпившихся у дворца.

Свердлов поздоровался с Горюном.

— Что случилось, товарищи?

— А то случилось, что решили мы к первому пулеметному присоединиться. Выступить, стало быть... Яков Михайлович, Ленина бы нам послушать.

— Нет сегодня Ленина в Питере.

— Тогда ты нам скажи.

— Разобъясни солдатам,— это Иван Викулов. Ух какой он сегодня — не узнать сразу, будто подменили парня: решительный, с веселыми искрами в глазах, с залихватским чубом из-под фуражки.

К Свердлову подошел Подвойский.

— Николай Ильич, что произошло?

— Рвутся в сражение, Яков Михайлович. Впечатление такое, словно солдаты фронт прорвали. Мы пытались их сдержать — безуспешно.

— Пошли на балкон.

Уже опускался вечер, уже сумерки окутывали город, а улица у дворца Кшесинской бушевала, люди выкрикивали лозунги, и чаще других звучало слово «Долой!». С балкона Яков Михайлович поднял руку, и толпа притихла. Он произнес слова, которые, ему казалось, выражали то, что сейчас было самым необходимым:

— Спокойствие и выдержка, товарищи! Спокойствие и выдержка! Выход на улицы солдат и рабочих пока происходит стихийно, а наша сила — в организации, в твердой пролетарской дисциплине.

Свердлова сменил Подвойский. Потом говорили другие представители «военки».

Лишь к ночи солдаты успокоились. Но было ясно: утром снова начнутся митинги и демонстрации.

До полуночи заседали члены Центрального и Петроградского комитетов партии, не покидали дворец руко-

водители «военки». И приняли решение: коль сдержать напор масс невозможно, 4 июля возглавить демонстрацию под лозунгом «Вся власть Советам!», придать ей мирный характер, внести в движение организованность.

Стоя на балконе дворца, выступая на заседании ЦК, Яков Михайлович не ощущал усталости и голода. Он почувствовал это только тогда, когда, вздохнув, сказал:

— Что же, так и решим. Ленину уже сообщили. А сейчас — домой.

Свердлов шел стремительно, ходко. Он всегда ходил быстро, а теперь, в Питере, за ним не угонишься. К тому же была причина торопиться. Кадя, дети...

Возвратившись в Петроград, Ленин сразу же определил то главное, что необходимо в сложившейся обстановке. Идти на заводы, в казармы, по возможности сдерживать страсти, не дать свалить на большевиков ответственность за провал наступления на фронте, за разруху в стране.

А там, на улице — все больше и больше демонстрантов. Из Кронштадта в Петроград прибыли матросы — они шли по улицам Питера, к дворцу Кшесинской. И сейчас рабочие, солдаты и кронштадтцы образовали настоящую мозаику разноцветья и пестроты, над которой алели флаги и лозунги революции. С балкона дворца свешивались знамена Центрального Комитета партии, Петроградского комитета РСДРП, «военки».

На балкон вышли Ленин, Луначарский, Свердлов. Им поручил Центральный Комитет обратиться к морякам от имени партии.

Свердлов ощутил руками нагретые солнцем перила балкона.

— Товарищи! Позвольте мне от имени Центрального Комитета Российской социал-демократической партии горячо приветствовать моряков-кронштадтцев, истинных революционеров. Мы нисколько не сомневались, что в трудный исторический час вы придете на помощь петроградскому пролетариату — авангарду всего революционного движения в России.

Матросы стихли, слушая Свердлова.

— Товарищи кронштадтцы! Нам хотелось бы, чтоб вы все услышали голос партии, ее призыв. И потому я предлагаю разъединиться на группы. Пусть первая груп-

па послушает ораторов, потом отойдет в сторону, ей на смену придет вторая.

Рокот согласия покатился по матросским рядам.

— Товарищи! Сейчас будет говорить Владимир Ильич Ленин!

Полетели вверх бескозырки, послышалось матросское «ура!», заколыхались, как на волнах, красные знамена и кумачовые лозунги...

Иван Викулов и Порфирий Горюн шли по Невскому проспекту. Солдатам показалось, что мелькнуло знакомое лицо Катюши — той самой сестры милосердия, которую так неприветливо встретили однажды и которую теперь ласково звали «сестричка-большевичка».

С ней рядом был Григорий Ростовцев, и солдаты решили пробраться к ним, работая локтями, проталкивались сквозь плотные ряды рабочих.

Рядом с Катей стоял празднично одетый молодой человек. Он о чем-то разговаривал с Катей, сердито поглядывая на Григория, пока его не окликнули:

— Эй, Муха! А сестренка-то у тебя, видать, человек, не то что ты, хозяйский холуй.

«Муха»... Точно кто-то больно ударил Катю, полоснул по сердцу узловатым бичом. «Муха»... Ее брат Сергей — тот самый Муха, о котором рассказывал Григорий. Она вдруг посмотрела с какой-то особой гадливостью на его праздничный костюм, точно эта английская шерсть была в чем-то выпачкана.

Григорий схватил Катю за руку.

И в эту минуту раздались выстрелы — откуда-то сверху, с каких-то крыш.

И зацокали копыта. Григорий вспомнил, как мчалась по улицам Нижнего Новгорода конная полиция, высекая искры из булыжника, как неистовствовали казачьи сотни.

Мухи уже не было, он куда-то исчез, когда Иван и Порфирий добрались до Кати и Григория. Впрочем, теперь добираться было легче — после выстрелов поредела, рассеялась толпа.

— Чего вы стоите, стреляют ведь?

Катя, пораженная неожиданным открытием, стояла, не в состоянии сделать шага. То, что ее брат — меньшевик, относила она к его ограниченности. Но то, что он может оказаться предателем, даже не приходило ей в голову. Что будет с отцом, если он узнает?

— Эй, расходись! — услышал Григорий грозный оклик, и, прежде чем успел оглянуться, стоявший рядом Иван ринулся на кого-то. Ростовцев инстинктивно прикрыл собой Катю, но казачья плеть уже больно хлестнула ее по спине. Иван схватил казака за руку, и это смягчило удар. Все же — то ли от неожиданности, то ли от боли — Катя вскрикнула. Порфирий, сначала растерявшийся, по-медвежьи раскачался с ноги на ногу и, ухватив за уздцы коня, начал его изо всех своих недюжинных сил гнуть к земле.

— Отпусти, солдат, отпусти, говорю!..

Но Горюн отпустил повод лишь тогда, когда что-то горячее полоснуло его по плечу.

...Порфирий Горюн лежал в доме Потапыча: сюда привели его с Невского проспекта Катя, Иван, Григорий. Иван требовал отправить Порфирия, как солдата, в лазарет, но туда далеко, и Катя, боясь большой потери крови, настояла доставить его к себе домой, сама сделала первую перевязку, сама и врача пригласила.

Дети уже спали, Клавдия Тимофеевна стояла у окна в томительном, бессонном ожидании. Улица была пуста — после дневного расстрела на углу Невского и Садовой опустел, притаился Питер. Зловещая тишина опустилась на город.

Вообще, ожидание — не ее стихия. И сюда, в столицу, ехала она с твердым намерением поскорее пристроить детишек и немедленно начать, а вернее, продолжить партийную работу. Вот и Яков сказал: «Такие люди, как ты, нужны сейчас позарез». Она еще не знает где, на каком месте будет работать, однако уверена, что засиживаться дома не станет.

Но в первый день своего пребывания в новом Питере Клавдия очень хотела побыть с мужем, поговорить с ним — ведь ей так много нужно ему рассказать, расспросить. Да и он сразу же засыпал ее вопросами... И вот пожалуйста. После такой разлуки даже рассмотреть друг друга не успели.

Нет, сегодня в ее душе досады не было: такова уж его работа, хотя сейчас она опять полна опасностей. Яков рассказал ей, что положение серьезно, что контрреволюция подняла голову и Ленин призывает к бдительности — возможны любые провокации. Вот почему Клавдия Тимофеевна тревожится: где Яков? Дома ли

Владимир Ильич? Что с товарищами? Конечно, можно бы зайти к Надежде Константиновне Крупской — ведь они познакомились еще в 1906 году в Стокгольме, на Четвертом съезде РСДРП, делегатом которого она, Клавдия Новгородцева, была от Пермской организации. Но уже пробило полночь, и идти к Надежде Константиновне неудобно...

А Якова все не было — не слышно его шагов за дверью, его условного стука, похожего на морзянку, его бодрого голоса.

Клавдии Тимофеевне вспомнились пушкинские строки: «Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса...» Нет, теперь, в июле, ночи подлиннее, а главное — тревожнее.

Ей показалось, будто внизу, у подъезда, мелькнула чья-то тень,— и она бросилась к дверям. Да, это был Яков...

Клавдия ожидала увидеть его усталым. Но он был бодр.

— Хочешь чаю? Я сейчас, сию секунду.

Она понимала, что уговорить его отдохнуть, прилечь хоть на часок — бесполезно. Он сам сделает это, если возможно. И с расспросами приставать не надо. То, что можно рассказать, сам скажет. Сам...

— Какое счастье, что его там уже не было!

Клавдия Тимофеевна даже не спросила — кого?

— Понимаешь, юнкера разгромили «Правду». А Владимир Ильич ушел из редакции незадолго до налета.

Свердлов мерял комнату из угла в угол, словно представлял весь ужас того, что могло случиться.

— Нет, пить чай не буду. Я, собственно, на минутку. Мне необходимо к нему. Предупредить. Немедленно. Увести в безопасное место...

Клавдия Тимофеевна смотрела в окно: Яков оглянулся по сторонам, прежде чем войти в подъезд дома напротив.

...Дверь открыла Мария Ильинична.

— Яков Михайлович? Так рано?

— Владимир Ильич не спит?

— Встал уже. Заходите.

Ленин вышел с полотенцем в руках.

— Что-то случилось ночью? — спросил он.

— Да, Владимир Ильич. Разгромлены типография «Труд» и редакция «Правды».

— Когда? Ведь я...

— Ночью. Разгром бандитский, не оставляющий никаких сомнений в их намерениях. Словом, контрреволюция распоясалась.

— Так. Надо идти в ЦК.

— Нет. Вам необходимо немедленно скрыться.

— Вы с ума сошли!..

— Владимир Ильич, вот мой плащ, и мы уходим.

— Ну что ж, подчиняюсь. По-видимому, вы правы. Полагаете, должен надеть ваш плащ? Кажется, дождя нет.

— Наденьте, Владимир Ильич. Береженого бог бережет.

— Бог, говорите? Ну, это дело другое. Наденька, Маняша, целую вас. Не тревожьтесь. Я в полной безопасности. Слыхали — бог бережет!

Когда они вышли на улицу и убедились, что слежки нет, Владимир Ильич дал волю негодованию.

— Подумайте, Яков Михайлович, какую мерзкую роль играют во всем этом почтенные меньшевики и эсеры! Ах, предатели, ах, плуты. Ну, ничего. Нет худа без добра. Яков Михайлович, слушайте внимательно. Не знаю, куда мы придем и буду ли я иметь возможность переговорить с вами. Поэтому запомните. Ни на минуту не прекращать работу по созыву съезда партии. Напротив, ускорить ее, сделать более интенсивной и целеустремленной. Хорошо бы от имени ЦК обратиться в крупнейшие партийные организации России.

— Думаю написать листовку, разъясняющую, что произошло в эти дни.

— Разумно. Словом, Яков Михайлович, максимум организованности и оптимизма. Я знаю, этих качеств вам не занимать.

— Я сейчас же свяжусь с членами ЦК.

— Правильно.

Они оказались на набережной реки Карповки. Здесь живет семья члена «военки» Сергея Сулимова. И жена его — секретарь Военной организации большевиков.

Сулимова немало удивилась, увидев у себя дома Ленина и Свердлова.

Яков Михайлович объяснил обстановку и сказал:

— Владимир Ильич остается у вас. А вы не должны выходить из дому. Сейчас ваша обязанность — быть все время начеку.

И, обращаясь к Ленину, добавил:

— Здесь пока и пребывайте, Владимир Ильич. Най-

дем для вас убежище понадежнее, подальше от вражеских глаз. А я побегу. Надо скорее укрыть документы, как бы до них юнкера не добрались. До свиданья, Владимир Ильич...

Он уходил, а Ленин уже стоял у письменного стола — наверняка сейчас будет работать. Свердлов знал этот его взгляд, устремленный вдаль...

Прокламация Петербургского комитета РСДРП(б) о событиях в Петрограде:

«Товарищи, в дни 3—4-го июля по всему Петрограду происходили демонстрации рабочих, солдат и матросов. Все демонстрации, начавшиеся без призыва со стороны каких-либо политических партий, имели целью показать, что широкие массы рабочих и солдат стоят за переход всей власти в стране в руки Советов. Когда обнаружилось уже, что демонстрации захватили очень широкие слои рабочих и солдат, что они происходят стихийно, разрозненно, ЦК нашей партии совместно с другими партийными учреждениями решили внести организованность в движение и призывали к однодневной мирной демонстрации на 4-е июля. Уже в «Правде» от 5-го ЦК поместил свою резолюцию, призывающую рабочих, солдат вернуться на заводы и в казармы, сохранить спокойствие.

Разгром «Правды» в ночь на 5-е июля помешал широкому ее распространению. 6-го июля ЦК вынес резолюцию, подтверждавшую вынесенную накануне. При этом со стороны нашей партии были приняты все меры к тому, чтобы ликвидация демонстрации прошла совершенно безболезненно. Если была пролита кровь за эти дни, то не по вине нашей партии... Мы не сомневаемся ни на минуту, что и выстрелы в демонстрантов носили чисто провокационный характер...

Контрреволюция стремится к полному разгрому революции...

Рабочий класс и революционные войска должны ясно понять всю серьезность переживаемого момента. Они должны отдать себе ясный отчет о причинах поднятой против нас травли. Они должны понять, что травля поднята против тех, кто последовательно, до конца защищал их интересы. Они должны понять, что нет иного выхода из создавшегося положения, кроме перехода всей власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, кроме установления контроля над производ-

ством, немедленного перехода земли в руки крестьян, кроме возможно скорейшего окончания войны, кроме мировой социальной революции...

Пусть все члены партии по-прежнему стойко выполняют свою работу по развитию классового самосознания рабочих масс и масс деревенской бедноты, по разъяснению им, кто их друзья и кто враги.

Петербургский комитет РСДРП(б)».

Почти одновременно с этой прокламацией Яков Михайлович написал Циркулярное письмо ЦК РСДРП(б) местным партийным организациям. Изложив суть происшедших 3—4 июля событий, он сообщал:

«Теперь положение таково. Мы временно без газеты. Надеемся все же на днях наладить таковую. Настроение в Питере бодрое. Растерянности нет. Организация не разбита...

Съезд не откладываем. Соберется 25-го. Просим направлять делегатов в Питер. Адрес: Б. Сампсониевский проспект, № 62, Районный Комитет».

В эти дни не было ничего важнее, чем подготовить и провести Шестой съезд партии и надежно укрыть Владимира Ильича. У Сулимовой, а затем на квартирах Полетаева, Аллилуева и даже в шалаше на станции Разлив Ленин находился лишь в относительной безопасности. Питер кишмя кишел шпиками.

А буржуазные газеты не упускали возможности «подсказать», где находится Ленин. Особенно бушевала бульварная «Живое слово». То и дело пестрели на ее страницах заголовки: «Местопребывание Ленина», «Арест Ленина», «Где Ленин?». А то и вовсе ошеломляла читателей «сенсацией»: «Ленин уже в Германии», «Ленин поселился в Швейцарии».

— Ты подумай, Кадя, к каким только ухищрениям не прибегают эти самые «бывшие»,— возмущенно говорил Свердлов жене.— А ведь когда-то именовали себя социалистами. Министр юстиции Малянтович даже, говорят, в пятом году в красных ходил. А этот негодяй, Алексинский? И он смел именовать себя большевиком! Имени его слышать не могу. Сейчас он громче всех кричит, что Ленин — немецкий шпион.

Во время июльских событий погромщики избили заведующего большевистским издательством «Прибой», и он практически не мог работать. Центральный Комитет решил возложить эти обязанности на товарища Новго-

родцеву. Ее партийная стойкость, опыт работы в книжном магазине и издательствах были хорошо известны товарищам.

Клавдия Тимофеевна и раньше видела небольшие книжечки издательства «Прибой», знала, что существует оно еще с 1913 года, но длительное время не работало — царская охранка применяла различные репрессии против его сотрудников. После Февраля 1917-го появились новые книги этого издательства, прежде всего произведения Маркса, Энгельса, Ленина. И вот сейчас снова разгром, теперь уже по распоряжению Временного правительства.

— Они изрядно потрепали издательство,— рассказывал Яков Михайлович жене,— распотрошили склады. А мы очень нуждаемся, сейчас особенно, в партийной литературе. Словом, закатывай рукава, товарищ Ольга. Нужно подыскать для «Прибоя» новое помещение, надежно спрятать склады.

Они виделись теперь редко. Свердлов перешел на полулегальное положение. Клавдия Тимофеевна с детьми поселилась в меблированных комнатах на Васильевском острове, на Тринадцатой линии. Уходя на работу, она оставляла ребятишек дома одних. Это очень тревожило родителей.

Времени для подготовки Шестого съезда было в обрез. Свердлов возглавил Организационное бюро по его созыву. Нужно было предусмотреть все — своевременно известить о нем организации партии, разъяснить задачи съезда, позаботиться о безопасности делегатов.

Контрреволюция перешла в наступление, а меньшевистско-эсеровские соглашатели, оказавшиеся в большинстве в Советах, заняли позицию наблюдателей, в который раз изменив рабочему классу. Двоевластия больше не существовало. В создавшейся обстановке не могло быть речи о переходе власти к Советам, прикрывавшим контрреволюцию. Лозунг «Вся власть Советам!» Ленин предложил временно снять. Необходима была новая ориентировка партии — готовить и осуществлять вооруженное восстание, использовать для этой цели и легальные и нелегальные возможности.

Свердлов осматривал здание Приморского вокзала — отсюда выехал из Питера Ленин, чтобы укрыться от ищеек Керенского и начальника контрразведки генерала

Деникина. Владимир Ильич сел тогда в такой же поезд, состоящий из семи вагонов и паровозика с трубой, похожей на огромную воронку. Медленно плетется состав, натужно, словно чем-то обиженный, пыхтит локомотив. За окнами вагончика остаются железнодорожные станции Лахта, Ольгино, Тарховка. Езды — не так уж много, но Яков Михайлович задремал. Проснулся он от первых лучей солнца. Значит, скоро станция Разлив...

Здесь, на окраине поселка, в домике рабочего Сестрорецкого оружейного завода Емельянова поселился Владимир Ильич.

Яков Михайлович давно знал Николая Александровича, члена большевистской партии еще с 1904 года. И он нисколько не удивился, когда вызванный в ЦК руководитель сестрорецких большевиков Вячеслав Иванович Зоф, рабочий того же оружейного завода, назвал именно его фамилию: у Емельянова Владимир Ильич будет в безопасности.

Яков Михайлович подробно расспросил Зофа, как отнесется к нежданному и опасному, именно опасному, гостю жена Емельянова. Ведь у них большая семья.

— Не беспокойтесь, товарищ Свердлов,— отвечал Вячеслав Иванович.— Можете доложить Центральному Комитету, что семья Емельяновых так же надежна, как и он сам. И Надежду Кондратьевну, и сыновей мы знаем хорошо. Да и место надежное, приедете — сами убедитесь.

Яков Михайлович запомнил этот разговор. Он узнал, что жена Емельянова помогала мужу в его революционной работе, что она сама состоит в большевистской партии, и тогда последние сомнения покинули его.

Отъезд Ленина из Питера в Разлив был хорошо продуман с точки зрения конспирации. Как и было условлено заранее, Емельянов встретил Владимира Ильича еще в Питере на набережной Большой Невки.

...Дачный поезд, в котором ехал Яков Михайлович, прибыл на станцию Разлив ранним утром. Домик Емельянова Свердлов разыскал сразу. Он увидел Николая Александровича, поздоровался и произнес пароль:

— Карпович.

— Что вы, Яков Михайлович, вас-то я и без пароля признаю...

— Порядок есть порядок, дорогой товарищ. Партийная дисциплина. Ну-с, показывайте, как тут устроился Владимир Ильич.

И в это время раздался звонкий ленинский голос:

— Яков Михайлович, здравствуйте. Вы, как всегда, вовремя. Прямо к завтраку. Мы тут с Надеждой Кондратьевной такую пшенную кашу заварили — я в жизни такой не едал! С молоком!

— Здравствуйте, Владимир Ильич. Это с каким же молоком? — спросил Яков Михайлович.— От еще не купленной коровы?

— Вот именно,— рассмеялся Ленин.

Об этой несуществующей корове знал почти весь Сестрорецк. Емельянов умышленно распространил слух о том, что собирается приобрести буренку и ему нужно запасти корм для нее. Иначе как объяснишь людям, почему ему необходимо заняться косьбой да еще нанять для этой цели работника. Работник-то уже есть, вот он...

Если бы не голос Владимира Ильича, Свердлов не сразу узнал бы его. В парике, без бороды и усов, он казался каким-то иным, и только прищур глаз да чуть лукавая улыбка сразу выдавали его.

Ленин стоял у небольшой летней печурки-времянки и, как заправский кулинар, что-то размешивал в кастрюле поварешкой.

— Вот теперь можно поздороваться по всем правилам. Признайтесь, сразу узнали меня? — спросил он, пожимая руку Свердлова.

— Откровенно говоря, на улице не узнал бы. Да и здесь, если бы вы не так громко встретили меня...— в голосе Якова Михайловича звучал упрек.

— Понял, Яков Михайлович. Но ведь на голос парик не наденешь. А я искренне рад видеть вас. Ну-с, теперь знакомьтесь с емельяновскими сыновьями — это мои друзья и помощники. А сам я наемный косец. Днями отправляемся на покос.

Владимир Ильич был весел, и это радовало Свердлова. А ведь Ленин наверняка знает, какую возню затеяли буржуазные газеты вокруг его имени, сколько грязи вылито, сколько гадостей сказано. Нужно было быть Лениным, чтобы подняться выше этого, выше той травли, которую затеяли Временное правительство, буржуазные партии и те, кто еще недавно именовал себя социалистами.

— Показывайте свои апартаменты, Владимир Ильич.

— Нет уж, извольте подчиняться нашим порядкам. Сначала завтрак. Хороший работник должен прежде всего поесть! Правильно, Надежда Кондратьевна?

— Конечно, конечно... Тем более, что завтрак готов.

Дворик Емельяновых действительно был пригож: возле небольшой дачки — сарай, на чердаке которого оборудован «кабинет» Ильича. Яков Михайлович поднялся на этот чердак по небольшой лестнице. У окна стояли простенький стол и два венских стула с дугообразными спинками. В углу из соломы была сооружена постель.

— Удобно,— объяснил Владимир Ильич.— К тому же на чердак не всякий догадается заглянуть. И, кроме того, я иногда забираюсь в баньку возле озера. Там и вовсе роскошно. А главное — прохладно, отменно работается.

— Роскошно-то роскошно, да надо уезжать. В Сестрорецк прибыл карательный отряд, и думаю, что не на отдых.

— Я тоже так полагаю. Что ж, днями переберемся за озеро. Главное, чтоб была возможность писать, писать и еще раз писать.

— Мы получили ваши работы через Выборгский райком. Срочно печатаем их в «Рабочем пути».

— Это сейчас необходимо. Прежде всего нужно определиться с лозунгом «Вся власть Советам!». Моя работа «К лозунгам» именно этому и посвящена. А теперь рассказывайте, как идет подготовка к съезду партии...

Они говорили долго. Владимир Ильич поделился с Яковом Михайловичем своим мнением о политическом отчете ЦК на съезде.

— Как договорились, я подготовил тезисы для этого отчета,— сказал Ленин.— И переслал их Сталину. Вы уже ознакомились с ними?

— Внимательно прочитал, Владимир Ильич, и во всем с вами согласен.

Свердлов рассказал Ленину о том, в каком положении доклад по организационным вопросам.

Уже вечером, прощаясь, Яков Михайлович сказал:

— Перебирайтесь скорее за озеро, Владимир Ильич. А я при первой возможности появлюсь здесь снова.

— Жду вас, Яков Михайлович. Передайте мой привет Клавдии Тимофеевне. И еще. Повидайте, пожалуйста, Надежду Константиновну и скажите, что нет никаких оснований для беспокойства обо мне. Положительно никаких.

В Оргбюро по подготовке к съезду поступали все новые и новые сообщения. Наиболее важные и интересные Свердлов переправлял в Разлив Владимиру Ильичу. Из-

брав его своим первым делегатом на съезд, уральцы писали, что целиком и полностью согласны с ленинской политической линией, протестовали против «грязного похода на Ленина, предпринятого буржуазией, Временным правительством и партиями соглашательского большинства...». И путиловцы, и скороходовцы, и трубочники, и все 13 полков 1-й армии выражали единое настроение, единую мысль: «Ленинские идеи послужат основанием для всех работ съезда».

...Двухэтажное здание на Большом Сампсониевском проспекте с массивной сводчатой аркой мало чем отличалось от многих других, находящихся рядом. Оно не привлекало к себе внимание, и, хотя съезд партии собирался полулегально, это во многом определило выбор помещения для заседаний.

Всего через двадцать три дня после июльской демонстрации открылся съезд. Шестой... Первый после выхода партии из подполья. Первый после свержения царизма. И второй, который происходит в России...

Почти всех делегатов съезда Свердлов знал лично. Филипп Голощекин — от Екатеринбурга; Андрей Бубнов — от Иваново-Вознесенска; Алеша Джапаридзе — от Баку; Клим Ворошилов — от Луганска; Емельян Ярославский — от Москвы; Михаил Васильев-Южин — от Саратова... У каждого за плечами и опыт революционной борьбы, и ссылки, и тюрьмы.

Еще накануне, на заседании Организационного бюро, было решено, что съезд откроет один из старейших его делегатов — Михаил Степанович Ольминский. А после того как избрали президиум в составе Свердлова, Ольминского, Ломова, Юренева и Сталина, делегат Бокий предложил выбрать почетным председателем съезда Владимира Ильича Ленина.

И понятно: Ленин, его мысли, его сердце — здесь, на съезде, и это почти физически чувствовали делегаты. Кто вечером поедет к Ильичу, чтобы рассказать ему о первом дне работы съезда? С каким бы наслаждением махнул в Разлив Свердлов, но это невозможно. Сейчас ему немыслимо отлучаться из Питера даже на час, ведь неизвестно, как здесь все сложится. Десятки дел возникают по ходу съезда, и все неотложные.

Глава
двадцать седьмая

Предгрозье

Керенский был вне себя: несмотря на принятые самые жесткие меры, извольте — съезд начал работу. А Ульянов-Ленин выскользнул из расставленных вокруг него сетей и находится где-то вблизи, почти на глазах, словно прикрытый шапкой-невидимкой. Он держит в своих руках весь большевистский механизм, из-под его пера одна за другой выходят статьи.

Премьер про себя рассуждал: «Если бы у меня были настоящие люди, настоящие помощники, а не болтуны... Министр внутренних дел Никитин, наделенный властью, имеющий в своем распоряжении сотни, тысячи людей, не смог выследить и арестовать одного-единственного человека! Чего же он стоит со всеми своими филерами, агентами и прочими? Недели две тому назад он расхвастался, что не позднее 7 июля (какая точность!) пошлет казаков на Широкую улицу, чтобы не арестовать, а убить Ульянова. И что же? Хвастовство, беспардонное хвастовство. Ульянова на Широкой не оказалось. Живет и действует! Живет и будоражит все вокруг. Даже войска выбиваются из повиновения. Даже там разносится отрава большевизма. Пока дебатируется вопрос, явится ли Ульянов на суд, большевики открыли свой партийный съезд. И кто там верховодит? Конечно же, Ульянов. Вот тебе и явка в суд. Нет, не мы его, а он этим съездом вызывающе пытается судить нас. Какая прекрасная возможность захлопнуть весь съезд, со всеми вожаками, с Ульяновым — арестовать и баста! Как легко можно было бы вздохнуть после этого!»

Не все, далеко не все Керенский высказывает вслух министру внутренних дел Никитину, и не в такой форме.

— Но ведь это счастливая мысль! — восклицает Керенский,— покончить со съездом — так просто, так доступно и так исчерпывающе. И, может быть, не только со съездом, но и с большевизмом вообще?

Никитин не скрывает иронической улыбки — официально собрания и съезды разрешены. Он министр, и ему не к лицу совершать противозаконные действия. Он хочет иметь право...

Керенский пытается пригладить рукой свои торчащие ежиком волосы... Но напрасно — они топорщатся еще упрямее.

— Я дам вам это право.

Его взгляд устремляется вверх, словно где-то там, за пределами кабинета, он уже видит единственное мудрое решение.

— Я дам вам это право. Не позднее 28 июля вам и военному министру позволено будет закрывать, запрещать, не допускать любые собрания и съезды, кроме, разумеется, лояльных правительству.

На лице Никитина опять промелькнула ироническая улыбка — о законности и прочем он сказал, а Керенского, чтобы не очень-то возносился, нет-нет да и надо ставить на место. Так легче отводить от себя удары. Министр внутренних дел давно уже присвоил себе все права. Разве его остановили бы какие-то там законы? Ленина на съезде нет, если верить газетам. Хотя сомнительно...

— Решение правительства опубликовать в газетах,— уже вошел в раж Керенский.

— А может быть, не нужно, Александр Федорович? — осторожно спросил Никитин.

— Надо мыслить шире. Наше решение послужит демонстрацией силы, власти, твердости. А там дело будет за вами. Не замешкайтесь, как это было с Ульяновым. Я надеюсь, что вы понимаете, какая миссия возлагается на вас историей, нашей родиной, народом, жаждущим спокойствия, перед лицом реального врага. Я верю, что...

Никитин вздохнул — теперь Керенского не остановить. Что тут поделаешь, он покорно опустил голову и приготовился выслушать, как всегда, длинную, рассчитанную на большую аудиторию речь премьер-министра. Ему, в конечном счете, не важно было, перед кем говорить, лишь бы не мешали...

Клавдия Тимофеевна сняла для издательства «Прибой» новое помещение на Фурштадтской, 19. В одной из комнат помещался Секретариат ЦК.

Она пришла на съезд, когда с докладом о политическом положении выступал Сталин. Многие мысли этого доклада она уже знала — тезисы, написанные Лениным, ей показывал Яков Михайлович. Ленин пришел к вызо-

ду: в настоящее время, когда власть перешла в руки военной диктатуры, а Советы переживают мучительную агонию, мирный переход власти к Советам стал невозможным. Необходима полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. А это по плечу лишь революционному пролетариату при условии поддержки его беднейшим крестьянством.

И вывод доклада Сталина целиком созвучен с этими мыслями Ленина: после июльской демонстрации образовалась новая расстановка классовых сил. Пролетарская революция, если она хочет быть последовательной и достигнуть конечной цели, обязана взять власть революционным путем — путем вооруженного восстания.

Присутствовала Клавдия Тимофеевна и на докладе о финансовой деятельности партии, когда речь шла об издательстве «Прибой». Докладчик перечислил книги и брошюры, выпущенные издательством, работы, которые набраны или печатаются... В настоящее время финансовый актив «Прибоя» составил 55 тысяч рублей.

— Если принять во внимание,— говорил докладчик,— условия работы, особенно трудность доставки бумаги, то можно признать, что работа товарищей в «Прибое» более чем удовлетворительна.

— Пожалуйте в мой «зеленый кабинет», Яков Михайлович. Только предупреждаю, комары здесь кусаются злее, чем бульварные газетенки. От Временного правительства я здесь спасся, а от комаров не могу.

Владимир Ильич был в курсе всех съездовских дел, и все-таки его интересовала протокольная точность каждого заседания. Яков Михайлович приехал в Разлив после того, как уже состоялся его доклад по организационным вопросам. Цифры, которые Свердлов привел в отчете, свидетельствовали о несомненном росте партии и ее авторитета в стране. Если на Апрельской конференции было представлено 80 тысяч членов партии из 78 организаций, то ныне в партии насчитывается 162 организации и 240 тысяч членов партии.

— Удачно получилось, что ваш отчет дополнили доклады с мест, из военных организаций,— сказал Ленин.— С интересом прочитал выступление Васильева-Южина о положении в Поволжье. Между прочим, я Михаила Ивановича посылал еще в 1905 году в качестве уполномоченного ЦК на броненосец «Потемкин».

«Зеленый кабинет» находился недалеко от шалаша, в котором скрывался Ленин от ищеек Керенского, в небольшой рощице. Два пенька — один повыше, другой пониже — это и стул и стол. «Зеленым кабинетом» назвал Владимир Ильич это затененное местечко по старой памяти: еще в Алакаевке, под Самарой, оборудовал он себе такой же укромный уголок, когда готовился к сдаче экзаменов экстерном за Петербургский университет...

— Жаль, здесь нет второго стула. Знаете, я, уж извините, сяду на стол, а вы, Яков Михайлович, пожалуйста, в кресло. Бумаги мы сейчас уберем. Вот так. Садитесь и рассказывайте.

Здесь, в Разливе, за озером, уже побывали у Владимира Ильича Орджоникидзе, Дзержинский, Шотман, и каждый из них привозил в Питер на съезд частицу ленинской бодрости, уверенности в победе пролетарской революции.

Свердлов старался рассказывать о самом главном, о том, что съезд целиком согласился с курсом партии на вооруженное восстание. Прения, которые возникали в связи с докладами, показали, что этот курс — единственно правильный.

Рассказал Свердлов и о полемике, которая возникла во время обсуждения резолюции «О политическом положении».

Эта резолюция была доработана с учетом замечаний делегатов, и Сталин представил ее съезду по каждому пункту в отдельности. Были поправки, более или менее существенные, одни принимались, другие отклонялись. Но об одной поправке Свердлов рассказал Ленину особенно подробно.

Было это на пятнадцатом заседании. Сталин читал девятый пункт резолюции: «Задачей этих революционных классов явится тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее в союзе с революционным пролетариатом передовых стран к миру и к социалистическому переустройству общества».

Тогда слова потребовал Преображенский.

— Предлагаю,— сказал он,— иную редакцию конца резолюции: «для направления ее к миру и, при наличии пролетарской революции на Западе, к социализму».

При этом Преображенский ссылался на резолюцию Бухарина.

Сталин ответил Преображенскому твердо и решительно:

— Я против такого окончания резолюции. Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму.

Ленин удовлетворенно кивнул головой.

— Ну-с, хорошо. А почему вы, Яков Михайлович, не сообщите мне по поводу полемики о моей явке на суд?

— Ведь вам об этом уже известно. Видите ли...

— Вижу. Неужели не ясно, что этот вопрос — не личный? Что это серьезный политический вопрос.

— Он так и стоял на съезде. И решение было единодушным: Ленину нельзя арестовываться. Серго сделал обстоятельный доклад, и я поддержал его.

— Были другие мнения?

— Были, естественно. Они сводились к одному: при каких условиях следовало бы вам явиться на суд. Но пока существует власть буржуазии, таких условий нет и быть не может... Дзержинский так и сказал: травля против Ленина — это травля против партии. Все другие мнения отпали.

Ленин встал со своего «стола», сорвал с дерева листок и, о чем-то думая, рассматривал его.

— Итак,— сказал он,— курс на вооруженное восстание. Другого пути сейчас нет. Так?

— Так, Владимир Ильич.

Ленин снова присел.

— Ну-с, а Керенский и компания, вероятно, не прочь были бы прихлопнуть наш съезд?

— Всякое было, Владимир Ильич. Пришлось нам переменить место заседаний, перебраться в Нарвский район. И резолюции мы решили опубликовать лишь после того, как делегаты разъедутся... Словом, кое-какие меры предосторожности приняли.

— Не «кое-какие», а серьезные и справедливые. У вас на этот счет особое чутье. Я ведь помню, как вы меня из дому выпроводили...

Свердлов улыбнулся.

Поредела, разметалась по миру некогда большая семья Свердловых. Разъехались сестры. По-разному сложились судьбы братьев. Нет уже Левушки. Ах, Левушка, Левушка, непроходящая боль отца.

«Скверное здоровье у моего братишки»,— с горечью писал Яков, нежно любивший Леву. Он узнал о его смерти, находясь в далекой Сибири. Последний раз видел

брата в десятом году, когда, бежав из ссылки, заезжал вместе с Клавдией Тимофеевной к отцу в Нижний.

Где-то Вениамин, помощник Якова во многих подпольных делах? Не миновала его участь революционера — тюрьма, ссылка в Нарым... Он бежал из ссылки за границу, и теперь война задерживала его возвращение в Россию.

Сару Яков встречал часто, а вот Софью — увы, до Саратова далеко. Но заботу старшей сестры ощущал постоянно. Ездил к ней иногда «подкормиться» сам, была в Саратове с детьми и Клавдия. У Софьи хватало тепла и доброты для всех — таков уж был характер этой женщины.

Отец никогда не жаловался на детей, на судьбу их. На здоровье — да, на самих детей — нет. Хороший мальчик был Левушка, честен и предан Вениамин, о дочерях — слова дурного не вымолвишь. Всем своим отцовским сердцем любил он Германа и Шуру, которые тоже не заметишь, как станут взрослыми.

И все же самая большая гордость Михаила Израилевича Свердлова — Яков. Отцу даже казалось теперь, что он всегда предвидел, какой человек из него получится. Конечно, волнений, тревог, переживаний было, ох сколько было! Ссылки, тюрьмы, побеги, скитания... Иногда месяцы не знал он, жив ли Яков или его уже нет. Но отец не осуждал сына за избранный им путь, верил, что служит доброму делу.

Случалось отцу и выполнять роль «почтового ящика». Если кто-то из товарищей сына терял с Яковом связь, он знал, куда писать: «Нижний Новгород. Большая Покровка, 6». Многих товарищей Михаил Израилевич помнит и сейчас: Иван Чугурин, Григорий Ростовцев. Каждому нужно было сообщить, как разыскать Якова, по какому очередному тюремному адресу написать ему. Свердлову было приятно, что отец принимает какое-то участие в жизни сына, что не оторвался Яков от семьи, пусть уже не той, что была раньше...

Иначе сложилась судьба Зиновия.

Началось это так. В Арзамас в гости к Алексею Максимовичу, высланному властями из Нижнего, приехал Владимир Иванович Немирович-Данченко, и Горький в присутствии Зиновия читал ему новую пьесу «На дне». Чтение закончилось, потрясенный руководитель Московского Художественного театра задумчиво молчал. Неожиданно на середину комнаты вышел Зиновий,

часто гостивший у Алексея Максимовича, и прочел по памяти только что услышанный монолог Пепла. И так ярко, артистично у него получилось, что Владимир Иванович поразился.

— Молодой человек, вам нужно учиться. Поступайте-ка, милостивый государь, в Московское филармоническое.

— Да не может он в Московское,— пробасил Горький.— Нельзя ему по нашим варварским законам. Не то вероисповедание, хоть он не верит ни в бога, ни в черта.

— Жаль,— сказал Немирович-Данченко.— Одаренность очевидна...

— Кому до этого дело,— и вдруг, обратившись к Зиновию, Горький раздумчиво сказал: — Слушай-ка, Зина, давай я тебя усыновлю — и делу конец. И фамилию дам свою, и отчество.

Ах, Алексей Максимович, большой, щедрый человек! Какие струны задел он в душе этого честолюбивого юноши...

Горький был скор на руку: через неделю усыновление Зиновия состоялось. Отныне он звался Зиновием Алексеевичем Пешковым. С этого дня он порвал с отцом, с братьями и сестрами, не оставив у них доброй памяти о себе.

И вот однажды Зиновий исчез из Арзамаса. Одни говорили, что уехал куда-то в Сибирь, кто считал, что он подался в поисках счастья на юг. А приемный сын литератора Пешкова бежал в Америку. Уже потом, узнав, что Горький находится в Италии, поспешил к нему.

Здесь, на Капри, застала Зиновия Пешкова весть о войне.

Неожиданно, может быть, даже для самого себя он записался в интернациональный легион, сформированный во Франции против Германии. Горький лишь руками развел — характер у Зиновия действительно неуправляемый... Он уже дослужился до капрала, и даже висели на его мундире какие-то медали. Солдаты интернационального легиона говорили о его храбрости. Вот только не повезло ему — во время одной из атак перебило руку, ее ампутировали.

Отец невольно сравнивал судьбы своих сыновей,

Все говорят, что Яков стал большим человеком. Нет, далеко не все хвалят, кое-кто даже считал, что ему не избежать гибели, но все признавали и признают — большой человек! Это его сын — Яков Свердлов. Семь лет не видел его отец. Каким он стал?

И вот сейчас Яков приехал сам да еще какую радость привез — внуков Андрюшу и Веруньку. Радость! Конечно, радость — и для деда, и для двух его сынишек. Доброта по-прежнему жила в этом доме. Не оставаться же Андрюше и Верочке в столице, если в это трудное время так заняты их родители, если здесь, в Нижнем Новгороде, у них есть, слава богу, родной дедушка.

Глава двадцать восьмая

Тяга к большевикам

Когда Григорий Ростовцев рассказывал Свердлову о делах на Металлическом, Яков Михайлович спросил:

— Сколько сейчас большевиков на заводе?

— Больше трехсот. В июле было триста, а теперь каждый день кто-то из рабочих вступает в нашу партию. И Потапыч заявление подал.

— Так. Значит, сделал выбор... Ну а Митрич?

— Тоже просил меня, как он выразился, записать его в большевики. Но когда я объяснил, что нужны рекомендации, он расстроился: «Кто же мне даст? Я какникак в других партиях состоял». Впрочем, он тут же добавил, что ни на одном партийном собрании у них не был...

— Ничего нет удивительного в том, что Митрич выбрал большевиков. Просто понял наконец, где правда. Я непременно приду к вам, выступлю — только скажите, когда удобнее...

Митинг на Металлическом заводе состоялся вечером, в длинном, пропахшем металлом цеху с прокопченными окнами. Ростовцев в рабочих был уверен. Еще недавно освистали они здесь Чернова. И Чхеидзе встретили не слишком любезно. К большевикам доверие рабочих все более возрастало. Григорий ощущал это каждодневно. А имя Якова Михайловича было хорошо известно ме-

таллистам. Потому и приняли его как старого знакомого.

И все-таки начало его выступления прозвучало неожиданно:

— На вашем Металлическом заводе работают два друга — Потапыч и Митрич. Много лет работают. За эти годы выросли их дети и, как говорится, разошлись в разные стороны. И задумались старые рабочие и поняли: нельзя жить по старинке. А куда, к какому берегу примкнуть? Кто решительнее, кто быстрее способен отличить правду от лжи, тот пошел за большевиками. Пойдут и остальные. Но мы не торопим: время возьмет свое.

Свердлов сделал паузу, как бы давая людям поразмыслить, взвесить что к чему. А сам снял пенсне, протер его платочком и снова надел. Обвел взглядом присутствующих и продолжил:

— Сегодня уже не только рабочие поняли, на чьей стороне правда,— это понимают и крестьяне, которые так и не получили землю от буржуазного Временного правительства, и солдаты, которые так и не дождались от него мира. Самое главное состоит в том, что народ больше не верит Временному правительству. При выборах в Советы рабочие и солдаты теперь уже голосуют за большевиков. Но значит ли это, что меньшевики и эсеры, находясь в блоке с буржуазией, сидят сложа руки? Нет. Всеми средствами пытаются они погасить революционное настроение масс...

— Пусть попробуют!

— Подождем, увидим.

— А чего ждать-то? Гнать их в шею...

Свердлов любил слушать реплики. В них — всплеск чувств и мыслей, которые бродят сейчас в этой рабочей массе. Вон как разговорились!

— А вы, большевики, тоже не зевайте!

— Верно. Долой временных!..

Яков Михайлович посмотрел на Григория: тот стоял поодаль и улыбался — сдержанно, незаметно. Рядом с ним пожилой рабочий — наверно, это и есть Потапыч.

Свердлов даже не заметил, как возле него оказался подвижной рабочий с немолодым загорелым лицом. Кто-то озабоченно сказал:

— И тут не обошлось без Митрича...

Но Митрич был необычно серьезен:

— Спасибо тебе, Михалыч, за доброе слово, за то, что понял нас. Передай своей партии, что старые метал-

листы не подведут. И товарищу Ленину передай... Мы с ним давние товарищи. Я его еще весной встречал на Финляндском вокзале. Он так и сказал тогда: «Товарищи!»

— Что же, непременно передам.

— И еще скажи, сделай милость, нашему Гришке, пусть мне рекомендацию отпишет. Вредный он у нас, грех один. Ты, говорит, Митрич, еще несознательный пролетарий. А какой же я несознательный, если есть у меня тоже сознание. Как Потапычу, так отписал. Нет, я ничего не говорю, Потапыч достойный. Да только, может, я не хуже.

Елена Дмитриевна Стасова подружилась с Клавдией Тимофеевной, которая жила теперь на новой квартире здесь же, на Фурштадтской. Свердлову и домой прийти проще, и отдохнуть есть возможность. Но раньше двенадцати ночи он не появлялся — чаще находился в Смольном, в комнате № 18. В этой комнате располагалась большевистская фракция Петроградского Совета. Теперь во главе Совета — большевики. И произошло это в августе, после того как был подавлен корниловский мятеж.

То была отчаянная попытка российской буржуазии задержать развитие революции, выдвинув в лице генерала Лавра Корнилова «сильную личность», и установить контрреволюционную диктатуру. «Лавру — все лавры!» — кричали буржуа.

Но иначе думали питерские рабочие. Надеяться на то, что буржуазия получит отпор от правительства Керенского, было неразумно. И ЦК большевиков вместе с Петроградским Советом, его Военной организацией обратились ко всем трудящимся, солдатам Питера с призывом дать отпор контрреволюции.

Яков Михайлович выступал в те дни во многих солдатских казармах столицы. Вместе с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским провел он совещание представителей воинских частей Петроградского гарнизона.

— Солдаты! — звучал на совещании его голос.— Корнилов и Керенский называют друг друга врагами народа. А народ прекрасно знает, что они оба — его враги. Теперь рабочие, крестьяне, солдаты поняли, что только большевики, только Ленин являются подлинными выразителями их интересов.

На этом совещании Свердлов увидел многих знакомых. Был среди них и Иван Викулов.

— Ну вот, дружище, и пришлось взяться за оружие.

— Так точно, товарищ Свердлов. Передайте Владимиру Ильичу, что солдаты поняли, откуда ветер дует.

— Очень хорошо. А как Горюн? У него, кажется, с рукой неладно.

— Заживает, Яков Михайлович. Он нынче особое задание выполняет — агитацию ведет среди казаков. Нашу, стало быть, агитацию...

— Теперь видно, чья сила подлинная, а чья — подленькая...

Именно так сказал Митрич Ростовцеву. Тот подивился его точности. И при встрече в Смольном рассказал об этом Якову Михайловичу.

— Значит, чья сила подлинная, а чья — подленькая? — переспросил, рассмеявшись, Свердлов.— Вот, Григорий, а вы говорили — вредный старик. Мы свое право на большинство в Совете доказали делом, и народ понял это. Понял!

В тот вечер Яков Михайлович пришел домой раньше обычного, немало удивив Клавдию Тимофеевну.

— Что случилось? — спросила она.

— Вот уж непременно должно что-то случиться. Соскучился — и пришел.

— Но ведь утром виделись.

— То утром, а сейчас вечер. Дождливый сентябрьский вечер. Промок до нитки.

— А я как чувствовала,— призналась Клавдия Тимофеевна.— Представь себе, даже яблоки раздобыла.

— Вот это да! А что, если позвонить народам?

«Народам» — означало друзьям. И тотчас завертелась телефонная ручка...

Несмотря на слякотную погоду, друзья не заставили себя ждать. Первой пришла Стасова.

О, какая она разная, дорогая, милая Елена Дмитриевна! Строгая на работе, любящая дочь, веселая и остроумная в компании друзей. И все — в одной женщине, в одном удивительно цельном характере.

Всех увлек рассказ о том, как вызвали Елену Дмитриевну на допрос, чтобы выяснить, где находится Ленин. Долго выпытывали у нее, и ответ был один и тот же: «Понятия не имею!» Но вот следователь вскочил:

— Вы, Стасова, просвещенный человек, просвещеннейший род...

— В нашем просвещеннейшем роду,— ответила Стасова,— есть одна традиция — ненавидеть подлость. Однажды царь Александр Второй в сердцах воскликнул: «Плюнуть нельзя, чтобы не попасть в Стасова, везде он замешан». Мой дядя, Дмитрий Васильевич, очень гордился этим. «Значит, изрядно я насолил дому Романовых, ежели самодержец так сердиться изволит».

— Но мы ведь не дом Романовых!

— Простите, милостивый государь, не вижу разницы.

Она рассказала это, потешно изображая совершенно опешившего следователя, и Яков Михайлович хохотал от всей души.

— Как же вы его огорошили, Елена Дмитриевна!

Глава двадцать девятая

Необходимость назрела

То и дело шли в ЦК представители заводов, воинских частей, кораблей, делегаты близлежащих сел. У всех были дела к большевикам — вопросы, вопросы... А поскольку адрес им был известен один — Смольный, пришлось Якову Михайловичу создать там, в комнате № 18, что-то вроде филиала Секретариата ЦК. И состоял этот филиал всего из двух человек — Свердлова и его помощника...

15 сентября 1917 года пришли письма Ленина «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание». Эти письма Владимир Ильич направил в ЦК, а также в Московский и Петроградский комитеты большевиков.

Яков Михайлович был за немедленную рассылку ленинских писем, чтобы поставить о них в известность партийные организации. Он начал действовать...

Иван Чугурин получил задание Свердлова подыскать верного человека, которого можно было бы направить на работу в Сибирь. Речь шла о боевом задании, о необходимости уехать из Питера надолго, может быть навсегда.

Чугурин вспомнил о молодой, энергичной женщине, активной большевичке, бесстрашной и преданной делу. Да, именно так он и скажет о ней Якову Михайловичу. За любое дело бралась она с какой-то обстоятельностью и

женской сноровистостью. Все получалось у нее добротно и на первый взгляд даже легко.

Звали ее Катей. Екатерина Федоровна. Кажется, сравнительно недавно пришла она на завод и сразу же примкнула к большевикам. Очень уж по душе, по характеру пришлись ей эти справедливые, решительные люди. Охотно отозвалась она на задание — готовить детали для оружия, предназначенного боевой рабочей дружине. А когда на одном из собраний Катя рассказала о том, как гибельно сказывается война на семьях, потерявших кормильцев, Чугурин решил: хороший из нее получится пропагандист, верный и твердый большевик. Девушка способна на большие дела. Он не удивился, когда рабочие выбрали ее своим депутатом в Петросовет.

Ее и рекомендовал Чугурин Свердлову.

— А она согласна? — спросил Яков Михайлович.

— Конечно. Сказала, что страху нет, вот только справится ли...

— Революция, партия научат,— ответил Свердлов.— Мы нынче по всей России наших людей рассылаем с письмами Владимира Ильича.

...Уже просыпался город, когда Катя, отработав в своем цеху ночную смену, шла в Смольный. Она бывала здесь не раз, хорошо знала и большие глазастые окна, и эти колонны, и широкие, как улицы, коридоры.

Матрос, стоявший у входа, по-молодецки подмигнул Кате.

— Проходите, барышня,— сказал он, когда увидел предъявленный ему пропуск.

И к этому она привыкла — матрос есть матрос. Кавалер!

В Центральном Комитете было много народу. С некоторыми товарищами Катя знакома — встречались на заседаниях Петросовета, вместе выступали на заводах Питера. Видно, всю ночь приходили и уходили люди из комнаты, куда сейчас войдет она.

Кате не приходилось прежде видеть Свердлова. А может быть, и видела, да не знала, что это он. Говорили о нем как об очень простом и доступном человеке.

А люди все прибывали, здоровались, перебрасывались отдельными, не всегда понятными Кате фразами. Один высокий широкоплечий парень спросил:

— Товарищ Андрей занят?

Катя знает — так называют Свердлова уральцы. Значит, этот товарищ с Урала.

В комнате ЦК посетители не задерживались. Одни сразу же направлялись к выходу, иные оставались поговорить с товарищами. То и дело слышалось:

— Яков Михайлович поручил...

— Товарищ Свердлов дал задание...

Катя понимала: происходит что-то очень важное, значительное, она в этом уже принимает участие. Раздумывая, девушка невольно опустила глаза и вроде бы задремала. Очнулась от необычного, как ей показалось, басовитого голоса:

— Устали? Очевидно, вы после ночной смены?

Перед ней стоял незнакомый мужчина с живыми, приветливыми глазами. Он выглядел совсем молодым, если б не бородка. На плечи была наброшена кожаная куртка.

— Вы не от товарища Чугурина?

— Да,— поспешно ответила Катя.

— Значит, товарищ Федорова? Очень приятно. Давайте знакомиться. Моя фамилия Свердлов. Заходите, заходите, я жду вас.

Они вошли в кабинет. Свердлов словно продолжал с ней давно начатый разговор, до того все получилось просто и естественно. Он даже сел не за стол, а на диванчик, рядом с Катей.

В кабинете уже сидели люди, о чем-то переговаривались между собой. Одного из них подозвал Яков Михайлович.

— Знакомьтесь,— сказал он Кате.— Это Борис Шумяцкий. Наш партийный товарищ. Хорошо знает Сибирь, сибирских большевиков. Ему поручено отправиться туда и возглавить борьбу за Советскую власть. Вместе с Шумяцким мы посылаем в Сибирь большую группу товарищей, чтобы они разъясняли на местах письма Владимира Ильича о вооруженном восстании. Вы тоже войдете в эту группу. А сейчас, прошу вас, посидите немного, придут еще два путиловца, и начнем наше совещание.

Ждать пришлось недолго. Путиловцы, которые, очевидно, тоже поедут в Сибирь, оказались молодыми парнями, и Федорова постаралась присмотреться к ним получше: возможно, вместе работать. Свердлов заметил ее взгляд и сказал:

— Здесь, в Цека, вам предстоит познакомиться. Все, что вы будете делать потом, как и сам факт нашего сегодняшнего совещания, должно оставаться в глубочайшей тайне. В поезде, который завтра отправляется в Сибирь, вы друг друга не знаете и должны вести себя соот-

ветственно. А вот когда приедете на место — действуйте по обстоятельствам. Впрочем, сойдете вы в разных местах, на разных станциях и не исключено, что больше никогда не увидите друг друга. Подробнее поговорим с каждым в отдельности после этого совещания, а теперь — то, что касается всех вас и составляет суть вашей партийной задачи.

Свердлов протер пенсне, вроде бы переводя дыхание перед тем, как сказать самое важное.

— Товарищи, позвольте познакомить вас с письмами Владимира Ильича Ленина...

Катя слушала Свердлова, и ей казалось, что письма Ленина открывают перед ней новый мир, смысл всей ее жизни, революционной работы. Да, она и прежде выполняла различные партийные поручения, внимательно прислушивалась к старшим товарищам, участвовала в вооружении заводской дружины — делала «рубашки» для гранат. Но сегодня она становилась причастной к самому главному, самому заветному. Единственное, что ее удивляло,— почему так просто и так спокойно говорит об этом Яков Михайлович?

— Основное внимание,— продолжал Свердлов, закончив читать ленинские письма,— Центральный Комитет уделяет сейчас практической подготовке вооруженного восстания. Начнем, конечно, с Питера. Однако этого мало. Необходимо, чтобы борьба в столице была поддержана всеми пролетарскими районами России, всеми промышленными центрами страны. Мы рассылаем питерских рабочих, тех, кому особенно доверяем и на которых надеемся, на Волгу, Урал, в Западную и Восточную Сибирь в качестве уполномоченных Центрального Комитета большевистской партии. Ваша задача — помочь местным большевикам организовать дело так, чтобы рабочий класс Сибири по первому зову партии и товарища Ленина поддержал революционный Петроград.

Свердлов снова на несколько секунд остановился, чтобы, видимо, перейти к чему-то не менее важному.

— Каждый из вас получит после совещания пакет — его вручит вам товарищ Новгородцева. В этих пакетах, которые вы должны везти с собой на правах самых секретных документов и которые ни в коем случае не должны попасть в чужие руки, содержатся письма Ленина, статьи и брошюры о последних событиях в Петрограде, о том, как лучше местным партийным организациям подготовиться к вооруженному восстанию. Получите и дру-

гую литературу, необходимую вам. Что касается упаковки и транспортировки пакетов, товарищ Новгородцева разъяснит — у нее на сей счет опыт старинный.

Катя не знала прежде Клавдию Тимофеевну в лицо, но по взглядам Шумяцкого и путиловцев поняла, что слова эти относятся к женщине с открытым высоким лбом и умными глазами. Она была одета в серую клетчатую кофту, которая подчеркивала чуть бледноватый цвет ее лица.

И на следующий день, уже в поезде, Катю Федорову не покидали мысли о совещании, о недолгой, но очень значительной беседе с ней Якова Михайловича Свердлова, еще раз предупредившего о конспирации:

— Товарищи, с которыми вы сегодня познакомились, сойдут раньше вас — кто в Самаре, кто в Златоусте, кто на станции Тайга. Борис и Лия Шумяцкие выйдут в Красноярске. Сами сойдете в Иркутске и, не расставаясь с пакетом ни на минуту, явитесь на Собокарьевскую улицу — запомните хорошенько, желательно не записывать — Собокарьевскую улицу, дом восемь, угол Мясной. Главное — не забудьте адрес...

Катя выучила его и мысленно повторяла всю дорогу. Она видела, как покидали поезд ее товарищи, и, только когда сошли супруги Шумяцкие, ощутила не столько одиночество, сколько еще большую ответственность. До тех пор, пока не встретится с иркутскими коммунистами, она будет наедине с собой, с этим чрезвычайным заданием партии.

— Как ты думаешь, Кадя, квартира наша сейчас вполне надежна, чтобы укрыть хорошего человека? — спросил однажды Свердлов. — Ты ведь у нас опытный конспиратор, да и дома бываешь все же больше меня.

— Если нужно, укроем, можешь не сомневаться.

Она уже поняла, для кого нужна их квартира. Но спрашивать не стала. Яков поведал сам:

— Будь наготове. На днях возвращается в Петроград Ленин. Возможно, придет к нам.

Она ждала, готовилась, пока Яков Михайлович не сказал:

— Все в порядке. Владимир Ильич — в Питере. Наша квартира не потребовалась. Нашлась более удобная.

Ленин жил в те дни у Маргариты Васильевны Фофановой. Свердлов связался с ним через Надежду Констан-

тиновну и секретаря Выборгского райкома Егорову. Дом по Сердобольской улице — почти у самого полотна Финляндской железной дороги, на окраине Питера. ЦК решил, что здесь безопаснее, чем в центре, а в случае чего — удобнее уйти...

Отсюда Владимиру Ильичу нужно было добраться до набережной реки Карповки. В большом сером доме на Петроградской стороне, на квартире большевички Галины Константиновны Флаксерман-Сухановой 10 октября состоится заседание ЦК.

В тот день на заседании Центрального Комитета РСДРП(б) присутствовали Ленин, Бубнов, Дзержинский, Зиновьев, Каменев, Коллонтай, Сталин, Троцкий, Свердлов, Сокольников, Урицкий, Ломов (Оппоков).

Председатель — Свердлов.

Яков Михайлович стоял у большого стола, за которым сидели члены ЦК. Окна были завешены. Кое-кто расположился на диване, и висевшая над столом большая лампа под абажуром едва освещала лица.

В повестке дня заседания несколько вопросов. Они сформулированы сухо, коротко — телеграфным языком: 1) Румынский фронт; 2) литовцы; 3) Минск и Северный фронт; 4) текущий момент...

Свердлову выпала не простая задача: он докладывает по всем этим вопросам, кроме текущего момента. А «текущий момент», так скромно обозначенный в повестке дня,— наиважнейший сегодня. Готовясь к заседанию, Ленин сказал Свердлову:

— Я предвижу нелегкий разговор. Поэтому, Яков Михайлович, насколько это возможно, необходимо восстановить картину всего, что делается на фронтах и в России, а потом уже приступить к текущему моменту. То бишь к вопросу о вооруженном восстании.

Восстановить картину... Как это не просто! Вот, например, «Минск и Северный фронт».

— В Питер приезжали представители некоторых армий Северного фронта,— говорит Свердлов,— они утверждали, что на этом фронте затевается какая-то темная история с отходом войск вглубь. Из Минска сообщают, что там готовится новая корниловщина. В отдельных частях ведется агитация против нас. На фронте же настроение за большевиков. Есть уверенность, что солдаты пойдут за нами против Керенского. Возможен захват

штаба в Минске и разоружение всего кольца войск вокруг него силами местного гарнизона...

Так шаг за шагом Свердлов «восстанавливает картину» и с Румынским, и с Западным фронтами, информирует о положении дел во всей России.

Хотя многое из того, о чем говорил Свердлов Ленину, было известно, он слушал очень внимательно. Картина, если и неполная, все же была представлена членам ЦК.

Владимиру Ильичу в своем выступлении даже не потребовалось упоминать «текущий момент». И без того было ясно, о чем идет речь. Он сразу же сказал прямо, без обиняков, что с сентября месяца замечается какое-то равнодушие к вооруженному восстанию.

А если серьезно говорить о захвате власти Советами, то такое равнодушие недопустимо. Не упущено ли время?

Он задал этот вопрос, разом оглядел членов ЦК и проговорил, выделяя каждое слово:

— Тем не менее вопрос стоит очень остро и решительный момент близок.

— Чем же, Владимир Ильич, вы объясняете равнодушие масс? — спросил Каменев.

Ленин быстро ответил:

— Только тем, что массы утомились от слов и резолюций.

— Очень справедливо,— поддержал Дзержинский.

— Справедливо и то,— продолжал Ленин,— что большинство сейчас за нами. Политически дело совершенно созрело для перехода власти. Аграрное движение тоже идет в эту сторону... Лозунг перехода всей земли стал общим лозунгом крестьян.

В заключение сказал:

— Что же, политическая обстановка, таким образом, готова. Теперь надо говорить о технической стороне. В этом все дело.

Была принята резолюция, предложенная Лениным. Она заканчивалась словами: «Признавая... что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководствоваться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы...»

За ленинскую резолюцию высказались десять человек, против двое — Зиновьев и Каменев.

Свердлов, выполняя решение ЦК, уже на следующий день разослал эту резолюцию по районам Питера. Полу-

чил ее и Нарвский райком. На Путиловском заводе, который большевики называли одной из крепостей революции, состоялся митинг. И уже первый пункт его постановления гласил: «Мы, рабочие Путиловского завода, требуем передачи всей власти Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Митинг потребовал перемирия на всех фронтах, передачи земель крестьянским комитетам, немедленного созыва Всероссийского съезда Советов. Требуем, требуем, требуем... Это был рабочий ультиматум. Это были лозунги большевиков.

Такие же митинги прошли и на других крупных заводах столицы. И на каждом из них — боевые, решительные резолюции.

16 октября было созвано расширенное заседание ЦК. На нем присутствовали члены Петроградского комитета, Военной организации, Петросовета, фабзавкомов. Председательствовал опять Свердлов. У него было основание для беспокойства: после заседания ЦК 10 октября Каменев и Зиновьев принесли ему письмо со своими возражениями против начала восстания. Но это было не просто письмо в ЦК — оно адресовалось Петроградскому, Московскому — городскому и областному — комитетам партии, исполкому Петроградского Совета, большевистской фракции ВЦИК, большевистской фракции Северной области. По сути дела, они решили действовать через голову Центрального Комитета, бросили ему прямой вызов, искали в организациях союзников помимо ЦК.

Тут уж сомнений быть не могло: эти двое решили идти напролом.

Позиция внешне кое для кого могла выглядеть безобидно: Каменев и Зиновьев настаивали-де только на том, чтобы не начинать вооруженного восстания до 20 октября. Всего десять дней! Вот если соберется съезд Советов, то пусть он обождет Учредительного собрания, где большевики, возможно, могут оказаться вместе с левыми эсерами в большинстве. И тогда...

А между тем красногвардейцы, революционные части Северного и Западного фронтов, корабли Балтийского флота готовы поддержать выступления рабочих. Они ждут начала восстания.

Вот выступает Ленин. Он терпеливо разъясняет решение ЦК, принятое 10 октября, и почему его нельзя отменить и перенести на более поздний срок начало восстания.

Сегодня здесь, на заседании, много рабочих. Им, да и не только им, необходимы такие разъяснения. Яков Михайлович всматривается в лица, ему хочется уловить в них полное понимание и сочувствие тому, что говорит Владимир Ильич. Кажется, есть такое понимание, есть не только сочувствие, но и нетерпение: с восстанием больше нельзя медлить! Митинги на заводах подтвердили это.

Зиновьев, а за ним и Каменев повторяют все, что они уже говорили 10 октября и в своем письме. Каменев даже дошел до утверждения, что эта, мол, неделя, с момента принятия решения ЦК, принесла непоправимый вред...

— Вопрос поставлен политически,— воскликнул он,— и назначение восстания есть авантюризм!

Хорошо и резко сказал Крыленко:

— Вода достаточно вскипела; выносить резолюцию, которая брала бы прежнюю резолюцию назад, было бы величайшей ошибкой. Наша задача — поддержать восстание вооруженной силой...

Сталин дополнил:

— Почему бы нам не предоставить себе возможность выбора дня и условий восстания, чтобы не дать сорганизоваться контрреволюции. Петроградский Совет уже встал на путь восстания... Флот уже восстал, поскольку пошел против Керенского...

Действительно, чего еще ждать?

— Соотношение сил в нашу пользу! — уверенно заявил Свердлов.

Он не считает нужным повторяться. Только что, докладывая о положении дел на местах, Яков Михайлович сказал, что рост партии достиг огромных размеров. Он привел доказательства того, что партия насчитывает сейчас не менее 400 тысяч членов. Это значит, что даже со времени недавно проходившего Шестого съезда партия выросла более чем в полтора раза.

— Точно так же,— говорил Свердлов,— возросло наше влияние в Советах, армии и флоте.

Словно подтверждая факты, приведенные Свердловым, представитель Петроградского комитета Бокий охарактеризовал положение дел в районах Питера:

— Васильевский остров — боевого настроения нет, но боевая подготовка ведется. Выборгский район готовится к восстанию, образовал Военный совет, в случае выступления массы поддержат... Невский район — настроение

круто повернулось в нашу пользу. За Советом пойдут все.

Петербургский — настроение выжидательное, Шлиссельбург — в нашу пользу. И так район за районом.

Картина, нарисованная Свердловым и дополненная Бокием, подтвердила вывод Ленина: нельзя ждать!

Девятнадцатью голосами против все тех же двух (Зиновьев и Каменев) ЦК принял ленинскую резолюцию и образовал Военно-революционный центр — партийный орган по непосредственному руководству восстанием. В него вошли Бубнов, Дзержинский, Свердлов, Сталин, Урицкий.

Клавдия Тимофеевна, никогда не задававшая лишних вопросов, все же не выдержала, спросила мужа:

— Когда?

И Ростовцев в Смольном спросил Якова Михайловича:

— Когда?

И два солдата — Иван и Горюн — спросили:

— Когда?

Свердлов вошел в кабинет. Словно небольшие ручьи сливались в одну большую, сильную реку эти настойчивые, требовательные вопросы «когда?». Скоро, теперь скоро!

Стасова стояла у окна, бледная, взволнованная — Свердлов не видел ее такой со времени июльских событий.

— Что случилось, Елена Дмитриевна?

— Вы читали сегодня «Новую жизнь»?

— Не успел.

— Прочтите, что пишут Зиновьев и Каменев.

Свердлов читал и не верил своим глазам: выдать врагу в самый канун восстания планы большевиков, решения ЦК!..

— Нужно немедленно сообщить Владимиру Ильичу.

Из письма Ленина к членам партии большевиков:

«Товарищи! Я не имел еще возможности получить питерские газеты от среды, 18 октября. Когда мне передали по телефону полный текст выступления Каменева и Зиновьева в непартийной газете «Новая жизнь», то я отказался верить этому. Но сомнения оказались невоз-

можны, и я вынужден воспользоваться случаем, чтобы доставить это письмо членам партии к четвергу вечером или к пятнице утром, ибо молчать перед фактом такого неслыханного *штрейкбрехерства* было бы преступлением».

Из письма Ленина в Центральный Комитет РСДРП(б):

«Каменев и Зиновьев *выдали* Родзянке и Керенскому решение ЦК своей партии о вооруженном восстании и о сокрытии от врага подготовки вооруженного восстания, выбора срока для вооруженного восстания. Это факт. Никакими увертками нельзя опровергнуть этого факта. Двое членов ЦК кляузной ложью перед капиталистами *выдали* им решение рабочих. Ответ на это может и должен быть один: немедленное решение ЦК:

«Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, ЦК исключает обоих из партии».

Да, письма Владимира Ильича, написанные 18 и 19 октября, были ответом на предательское выступление двух членов ЦК в непартийной газете.

В эти дни Яков Михайлович спал не более трех часов в сутки. Домой он не ходил — на это ушло бы слишком много времени, а располагался в Смольном. Впрочем, не он один — Дзержинский, Урицкий и многие другие спали здесь же не раздеваясь.

...Свердлов шел вместе с Дзержинским на заседание ЦК с твердым намерением заявить Центральному Комитету, что поступок Зиновьева и Каменева ничем не может быть оправдан. Такого же мнения и Дзержинский. Человек твердого и решительного характера, Феликс Эдмундович разговаривал всегда спокойно, рассудительно. Сейчас он говорил резко, нервно:

— Не понимаю, как в такой обстановке можно требовать отсрочек — «не выступать до съезда». А съезд сегодня, двадцатого, не состоялся. Его открытие перенесли... Что ж, прикажете отложить революцию? Какая-то дикая точка зрения.

— Дело даже не в точке зрения,— сказал Свердлов.— Она могла быть и ошибочной. Но ведь решение уже состоялось! Состоялось! Как же можно ему не подчиниться?!

— Это так, несомненно так... Статья в «Новой жиз-

ни» — акт не легкомысленный, а откровенно штрейкбрехерский.

— Мы обязаны отстранить Зиновьева и Каменева от партийных дел и, по крайней мере, категорически запретить им выступать в печати с политическими заявлениями,— говорил Яков Михайлович.— Я целиком на стороне Ленина.

Как и предполагал Яков Михайлович, заседание ЦК было бурным. Еще накануне Каменев написал в ЦК о своей отставке. О выходе из редакции газеты «Рабочий путь» заявил Сталин. Дело в том, как выяснилось на заседании, он опубликовал в этой газете (без согласования с редакционной коллегией) заявление Зиновьева, опровергавшее справедливость обвинений, содержащихся в ленинских письмах. И вот теперь Сталин, как бы в ответ на критику его самоличных действий, ставит вопрос о своем выходе из редакции Центрального органа.

Свердлов, доложивший о ленинских письмах, потребовал со всей решительностью отстранить Каменева и Зиновьева от политической деятельности и запретить им впредь выступать против решений Центрального Комитета. Он сказал:

— Наше заседание хотя и неправомочно исключать из партии, но достаточно авторитетно для того, чтобы дать ответ на заявление Ленина по поводу штрейкбрехерства двух членов Центрального Комитета и на заявление Каменева о выходе из ЦК.

Сталин предложил вынести этот вопрос на пленум ЦК. Это предложение поддержал Милютин, считая в то же время, что вообще-то, мол, «ничего особенного не произошло». Сталин выступил второй раз и высказался за то, чтобы не исключать Каменева и Зиновьева из членов ЦК.

Разный подход, разные суждения...

Но решение Центрального Комитета было категоричным. Отставку Каменева принять. Вменить в обязанность Зиновьеву и Каменеву не выступать ни с какими заявлениями против решений ЦК и намеченной им линии работы. Что касается заявления Сталина, то ЦК предложил не принимать его отставки и заявление не обсуждать, так как его выступление в «Рабочем пути» было сделано от имени редакции и там же оно должно быть обсуждено.

— Переходим к очередным делам,— заявил Свердлов, продолжая заседание ЦК...

Сразу же после заседания ЦК состоялось первое заседание Военно-революционного комитета. Необходимость срочного созыва ВРК была продиктована тем, что Временное правительство, пытаясь подавить революционное настроение масс, назначило «крестный ход» казаков. Эта затея имела прямую цель: запугать петроградцев, а может быть, и вызвать эксцессы, погромы, схватки с рабочими — словом, то, чем обычно заканчивались подобные «крестные ходы».

Заседание Военно-революционного комитета длилось недолго. Свердлов от имени Центрального Комитета предложил мобилизовать все силы для охраны Петрограда от контрреволюционных выступлений и погромов, разослать в части агитаторов, установить контакт со штабом Петроградского военного округа.

— Мы должны заявить, что наш Военно-революционный комитет сорганизовался и приступил к своей интенсивной деятельности.

В ту ночь с 20 на 21 октября разошлись по частям комиссары — представители Военно-революционного комитета. В Семеновский полк отправился прапорщик Коцюбинский. Яков Михайлович знаком с этим темпераментным, рвущимся в бой парнем. Он сын известного писателя, классика украинской литературы Михаила Михайловича Коцюбинского. Еще недавно зачитывался Свердлов удивительной его повестью «Мираж».

Комиссаром Петропавловской крепости был назначен прапорщик Благонравов, а комиссаром арсенала Петропавловки — Тер-Арутюнянц. Ильину-Женевскому поручили быть комиссаром сразу двух частей — гренадерского резервного полка и запасного огнеметно-химического батальона. Один из сильнейших шахматистов России, прапорщик Ильин-Женевский пошутил по поводу своего назначения:

— В шахматах это называется сеансом на двух досках.

От моряков «Авроры» пришли к Свердлову большевики Лукичев и Белышев. Настроение команды крейсера не вызывало сомнений — авроровцы готовы поддержать своими орудиями восстание петроградского пролетариата.

Получили задание и Иван Викулов с Порфирием Горюном. Яков Михайлович порекомендовал Подвойскому направить их в качестве агитаторов в казачьи части.

А из полков уже шли первые донесения. И прапорщик Юрий Коцюбинский докладывал по-военному четко: «Семеновский полк... всеми средствами будет поддерживать Петроградский Совет и его Революционный комитет. По первому требованию выйдет на его защиту».

«Крестный ход» казаков был сорван. Начальник штаба округа получил несколько донесений о том, что казачьи полки отказываются выступать иа Питер. Сначала ему хотелось взвыть от ярости, приказать, потребовать... Но это было неблагоразумно, и вместо громкого «приказываю выступить» прозвучало тихое «отменить».

Горюн ликовал: глаза его блестели, улыбка не сходила с лица. Как ни тяжело было начать разговор с казаками, а все же получилось. Якову Михайловичу он сказал так:

— Я толковал сначала как солдат с солдатами, а потом как мужик с мужиками.

В тот день Свердлов получил письмо от Ленина. Оно заканчивалось словами: «Отмена демонстрации казаков есть гигантская *победа*. Ура! *Наступать* изо *всех сил* и мы победим вполне в несколько дней! Лучшие приветы! Ваш».

Владимир Ильич ежедневно требовал подробных отчетов о том, что сделано, советовал, как улучшить военную подготовку красногвардейцев, укрепить их контакты с заводами, с партийными организациями большевиков.

— Необходимо,— говорил он Свердлову,— воспрепятствовать продвижению войск Временного правительства в Питер.

— Кое-что для этого уже сделано,— отвечал Яков Михайлович.— Вы знаете моряка Панюшкина?

— Как же, помню, мы встречались с ним во Франции — кажется, Луначарский нас познакомил.

— Я знаком с Василием Лукичом еще с двенадцатого года. Он пожелал тогда встретиться с представителем ЦК, чтобы получить указание по работе среди матросов Балтики, и произвел на меня впечатление человека умного и энергичного. Недавно я его направил в Тулу, затем отозвал — в Кронштадте Панюшкин был нужнее. Думаю поручить ему поездку в Псков, в Ставку. Он все организует наилучшим образом.

— Вызовите его к себе.

Панюшкин приехал в Питер без погон, но в своей морской форме.

Яков Михайлович сразу же приступил к делу:

— Керенский попытается, по всей вероятности, вызвать с фронта войска, на поддержку которых он рассчитывает. В Питер их пустить нельзя. Немедленно выезжайте в Псков, где находится штаб Северо-Западного фронта, и организуйте там надежный заслон. Вы должны захватить власть и не пропустить в Питер ни одного эшелона. Возьмите с собой несколько десятков боевых моряков-большевиков и действуйте. Нужно разъяснить обстановку находящимся в Пскове частям и сколотить из солдат настоящий социалистический отряд. Сразу же свяжитесь с местными товарищами и приступайте к подготовке восстания. Указания о сроках восстания получите от меня. А теперь пойдемте...

Они зашли к Подвойскому — он о чем-то договаривался с Антоновым-Овсеенко.

— Товарищ Панюшкин направляется в Псков, берет с собой отряд кронштадтцев. Не мешало бы подчинить ему надежных солдат-пропагандистов,— и, обращаясь снова к Панюшкину, добавил: — Я выступлю перед отрядом, когда он будет готов к отправке.

Владимиру Ильичу Свердлов сообщил обо всем этом коротко.

— Надо бы установить более устойчивую связь с Центробалтом,— сказал Ленин.

— Уже, Владимир Ильич. Связь с Центробалтом налажена. Флот целиком на нашей стороне... Договорились о начале вооруженного восстания в Петрограде известить Центробалт телеграммой.

— Шифрованной, разумеется.

— Конечно, Владимир Ильич: «Высылайте устав».

— Что же, устав так устав. Действуйте, Яков Михайлович.

А в Военно-революционный комитет поступали письма, телеграммы о готовности к восстанию, о том, что еще не сделано, что нужно исправить.

«Товарищи, обратите внимание на почтовые учреждения, на телеграф и юзоаппараты и поставьте строгий контроль, потому что... телеграммы не передаются. Центробалт».

«Приветствуя образование Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдат-

ских депутатов, гарнизон Петрограда и его окрестностей обещает Военно-революционному комитету полную поддержку во всех его шагах, направленных к тому, чтобы теснее связать фронт с тылом в интересах революции».

Глава тридцатая

«Высылайте устав»

Съезд Советов было намечено открыть в конце октября. Владимир Ильич настойчиво требовал: большевики должны взять власть.

— Ждать — гибельно. Народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованием, а силой.

Еще раньше Свердлов убедился, насколько прав Ленин, как важно не пропустить момент.

Он сидел в кабинете, когда прибежал Григорий Ростовцев.

— Яков Михайлович, я был на заседании представителей заводов Питера в ВРК.

— Ну и что?

— Рязанов призывает ждать, что скажет Учредительное собрание.

Яков Михайлович поднялся на верхний этаж Смольного, вошел в зал, когда Рязанов еще продолжал говорить.

— Нельзя, товарищи, выступать,— твердил он.— Что у нас есть? Одни резолюции...

И Свердлов сразу почувствовал, с чьего голоса поет Рязанов. Штрейкбрехерство Зиновьева и Каменева уже дорого обошлось партии — Керенский наверняка бесконечно благодарен им за предупреждение о восстании. Прав Ленин, тысячу раз прав — болтовня и разглагольствование в такой момент — это измена.

Свердлов занял председательское место за столом президиума и резко прервал оратора:

— Довольно! Постановление ЦК по поводу выступления состоялось. Я здесь от имени Центрального Комитета и никому не позволю отменять его решения.

Зал взорвался аплодисментами — вот оно, подлинное настроение рабочих,

Партийный центр по руководству восстанием поручил Свердлову следить за деятельностью Временного правительства, разведывать, учитывать каждый его шаг... Это важно, очень важно — знать врага. Ведь без учета его возможностей и намерений не поведет свое войско в бой ни один полководец.

Между тем положение обострялось — контрреволюция от словесных угроз перешла к делу. Шныряют по городу разбойничьи шайки. Любой беспорядок выгоден Временному правительству.

Притаился Зимний...

Надо бы узнать побольше, что там, в Зимнем, делается. И уже совсем необходимо разведать, где расположены огневые точки, обороняющие дворец. Яков Михайлович ломал над этим голову, пока ему не пришла счастливая мысль сфотографировать их! Именно сфотографировать.

Но как это сделать?

Тут же вспомнился фоторепортер Косарев, с которым ему пришлось в последние дни несколько раз сталкиваться. С ним-то и надо поговорить.

— С удовольствием, Яков Михайлович. Прямо с превеликим удовольствием,— сразу загорелся расторопный Косарев.— Для такого дела я готов хоть к черту на рога. Но кто меня пустит в Зимний? Вот вопрос.

— Я уже думал об этом, товарищ Косарев. Есть тут один надежный человек, прямо золотой человек — американский журналист... Ему можно во всем довериться. А что, если мы попросим этого журналиста помочь в таком важнейшем для нас деле? Вместе с ним вы и пройдете во дворец. Как, согласны?

— Я-то репортер... Согласится ли американец?

— Уж это моя забота.

Косарев широко заулыбался и долго тряс Якову Михайловичу руку — так понравилась ему эта идея.

До утра оставалось ждать не так уж много. А когда Косарев снова пришел в Смольный, навстречу ему поднялся высокий лобастый человек и приветствовал его улыбкой.

— Знакомьтесь, это товарищ Джон Рид. С ним и отправитесь. Я его уговорил.

— О, нет, нет,— весело запротестовал Рид,— меня совсем не надо было уговаривать.

...Снимки получились отменные. Яков Михайлович долго хохотал, когда Косарев рассказывал, как Джон

Рид расставил у пулеметов и пушек «бойцов» из женского батальона, входившего в охрану Зимнего, и «душки Керенского» начали прихорашиваться, дабы лучше получиться на фото для американского журнала.

— Джон Рид — настоящий парень. Сам все высмотрел, сам помогал мне найти такое положение, чтобы все, что нужно, сфотографировать.

Фофанова беспокоилась: Владимир Ильич считает, что оставаться в подполье ему больше невозможно, он должен быть в Смольном. Но идти опасно.

День 24 октября начался с настораживающих известий — отряд юнкеров разгромил редакцию «Рабочего пути». Ленин передал в ЦК: редакцию срочно восстановить — газета должна выйти!

Военно-революционный комитет отдал приказ комиссарам и полковым комитетам привести полки в боевую готовность. За подписями Подвойского и Антонова-Овсеенко предписания разосланы по всему Петрограду.

«Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно...— писал Ленин.— Нельзя ждать!! Можно потерять все!!»

Заседание было коротким: каждому члену ЦК — боевое задание. Свердлову, помимо наблюдения за Временным правительством и его распоряжениями, поручалось поддерживать постоянную связь с Петропавловской крепостью, где расположен запасной штаб восстания. Военно-революционный комитет создал тройку по руководству боевыми действиями — Антонов-Овсеенко, Подвойский, Чудновский.

Горели костры на улицах и площадях, обогревая вооруженных рабочих, матросов, солдат, мирно, даже весело беседующих вокруг огня. По длинным сводчатым коридорам Смольного сновали люди, оплетенные патронными лентами, заходили в комнаты, а иногда тут же, в проходах, митинговали, призывали, командовали.

Вечером возвратившаяся домой Маргарита Фофанова с ужасом увидела, что Владимира Ильича нет. На столе лежала записка: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. *Ильич*».

Свердлов был уверен, что все пройдет так, как намечено. Только накануне еще раз беседовал он с путиловцами, давал последние указания авроровцам. Восстановили типографию, и газета, хотя и с некоторым опозданием, вышла. Призыв свергнуть Временное правительство разошелся по всему Питеру со страниц «Рабочего пути».

Яков Михайлович шагал по коридору первого этажа, когда впереди мелькнула ладная широкая спина в офицерской шинели, без погон... Быков?

— Павел!

Они завернули в комнату большевистской фракции Петросовета — необходимо было позвонить в Петропавловскую крепость. В комнату вошел человек с перевязанной щекой, в пальто с поднятым воротником. Снимая с головы кепку, нечаянно смахнул парик...

— Владимир Ильич! — воскликнул Свердлов.

— Вот именно.

Через несколько минут Ленин и Свердлов уже поднимались на верхний этаж.

В небольшой комнатушке заседал Военно-революционный комитет. Подвойский, Антонов-Овсеенко, Чудновский стояли возле висевшего на стене плана Петрограда, расставляя условные знаки на тех местах, где должны быть нанесены удары по контрреволюции. Члены ВРК не сразу заметили Ленина, а он, постояв немного, не желая мешать военной тройке, сказал спокойно и уверенно:

— Ну вот и наступил этот час... Последний час буржуазии!

Посмотрев на Свердлова, Владимир Ильич спросил:

— Так как там сказано насчет устава?

— «Высылайте устав».

— Шлите телеграмму в Гельсингфорс — в Центробалт... Восстание началось!

Ленин не отходил от телефона. Сюда, в Военно-революционный комитет, сходились боевые рапорты восставшего Питера.

— Товарищи, нужно немедленно опубликовать воззвание «К гражданам России» и обращение к фронту и тылу. Оба — от имени Военно-революционного комитета.

Вот он, первый документ новой власти, новой России, написанный Лениным к утру 25 октября:

«К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-револю-

ционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

Разнес телеграф и написанное Свердловым обращение «К тылу и фронту»:

«В Петрограде власть в руках Военно-революционного комитета Петроградского Совета. Единодушно восставшие солдаты и рабочие победили без всякого кровопролития. Правительство Керенского низложено. Комитет обращается с призывом к фронту и тылу не поддаваться провокациям, а поддерживать Петроградский Совет и новую революционную власть, которая немедленно предложит справедливый мир, передаст землю крестьянам, созовет Учредительное собрание. Власть на местах переходит в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Военно-революционный комитет Петроградского Совета».

Смольный, 25 октября... Счастливые, счастливые люди...

Яков Михайлович слышит в этом здании на заседании Петроградского Совета слова Владимира Ильича, к которым шел всю жизнь, через борьбу и тюрьмы, через лишения и ссылки... Слова Ленина, возвестившие миру о рабочей и крестьянской революции в России. Об осуществлении самой заветной мечты большевиков. Они прозвучали как набат и понеслись неостановимо, как девятый вал, по всей России. Их услышал весь мир.

И сколько еще было слов простых и великих, рожденных самой революцией, которые поднимали людей на жизнь, на борьбу и на смерть!

Свердлов еще не видел Ленина таким, как в эти часы. Были еще свежи в его памяти и тревожные дни июля, и бурные заседания ЦК 10 и 16 октября.

Здесь, в Смольном, Ленин был неповторим в своем энтузиазме. Он руководил всем ходом восстания, все совершалось по его плану, который определял и время дей-

ствий, и место бойцов в сражении. А ведь Владимиру Ильичу еще выступать на съезде с первыми декретами Советской власти...

Он оживлен, даже весел, а главное — уверен и тверд. Как это важно, сколько сил придает это всем вместе и каждому в отдельности!

И вот Ленин на трибуне съезда Советов.

— Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Свердлов слышит громовое «ура!». Рядом с ним кричит «ура» незнакомый солдат. Чуть поодаль старается что-то записать, поминутно вытирая глаза, Джон Рид. Уверенно хлопает в ладоши рабочий с Путиловского завода, и каждый его хлопок, как выстрел.

А через два часа, в 11 вечера, Владимир Ильич делает доклад о земле.

...За окнами белоколонного зала Смольного горят костры на мостовых, и их пламя полощется, как знамена, под октябрьским порывистым ветром.

Глава
тридцать первая

Решительный натиск

Елена Дмитриевна пришла в Смольный, чтобы разыскать Свердлова и сговориться о переводе сюда Секретариата ЦК.

Гудел не умолкая Смольный. Людей здесь сейчас даже больше, чем в ночь на 25 октября. У каждого находились дела, и каждому казалось, что именно они, эти дела, самые важные теперь — в первые дни после победы социалистической революции.

Стасова узнавала многих, но еще больше людей, как выяснилось, знали ее.

Якова Михайловича найти не удавалось. Она уже заглядывала в комнату 18, спрашивала у знакомых... По дороге на второй этаж ее встретил какой-то иностранец, назвал свой дипломатический ранг и, с трудом подбирая русские слова, сказал с немецким акцентом:

— Вы есть госпожа Стасов... Вы теперь есть власть. Мне показал вас бородатый господин.

— Слушаю, чем могу быть полезной? — спросила Стасова.

Иностранец объяснил свою просьбу. Ему, оказывается, нужны дрова. Елена Дмитриевна не знала, кто занимается распределением дров, однако в большевистской фракции Петросовета ее успокоили:

— Выдадим, товарищ Стасова. Поможем.

В одном из коридоров Смольного навстречу ей попались трое. Посредине шла женщина с ребенком на руках, она нет-нет да и поглядывала на молодого рабочего. Тот осматривался вокруг, точно искал того, кто может вывести из затруднительного положения. По другую сторону от женщины — пожилой рабочий. Елена Дмитриевна где-то встречала его, кажется на «Старом Парвиайнене».

— Товарищ Стасова, помогите делу нашему. Вот дочь привел — ни за что не желает сына, внука моего, стало быть, в церкви крестить, давай, говорит, новую власть. А муженек-то у нее молчаливый. Я перечить молодым не стал. Может, новая власть и покрепче окрестит. Вот и привел их в Смольный.

— Я бы и одна пришла,— бойко ответила женщина.— Ничего, отыскала бы. Так что, товарищ Стасова, крестите, или как это теперь называется...

— Я? — удивилась Елена Дмитриевна. И вдруг добрая улыбка озарила ее лицо.— А что? Правильно сделали. Как назовете сына?

— Владимир. В честь нашего товарища Ленина.

...Стасова увидела Свердлова лишь к вечеру. Он едва успел раздеться — только что пришел с какого-то завода, выступал перед рабочими. Ей уже хотелось отложить разговор: Яков Михайлович утомлен, надо бы ему отдохнуть. Но не прошло и минуты, как он преобразился, и словно не было усталости, митингов, бессонных ночей.

— Слушаю, Елена Дмитриевна.

— Я по поводу переезда ЦК в Смольный.

Свердлов задумался... Впрочем, ненадолго. Он встал, прошелся по комнате, потом снова сел и спросил:

— Вы слыхали на съезде Советов выступление Крушинского?

— Левого эсера, представителя Викжеля? Но ведь это речь контрреволюционера.

— И все-таки игнорировать ее нельзя.

Стасова вспомнила: Крушинский был в числе тех, кто не только выражал сомнение в правомочности съезда, но и угрожал: мол, Викжель, то есть Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза, может любую власть задушить в петле железных дорог.

— Думаю,— сказал Свердлов,— что направленный в Викжель для его нейтрализации Рязанов не справится с делом: нам нужно соглашение, но не соглашательство. От позиции Ленина мы не отступим ни на шаг.

Многое Стасова и сама знала. Да, картина сложная: рвутся в Питер войска Керенского — Краснова, город наводнен бандами, меньшевики и эсеры требуют «однородного социалистического правительства», даже премьера заготовили — Чернова, а тут еще Викжель со своими угрозами.

— Нет, Елена Дмитриевна, перебираться с Фурштадтской пока рано. Вы уж там, пожалуйста, храните наши партийные традиции, адреса, связи и даже явки.

— Викжель — это так серьезно?

— Дело не в нем. Этот союз, видите ли, намерен предоставить свои силы, технику, аппарат — словом, всю свою железнодорожную державу «однородному правительству от большевиков до народных социалистов включительно». И все, чего мы добивались в октябре,— под угрозой.

Затем Свердлов будто стряхнул тревогу:

— Вот что, Елена Дмитриевна, начнем выпуск бюллетеней — ежедневно от имени ЦК будем информировать массы о положении дел. Вы же знаете, что газеты наши до многих партийных комитетов не доходят из-за саботажа почтовых работников. Подберите помощников и действуйте.

— Вы имеете в виду типографские листовки?

— Нет. Только, пожалуй, свободных типографий мы сейчас не отыщем. А партийным организациям необходимо знать, что происходит в России.

— Придется тогда гектографировать, а может, просто на машинке.

— Это надо делать по возможности ежедневно, пока не спадет первое напряжение и не наладится доставка газет. Словом, к вечеру — бюллетень о дне минувшем.

— Ясно, Яков Михайлович. Завтра и начнем.

Свердлов смотрел на Стасову — лицо открытое, волевое, даже властное. Но ведь он-то хорошо знает ее душевность, готовность в любую минуту помочь делу.

— Говорят, вы в Смольном «крестили» младенца?

— Это серьезно, Яков Михайлович. Ведь теперь будут обращаться к нам, к Советам. Впервые...

— Вот именно, впервые. Все впервые — и наша революция, и наше государство, и наше правительство. Не буржуазный парламент, а совершенно новая власть, у которой нет прецедентов. Социалистическая революция совершилась. Владимир Ильич сказал: мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Борьба с Викжелем во Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете оказалась острее, чем можно было предположить поначалу.

Свердлов был уверен в большинстве членов ВЦИК — большевиках. Со многими из них он непосредственно сталкивался в рабочей обстановке, в подполье, тюрьме, ссылке. Вот члены ВЦИК — екатеринбуржцы Филипп Голощекин, Павел Быков. Они сейчас здесь, в Питере, и Яков Михайлович ежедневно видится с ними на заседаниях. Не только с ними — Володарский, Петровский, Аванесов, Подвойский... Кандидаты в члены ВЦИК Косиор, Орджоникидзе, Ногин...

Известны ему и представители других партий — экспансивная Мария Спиридонова, Александрович из левых эсеров, знает и объединенных социал-демократов-интернационалистов, и украинских социалистов, и эсеров-максималистов — со всеми приходилось встречаться, сталкиваться, спорить.

Владимир Ильич предупреждал о важности вопроса: у Викжеля был наверняка разработан план заговора. Разве не об этом говорит опубликованная в эсеровских газетах телеграмма: «Викжель ультимативно грозил прекращением «всякого движения на дорогах», предупреждал, что к его требованиям присоединились «общественные организации и партии Петрограда и Москвы». Вот почему необходимо было выработать единое мнение ЦК, направленное против Викжеля — одного из контрреволюционных центров.

А между тем временный председатель ВЦИК Каменев соглашался с требованиями Викжеля, пасуя перед представителями других партий, входящих во ВЦИК. Ленин и ЦК партии резко осудили оппортунистическую позицию Каменева.

Свердлов еще и еще раз анализировал положение: партия действует, опираясь на массы, от имени масс, в интересах масс. Соглашательство преступно — так квалифицирует его Ленин.

Он выступил на расширенном заседании большевистской фракции ВЦИК. И хотя внешне речь его казалась сдержанной, Свердлов чувствовал негодование Владимира Ильича против соглашателей, отступающих под напором правосоциалистической контрреволюции, против Каменева и Рязанова, сдававших одну позицию за другой.

— Нам предлагают,— говорил Ленин,— выбирать между гражданской войной и соглашением с оборонцами, соглашением, которое с неизбежностью приведет к утрате завоеваний революции. Нас пугают, что в вооруженной борьбе мы, большевики, будем уничтожены. Возможно и так. Но угроза физической гибели не останавливала нас в прошлом. И сейчас она не заставит нас отказаться от нашей политической программы, не заставит капитулировать.

Слушает Свердлов, слушает Голощекин... Филипп что-то записывает. Как важно, как необходимо то, что говорит сейчас Ленин!

— Пусть слабохарактерные интеллигенты, слабосильные и путающиеся, идут куда хотят, я останусь с рабочими и матросами, и мы дойдем нашим путем к победе.

Днем позже, 1 ноября, на заседании ЦК капитулянтскую линию Каменева Ленин справедливо и метко назвал политикой «чего изволите». Капитулянты согласились заменить ВЦИК неким «Временным народным Советом» соглашательского, коалиционного толка. Как это можно? Свердлов решительно против позиции Каменева и Рязанова, уступивших противнику и в этом вопросе. Вместе с Дзержинским и другими товарищами он — целиком на стороне Ленина.

А Ленин подчеркнул:

— Колебаться нельзя. За нами большинство рабочих и крестьян и армии.

8 ноября по предложению ЦК РСДРП(б) ВЦИК принял решение: «С принципиальной мотивировкой (основной мотив — несоответствие между линией ЦК и большинства фракции с линией Каменева) отстраняется от председательства ВЦИК тов. Каменев».

На пост председателя ВЦИК по предложению Ленина был избран Свердлов. И по-прежнему он продолжал руководить Секретариатом ЦК.

Бюллетени Центрального Комитета продолжали выходить — хоть и не ежедневно, но регулярно.

— А как вы, товарищи конспираторы, намерены обмануть саботажников-почтарей? — спросил Свердлов.— Ведь увидят несколько одинаковых конвертов и поймут — деловая переписка.

— Этот вопрос у нас продуман,— ответила Клавдия Тимофеевна.— Мы раскладываем бюллетени по разноцветным конвертам.

— Предусмотрительно,— заключил Свердлов.

— Но это не все. Рассылать будем из разных концов города — по одному конверту в почтовый ящик. Даже почерк на конвертах сличить невозможно.

Свердлов улыбнулся.

— Что ж, одобряю и обещаю: саботажников одолеем. Обязательно одолеем. Не придется тогда прибегать к таким уловкам.

Даже левые эсеры признавали: рука у Свердлова крепкая. Впервые на своем заседании ВЦИК слушал отчет правительства о его деятельности за прошедшие две недели. Впервые, по докладу наркома Луначарского, была образована Государственная комиссия по просвещению. Впервые, по предложению ЦК, ВЦИК решал продовольственный и финансовый вопросы.

Через несколько дней после избрания Свердлова председателем ВЦИК Ленин докладывал в высшем органе Советской власти о мерах для достижения перемирия на фронте. Владимир Ильич про себя отмечал, что в работе ВЦИК появилась организованность, целеустремленность, деловитость, порядок. Да, порядок... Именно этого и ждал он от Свердлова, не выносившего пустозвонства. Яков Михайлович создал рабочую обстановку, и это было главное для того, чтобы решать вопросы основательно, глубоко.

Свердлов приходил домой поздно. Если же среди дня и выпадала свободная минута, то отдохнуть попросту негде было.

— А не перебраться ли нам в Таврический? — спросила Клавдия.—Насколько я знаю, там есть жилые комнаты во флигелях.

— А что, неплохая идея! И создать там коммуну, наподобие нашей, екатеринбургской.

— И кто в этой коммуне будет жить?

— Мы, Володарский, Аванесов... Еще кто-нибудь из товарищей. Удобнее, веселее.

Аванесова и Володарского не пришлось уговаривать — они и без того жили в Таврическом, ночуя на диванах. Свердловы переехали быстро — дети еще жили у деда в Нижнем, а имущество вполне уместилось в одной корзине. И в первый же вечер Клавдия Тимофеевна решила устроить чай. Сделать это ей было нетрудно — к чаю у нее все равно ничего не нашлось: норма хлеба в эти дни сократилась до 50 граммов.

Первым пришел Володарский. Он шумно раздевался, извиняясь за опоздание, а когда узнал, что Якова Михайловича и Варлама Александровича еще нет, звонко расхохотался.

Но вот и Аванесов, а Свердлова все нет. Он пришел около часу ночи, и не один — с ним Голощекин.

— Нечего ему скитаться по ночному Питеру,— сказал Свердлов.

За чаем разговорились, просидели почти до утра. Клавдия Тимофеевна рада была этому ночному разговору. Коммуна... Словно вернулась другая осень, екатеринбургская. Неужели с тех пор прошло двенадцать лет?

Работа ВЦИК отныне была строго распланирована. Необходимо было наконец установить рабочий контроль над производством. Ведь Владимир Ильич еще на Втором съезде Советов говорил о нем как об одном из шагов новой власти. Викжельцы все-таки помешали этому. Но Ленин написал проект решения, была создана специальная комиссия из пяти человек. Свердлов поручил ответственному организатору экономического отдела ВЦИК Милютину подготовить доклад, изложив суть «Положения о рабочем контроле».

Обсуждение шло живо и, как говорил Яков Михайлович, заинтересованно. Стало ясно: разговор о рабочем контроле неразрывно связан со всем народным хозяйством. И назрел вопрос о необходимости создать общегосударственный план с учетом возможностей и интересов страны и каждого предприятия в отдельности.

Совнарком подготовил все, чтобы решение состоялось. Внесены лишь некоторые поправки, и ни одного голоса против. Важно было то, что ВЦИК и СНК сработали дружно, что стремление левых эсеров вбить клин между

двумя государственными органами снова потерпело крах. Больше того, теперь наиболее сложные вопросы разбирались на совместных заседаниях Совнаркома и ВЦИК; привлекались и другие руководящие органы, общественные организации.

Враги однако не унимались. Саботаж бывших царских чиновников вылился в необъявленную войну против Советской республики. И без того трудное продовольственное положение усугублялось нежеланием старого аппарата сотрудничать с Советской властью.

Григорий Иванович Петровский, нарком внутренних дел, пришел на очередное заседание ВЦИК с объемистой папкой, начиненной документами. Но он так и не открыл ее: и без того знал все на память. А необходимости доказывать что-либо с документами в руках не было — все бесспорно.

— То, что делает аппарат старого министерства продовольствия,— это преднамеренная организация голода в стране, фактически уголовное преступление,— говорил Григорий Иванович.— Их, саботажников, нужно заставить работать самыми решительными способами.

Это касалось не только старого министерства продовольствия. Саботировали чиновники почтово-телеграфного ведомства, банковские служащие, и весь саботаж, вместе взятый, выливался в откровенную контрреволюцию. Нужны были меры твердые, решительные.

По предложению Ленина Совнарком принял постановление о создании ВЧК — Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Совнарком постановил отстранять от должности без права на пенсию высших чиновников министерства финансов, Государственного банка и казначейства, если они не признают власти рабоче-крестьянского правительства.

В декабре ВЦИК принял декрет о национализации банков...

Победить без диктатуры пролетариата, без решительного натиска на старый мир невозможно. Только так — решительный натиск...

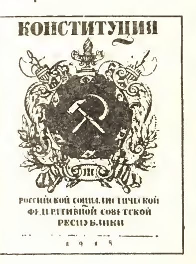
1917-й уходил в историю. Уходил в историю год, которому суждено было стать началом новой эры человечества.

Если нам удалось
в течение более чем года вынести
непомерные тяжести, которые падали
на узкий круг беззаветных революционеров,
если руководящие группы могли так твердо,
так быстро, так единодушно
решать труднейшие вопросы,
то это только потому,
что выдающееся место среди них
занимал такой исключительный,
талантливый организатор,
как Яков Михайлович.

В. И. ЛЕНИН

Часть шестая

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЦИК

Глава
тридцать вторая

Быть или не быть?..

Год 1918-й начинался в России трудно.

Еще в декабре послал Свердлов телеграмму в Центросибирь — Центральный исполнительный комитет Советов Сибири: «...Нам нужен хлеб. Легче всего его можно достать в Сибири. Для этого требуется, чтобы работа железных дорог ни на минуту не останавливалась... Задача эта — боевая...

Исполнение не затягивайте. Петроград, Москва, промышленные районы и фронт вступили в полосу голода».

Но не только голодом пытались враги задушить Советскую республику. Контрреволюция стремилась в этих целях использовать и Учредительное собрание, выборы в которое проходили еще до победы пролетарской революции. Соглашательские партии решили дать при открытии Учредительного собрания бой Советам. Еще бы, у них в руках, им казалось, был верный козырь: большевики, мол, прежде тоже были за Учредительное собрание, выставили при выборах свой список кандидатов.

Ленин, Центральный Комитет сразу же определили свое отношение к Учредительному собранию — да, в условиях буржуазной революции оно могло стать прогрессивной формой демократии. Но выбирали его в те дни, когда трудящиеся еще не осознали свою силу и право решать собственную судьбу. В составе Учредительного собрания оказались в большинстве представители мелкобуржуазных, соглашательских партий. Теперь идея Учредительного собрания уже стала вчерашним днем: власть перешла в руки Советов, в которых решающее слово было за рабочими, крестьянами и солдатами.

Часть населения еще питала иллюзии, верила в Учредительное собрание. Просто отменить его было невозможно.

В декабре 1917 года Свердлов от имени ВЦИК написал и разослал всем Советам, армейским и фронтовым комитетам письмо: «Лозунгу — вся власть Учредительно-

му собранию — Советы должны противопоставить лозунг — власть Советам, закрепление Советской республики».

Свой план открытия Учредительного собрания Свердлов представил на заседании ВЦИК 3 января 1918 года.

— При открытии каждого государственного представительного собрания правительство обращается к нему с изложением своей программы, и представитель Советской власти должен будет огласить соответствующую декларацию.

Тогда, на заседании ВЦИК, была принята написанная Лениным «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

Во всех газетах буржуазного толка на первых полосах жирным шрифтом набирались призывы передать всю власть Учредительному собранию. В этом лозунге легко было прочитать контрреволюционное — «Долой власть Советов!».

...5 января в зале заседаний Таврического дворца на трибуну поднялся благообразный старец с седой бородой. «Ах, хитрецы,— подумал Яков Михайлович,— подсунули старичка-боровичка. Ну нет, господа эсеры, этот номер не пройдет». И, убыстрив шаг, направился к трибуне.

Свердлов решительно отстранил старичка и занял его место.

Он не смотрел в сторону ковылявшего с трибуны Швецова, не слушал выкриков и воплей с правой стороны зала. Лишь усмехнулся — большевиков этим не удивишь.

Свердлов начал свою речь деловито и даже чуть суховато, буднично:

— Исполнительный Комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов поручил мне открыть заседание Учредительного собрания. ЦИК выражает надежду на полное признание Учредительным собранием всех декретов и постановлений Совета Народных Комиссаров.

Он не сомневался, что представители правых партий взметнутся от этих слов. Так, именно так и должно было быть.

Спокойно выждав, когда водворится тишина, Свердлов продолжал:

— От имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских и кре-

стьянских депутатов я предлагаю принять следующий текст декларации...

И, чуть повысив голос, торжественно и строго стал читать «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Были в ней слова и о рабочем контроле, и о демократическом мире между народами. И, конечно, о земле...

Каким-то уголком зрения Свердлов увидел сидящего в зале Владимира Ильича.

— Вся власть,— твердо произнес Яков Михайлович,— вся власть! должна принадлежать массам и их полномочному представителю — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!

В зале раздалось несколько голосов, но главные крикуны примолкли, хитровато улыбаясь. Мол, поживем — увидим...

Голосование показало, на что надеялась контрреволюция: большинство проголосовало против декларации.

Что ж, и это предвидели большевики. Недаром по предложению Ленина ВЦИК принял постановление о том, что всякая попытка присвоить себе те или иные функции власти будет рассматриваться как контрреволюционное действие и будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы.

Свердлов глазами снова разыскал Ленина. На коленях у Владимира Ильича был блокнот, и рука его быстро писала что-то. «По-моему,— подумал Свердлов,— это готовится приговор Учредительному собранию...»

По требованию большевиков был объявлен перерыв для обсуждения на совещании фракций сложившейся обстановки. На заседание Учредилки большевики уже не вернулись.

— Потерянный день,— сказал Владимир Ильич.— Точно история по ошибке повернула свои часы назад, и перед нами вместо января 1918 года оказался май или июнь 1917 года!

А в зале заседаний — какие вопли, какие речи, какая истерика! И все это слышали лишь матросы и солдаты, охранявшие помещение. И только под утро прозвучали слова матроса Анатолия Железнякова, прекратившего своим властным, как сама судьба, голосом эту говорильню:

— Караул устал... Прошу очистить помещение.

Через день ВЦИК принял декрет о роспуске Учредительного собрания.

А еще через несколько дней собрался третий Всероссийский съезд Советов. После того как Свердлов объявил его открытым, от имени революционных отрядов Петрограда с приветствием выступил матрос Анатолий Железняков, тот самый «матрос-партизан Железняк», о котором потом сложат песню. За ним поднялся на трибуну съезда американский коммунист Джон Рид, свидетель и страстный участник событий «десяти дней, которые потрясли мир». И будто наяву рабочие Норвегии, Швеции, Северо-Американских Соединенных Штатов, Англии по-братски пожимали руки каждому, кто находился сейчас в этом зале.

Когда почетными председателями съезда были избраны Владимир Ильич Ленин и Карл Либкнехт и в воздух взлетели матросские бескозырки, солдатские шапки и тысячи голосов запели «Интернационал», Якову Михайловичу казалось, что нет и не может быть в целом мире более стройного, слитного, мощного хора.

Словно в унисон этому могучему хору приветствий на весь мир прозвучали слова ленинской «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа»:

«1. Россия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.

2. Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик...»

Немецкий генерал Гофман сообщил в Питер телеграммой, что 18 февраля в 12 часов дня истекает срок перемирия и с этого момента войска кайзера начнут наступление.

Перемирие было завоевано неимоверными усилиями Ленина, большевиков. Оно пришло к измученной войной стране как результат одного из первых декретов Советской республики — Декрета о мире. Всем воюющим странам, всем народам предлагалось бороться за окончание империалистической войны, немедленно начать переговоры о мире.

Республике Советов необходимо было выйти из войны.

Ленин предупреждал, что предстоят трудные перего-

воры и за ними последует ужасный, быть может, позорный мир. Но иного выхода не было — страна разорена, голодала, хозяйство и транспорт пришли в упадок, о продолжении войны не могло быть и речи. Война означала бы гибель для Советской власти.

Накануне третьего съезда Советов ЦК собрал большевиков-делегатов. После сравнительно легкого завоевания Советской власти не только в Питере, но и в близких и отдаленных уголках страны некоторым казалось возможным «навалиться всем миром на империалистического врага» — не страшнее же он побежденного внутреннего — и одолеть его.

Нелепой, несовместимой с реальностью была и позиция Троцкого — войны не вести, мира не заключать. Выдвигая свой тезис, Троцкий скрестил на груди руки — оцените, мол, вдумайтесь, сколь мудра эта мысль — ни мира, ни войны.

— Я вам говорю — они не посмеют! — встряхивая шевелюрой, самонадеянно заявлял Троцкий.

— А если посмеют? — холодно спросил Свердлов.

— Мы сметем их с лица земли могучей волной революции! — воскликнул Бухарин, вторя Троцкому.

Ясно, что ни Троцкий, ни Бухарин, сторонники «левой» фразы и «революционной войны», не поддержат Ленина, не оценят его позицию как спасительную необходимость.

И голосование доказало это: за ленинскую позицию проголосовало всего лишь 15 человек из 63.

— Подумайте, Яков Михайлович, какая слепота,— говорил Ленин.— У этих «р-р-р-р-революционеров» ум за разум зашел, не иначе.

— Я верю, Владимир Ильич, что наступит отрезвление. Не может не наступить. Там же большинство — преданные и проверенные в борьбе большевики. Убежден, что многим будет стыдно за сегодняшний день. Конечно, нужно поработать, ведь не все сегодня присутствовали. Ничего, у нас есть еще время, мы с Аванесовым постараемся собрать всех.

Ленин пожал Свердлову руку и сказал:

— Отдохните хоть часок. А потом вместе будем действовать.

Через три дня сторонники «революционной войны» потерпели в Центральном Комитете поражение.

А спустя еще несколько дней в Брест-Литовск выехала советская делегация под председательством Троц-

кого для возобновления мирных переговоров с Германией.

Перед отъездом Троцкий пообещал Ленину выполнить решение ЦК — затягивать переговоры как можно дольше. Если же немцы предъявят ультиматум, тогда уж делать нечего — сдавать... Это значит подписывать мир, каким бы тяжелым он ни был. Троцкий заверил, что будет строго придерживаться этих установок.

Однако помнил о своем обещании недолго — ровно до ультиматума. Он объявил: подписывать договор не станет, но и вести войну Советская республика не будет. Вернулся в Петроград, настаивая на каком-то нелепом выжидании.

Немцы возобновили военные действия по всему фронту.

Наступление по всему фронту... Ленин и раньше не сомневался, что перемирие недолговечно и что главное в этих условиях — сформировать свою, надежную революционную армию. Еще в январе Совет Народных Комиссаров и ВЦИК приняли специальные декреты о создании Красной Армии и Флота. Это должны быть подлинно революционные отряды рабоче-крестьянских вооруженных сил, способные отстоять молодую Советскую республику. Но было ясно и другое — для создания новой армии нужно время, и его могло дать только перемирие, как можно более длительное...

Месяц после принятия декрета о создании Красной Армии и Флота, конечно, даром не прошел. Из питерских рабочих, распавшихся фронтовых частей создавались первые роты и полки. Но чем их вооружить, во что одеть и обуть? Как заставить работать на Красную Армию бывшее интендантство? Где взять хлеб для армии? Ведь даже пятидесятиграммовую норму и ту пришлось урезать — голод зловеще овладевал Питером.

Центральный Комитет направил в армию многих партийных работников, членов ВЦИК, старых, проверенных бойцов партии... Конечно, сделали они многое, и это скажется именно сейчас, когда немцы возобновили наступление. Но одним лишь первым формированиям Красной Армии не справиться с войском кайзера.

...Владимир Ильич настаивал на немедленном созыве заседания ЦК: нужны новые, решительные меры.

— Прошу вас, Яков Михайлович, независимо от исхода сегодняшнего заседания, пошлите в район Пскова надежных товарищей из числа военных, помогите

нашему главковерху Крыленко людьми. Пора обращаться к народу: социалистическое Отечество в опасности!

Заседание ЦК продолжалось недолго — чувствовалось, что даже «ультрареволюционеры» несколько обескуражены телеграммой — ультиматумом Гофмана Их расчет на то, что после перемирия наступление немецких войск психологически невозможно, рухнул.

Ленин был тверд и решителен — условия немецкого командования необходимо принимать!

Свердлов негромко говорит:

— Ждать невозможно! Да, товарищи, больше ждать нельзя, даже до завтрашнего утра. Решение нужно принимать немедленно.

Троцкий криво усмехнулся: Свердлов всегда со своим «немедленно».

— Именно немедленно. Если это решение сейчас будет принято, мы тут же должны собрать Совнарком и ВЦИК и направить телеграмму в Брест-Литовск — телеграмму со вздохом, но и согласием.

— Не вижу надобности торопиться,— твердил Троцкий.— Да, не вижу.

Но Свердлов уже чувствовал, что большинство склоняется на сторону Ленина и, обведя взглядом собравшихся, сказал:

— Зато другие видят. Мы не слепые. А для тех, кого подводят глаза, сегодня имеется веская причина к прозрению. Я и призываю вас к этому, товарищи члены Центрального Комитета.

...Радиограмма немецкому командованию гласила:

«...Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным, при создавшемся положении, заявить о своей готовности формально подписать тот мир, на тех условиях, которых требовало в Брест-Литовске германское правительство...»

ЦК решил мобилизовать все силы на оборону Петрограда, привлечь проверенных в октябрьских боях большевиков к организации этой обороны. Свердлов называл Владимиру Ильичу фамилии военных деятелей партии, надежных и оперативных,— Подвойского, Крыленко, Гусева, Урицкого...

— Пожалуй, не мешало бы привлечь к этому и знающего военного,— посоветовал Ленин.

— Уже, Владимир Ильич, я пригласил для беседы Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича. Этот генерал знает обстановку и военное дело.

— Что ж, согласен.

С наркомом по военно-морским делам Павлом Дыбенко Свердлов разговаривал отдельно. Матросу-балтийцу поручалось не только организовать оборону Питера с моря, но и направить под Нарву пешие отряды военных моряков.

Яков Михайлович так и сказал могучему бородатому «Илье Муромцу»:

— Помните, Павел Ефимович, ничто так не отрезвит немецкое командование, как хороший увесистый удар.

Один за другим отправлялись на фронт отряды Красной Армии. Яков Михайлович вышел на площадь перед Таврическим дворцом, чтобы сказать напутственную речь, подчеркнуть, как важно показать всему миру, что на смену прогнившей царской армии приходит армия новая, созидательная, армия рабочих и крестьян.

— Вас поведут в бой товарищи, не сынки из дворян и буржуазии, которым офицерские чины часто давались не по заслугам, не по таланту, а по наследству. Ваши командиры выстрадали свое право вести вас в бой. И я уверен — каждый из вас с честью постоит за нашу молодую республику!

Эти слова Свердлова слились с раскатистым «ура», с возгласами командиров, с твердым, уверенным шагом и песней, которая безбрежно разлилась по зимнему Петрограду.

Клавдия Тимофеевна пришла в Таврический по издательским делам: не хватало бумаги. «Прибою» предстояло увеличить выпуск брошюр для политической работы в Красной Армии, напечатать плакаты, издать стихи Демьяна Бедного.

Якова в эти дни она видела редко, хотя жили они тут же, в Таврическом дворце. Наладившийся было «распорядок» коммуны — вставать к восьми часам, завтракать, чтобы к девяти успеть на работу,— теперь соблюдать не удавалось. Если и приходили коммунары домой, то очень поздно. Обедали щами да кашей в столовке, завтракали тоненькими ломтиками хлеба с пустым чаем дома.

К Якову Михайловичу Клавдии попасть не удалось: шло заседание. И дома обстоятельно не поговоришь: приходит утомленным, молчаливым. Прошедшей ночью забежал домой, не сказав ни слова, разделся и тотчас уснул — Клавдия не успела даже чай разогреть. Утром они ушли вместе. Уже в дверях Яков Михайлович протянул ей какой-то листок:

— На, прочти.

— Что это? Прокламация?

— Читай, Кадя. А наши «левые» сомневаются, сможет ли кайзер наступать. Эту прокламацию Гофман разбросал по всей линии фронта сразу же после окончания перемирия. Довольно недвусмысленно написано.

Да, прокламация не оставляла сомнений по поводу истинных целей немецкого наступления. Здесь в России, говорилось в прокламации, зреет нарыв, который может распространиться по всей Европе, по всему миру.

— Вот что пугает Вильгельма, вот чем пугает он Антанту,— сказал Свердлов.

— Ну, Яков, это не ново. О том же говорил недавно принц Баварский.

— А Троцкий требует не торопиться. Надо торопиться, надо!.. И листовки, прокламации нам нужны наши, большевистские. Для наших бойцов — на русском языке, для кайзеровских — на немецком. Подумайте об этом вместе с Еленой Дмитриевной.

Книги, брошюры, листовки... Об этом целый день думала Клавдия Тимофеевна. А где взять бумагу?

Надо посоветоваться с Яковом. Пошли к нему. Но он как раз сейчас выступает на заседании ВЦИК.

Свердлов говорил внешне спокойно и невозмутимо:

— Конечно, каждый из вас, кто хоть сколько-нибудь следил за буржуазной и правой социалистической прессой за эти дни, мог ясно увидеть, как все эти «достойные» господа объединились в общем хоре ликования по части тех затруднений, которые выпали на долю Советской власти.

— Еще бы, гады — гады и есть! — выкрикнул кто-то.— Друг за друга держатся.

— Да, это несомненно,— согласился Свердлов.— Все эти элементы готовы сплотиться в единый блок для свержения Советской власти. Нашим ответом может быть только один...

Свердлов сделал паузу и повторил:

— Только одно — полное сплочение всех революционных рабочих, солдат и крестьян вокруг Советской власти.

Члены ВЦИК аплодировали этим словам.

— Нашим общим ответом может быть: Руки прочь, господа! Мы стоим на страже Советской власти и ни от одного из ее завоеваний не откажемся!

В заключение медленно, но уверенно, как само собой разумеющееся, сказал:

— Я позволю себе от имени президиума предложить: никаких прений сейчас не вести... Мы переживаем такое время, когда от слов нужно перейти к делу.

...Свердлов пришел домой опять поздно. Аванесов и Володарский уже спали.

— Есть будешь?

— Спасибо, Кадя.

— Сейчас разогрею. Каша вкусная, с маслом... Только, пожалуйста, не засни, как вчера.

Он молчал. Задремал? Нет, думал. В такие минуты Клавдия никогда не тревожила его, не отрывала от мыслей, ничем не нарушала тишины.

— Из Двинска — ни слова,— сказал наконец Яков.

На заре постучали:

— Яков Михайлович, телеграмма...

Это был ответ из Двинска.

Свердлов позвонил Ленину, не выпуская телеграммы из рук:

— Владимир Ильич, ответ получен. По-моему, нужно немедленно созвать ЦК.

— Созывайте, я иду... Плохо, Яков Михайлович?

— Очень.

— Все равно — это для нас не такая уж неожиданность. Будете докладывать Центральному Комитету.

Докладывать... Как говорить об этих грабительских условиях! Если те, прежние, условия казались ужасными, то эти... Уму непостижимо.

Опять тяжко придется Ленину на заседании ЦК, а решение, каким бы оно ни было, нужно утверждать на заседании ВЦИК. Но как поведут себя левые эсеры, до сих пор относившиеся к позиции Ленина сравнительно лояльно? Не взыграет ли в них ложный «патриотизм» — ведь условия действительно чудовищные.

Свердлов позвал Аванесова и коротко рассказал ему, что произошло.

— Варлам Александрович, нужно собрать всех боль-

шевиков — членов ВЦИК. Днем ли, к ночи ли — они должны прибыть в Таврический.

— Это невозможно, Яков Михайлович... Почти невозможно.

— Вот именно — почти. Знаю, одни на работе, других нет в Питере. И все-таки необходимо. Звоните по телефону, используйте телеграф, конных курьеров, автомобиль... Я просил список. Кто — где?

— У меня есть этот список.

— И вот еще что: пригласите на заседание фракции большевиков делегатов Петроградской партийной конференции. Не теряйте времени, Варлам Александрович.

Уже собирались члены ЦК, переговариваясь и поглядывая друг на друга. О чем-то говорят между собой Дзержинский и Урицкий, молча уселись у стола Сталин и Бубнов... Как они отреагируют на ужасную весть?

В дверях появился Владимир Ильич, сосредоточенный. Он подошел к Свердлову и произнес только одно слово:

— Прочитал.

Яков Михайлович развел руками — что поделаешь?

— Надо бы к заседанию ВЦИК, если это возможно, собрать побольше членов нашей фракции.

— Уже гонцы разосланы, и на заседание фракции приглашены делегаты Петроградской партконференции.

Ленин одобрительно кивнул. Конечно, конечно... Яков Михайлович организует все как надо.

Дзержинский внимательно слушает Якова Михайловича. Голос, покоряющий свердловский голос, все тот же, точно ничего не случилось. А ведь случилось... Только представить себе: Прибалтика, Белоруссия... И Белосток. И его родное Дзержиново. Все, все немцам... Он никогда не полагал, что эти названия так похожи на свист и разрывы снарядов — «Ка-а-рс», «Ар-р-р-даг-а-ан», «Бат-у-ум»... Феликс Эдмундович вскочил, прошелся по комнате и снова сел. Никто не остановил его, не пытался успокоить. Только Ленин переглянулся со Свердловым. А тот, склонив голову:

— По требованию немцев условия должны быть приняты в течение сорока восьми часов.

И объявил:

— Слово имеет товарищ Ленин.

Владимир Ильич провел ладонью по лицу, точно снял с него что-то лишнее, ненужное. Задумчивость, усталость? Может быть, и так...

— Товарищи!— начал он.— Мы вынуждены пройти через тяжкий мир. Мы примемся готовить серьезную революционную армию не фразами и возгласами, а организационной работой, делом. Политика революционной фразы окончена. Если эта политика будет теперь продолжаться, то я выхожу из правительства и из ЦК.

Свердлов не в силах был сдержать разбушевавшиеся страсти присутствующих. Слова «ультиматум», «революционная война», «позор» звучали то из одного угла комнаты, то из другого. Некоторые члены ЦК вскакивали с мест, размахивая руками.

Наконец Свердлов постучал карандашом и тем тихим, властным голосом, который действовал сильнее, чем окрик, сказал:

— Товарищи, следовало бы экономить время, а не устраивать здесь свалку. Не место и не время. Давайте уж по-деловому выслушаем товарищей.

Дзержинский тяжело, угрюмо молчит. Взволнован всегда спокойный и уравновешенный Урицкий. Он говорит:

— А я считаю, что, подписывая договор, мы бы вынесли уже сегодня смертный приговор не только себе, но и Советской власти. Да, да, немедленно, сегодня же мы стали бы живыми трупами!

Ломов-Оппоков бросает такие слова:

— Неслыханное вы предлагаете, Владимир Ильич! Я отказываюсь понимать.

Свердлов снова берет слово и полностью поддерживает Владимира Ильича.

Времени для ответа оставалось все меньше и меньше — Яков Михайлович уже физически ощущал, как оно уходит, как отстукивают часы неумолимые секунды. Пожалуй, только в тех памятных октябрьских заседаниях ЦК, когда решался вопрос о вооруженном восстании, он вот так же волновался.

— Кто за то, чтобы немедленно подписать мир? — спрашивает Свердлов.

И первым поднял руку за предложение Ленина.

— Кто против?

Ну конечно же, как и следовало ожидать, Бухарин, Ломов. Кто еще? Бубнов, Урицкий... Эх, как тебя занесло нынче, друг Урицкий!

— А Феликс?

— Воздержусь,— отвечает Дзержинский, крепко сцепив пальцы худых рук. Он не поднимает глаз и, ког-

да Свердлов объявляет заседание закрытым, резко встает из-за стола, выходит из комнаты, не сказав ни слова.

Только в три часа ночи началось заседание ВЦИК. Свердлову и Аванесову удалось все же собрать девяносто шесть большевиков.

— Сколько левых эсеров? — после утреннего заседания спросил Владимир Ильич.

— Девяносто три,— ответил Свердлов.

— М-да, а ведь еще меньшевики,— покачал головой Ленин.

— Наши еще должны подойти...

— Яков Михайлович, я очень вас прошу, все что можно, даже все, что немыслимо в другое время... Люди к ночи возвращаются домой. Подымайте с постелей, мобилизуйте весь аппарат ВЦИКа, всех членов ЦК, каждого, кто может быть полезен в таком деле. Это невероятно важно...

За окном мела метель. Яков Михайлович подошел к мрачному стеклу — и ему показалось, что там, за окном, не так уж темно. Белые полосы снега медленно кружились вокруг уличного фонаря, а под самым фонарем стоял матрос с перекрещенными патронными лентами, с винтовкой в руках. «Франт,— подумал Яков Михайлович о моряке.— Холодно, а с бескозыркой не расстается. Небось уши отморозил. Кто-то идет... Наверно, Варлам Александрович. Ах, как хорошо выйти хоть на несколько минут! А что? Это идея...»

Свердлов выбегает без пальто и без шапки, и сразу же набрасывается на него снежная круговерть. Он вдыхает свежий воздух вместе с этими пушинками, летящими в этой северной темноте петроградской ночи.

— Простынете, товарищ. Холодно ведь,— сочувственно говорит матрос.

«Волжанин. Может, нижегородец... Ишь, как окает».

— Спасибо. Устал.

— Известно дело. Про Советскую власть решается — быть ей или не быть.

«Ишь, Гамлет,— быть или не быть. А ведь он прав, ничего не скажешь».

— Яков Михайлович, что вы, что вы...

Это Аванесов.

— Ничего, ничего, Варлам Александрович. Все в порядке.

И — к матросу:

— Вы сказали, товарищ: быть или не быть? Быть! Обязательно быть!

И далось же ему это слово. Никак не мог от него избавиться, и когда открывал заседание ВЦИК, и когда предложил дать докладчику от Совета Народных Комиссаров товарищу Ленину 15 минут, ораторам от фракций — по 10.

В связи с тем что времени все меньше и меньше...

В связи с чрезвычайными обстоятельствами...

«Быть!»

И вот говорит Ленин — как все просто и убедительно, как все ясно и неизбежно. Неужели с этим можно не согласиться?

Дзержинский... Он сидит, скрестив руки на груди,— на лице уже нет утренней мрачности.

Свердлову передают записку. Это от Аванесова: большевиков — 126. Молодец, Варлам...

А Ленин продолжает:

— После 25 октября мы стали оборонцами, мы за защиту Отечества...

Твердая, исполненная логики и достоинства речь Владимира Ильича несколько успокоила Свердлова.

На трибуну один за другим поднимались руководители фракций. Юлий Мартов призывает умереть, как умерла Парижская коммуна. Трясет своей красивой шевелюрой анархист Ге, грозит проклятьем народа правый эсер Лихач. Свердлов ожидал выступления представителя левых эсеров — ведь когда речь шла о первом ультиматуме немцев, левые эсеры голосовали за Ленина.

И вот от них — Камков. Он подавлен и печален. Глухо говорит о том, что ВЦИК не вправе поступаться революционной честью и достоинством и что гнев и возмущение, вызванные условиями немцев, падут на головы тех, кто подпишет такой гибельный для страны договор.

Но что бы они ни говорили, было ясно: никто — ни меньшевики, ни левые эсеры не взяли бы на себя сейчас ответственности за судьбу России.

Уже на рассвете Свердлов объявил итоги голосования: за мир — 116 человек, против — 85. 26 членов ВЦИК воздержались.

Это победа. Осталась жить Советская власть! Выстояла против революционной фразы в эту долгую, нескончаемо долгую ночь с 23 на 24 февраля.

Нет, борьба еще не закончилась, она еще будет продолжаться на седьмом съезде партии, явно и скрытно, но в эту ночь Ленин получил право подписать постановление Совета Народных Комиссаров о принятии германских условий мира.

«Согласно решению, принятому Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 24 февраля в $4^1/_2$ часа ночи, Совет Народных Комиссаров постановил условия мира, предложенные германским правительством, принять и выслать делегацию в Брест-Литовск.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)»

Глава тридцать третья Москва, 1918-й

«Вчера со специальным поездом прибыли из Петрограда в Москву члены Совета Народных Комиссаров, в том числе Вл. Ульянов (Ленин)...»

Яков Михайлович приехал в Москву днем раньше и обосновался в гостинице «Националь». В ожидании Владимира Ильича распорядился приготовить для него номер с табличкой 107 — рядом со своим...

Несколько раз бывал Яков Михайлович в Москве. В 1905 году на митинге в саду «Аквариум» товарищ Андрей произнес речь и передал привет москвичам от рабочих Екатеринбурга. Помнит он и другую Москву, тихую, словно втянувшую в плечи голову,— Москву 1909 года. Жандармские ищейки рыскали по городу в поисках большевистских лидеров — и как же был счастлив офицер отдельного корпуса жандармов доложить начальству, что под именем И. И. Смирнова на заседании Московского комитета партии большевиков арестован Яков Свердлов и заключен под стражу в Арбатском полицейском доме...

Яков Михайлович помнил Москву 1910 года — после побега из Нарыма. Приехал он сюда вместе с Клавдией. Не так уж часто им доводилось быть вместе, чтобы забыть эти счастливые дни. Да и не умел Яков забывать.

И хотя царская охранка тогда в поисках Свердлова сбилась с ног, хотя Клавдия в течение дня ходила по всем известным ей адресам, но связи найти не могла, они были счастливы: вместе ходили по Москве, побывали в Третьяковке, в театрах, смотрели в Художественном «На дне» Горького...

Вопрос о переводе столицы в Москву был решен сравнительно недавно. Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, генерал, брат управляющего делами Совнаркома Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, представил Ленину рапорт с обоснованием необходимости перенести столицу к центру России, подальше от фронтовых линий, от моря. На этом рапорте Владимир Ильич и написал о своем согласии, а на закрытом заседании Совета Народных Комиссаров изложил свою точку зрения по этому поводу, и члены правительства единодушно согласились с ним. Там же, в Питере, предварительно договорились, что Совнарком и ВЦИК разместятся в Кремле.

И полетела по стране телеграмма: «...Всем Советам, городским, уездным и губернским, и всем, всем, всем...» Она предписывала: «...всю почту, телеграммы и прочее присылать в Москву Совету Народных Комиссаров». Эту телеграмму подписали Ленин и Бонч-Бруевич. Извещение о переезде в Москву правительства и ВЦИК было послано также во все крупнейшие столицы мира. В Париже и Лондоне, Вашингтоне и Берлине, Риме и Мадриде, Белграде и Токио рядом со словом «Россия» появился новый адрес: «Москва, Кремль».

Секретарь ВЦИК Аванесов внешне был даже похож на Свердлова — тоже небольшого роста, тоже в пенсне. И вместе с тем — полная противоположность. Они словно дополняли, уравновешивали друг друга. Яков Михайлович — шумный, бурнопламенный, в каждом движении — энергия, темперамент. Аванесов, напротив, разговаривает тихо, будто стесняется.

Живет Варлам Александрович нелегко — семья его до сих пор вне России. Клавдия Тимофеевна не раз видела, как он брал на руки Веруньку и молча гладил по головке. В такие минуты, казалось, что его мысли далеко, очень далеко... Словно видит он перед собой свою маленькую дочурку.

Она рассказала об этом Якову, и он задумчиво сказал:

— Да, Варлам, несомненно, тонкой организации человек. Но ты, Кадя, помнишь, как он вел себя на Втором съезде Советов? Только избрали большевистский президиум, Варлам с такой решительностью отобрал председательский колокольчик у Дана, что я даже расхохотался. Вот так. Скромен в быту. А в работе — ему любое дело можно доверить. Тут он и огненный, и неутомимый.

Вот и сейчас, когда необходимо было быстро подобрать рабочие помещения для Совета Народных Комиссаров и ВЦИК, Свердлов отправился в Кремль вместе с Варламом Александровичем. Пошла с ними и Клавдия Тимофеевна.

Вошли через Троицкие ворота. Клавдия видела, с каким вниманием Свердлов осматривал Кремль. Улицы аккуратно вымощены булыжником. Только у Большого Кремлевского дворца площадь уложена деревянным торцом.

Кто-то из московских товарищей сказал:

— В этом здании и разместитесь.

Свердлов посмотрел на щедрую роскошь Большого Кремлевского дворца, на золотую роспись стен, на огромные хрустальные люстры, похожие на застывшие солнечные блики.

— Здесь, учреждение? Нет! Великолепный тут музей будет для народа. Может, не сейчас, но со временем будет обязательно!

Они продолжали осмотр Кремля.

— А это что такое?

— Здание Судебных установлений.

— Пойдем сюда.

Здание понравилось компактностью и строгостью, удобным расположением комнат. Решили, что лучше всего разместить в левом крыле, на третьем этаже, Совнарком, а на втором, в центре,— ВЦИК.

— Теперь о квартире Владимира Ильича! Есть ли тут что-нибудь удобное поблизости? — спросил Яков Михайлович.

— Видите ли,— замялся представитель Московского Совета.

— Что? Есть, но не роскошно?

— Не то чтобы... Просто нужен ремонт.

— Показывайте.

«Да, это устроит Ильича. Удобно и недалеко. А ремонт сделаем»,— решил Свердлов.

— Распорядитесь, пожалуйста,— сказал он Аванесову,— как можно скорее отремонтировать квартиру для Владимира Ильича.

Свердлов шел по Кремлю легко и свободно. Мимо проходили, смиренно опустив головы, монахи из Чудова монастыря, какие-то мужчины в лакейских ливреях с гордо поднятыми головами, точно не ливреи были на них, а генеральские мундиры...

— Комендантом Кремля,— произнес Свердлов,— будет Павел Дмитриевич Мальков. Он уже имеет опыт по Смольному. Уверен, что и здесь наведет порядок.

И не сразу можно было понять, к чему относится слово «порядок» — к лакеям ли, к монахам... А может быть, Яков Михайлович имел в виду неуместную в резиденции Советского правительства фигуру царя Александра Второго...

Словом, дел у Малькова будет немало.

...Владимир Ильич поехал в Кремль вместе с Надеждой Константиновной и Яковом Михайловичем. Ленин одобрил выбор Свердлова — разумеется, здание Судебных установлений гораздо удобнее для работы, чем Большой Кремлевский дворец.

Позже было решено, что председатель ВЦИК должен иметь приемную вне Кремля, в таком месте, куда вход был бы без пропусков.

Для такой приемной Яков Михайлович выбрал номер в гостинице «Метрополь» — Втором доме Советов. Мягкие, крытые парчой диван и кресла, изогнутые ножки стульев и массивный круглый стол посередине представляли типичную обстановку фешенебельного отеля.

— Эту гостиничную обстановку выбросьте, пожалуйста, замените на рабочую,— распорядился Свердлов.— Стол отыщите попроще да поудобнее, поставьте обычные стулья. Чтоб посетителю было как можно спокойнее.

В день приезда Ленина Яков Михайлович попросил его выступить в Политехническом музее.

— Там пленум Московского Совета решает дела важнейшие, в том числе и продовольственные. Ваше выступление, Владимир Ильич, было бы крайне желательно.

— Яков Михайлович, не следует меня убеждать. Нужно — значит, выступлю. Буду говорить о годовщине Февральской революции. Только уехать мне придется тотчас после выступления — я пообещал Пятницкому быть на митинге в Лефортовском манеже.

В шесть — Политехнический, в восемь — Лефортово. И это в первый же день в Москве...

— Владимир Ильич, а может быть, отложим встречу с Моссоветом?

— Сделаем так, как решили. К полуночи вернусь домой, так что времени для отдыха предостаточно.

Вечером Свердлов постучался к Владимиру Ильичу. Открыла Надежда Константиновна.

— Я думала, это Владимир Ильич... Уехал в Лефортовский манеж, и вот до сих пор нет. А ведь ему еще предстоит бессонная ночь — завтра выступление на заседании большевистской фракции съезда Советов. Впрочем, что я вам рассказываю.

— Не волнуйтесь, Надежда Константиновна. Сейчас я попытаюсь все выяснить.

Свердлов позвонил по телефону в Лефортово — оттуда сообщили, что Ленин и Пятницкий уже выехали.

— Давно ли?

— Порядочно... Встречайте.

Свердлов вышел на улицу. Мелкие домишки и лавчонки Охотного ряда притаились в полуночном мраке. Лениво раскинулась неуклюжая церковь Параскевы Пятницы. Где-то звенели вечерние трамваи, а из охотнорядских лавок несло квашеной капустой и всякими пряностями.

У входа в Первый дом Советов — так называли тогда «Националь» — стоял вооруженный рабочий с красной повязкой на рукаве. Яков Михайлович поздоровался.

— Не видели автомобиля товарища Ленина?

— Нет, товарищ Свердлов. Два часа стою — не было.

— И ничего подозрительного?

— Как сказать... Какие-то выстрелы гремели там, за Пятницей. За церковью, значит.

— Когда?

— Да уж час, пожалуй.

Свердлов не успел еще выйти на Тверскую, как подъехал автомобиль, из него вышел Владимир Ильич. Он прощался с группой вооруженных людей.

— Что случилось? — спросил Яков Михайлович у комиссара Городского района, и тот рассказал.

...Ленин возвращался из Лефортово, когда вдруг перед автомобилем вырос вооруженный патруль.

— Стой!

Кто-то сбросил с плеча винтовку, и тишину московской ночи гулко рассекли несколько выстрелов, перемежавшихся щелканьем затвора.

— Вылазь, буржуазия! — услышал Владимир Ильич. Шофер выскочил из машины и направился к патрулю.

— Осади,— остановил его стрелявший и открыл дверцу автомобиля.— Пожалуйста, проверяйте, товарищ комиссар.

— Кто такие? — спросил человек в матросском бушлате с маузером через плечо и гранатой на поясе.

— Я председатель Совета Народных Комиссаров Ульянов-Ленин. А это мой товарищ.— Он указал на Пятницкого.

— Ленин? — комиссар почесал затылок.— Может, и так, а может, не так. Поехали к коменданту — там разберемся. В лицо я, вот беда, Ленина не знаю, не взыщите...

— Что ж, приказ есть приказ,— согласился Владимир Ильич.

Комендатура размещалась в бывшем здании Благородного собрания — у самой Театральной площади. Ленин на минуту остановился у колонн — они были изрешечены пулями.

— Кто же это? — спросил он.

— Кто стрелял? Да всякие... И наши, конечно.

Пока комиссар звонил коменданту Кремля, Владимир Ильич разговаривал с патрульными. Да, не сладко им нынче живется в Москве.

— Зато там, в Замоскворечье,— горько сказал бородатый патрульный,— купчишки и наливки распивают, и севрюжиной заедают. У них нынче масленица...

— У русского народа есть хорошая пословица: «Не все коту масленица»... Ведь прежде вы в это самое Благородное собрание и ногой ступить не смели. А теперь — хозяева... И охотнорядскую клоаку отсюда выбросим, а по улицам и площадям разведем сады и парки. И здесь, на площади, поставим памятник великим учителям рабочих всего мира — Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу.

— Товарищ Ленин, а вы-то сами Карла Маркса видели?

— Нет, дорогой товарищ, не видел. Не пришлось — он умер, когда мне было всего тринадцать лет.

— Жалко,— искренне огорчился патрульный.

— Жалко,— согласился Владимир Ильич.

Беседу прервал комиссар.

— Товарищ Ленин, к телефону вас,— виновато сказал он.

Владимир Ильич взял трубку.

— Слушаю. Да, я... За что? Не вздумайте никого наказывать. Они все сделали правильно...

Ленин положил трубку и подошел к патрульным.

— Спасибо, товарищи. За вашу революционную бдительность. За то, что честно выполняете свой долг перед пролетариатом, перед Советской республикой.

Попрощавшись с каждым за руку, Ленин вышел из колонного здания.

— И эти колонны восстановим,— словно продолжая разговор с патрульным, сказал он.

Комиссар подошел к шоферу и что-то прошептал ему. Тот согласно кивнул.

Машина ехала медленно.

— В чем дело? — спросил Владимир Ильич.

— Не велено спешить,— отвечал улыбаясь шофер.— Патрули желают сопровождать вас до Первого дома Советов.

— Вот как некрасиво получилось, товарищ Свердлов,— сокрушался комиссар.— Ленина не узнал. Стыд и позор.

— Никакого стыда, а тем более позора,— услышав слова комиссара, сказал Ленин.— Яков Михайлович, дорогой, я надеюсь, обо всем случившемся никому ни слова, особенно Надежде Константиновне.

Он вернулся к машине и попросил шофера отвезти Пятницкого домой.

Через несколько дней Надежда Константиновна, угощая Владимира Ильича и Якова Михайловича чаем, словно нечаянно положила на стол номер петроградской «Красной газеты». Свердлов сразу же обратил внимание на заголовок «Задержание тов. Ленина».

«Поздно ночью, 12 марта, патруль красноармейцев под командой комиссара Городского района задержал автомобиль. При задержании патруль для острастки произвел несколько выстрелов в воздух.

Один из седоков заявил, что он председатель Совета Народных Комиссаров Ленин.

Комиссар заявил, что Ленина лично не знает, и предложил задержанному отправиться для выяснения личности в Благородное собрание.

Там недоразумение выяснилось.

Отпуская патруль, Ленин благодарил солдат за революционную службу».

Надежда Константиновна стояла поодаль и наблюдала. Владимир Ильич и Яков Михайлович подняли головы, увидели непроницаемое лицо Крупской — и все дружно расхохотались.

В день, когда ВЦИК уезжал в Москву, Григорию Ростовцеву взгрустнулось. Сколько раз встречались и расставались они до Октября с Яковом Михайловичем...

Свердлов пообещал Григорию перед отъездом в Москву непременно побывать у него на свадьбе, хотя представить себе не мог, как же ему удастся выкроить для этого хотя бы часок.

Выкроил. Он приехал к Потапычу, когда все уже были в сборе. Катя, на правах хозяйки, пыталась помочь Свердлову раздеться, но Яков Михайлович осторожно отстранил ее:

— Что вы, Катенька, я ведь еще совсем не старый. Вот только устал дьявольски. Это ваши сыновья, Дмитрий Потапыч?.. Так, помню. Насколько мне известно, они представляют в вашей семье некоторые не очень популярные фракции. Ну да ничего, мы, большевики, к этому привыкли. Давайте-ка поздравим молодых.

Понимая, что именно от него ожидают первого слова, сказал:

— Мне часто приходится произносить речи. А вот свадебных как-то не доводилось. Одно могу сказать — в трудное, но хорошее время начинаете вы свою совместную жизнь. У нас с Клавдией Тимофеевной было иначе. Тогда, в пятом году, товарищи наши только освободились из тюрьмы, и жили мы, что называется, коммуной на окраине Екатеринбурга, в поселке Верх-Исетского завода. Знали, что придется скоро расстаться: нас, революционеров, снова ждали тюрьмы, ссылки. И никто не ведал, когда это случится — завтра, через неделю, через месяц...

Катя смотрела на Свердлова во все глаза.

— Рассказывайте, Яков Михайлович...

— Было это не так уж давно, всего двенадцать лет тому назад, а кажется — прошла вечность... Да, собственно говоря, так оно и есть, ведь за это время успела начаться новая история человечества. А с Гришей, которого мы все сегодня именуем женихом, я знаком давненько. Что я могу сказать о нем? Всякое пришлось пережить. Сидели вместе в тюрьме, повидали Нарымский

край. И не утратили самого главного. Конечно, на спокойную жизнь с этим непоседой не рассчитывайте. Вот и сейчас доверили Григорию важное дело.

Потапыч тревожно поглядел на Свердлова.

— Да,— продолжал тот.— Много еще нечисти по нашей земле ходит — контрреволюционеров, саботажников. Мы создали Всероссийскую чрезвычайную комиссию, и в ней будут работать надежные люди. Они пощады врагам не дадут. Так, товарищ Ростовцев?

— Так, Яков Михайлович!

— Ну-с, Катюша, не слишком я тут жениха расписал?

— Что вы, Яков Михайлович. Я ведь знаю, за кого выхожу замуж.

— Вот и умница. Такие, как Григорий, никогда не подводят. Я за него перед кем угодно поручусь. Давайте же поздравим наших молодых, нашу большевистскую чету...

Вот уже второй раз предстоит Свердлову открыть съезд Советов — высший орган государственной власти молодой республики. События, заставившие срочно созывать Четвертый съезд, теперь уже в Москве, были слишком важными для судеб революции, для судеб Советской республики. Подписание мирного договора с Германией было главным источником разногласий в партии и правительстве.

— Настоящий съезд открывается Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом как съезд чрезвычайный...— сказал Свердлов.

Он смотрел в зал — сидят москвичи и петроградцы, сидят делегаты из провинции, сидят его товарищи из Нижнего и Ярославля, с Урала и Сибири.

— Указывая на то огромное значение, которое предстоит работам нашего съезда, я позволю себе от имени Центрального Исполнительного Комитета приветствовать настоящий съезд и положить к его стопам все те полномочия, которые были даны нам до сих пор, с тем чтобы съезд решил, правильно или нет мы вели ту политику, которую нужно вести. Съезд должен сказать — прав или не прав Исполнительный Комитет, решая подписать мирный договор. Этот вопрос, вопрос основной, должен будет занять внимание настоящего съезда...

С докладом о мире выступил Владимир Ильич. Ленинскую позицию уже одобрил состоявшийся накануне отъезда правительства в Москву Седьмой экстренный

съезд партии. Теперь свое отношение к договору должен высказать высший орган власти.

Но отношение это уже было видно по тому, как бурно аплодировали делегаты Владимиру Ильичу во время его доклада. В перерывах подходили к Свердлову люди, которых он знал или видел впервые, и рассказывали о том, что происходит сейчас в Красноярске и Нижнем, в Саратове и Самаре...

...Всю ночь заседал Совнарком... В Москве и Питере хлеба осталось не более чем на полутора суток. Конечно, во все концы России уже посланы уполномоченные, агитаторы, отряды ВЦИК. Особенно на юг. Но ведь пройдет немало времени, прежде чем прибудет хлеб из дальних губерний. А что делать завтра? Владимир Ильич предложил немедленно отправить уполномоченных в близлежащие районы — Тулу, Рязань, Калугу, Тверь... Ленин так и сказал: подобрать людей смелых и решительных.

Яков Михайлович шел по двору Кремля. Раннее утро одарило весенней свежестью, пришедшей с апрельскими дождями. Стояла спокойная, ничем не порушенная тишина. Погулять бы, надышаться бы этой благодатью. Но нет, надо хоть часок-другой вздремнуть. Утром договорились встретиться с Александром Дмитриевичем Цюрупой, наркомом продовольствия. Нужно срочно инструктировать людей, направляющихся на хлебный фронт. Да, на хлебный фронт — именно так сказал Владимир Ильич.

— Доброе утро, Яков Михайлович! А сегодня дождя не будет — вон какое небо чистое!

Это — Панюшкин. По старой матросской привычке каждое утро в любую погоду выходит «заправляться кислородом», как он говорит.

— Здравствуйте, Василий Лукич! — приветствует его Свердлов.— Вот вы мне как раз и нужны. Очень нужны. Говорите, что небо чистое? А я с вами не согласен.

— Да вы взгляните, Яков Михайлович!

— Некогда нам, дорогой товарищ, в небо смотреть. Есть дела на земле посложнее да посрочнее. Вот одно из таких дел мы вам и поручим.

Панюшкин подтянулся:

— Готов выехать на любой участок фронта!

— Не торопитесь. Выслушайте меня внимательно. Вам предстоит ехать в Тулу. Необходимо привезти оттуда хлеб. Да, Василий Лукич, именно хлеб. Вам выпал трудный район — в тех местах много банд, так что задание по-настоящему боевое. Тамошние мироеды с большей

охотой сгноили бы хлеб, чем отдали революционному пролетариату.

— Это понятно.

— Настраивайтесь на худшее. Контрреволюция действует не только в деревне, но и в городе. Там даже готовили восстание. Хлеб, конечно, только повод, чтобы разжечь страсти против Советов. Стреляют в наших людей, подло, из-за угла. Так что дело нелегкое. Но чрезвычайно важное. Опирайтесь на рабочих, на бедняков. Мы пошлем с вами группу испытанных агитаторов, лекторов. Завтра... Впрочем, уже сегодня к десяти часам приходите к Цюрупе. Я буду там... Договорились?

— Есть! — по-военному отрапортовал Панюшкин.

— Вот и отлично... Не слишком ли мрачную картину я вам нарисовал?

— Да нет, что вы, Яков Михайлович! Мы революцию совершили...

— Вот именно. Неужели дадим голоду победить ее? А насчет неба, между прочим, вы абсолютно правы. Великолепное небо. Как у Чехова сказано? Небо в алмазах...

Глава тридцать четвертая

В родном городе

Вот он и на Большой Покровке. Хотя была ночь и одинокие фонари светили плохо, он узнавал ее, эту улицу. Дома, казавшиеся в детстве колоссальными, стены нижегородского кремля. Эх, выбрать бы днем минутку, сбегать на откос, скатиться, как в детстве, по пушистому, еще не потерявшему нарядности снегу.

Сейчас он увидит детей. Ничего, что спят. Разбудит. И отца... Жаль, что нет здесь Володи Лубоцкого... Свердлов долго считал Володю погибшим, пока не узнал, что тот интернирован немцами. Какой он теперь, Володя, то бишь Владимир Михайлович? Помнит ли их ребячью клятву?

Вот и дом, где родился и рос. Дом... Яков Михайлович удивленно посмотрел на вывеску «Граверная мастерская». Сейчас в мастерской никого нет: семья живет во флигеле. Но, странное дело, не флигель, не чердак,

где Яков хранил книги и листовки, запомнились ему, а именно теснота в мастерской, висячая керосиновая лампа, часы, которые всегда старательно заводил отец.

Дверь открыла Мария Александровна. Яков Михайлович хорошо знает вторую жену отца, женщину заботливую и душевную. Она искренне обрадовалась, увидев Якова.

— Здравствуйте. Все здоровы?

— Слава богу. Заходите, Яша...

— Спасибо. Ребята спят?

Не раздумывая, он быстрым шагом пошел в комнату, где спали дети. Сонных вытащил из постели, прижал их к себе...

Яков смотрел на отца... Постарел. Сколько ему? Перевалило за шестьдесят...

— Яшенька, сынок! Я знал, что ты приедешь. Это же такая радость!

— Не надо, отец.

— Надо! Надо... Скажи, сын, за что мне такое счастье? Только не перебивай. Я должен тебе это сказать. Так вот. Пока ты скитался по тюрьмам и ссылкам, я, конечно, страдал — за что это моему Яшеньке? Но был уверен — ты плохого не сделаешь. Если мой Яша считает, что нужна революция,— значит, она нужна. И мне казалось, что ты отвечаешь за себя, думаешь за себя. А теперь, Яшенька, я почему-то беспокоюсь еще больше, на тебе такая ответственность! Такая ответственность!..

Помолчав, отец перевел разговор:

— Тебя встретили на вокзале?

— Встречали, папа.

— На автомобиле?

Сын улыбнулся нотке тщеславия в голосе отца:

— На автомобиле.

— А как же! — гордо заметил отец.

Он задумался о чем-то своем, потом спросил:

— Надолго?

— Нет, один день, не более. Извини, папа. У меня здесь дела. Ну и попутно детей заберу.

— Детей? А куда ты их заберешь? Скажи честно, у тебя хоть есть квартира?

— Конечно, папа, две комнаты в Кремле.

— Ну что ж,— рассудил отец,— две комнаты — это уже неплохо. Хоть есть где покушать и где поспать. А как дети будут питаться? Они очень соскучились по тебе и Клавдии.

...Яков Михайлович выступил на собрании актива Нижегородской организации РКП(б). Он коснулся итогов Седьмого съезда партии — первого съезда после революции.

— Нам пришлось,— рассказывал Свердлов нижегородскому партийному активу,— ограничиться самым главным — отчетом ЦК, вопросом о войне и мире, пересмотром Программы и наименования партии.

Да, время требовало, время диктовало. Отчет ЦК фактически и был докладом о войне и мире.

...Свердлов, открывая съезд, предвидел, что «левые коммунисты», Троцкий попытаются дать бой Ленину. Так оно и было.

Яков Михайлович выступил с организационным отчетом. Рассказал, как выросла партия после Шестого съезда.

Он говорил о тех организационных трудностях, которые пережила и продолжает переживать партия. Не хватает денег... Возглавляя Секретариат ЦК, Свердлов считал своим долгом отчитаться за каждый партийный рубль. Поставил он в своем докладе и вопрос о необходимости создать, наряду с рабочими, крестьянские организации. Это вызвано огромным ростом членов партии из крестьян.

Но главным вопросом на съезде был вопрос о мире.

Свердлов говорил на съезде и повторил здесь, перед своими земляками:

— Мы должны готовиться к дальнейшим битвам, должны заняться организационной работой действительного строительства — строительства всех сил, которые окажутся не на словах, а на деле способными вести революционную войну. Теперь перед нашей партией станет целый ряд новых грандиозных задач, и все эти задачи можно охарактеризовать в нескольких словах: организация ударных отрядов, формирование их, создание такой революционной силы, которую можно было бы бросить против всякой контрреволюции.

Обращаясь к нижегородцам, Свердлов далее сказал:

— Товарищи! Ленин предупреждает нас: противники мира не угомонились. Потерпев поражение на съезде, в Москве, Питере, оппозиция хочет распространить свое влияние на другие области России. Тогда произойдет самое нежелательное — нарушится единство партии, ее сплоченность вокруг ЦК и товарища Ленина. Я верю, что Нижегородская организация Российской Комму-

нистической партии большевиков не допустит подобного.

И затем:

— Мы пережили трудные дни. Это был хаос, настоящий хаос, потому что не было реальных сил, которые могли бы остановить наступление немцев. Исходя из этого, у нас был один выход, и мы его приняли...

— Не больно хороший мир,— раздался чей-то голос.

— Верно... Мы и тогда, и сейчас на этот счет не обольщаемся. Мы отчетливо знаем, что этот мир — лишь временная передышка...

— А дальше что?

— А дальше вот что — не ревизовать принятые решения, а готовиться к войне.

— Вот видите.

— Вижу. Но именно — готовиться. Война неизбежна, и мы должны напрячь все силы к обороне страны и к организации всех активных сил. Центр во главе с Лениным решил взяться за построение боеспособной армии. Поэтому мы сейчас берем на службу многих старых слуг царизма.

Вот-вот, именно такой реакции он и ожидал:

— Рабочим не доверяете?

— Большевиков мало, что ли?

— Спокойно, товарищи! Для того чтобы быть во всеоружии современной войны, нам нужны специалисты, но своих у нас нет, и мы решили брать специалистов из другого лагеря.

— Заведомых предателей!

— Ну зачем же так? Во-первых, не все предатели. Во-вторых, мы обставляем военспецов строгим контролем. Любая попытка измены делу народа — и неминуемый расстрел...

Свердлов выдержал паузу — в зале царила тишина, словно люди решали, доверять царским специалистам или не доверять.

Яков Михайлович и сам понимал, что дело это не простое. Армия нужна, это ясно... Владимир Ильич и на Седьмом съезде партии, и на собравшемся сразу вслед за ним Четвертом съезде Советов говорил о необходимости готовиться к революционной войне, о рабоче-крестьянской армии, способной отстоять Советскую республику. Как создать ее, боевую, современную? Несомненно, в ходе боев появятся и опыт, и умение воевать. Но пока...

— Пока мы должны немедленно приступить к созданию штабов, к организации боевых сил,— заявил Свердлов.

Ему аплодировали долго и бурно, он слышал возгласы «Да здравствует Ленин!», и это было очень важно — ощутить здесь, в Нижегородском рабочем крае, единодушную поддержку партийного актива. Конечно, работа предстоит нелегкая, и они все понимают, что много еще будет неясных, трудных вопросов. Но пусть всегда с ними будет этот лозунг — «Да здравствует Ленин!»

Из газетного отчета:

«Вчера в Нижний приезжал председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета т. Свердлов. В его присутствии происходило собрание активных работников Нижегородской организации Коммунистической партии большевиков. Вчера вечером т. Свердлов выехал в Москву».

Глава тридцать пятая

В одной из комнат «Метрополя»

В кабинете председателя ВЦИК висела большая, почти в полстены, карта России. Сжимались на ней синие значки все дальше и дальше, тесня красные флажочки. Свердлов завешивал эту карту сатиновой занавеской, но мысленно он представлял себе ее всю — от первого флажка до последнего.

Гражданская война разгоралась на юге, когда столкнулись первые революционные отряды с Калединым и Центральной радой, когда нарушил свое клятвенное обязательство никогда не бороться против Советской власти генерал Краснов, а Деникин и Алексеев подняли Дон. Конечно же, Центральный Комитет партии направил на организацию отпора врагу многих видных партийных деятелей. Сталин и Ворошилов, Куйбышев и Фрунзе, Киров и Орджоникидзе, Бубнов и Гусев получили ответственные задания партии по организации революционных армий и фронтов.

К строительству армии были привлечены старые военспецы. Военным руководителем Высшего военного

совета был назначен Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич. Он представил Ленину видных русских генералов и офицеров, пожелавших разделить с народом его трудный путь.

— Не все они приняли Советскую власть,— честно признавал Михаил Дмитриевич,— но Россию, народ свой они любят и ни на какие авантюры не пойдут.

Владимир Ильич, Яков Михайлович вместе с другими членами ЦК и Реввоенсовета республики внимательно изучали предложения Бонч-Бруевича. Потапов, Вацетис, Сытин, Егорьев... Им предстояло не только готовить кадры новых, красных командиров, но и самим командовать фронтами и армиями.

— В Нижнем у меня спросили,— сказал Свердлов Ленину,— не слишком ли много власти дали «слугам царизма», как они выражаются. Не понимают еще, что в каждом случае надо разбираться отдельно.

— Вот именно, Яков Михайлович, в каждом случае в отдельности. Конечно, власть мы им дали немалую, но ведь командовать без власти нельзя. Что же, мы готовы и к тому, что на этом пути будут у нас не только победы, но, по-видимому, и неудачи. Иначе, однако, не создать нам могучей рабоче-крестьянской армии. Необходимо учредить комиссию по выработке программных документов новой армии, издать декрет об обязательном обучении военному искусству, декрет о сроках службы в Красной Армии... И еще нужна формула торжественного обещания красноармейцев. Пусть это будет первой в мире присягой на верность Советской власти, на верность трудовому народу. Займитесь этим, Яков Михайлович, такие документы должен принять ВЦИК.

— Хорошо, Владимир Ильич.

— А я думал, Яков Михайлович, вы скажете: «уже»...

Они улыбнулись друг другу — Свердлов любил эту добрую, с прищуром, улыбку Ленина — свидетельство его хорошего настроения...

Как ни трудно было, как ни голодно, все же настроение сейчас значительно лучше, чем еще месяц назад. Строительство молодого Советского государства шло полным ходом. Яков Михайлович возглавил комиссию по подготовке первой Советской Конституции, и уже приходили к Владимиру Ильичу за советом: Свердлов предложил внести в название республики слово «социалистическая» — не рано ли?

— Не рано. Очень своевременно! — сказал Ленин и, точно пробуя на слух, повторил: — Российская. Советская Федеративная Республика... Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика... РСФСР. Верно по существу. И звучит хорошо. По-моему, Яков Михайлович прав. Буду голосовать за его предложение.

Свердлов все чаще бывал в дальней комнате длинного коридора гостиницы «Метрополь», где работала конституционная комиссия.

Теперь здесь, недалеко от входа в гостиницу «Метрополь», воздвигнут памятник Свердлову. Он смотрит на огромную площадь, носящую его имя. В руках у Якова Михайловича портфель. Да, в портфеле такой формы хранились документы, которым суждено было стать основой первой в мире Конституции социалистического государства...

Конституционная комиссия — это люди, разные по взглядам, по своей партийной принадлежности. Большевики — Сталин, Покровский, Аванесов — не раз скрещивали копья с левыми эсерами и эсерами-максималистами Магеровским, Шрейдером и другими; каждый из них представил свой проект Конституции, и печать старой буржуазной конституционности лежала на этих проектах.

— Я прошу вас,— говорил Свердлов на заседании комиссии,— исходить не из устаревших, отметенных нашей революцией принципов буржуазного права, а из нашей советской практики, из классовой сущности государства, из того, что уже сделано, узаконено, декретировано. Мы растем, движемся вперед, но что-то уже установилось, что-то прочно вошло в нашу жизнь. Вот эти завоевания и должна отразить наша Конституция.

Сколько писем получал тогда Свердлов — и в конституционную комиссию, и в ЦК, и во ВЦИК. Запечатлел он своей безотказной памятью наказ уездного съезда Советов из Рязанской губернии — правом выборов должны пользоваться только пролетариат и беднейшее крестьянство. Буржуазия, кулаки, мародеры — да, так и сказано: мародеры — не должны пользоваться этим правом...

А Магеровский кричит о свободе для всех.

— Поймите,— убеждал его Яков Михайлович,— мы предоставляем избирательное право абсолютному боль-

шинству населения. Где еще, при какой буржуазной демократии равным правом пользуются мужчины и женщины, представители всех национальностей, всех слоев трудящегося населения; у нас нет имущественного ценза, ценза оседлости, у нас самый низкий в мире возрастной избирательный ценз — 18 лет. А то что мы не допускаем к выборам представителей эксплуататорских классов, так это вытекает из природы нашей революции, нашей республики... Да и количественно — это не более 2—3 процентов населения.

Споры не утихали. Бушевали юристы, финансисты, привлеченные к работе комиссии... Чаще других звучали слова «право», «свобода».

Яков Михайлович терпеливо разъяснял оппонентам точку зрения партии, разработанную Владимиром Ильичем, говорил об истинных правах, дарованных народу революцией. Ленин математически точно сформулировал самую суть, самое существо подлинно социалистической демократии — центр тяжести передвигается от формального признания свобод (как при буржуазном парламенте) к фактическому обеспечению пользования свободами со стороны трудящихся.

— Мы должны делом обеспечить свободы рабочим и крестьянам,— говорил Свердлов.

— Делом! — восклицал Магеровский.— Как прикажете понимать?

— А так. Свобода слова — значит передать типографии рабочим. А не так, как в капиталистических странах: кричат о свободе слова, а типографии, прессу из рук своих не выпускают. Глаголят о свободе митингов, собраний, а залы держат взаперти от рабочих. Нет, все залы, все театры у нас отданы трудящимся... И не на словах, а на деле.

Магеровский не унимался, хмыкал — мол, рабочие, крестьяне... Нет, свобода нужна для всех.

— Мы своих классовых позиций не отдадим,— отвечал Свердлов.— Мы обеспечили трудящимся истинные права — на образование, например. Мы отделили церковь от государства и школу от церкви и тем самым освободили юношество от гнета и мракобесия.

Многие пункты подсказывала сама жизнь. И один из них — о флаге — необходимо было решить еще до принятия Конституции.

8 апреля на заседании ВЦИК Яков Михайлович сказал:

— Вопрос о национальном флаге РСФСР, имеющий безусловно огромное мировое значение, может быть разрешен в течение краткого промежутка времени. Для нас несомненно: флаг Российской Советской Республики — это тот флаг, с которым мы шли на борьбу с самодержавием и буржуазией. У нас во фракции этот вопрос не вызвал никаких сомнений. Ни один революционер не станет возражать против того, что красный флаг, с которым мы шли на борьбу, останется нашим советским флагом.

В результате упорной работы комиссия утвердила предложенный большевиками проект Конституции РСФСР и передала его на рассмотрение Центрального Комитета партии.

Стасова не смогла переехать в Москву вместе с правительством и Секретариатом ЦК — тяжело болел отец, он ослеп и был почти неподвижен. Яков Михайлович тогда рассказал об этом Ленину.

— Елена Дмитриевна будет очень горевать, будет думать, что не выполняет свой партийный долг по личным мотивам. Нужно чем-то помочь ей, утешить. Владимир Ильич, лучше вас этого не сделает никто. Мы решили оставить в Питере часть аппарата ЦК, ведь многие письма еще долго будут идти по старому адресу... Вот пусть Стасова и возглавляет его петроградский филиал.

— Да, да, конечно, я сейчас же поговорю с Еленой Дмитриевной.

Разговор этот Ленин так и начал: Стасова необходима именно в Питере — и переписка будет более оперативной, и в северных областях легче будет налаживать работу. Вот и Луначарский решил оставить на первых порах часть Наркомпроса в Петрограде...

— Уверяю вас, это продиктовано партийной необходимостью. И совпадает с вашими личными обстоятельствами. Передайте, пожалуйста, поклон вашим батюшке и матушке.

Так Стасова осталась в Петрограде.

«Дорогая Клавдия Тимофеевна!

...Вы все ждете меня к себе, но это плохая надежда, в ближайшем будущем я не смогу приехать. Вас повидать очень хочу, а уезжать из Питера охоты нет, так

как чувствую, что смогу здесь кое-что делать хорошее... Моя усиленная к Вам просьба насчет программы. Насядьте на Ильича, ибо без него дело не сдвинется с места.

... Старики мои все так же плохи, и я всегда возвращаюсь домой со страхом. Сама чувствую, что нервы натянуты до чертиков и что надо отдохнуть маленько, но, конечно, об этом и думать не приходится.

Ну, а за сим кончаю.

Ваша Елена».

Елену Дмитриевну по-прежнему все волнует, все беспокоит: и как готовится Москва к 1 Мая, и пишет ли Ленин Программу партии — Седьмой съезд поручил это комиссии во главе с ним. Тронула Свердлова и просьба в письме не беспокоиться о посылках, «ибо я маленько наладила дело с питанием стариков, а сама прекрасно обхожусь рыбой и капустой».

И вот — умер Дмитрий Васильевич.

«Милая Елена Дмитриевна!

Хочется написать Вам несколько теплых слов. Я знаю, что тяжелую личную утрату Вы пережили. Не склонен говорить слова утешения. Хочу лишь, чтобы Вы почувствовали, что не со всеми товарищами Вы связаны исключительно узами общности мировоззрения, дружной идейной работы. Скажу о себе. У меня очень теплое, дружеское к Вам отношение, совершенно независимое от наших партийных связей. И не я один ценю в Вас милого, отзывчивого друга-товарища. Не все личные связи порваны. И без кровного родства есть глубокое дружеское родство. Крепко целую.

Ваш Яков».

Это письмо Яков Михайлович послал вместе с небольшой посылкой — раздобыл для Елены Дмитриевны немного шоколаду да куртку...

Из писем Стасовой:

«Дорогая Клавдия Тимофеевна!

Во-первых, огромное Вам спасибо, как и Якову Михайловичу, за присылку шоколада и куртки, ибо первое весьма меня подбадривает при усталости, а вторая явилась как нельзя более кстати, так как у меня не

было никакой одежды, кроме длинной кофты, в которой в настоящее время страшно жарко.

...У меня... явился вопрос, который сможет разрешить только Москва. Дело идет о литературе специально для трудового казачества... Им очень трудно вести борьбу со старыми, заматерелыми казаками... Делается ли в этом отношении что-либо?»

«А знаете ли Вы в точности, что творится в Военном комиссариате? До нас доходят весьма печальные вести о той разрухе, что там царит... Хорошо было бы направить туда недреманное око Якова Михайловича».

«Настроение в Питере крайне напряженное, но не подавленное. Конечно, продовольственные затруднения используются контрреволюционерами вовсю, и можно ожидать, что на этой почве будут крупные недоразумения, но возможность всяких осложнений не страшит...»

В Секретариате ЦК он проводил два-три часа ежедневно (если не было срочных заседаний), прочитывал корреспонденцию, советовал, что ответить на то или иное письмо. И в ЦК и во ВЦИК всегда знали, где сейчас находится Яков Михайлович. Чаще его можно было застать во Втором доме Советов — в приемной председателя ВЦИК.

Однажды к нему в кабинет вошла секретарь Лиза Драбкина — дочь старого товарища по подполью Сергея Ивановича Гусева.

— К вам какой-то странный посетитель, Яков Михайлович. Говорит, из Екатеринбурга.

— Зовите, Лизочка.

...Со смешанным чувством почтения, любопытства и страха шел Кроль к председателю ВЦИК. Пожалуй, любопытства было больше. И все-таки не мог он без волнения смотреть на каких-то строгих мужчин, внимательно оглядывавших его «непролетарский» вид. «Несомненно, чекисты,— решил про себя Кроль.— Что же, это даже закономерно — президент все-таки... Непостижимо, товарищ Андрей — президент. Вот уж поистине: «кто был ничем, тот станет всем». Кажется так у них поют».

Кроль часто вспоминал свои беседы с Яковом Михайловичем. Ловил себя на том, что следил, как приобретала известность в стране фамилия «Свердлов». Пожелает ли председатель ВЦИК его принять? Или забыл? Столько дел, столько людей и событий!

Поэтому-то для пущей убедительности он и представился секретарше знакомым Свердлова.

— Вы откуда? — спросила она.

— Из Екатеринбурга.

— Хорошо, я скажу Якову Михайловичу, что вы его ждете.

Он сидел, оглядываясь по сторонам — удивленно и растерянно. Кто эти люди, которые пришли сюда, о чем толкуют? Вот матрос... Говорят, матросы очень много сделали для революции. Он беседует с человеком в защитном френче — по-видимому, тоже военный, бывший, по крайней мере.

— Ты был в Туле? — спрашивает тот у матроса.

— Да, с Панюшкиным вместе... Туго там. Яков Михайлович предупреждал — так и получилось.

— А меня Свердлов направлял в Пензу. Сейчас туда едет Евгения. Яков Михайлович был с ней у Ленина. Она ведь рвалась обратно на Украину...

Больше Кроль не слышит, о чем они говорят. А вот входит женщина в кожаной куртке — видать, из комиссаров. Она направляется прямо в кабинет и через несколько минут возвращается с какой-то бумагой в руках, перебрасывается несколькими словами с секретарем Свердлова.

А вот знакомое лицо... Кто это? Кажется, из Екатеринбурга. Кролю не хочется, чтобы этот крепыш узнал его. Воспоминания о Екатеринбурге, о том, как клялся он, мол, ни за что не сядет за один стол с социалистами, сейчас неприятны ему. И не потому, что он от них отрекся. Нет. Он просто побежден... Вот этими людьми, у которых сейчас так много дел. Высокий мужчина в пенсне говорит секретарю, что Яков Михайлович поручал ему заняться музеями. А этот молодой человек? Он чуть ли не стучит по столу — требует, чтоб молодежи отдали какое-то помещение:

— Яков Михайлович поймет меня. ВЦИК примет решение...

Весь день бродил сегодня Кроль по Москве. Когда он ехал сюда, ему казалось, что окунется в какую-то неразбериху. Ничего подобного. Москва как Москва. Все куда-то торопятся, всем некогда. Звенят трамваи, снуют извозчики. Правда, одеты люди скверно. Но ведь это не новость.

Он поразился, как просто прошел сюда, в «Метрополь», в приемную председателя ВЦИК. Удивительная

доступность. Кроль вспомнил, как нелегко было даже ему попасть к губернатору. А что такое губернатор по сравнению с главой Исполнительного Комитета всей России? Смешно даже сравнивать.

Мысли перебивали друг друга, а он сидел и ждал. Недолго, правда. А ему хотелось бы дольше, чтоб успеть собраться с мыслями... Зачем он идет сюда? Просто так — повидать Свердлова и понять. Что понять? Ведь все ясно. Кролю кажется, что он всегда был реалистом. Большевики победили, это очевидно. Не верит он воплям, что, мол, ненадолго. Речь сейчас о другом — как кто отнесется к новой власти. И только...

Поздоровавшись с секретаршей, в кабинет вошел стройный мужчина в гимнастерке под широким ремнем. Лицо этого человека с бородкой клинышком показалось Кролю знакомым. Где он его видел? На Урале? Вряд ли... Возможно, в газетах. Глаза добрые, вежлив, со всеми раскланялся. Извинился — дескать, не задержусь. И действительно, вскоре вышел из кабинета Свердлова.

— До свидания,— сказал он всем.

— До свидания, Феликс Эдмундович,— ответила секретарь.

«Дзержинский,— вспомнил Кроль.— Господи...»

В это время к нему подошла секретарь:

— Входите, Яков Михайлович ждет вас.

— Ба, Лев Афанасьевич! Здравствуйте. Садитесь. Кто же это, думаю, из Екатеринбурга?

Кроль растерялся. Он стоял смущенный, не зная, как вести себя.

— Да садитесь, садитесь.

Кроль сел, а Яков Михайлович устроился не в своем рабочем кресле, а напротив гостя, лицо в лицо, и сказал:

— Ну, рассказывайте.

Кроль молчал. Почувствовав его растерянность, Свердлов заговорил сам:

— Какими судьбами в Москву? Уж не перебрались ли из уральских мест?

— Нет, я по делам... Моей фирмы.

— А я уж думал, не подался ли бывший глава екатеринбургских кадетов на юг, в объятья царских генералов.

— Нет, Яков Михайлович, нет...

— И правильно. Их век недолог.

— Вы всегда были оптимистом.

— Как видите, не зря.

— Да, это правда.

Они помолчали, глядя друг на друга.

— Ну а вы, как и прежде,— Свердлов подбирал слова,— промысловик... Ваши знания, ваш опыт могли бы быть весьма полезны Советской власти.

Кроль молчал, и Свердлов понял его молчание:

— Так... Значит, вы не верите в Советскую власть. А ведь когда-то пытались вводить прогрессивные порядки. В условиях царского строя это была чистейшая утопия. Что же теперь вам мешает помочь нам? Многие инженеры, специалисты начинают понимать, что правда на нашей стороне, что большевики — единственная партия, которая нужна сейчас России.

— Может быть, и я пойму.

...Совершенно растерянный Кроль уезжал из Москвы. Теперь он не сомневался, что власть большевики держат надежно и прочно. Что же делать ему? В банды, как бы они ни назывались, он не пойдет. Бежать? Но куда? Смириться? Господи, господи...

Вместе с женой Верой Дилевской, товарищем по нарымской ссылке, из эмиграции возвратился Вениамин Свердлов. Сколько же лет не виделись братья? И где была их последняя встреча? Кажется, в Пермской пересыльной тюрьме. Да, более десяти лет прошло...

Встреча с братом не была неожиданной — Яков заранее знал о его приезде. И все-таки как-то вдруг... Даже не верится.

— Скорее бы приезжали в Москву Сара и Софья с семьей,— сказал Яков.

— И отец,— добавил Вениамин.

— Конечно,— согласился Яков.— Должны же мы хоть когда-то собраться всей семьей, сесть наконец за один стол.

Вениамин Михайлович съездил в Нижний, повидал отца, а потом, не теряя ни одного дня, поступил на работу в московский Красный Крест.

Вскоре перебралась в Москву Софья Михайловна с семьей, прибыл из Нижнего отец с женой Марией Александровной, сыновьями Геной и Шурой, из Саратова приехала Сара.

Это была первая встреча всей большой семьи Свердловых.

Из Петрограда пришла телеграмма. Она подобна разрыву снаряда: убит Володарский!

Свердлов не мог уснуть. Володарский...

Вспомнился последний месяц жизни в Петрограде, перед отъездом правительства в Москву, флигель Таврического дворца, коммуна — Володарский, Аванесов, Свердловы. Одна семья, одно застолье, одни интересы, полуночные беседы. Когда правительство уезжало в Москву, а Володарский, комиссар по делам печати и редактор «Красной газеты», должен был, естественно, остаться в Питере, он сказал:

— Что я буду делать без вас?

И такая трогательная незащищенность была тогда в его голосе...

Для партии смерть Володарского была огромной потерей, а для Свердлова, никогда не разделявшего себя с партией, и личной. Сколько он передумал и пережил за эти часы, а позднее в поезде и особенно в Питере! Сколько самых доверительных разговоров с Володарским всплыло в памяти и сколько осталось невысказанного из-за вечной мужской сдержанности, когда дружба выражается даже не в словах, а в поступках и верности во всем! Верить, как самому себе,— вот, пожалуй, что всегда определяло для Якова Михайловича высшее выражение дружбы.

Именно так он относился к Володарскому. Верил ему во всем и навсегда, понимал с полуслова, с намека, со взгляда. Дорогой, родной товарищ...

Узнав о случившемся, Владимир Ильич в волнении стал ходить по кабинету, потом остановился, крепко сцепив руки.

— Невероятно... Впрочем, что ж тут невероятного? К этому, дорогой Яков Михайлович, всем нам нужно быть готовыми. От них следует ожидать всего... Никто из нас не гарантирован от покушения. Как мне представляется, опять эсеры, опять их почерк...

Этот их разговор перед тем, как отправиться Свердлову в Питер, оставил у него тревожный осадок. Якова Михайловича словно преследовали слова Владимира Ильича: Никто из нас не гарантирован от покушения...

Перед отъездом Свердлов встретился с Дзержинским.

— Дорогой Феликс, очень прошу, не спускайте глаз с Владимира Ильича.

В Питере весь день с Яковом Михайловичем находился Урицкий.

— Ему ведь не было тридцати,— сказал Свердлов.

— Двадцать восемь,— уточнил Урицкий.— Он ехал делать доклад. Выстрел из-за угла. Шесть пуль обнаружено в его теле, всю обойму разрядил, негодяй.

— Это месть за то, что мы изгнали правых эсеров и меньшевиков из Советов, за то, что активно боремся против отъявленного нашего врага в деревне — кулака,— говорил Свердлов.— Да и левые эсеры действуют отвратительно — из Совнаркома вышли, в ЦИК ведут себя развязно и крикливо, ни одно решение не проходит без их истерики. Особенно неистовствуют Камков и Прошьян, бывшие наркомы, да их кумир, Мария Спиридонова.

— Товарищи! — сказал Свердлов на траурном митинге.— Тяжело говорить над могилой борца, павшего от руки убийцы...

Тяжело было не только говорить, но и сдержать слезы. И все же он их сдержал.

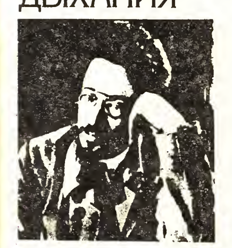
По возвращении в Москву на рабочем столе Якова Михайловича появилась фотография Володарского.

Теперь, когда во всем свете...
распространяется с молниеносной
быстротой идея о том,
как организованный в Советы пролетариат
борется за осуществление своих идей,
мы хороним представителя пролетариата,
который показал на примере,
как нужно бороться за эти идеи.
Миллионы пролетариев
повторят наши слова:
«Вечная память тов. Свердлову;
на его могиле мы даем торжественную
клятву еще крепче бороться
за свержение капитала, за полное
освобождение трудящихся!..»

В. И. ЛЕНИН

Часть седьмая

ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ

НАКАЗЪ

Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ Рабочихъ, Крестьянскихъ, Казачьихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ

Назначеніе, открытіе, перерывы и закрытіе засѣданія Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета.

1. Дни и часы засѣданій устанавливаются Всероссійскимъ Центральнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ.

2. Въ случаѣ назначенія Президіумомъ чрезвычайнаго засѣданія въ какое-либо иное время, члены В.Ц.И.К.

1

не имѣетъ права покинуть засѣданіе до окончанія засѣданія безъ отмѣтки на листѣ часа ухода изъ собранія.

Примѣчаніе. члены В.Ц.И.К. не записавшіе своей фамиліи на листъ, считаются неприсутствующими на собраніи.

Председатель В.Ц.И.К. Я. Свердлов

Секретарь Вс. Ц. И. К. В. Аванесов

Глава тридцать шестая

Съезжаются друзья

Человек сошел с поезда и замер... Родная, до боли родная Москва. Нет, он родился не здесь, но в Москве судили его за революционную деятельность, сюда приехал по заданию Ленина из Женевы под именем товарища Дениса и здесь стал одним из организаторов комитета партии Городского района.

В Москве встречал Денис руководителей Московского комитета РСДРП Виргилия Шанцера, Михаила Васильева-Южина и знакомого по Нижнему Михаила Владимирского. Здесь, в Москве, подружился Денис с рабочими типографии Кушнерова и в их рядах сражался на баррикадах Красной Пресни... Здесь познакомился он с молодой большевичкой Ольгой Пилацкой, которая стала его женой.

И вот снова Москва...

Владимир Михайлович ехал по улицам и убеждался, как мало изменилась «златоглавая». Он вспоминал события после декабрьского восстания 1905 года, отъезд из Москвы и опять возвращение, подполье, подполье, подполье...

Загорский... Когда он впервые стал Загорским? Да, да, уже за границей. В Нижний он приехал с паспортом Карахана, потом был Пущаровским и лишь в десятом году приехал в Германию с паспортом на имя Владимира Загорского.

Эмиграция, встреча с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной и длительная переписка с ними. Тогда он был почти юношей — Володей, а теперь пышные усы и красивый черный бант под накрахмаленным воротником. Владимир Загорский. Товарищ Денис.

В эмиграции он по-прежнему увлекался живописью и с этим любимым занятием были связаны его несмелые мечты.

Он сидел за мольбертом, когда в дом ворвалась полиция и арестовала его как «русского шпиона».

Причина — война.

Пришел Октябрь. Подписан Брестский мир. А он все пленный, интернированный... До тех пор, пока какие-то важные германские чиновники не появились с розыском «господина Загорского».

— Мы из Министерства иностранных дел. На наш адрес поступила телеграмма для вас от господина Чичерина... Вам предписывается получить ключи от здания бывшего посольства России.

Так он стал первым сотрудником Советского посольства в Германии...

В Берлине его ожидал дипломатический паспорт. «Российская Федеративная Социалистическая Республика Советов. Объявляется всем и каждому, что предъявитель сего российский гражданин Владимир Михайлович Загорский является первым секретарем РСФСР в Берлине...» Документ подписал по уполномочию народного комиссара по иностранным делам Л. Карахан.

А теперь вот Красная площадь, Кремль. Здесь живет Ленин. Здесь живет Свердлов.

Яков... Помнит ли? Ну, это глупый вопрос. А знает ли, кто скрывается под фамилией Загорского? Наверно, знает, и выбор дипломата среди русских пленных не обошелся без его участия...

Только что закончилось заседание Совнаркома. Яков Михайлович шел в свою кремлевскую квартиру, полагая, что детишки сейчас, конечно, спят... И какая все же радость, что они тут, рядом, что можно на них, пусть спящих, посмотреть. По воскресеньям, если не было каких-то очень срочных дел, он посвящал себя детям. Обычно утром Верочка и Андрей, встав пораньше, уже ждали у двери — будить отца Клавдия Тимофеевна строго-настрого запрещала. Но как только он просыпался, она открывала дверь, и дети буквально врывались в комнату да так весело и шумно, что вся квартира знала: Яков Михайлович проснулся... Теперь разговорам не будет конца. Андрей постарше и потому чувствует себя взрослее, а уж Верочка наверняка пристанет и потребует поиграть с ней.

Верочка... Третьего дня Клавдия Тимофеевна пожаловалась Якову, что дочь насорила в комнате и не убрала за собой. Разговор об этом начался до прихода отца. Тот и виду не показал, что ему смешно смотреть, как дочурка упорно отказывается выполнить требование матери.

Но Яков Михайлович не сердился. Он сказал, что не понимает, как это можно не прибрать за собой.

— Такого человека,— сказал он,— я не стал бы уважать.

И отвернулся, занялся своими делами. Верочка, и отец это видел, моментально собрала разбросанные бумажки.

Милые, добрые существа... Яков Михайлович любил поговорить с детьми, отвечать на их порой неожиданные вопросы. Он не мог без улыбки вспоминать, как в Туруханске Андрей, которому тогда едва исполнилось пять лет, услышал: одного из ссыльных — рослого плечистого дядю — назвали меньшевиком. Сравнив взглядом его с отцом, мальчишка сказал:

— Папа, этого дядю надо бы называть большевиком, а тебя меньшевиком. Он ведь больше тебя.

— Нет, сынка,— возразил отец,— звание большевика дается не за высокий рост. Это звание надо заслужить в борьбе за свободу.

Большая часть жизни Клавдии Тимофеевны и Якова Михайловича проходила на работе. И их разговоры и помыслы были о тысяче тысяч важных, жизненно необходимых, срочных партийных и государственных дел. В этом был главный смысл их жизни.

И все же родители всегда знали, чем заняты целый день, с кем дружат дети. Конечно, прежде всего это была заслуга матери, но и отец старался использовать для общения с ребятами каждую свободную минуту.

В один из поздних вечеров, а скорее, глубокой ночью Свердлов пришел усталый, и Клавдия Тимофеевна всем своим существом поняла, как вымотал его весь этот длинный день.

Она не стала ни о чем расспрашивать. Он этого не любил — если нужно, скажет сам. И действительно:

— Знаешь, Кадя, я сегодня прямо сам не свой. Все думаю и думаю... И даже дела не могли до конца отвлечь от мыслей. Я должен, ну просто обязан тебе это сказать...

— Что случилось? — встревожилась жена.

— Случилось не сегодня, а давным-давно.

— Но почему же ты молчал?

— Нет, я говорил, но так редко... Вероятно, ты не обратила внимания.

— Да может ли быть,— уже не выдерживая, воскликнула Клавдия Тимофеевна,— чтобы я...— Она с тревогой посмотрела в его глаза, сейчас почему-то лукавые и даже

озорные, и окончательно перестала что-либо понимать.

— Ну что ты, что ты, Кадя!.. Милая моя, понимаешь... Я оч-чень, оч-чень тебя люблю! Вот что целый день-деньской собирался тебе сказать. И еле дождался этой минуты.

Всегда сдержанная, Клавдия Тимофеевна спрятала на его груди голову и чуть внятно прошептала:

— Ну нельзя же так пугать меня. Я не знала, что и подумать...

С недавнего времени поселилась у Свердловых шустрая, смышленая девушка. Звали ее Катей. Приехала она в Москву из Кунцева. Хотя хозяйство Свердловых не столь уж сложное, все-таки и приготовить поесть, и за детьми присмотреть. И со всеми делами Катя не только справлялась, но и делала с какой-то особой, крестьянской что ли, тщательностью, стараясь, чтоб возвратившись с работы, Клавдия Тимофеевна застала полнейший порядок, чтоб не пришлось ей что-либо переделывать, а, поужинав, могла отдохнуть, почитать.

Свердлов обычно приходил домой поздно. Клавдия Тимофеевна работала в кабинете, а у Кати всегда был наготове самовар. Яков Михайлович прежде всего, извинившись за опоздание, спрашивал:

— Катюша, нет ли у нас чего-нибудь поесть?

И Катя с гордым видом отвечала:

— Как же, имеется, Яков Михайлович.

И так хоть в двенадцать, в час, в три ночи. Он привык к говору Кати, к ее хозяйственной деловитости.

Сегодня, как всегда, Яков Михайлович переступил порог квартиры поздней ночью и вдруг услышал:

— Аптекарский ученик Свердлов! А подать сюда «заячьи лодыжки» и «лисий хвост»!

Он... Ну, конечно, он. Володя Лубоцкий! Яков узнает его голос из тысячи других — кажется, нисколько не изменился со времени их мальчишеской клятвы.

В одно мгновение Яков обернулся, обхватил Володю и... стал с ним бороться.

...В ту ночь Свердлов и Загорский долго не ложились спать. Как выяснилось, они много знали друг о друге. Знал Свердлов, что в Нижнем у Володи растет сынишка, его тоже назвали по партийной кличке отца — Денис.

— Ну хорошо, что приехал,— сказал Свердлов,— отныне никуда больше не умчишься, разве в Нижний за сыном. Как ты смотришь, если я предложу твою кандидатуру на пост секретаря МК? Дел по горло. Людей не

хватает — ни опытных партийцев, ни советских работников. Я вот сейчас затеял важное дело — Владимир Ильич одобрил. Создаем школу агитаторов при ВЦИК... Вот прочти, это разослано во все концы Руси великой.

«Всем уездным исполкомам. ВЦИК предлагает выслать в школу агитаторов при ВЦИК по одному товарищу от каждого комитета бедноты для прохождения шестинедельного курса. Общежитие, полное содержание обеспечено, нужно только несколько фунтов хлеба. Адрес: Москва, Малая Дмитровка, 6. Председатель ВЦИК Свердлов».

— Кто же будет преподавать в этой школе?

— А вот посмотри список.

«Труд и капитал и история классовой борьбы» — Ленин.

«Аграрный вопрос» — Ярославский.

«Продовольствие» — Цюрупа, Свидерский.

«Организация Советской власти» — Владимирский.

«Строительство Советов» — Петровский.

«Национальный вопрос» — Сталин.

«Советы и народное просвещение» — Луначарский.

— А ты сам что будешь вести?

— Прочту лекцию о государстве.

Лицо Свердлова стало серьезным.

— На юге — белогвардейщина, на Дальнем Востоке — японцы. Англичане, американцы — на севере, а тут еще на Волге неспокойно. Живого места на теле России нет. Но мы устоим...

Уже занялся рассвет, блеснули за окном первые утренние лучи. А они все говорили. И подумалось Загорскому: нарисовать бы его сейчас — с горящими, как угли в ночи, глазами, подвижным лицом, на котором каждая черточка, каждая линия вырисовывается ясно и открыто, не таясь от человеческого взора.

Из Петрограда приехал Ростовцев — его направили на работу в ВЧК. Яков Михайлович встретился с ним в Кремле.

— Катюша тоже приехала?

— В Питере она, Яков Михайлович... Горюн подался в Самару. А я повоевал немного. А знаешь, кто воевал со мной? Старшего сына Потапыча помнишь?

— Эсера, что ль?

— Да какой он эсер! Наш он, наш... Захватили мы

пушку немецкую, напрочь испорченную. Так он ее все-таки к делу приспособил и сам стрелял из нее.

— А Иван Викулов?

— Младший сын Потапыча подался в Сибирь, сказал, не ищите.

— Григорий, ты не ответил мне.

— Лег Иван, Яков Михайлович. Шальная пуля скосила.

Свердлов вспомнил, как пришли они поздним вечером семнадцатого года в гости к дворнику Никодиму, как рыдал Иван. И вот...

— Никодиму рассказал? — спросил Свердлов.

— Письмо написал, в деревню уехал дворник, побоялся, что земли ему не достанется.

Иван... Смерть в первых боях Красной Армии. Стало быть, знал, за что, за какие высокие идеалы умирал...

...Уже месяц, как Григорий по вызову Дзержинского в ВЧК. Нельзя сказать, что все ему здесь нравится. Вокруг левого эсера Александровича, заместителя Дзержинского, вьются подозрительные люди. Свое впечатление Григорий высказал председателю ВЧК.

— Это уже не секрет, товарищ Ростовцев. Антанта им ни денег, ни оружия не жалеет. А насчет Александровича... Да, в последнее время я чувствую, что где-то рядом словно взведен курок пистолета.

На курсах агитаторов Яков Михайлович встретил петроградского знакомого — Горюна, приехавшего учиться из Самарской губернии.

— Тут потруднее будет, Яков Михайлович, чем тогда в солдатских казармах. Левые эсеры не скрывают своей злобы против Ленина. Ох, нелегко будет с ними!

— Ничего, товарищ Горюн, легко нам еще никогда не было.

Глава тридцать седьмая

Мятеж

Спокойствие Свердлова показалось Марии Спиридоновой подозрительным — она не ожидала, что председатель ВЦИК согласится на ее предложение доверить охрану Большого театра в дни работы Пятого съезда Советов левым эсерам.

— Что ж, если вы настаиваете,— сказал Свердлов,— пожалуйста, а то ведь скажете, что большевики опять затевают что-то невероятное...

Несколько позже Спиридонова шепнула члену ЦК партии левых эсеров Борису Камкову:

— Или он ничего не знает, или знает все.

— Скоро все прояснится, мы заговорим с ним на другом языке,— сквозь зубы прошипел Камков.

Свердлов окинул взглядом зал Большого театра, посмотрел на дипломатическую ложу — в ней сидел германский посол граф фон Мирбах.

Еще до приезда Мирбаха в Москву Ленин обратился к Чичерину: «Нельзя ли «подготовить» к приезду Мирбаха такое толкование нашей Конституции, что *послы* вручают свои верительные грамоты Председателю ЦИК?»

То было в апреле восемнадцатого. Только что ратифицирован Брестский договор, и Бонч-Бруевич принес Владимиру Ильичу напечатанный на двух языках текст договора в роскошном переплете.

— Хороший переплет, отпечатано красиво,— сказал Ленин,— но не пройдет и шести месяцев, как от этой красивой бумажки не останется и следа. Не было более непрочного и нереального мира, чем этот. Немцы стоят у последней ступеньки своего военного могущества, и им суждено пережить величайшие испытания. Для нас этот мир сослужит огромную службу: мы сумеем укрепиться в это время. Отошлите эту нарядную книжечку товарищу Чичерину...

И вот посол. Граф фон Мирбах.

— Яков Михайлович, любопытно посмотреть, как вы будете принимать верительные грамоты,— хитровато прищурив глаз, спрашивал Ленин.— Фрак уже заказан?

Яков Михайлович посмотрел на свой френч и сказал:

— По-моему, и так неплохо. Не ахти какой праздник.

Так и решили.

А потом Мирбах сообщал рейхсканцлеру Гертлингу: «По поводу приема, который был оказан мне в Народном комиссариате иностранных дел, у меня ни в каком отношении жалоб нет... Как я уже сообщал в телеграмме, наше наступление на Украине... стало первой причиной осложнений. Чичерин выразил это только намеками и скорее в элегической форме, однако достаточно ясно и понятно...

Более сильные личности меньше стеснялись и не пытались скрывать свое неудовольствие: это прежде всего председатель Исполнительного Комитета Свердлов... Вручение моих верительных грамот происходило не только в самой простой, но и в самой холодной обстановке... В своей ответной речи председатель выразил ожидание, что я «сумею устранить препятствия, которые все еще мешают установлению подлинного мира». В этих словах ясно чувствовалось негодование».

Граф сидит в ложе с видом независимым и надменным. Что ж, сегодня левые эсеры дадут ему немало пищи для ликования: он только и ждет разногласий в советском парламенте.

На съезде Советов предстояло принять Конституцию Советской республики. Еще в конце июня ЦК создал комиссию во главе с Лениным для окончательной редакции проекта Конституции РСФСР. Владимир Ильич предложил в качестве вводного раздела включить «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», многие главы отредактировал и переписал и в каждой из них особо подчеркивал классовую сущность и главные задачи нового государства, права трудового народа, освобожденного от эксплуатации.

Проект был готов для обсуждения на съезде Советов. Впрочем, Ленин предполагал, что левым эсерам многое в этом проекте не понравится.

Уже в первый день работы съезда разразился скандал. Левый эсер Александров, выступая якобы от имени трудящихся Украины с приветствием съезду, потребовал разрыва Брестского договора и возобновления военных действий против Германии. Его поддержали Спиридонова, Камков, Карелин...

Обычная провокация, попытка сорвать съезд. Свердлов поднимается и спокойно — по крайней мере, так может показаться — говорит:

— Я не сомневаюсь в том, что преобладающее число тех оваций и аплодисментов, которые заслужил оратор, относятся не к его словам, а целиком и полностью к борющимся украинским рабочим и крестьянам.

Свердлов бросил взгляд в дипломатическую ложу: оживившееся было лицо Мирбаха снова стало безразличным. Посмотрим, как понравится ему резолюция, предложенная большевиками: «Решение вопросов о войне и мире принадлежит только Всероссийскому съезду Советов и установленным им органам центральной Со-

ветской власти: Центральному Исполнительному Комитету и Совету Народных Комиссаров.

Никакая группа населения не смеет, помимо Всероссийской Советской власти, брать на себя решение вопроса о перемирии или наступлении... Благо Советской Республики есть высший закон. Кто этому закону противится, тот должен быть стерт с лица земли».

— Предложение фракции большевиков ставлю на голосование! — продолжает Свердлов.

— Не смейте! — это Карелин.— Не смейте! Мы не будем голосовать! Мы протестуем! Я призываю левых эсеров покинуть зал заседаний.

Свердлов протирает пенсне, близоруко щурясь. «Это мы уже видели... Пошло и банально»,— думает он.

Ленин на заседании съезда не был, но обо всем, что там происходило, знал.

— Что день грядущий нам готовит, Яков Михайлович?

— Думаю, сегодня была лишь артиллерийская подготовка. Сражение ждет нас впереди.

— А что в городе?

— Трамвайная остановка у Большого театра пуста. По распоряжению Дзержинского на время работы съезда она отменена. Вообще на Театральной площади пусто и тихо...

— Ну-с, Яков Михайлович,— сказал Владимир Ильич,— работать. Завтра наши доклады.

Пока утверждали порядок работы съезда, левые эсеры еще кое-как сдерживались. Но когда Свердлов выступил с отчетным докладом о деятельности ВЦИК, эсеры уже неистовствовали. Вскакивали с мест, становились на кресла, свистели, орали, стучали ногами. Особенно взорвались «левые», когда Свердлов заговорил о положении с продовольствием в стране.

— Не трогать крестьянство! Мы — его партия!

— Грабители!

— Позор!..

Свердлов помолчал несколько секунд, потом, повысив голос, напомнил первые выступления большевиков во ВЦИК:

— Мы указывали на необходимость организации деревенской бедноты и на сплочение этой бедноты с городским рабочим классом... Были приняты декреты, говорящие о продовольственной диктатуре... Мы знали, что зажиточные слои населения отвернутся от нас, но дере-

венская беднота составляет большую часть населения...

— Не большую, а худшую,— завопил кто-то справа.

— Я тебе дам «худшую», кулацкая морда,— прогремело слева.

— Мы знаем,— продолжал Свердлов,— что единственным представителем бедноты, только одной бедноты и рабочего класса, является наша партия, партия коммунистов-большевиков.

Аплодировали большевики. Бесновались левые эсеры.

— Вы не бедноту представляете, а нищету,— вопили они. Из левых рядов отвечали:

— Долой кулацких идеологов!

— Довольно с ними нянькаться...

Свердлов выдержал паузу:

— Товарищи, я полагаю, что следующий оратор, содокладчик, представитель меньшинства ЦИК, аргументирует с достаточной полнотой, почему левые эсеры в тех или иных вопросах не считали возможным голосовать с нами, а считали необходимым голосовать против нас. Я полагаю, что наши товарищи по фракции, товарищи большевики-коммунисты сумеют с достаточным спокойствием выслушать всякое рассуждение на какую угодно рискованную тему... Позвольте, товарищи, попросить вас возможно меньше мешать. Я вообще не отличаюсь многословностью, я скоро кончу, будьте добры немного потерпеть.

Наступила на некоторое время тишина.

Свердлов посмотрел на Спиридонову — она переглядывалась с Камковым. И словно отвечая им, он спокойно, твердо произнес:

— Мы глубоко уверены, что полное одобрение встретят все наши действия в борьбе с контрреволюцией.

Когда выступала Мария Спиридонова, Григорий Ростовцев, состоявший в охране съезда, находился в зале. Эта женщина, лет за тридцать, с нервным, дергающимся лицом, говорила резко и, как показалось Григорию, излишне экзальтированно — в этом человеку, говорящему правду, нужды нет. Невольно сравнивал Ростовцев ее тон с уверенной, неторопливой речью Свердлова.

В рядах, где сидели левые эсеры, царила тишина. «Любят они Спиридонову»,— подумал Григорий.

Она говорила, будто все время старалась кого-то обвинить. Даже Ленина.

— Я не понимаю деятельности наркомзема Середы, я не понимаю товарища Ленина — я была у него, унижа-

лась, просила дать два миллиона для сельскохозяйственной коммуны.

Ленин покачал головой, что-то записал — значит, ответит, значит, врет Спиридонова. Но он не перебил ее, даже не посмотрел в ее сторону.

Свердлов предоставил слово Владимиру Ильичу.

— Товарищи, позвольте мне, несмотря на то, что речь предыдущего оратора местами была чрезвычайно возбужденной, предложить вам свой доклад от имени Совета Народных Комиссаров...

Ленин говорил о Брестском мире, о необходимости создать новую, организованную, дисциплинированную армию, построить ее на новых началах. Это продиктовано сложившейся обстановкой.

— Да, товарищи,— продолжал Владимир Ильич,— кто теперь прямо или косвенно, открыто или прикрыто, толкует о войне, кто кричит против брестской петли, тот не видит, что петлю на шею рабочим и крестьянам России накидывают господа Керенский и помещики, капиталисты и кулаки.

Его перебивали. То и дело раздавались грубые выкрики: «Мы уйдем! Мы хлопнем дверью!»

— Если есть такие люди, которые предпочитают с советского съезда уходить, то скатертью дорога! — Ленин не оставлял левым эсерам никаких путей для маневрирования.— Когда нам здесь говорят о бое против большевиков, как предыдущий оратор говорил, о ссоре с большевиками, я отвечу: нет, товарищи, это не ссора, это действительный бесповоротный разрыв, разрыв между теми, которые тяжесть положения переносят, говоря народу правду, но не позволяя опьянить себя выкриками, и теми, кто себя этими выкриками опьяняет и невольно выполняет чужую работу, работу провокаторов.

За аплодисментами зала не слышны были злобные выкрики эсеров.

Свердлов внимательно следил за рядами, где сидели левые эсеры. Он уже не сомневался в том, что они что-то замышляли. Хотя значительная часть их поутихла: Ленин говорил о продовольственном вопросе настолько убедительно, с такой силой логики, что даже они аплодировали ему.

— Тысячу раз не права Спиридонова, когда подносила вам отдельные факты, будто она была у меня, будто бы унижалась и просила. Многие товарищи бывали у меня и знают, что не может быть этого, не может быть

такого отношения к товарищу. Должно быть, плоха эта партия, если лучшие ее представители унижаются до сказок.

И снова шум, но теперь уже приглушенный, без выкриков и истерик.

— У меня лежит письмо Спиридоновой. Она пишет: «Почему вы не хотите дать два миллиона для сельскохозяйственной коммуны?» И это в тот самый день, когда наркомзем Середа, деятельности которого она не понимает, внес доклад об ассигновании десяти миллионов на сельскохозяйственную коммуну.

Свердлов думал: если среди левых эсеров и существует заговор, то далеко не все поддержат его — многие весьма охотно аплодируют Ленину.

Никто, даже левые эсеры, не сомневался, что по докладам Ленина и Свердлова будут приняты большевистские резолюции.

Съезд продолжался...

Яков Михайлович отправился к Владимиру Ильичу, когда стало известно, что убит Мирбах.

— Вот вам и продолжение дискуссии, дорогой Яков Михайлович. Феликс Эдмундович, немедленно отправляйтесь в посольство, выясните все. У меня нет сомнений, что это гнусная провокация.

— Убийцу арестовать. Убежден, что это не акт одиночки, а заговор всей эсеровской партии,— добавил Свердлов.

— Несомненно,— ответил Дзержинский.— Я еду в германское посольство и выясню все на месте.

— Именно вам не следовало приезжать,— жестко сказал Дзержинскому советник посольства.— Ведь это по вашему заданию приезжал сюда убийца... Его фамилия Блюмкин, он из вашего ведомства.

И предъявил документ, который оставил здесь Блюмкин.

Дзержинскому достаточно было беглого взгляда, чтобы убедиться: подпись подделана, хотя печать настоящая. «Дело рук Александровича, это ясно — печать хранилась у него».

— Документ фальшивый,— сказал он и уехал в Трехсвятительский переулок, где располагался отряд эсера Попова.

— Где Блюмкин? — спросил Феликс Эдмундович.

— Выехал,— мялся Попов,— в какой-то госпиталь.

Из соседней комнаты вышли члены ЦК левых эсеров Прошьян и Карелин... «Так, значит заговор».

— Феликс Эдмундович,— отчетливо произнес Прошьян,— вы напрасно ищете Блюмкина. Он убил Мирбаха по решению ЦК нашей партии.

— Именем Советской власти объявляю членов ЦК партии левых эсеров арестованными.

— Хорошо,— с улыбкой сказал Прошьян.— Только непонятно, кто из нас арестован...

Свердлов смотрит в зал. Как ни в чем не бывало занимают свои места левые эсеры. Вон входит Спиридонова, она поглядывает на Свердлова: знает или не знает? А сама о чем-то переговаривается с Камковым, словно ничего не произошло.

Свердлов шепчет Лизе Драбкиной:

— Все пакеты в президиум только мне,— говорит он, а лицо спокойное, даже улыбчивое.

Лиза передает пакет — в нем подробности убийства Мирбаха. Оказывается, Блюмкин и Андреев вызвали посла, сели за стол и неожиданно произвели несколько выстрелов, но граф увернулся и побежал. В него швырнул бомбу Андреев. И бомба не взорвалась. Ее подхватил Блюмкин и снова бросил... Подписи на мандате поддельные. Дзержинский поехал в отряд Попова и там арестован.

Свердлов тихо говорит Глафире Ивановне Окуловой: «Передайте товарищам-большевикам: что бы я ни объявил — сбор на Малой Дмитровке, 6. Сегодня же, немедленно».

Вызванному за кулисы чекисту Петерсу Свердлов сказал:

— Часовых от партии левых эсеров незаметно заменить нашими. Блокировать все выходы из зала и лож. Выпускать только по партийному билету или красной карточке члена большевистской фракции. Как только выйдем — все выходы закрыть.

Заподозрившая что-то Спиридонова направилась к Свердлову. Яков Михайлович нарочно громко произнес:

— Позвоните в Кремль, товарищ Ростовцев, выясните, выехал ли Ленин. Обещал быть и вот до сих пор нет.

— Я думаю неудобно начинать без Владимира Ильича. Подождем? — предложила Спиридонова.

— Сейчас посоветуемся.

«Ленин вам нужен? Хотите арестовать президиум, думаете, охрана в основном ваша... Ну, посмотрим, кто кого...»

— Товарищи! — объявил Свердлов.— Большевистская фракция съезда приглашается на заседание. Прошу делегатов съезда — большевиков напротив, во Второй дом Советов. Если левые эсеры пожелают провести заседание своей фракции, в их распоряжении Большой театр. После заседания фракций съезд будет продолжен.

Спиридонова спустилась в зал и о чем-то оживленно зашепталась со своими. Чувствовалось, что она несколько растеряна — уход большевиков на заседание фракции не был предусмотрен ЦК левых эсеров.

— Что случилось? Почему нет сигнала? Где Александрович, где Попов с его отрядом? Необходимо выяснить.

Она направилась к выходу. Стоявший в дверях вооруженный рабочий сказал спокойно:

— Выпускать не велено.

— Почему? — удивилась Спиридонова.

— Заради вашей безопасности. В городе неспокойно.

— Ну и пусть это вас не волнует. Мне нужен часовой, он стоит при входе.

— Часовой уже не часовой, так как он остался без оружия. Мы ваших часовых разоружили. Извините, гражданочка, но разговаривать мне с вами не положено, да и неинтересно.

Спиридонова бросилась к другому выходу, но ее остановил вооруженный красноармеец.

Она посмотрела на сцену— там стоял чекист Петерс, один из ближайших помощников Дзержинского.

— Что это? — строго спросила у него.

— Вы же слыхали — заседание фракций.

На курсах агитаторов и инструкторов ВЦИК, расположенных на Малой Дмитровке, 6, дежурил Горюн. Он немало удивился, когда начали приходить сюда делегаты съезда Советов.

— Куда вы? Зачем? — спрашивал он.

— Так надо. Яков Михайлович распорядился.

Вошел Свердлов.

— Ну вот,— сказал он,— мы и в полном сборе. Левые эсеры намерены были арестовать Ленина, президиум съезда и, воспользовавшись убийством Мирбаха, объявить войну Германии... Но они даже не заметили, как сами оказались под арестом. Значит, так, товарищи делегаты съезда. Разбиваемся на группы — и в районы города мобилизовывать рабочих и красноармейцев на подавление мятежа.

Группировались, строились в колонны делегаты Пятого съезда Советов.

— Первую группу возглавит делегат съезда Фрунзе. Я прошу вас, Михаил Васильевич, отправиться на первые московские военные курсы. Там у них есть броневик. Идти туда опасно — по имеющимся у нас сведениям, в районе Чистых прудов засели мятежники. Словом, действуйте осторожно, но решительно.

Когда Свердлов приехал в Кремль, Ленин слушал доклад начальника войск Московского гарнизона Подвойского. Отряд ВЧК, которым командовал Попов, втайне от Дзержинского засел в Трехсвятительском переулке, где размещался штаб левых эсеров.

— Меня очень беспокоит судьба Феликса Эдмундовича,— сказал Владимир Ильич.— Опасность для него тем более велика, что ни на какие компромиссы он не пойдет. Эти авантюристы решили дать нам бой. И даже залп произвели по Кремлю. Но они не учли, что за нами народ, а за ними кучка бандитов и террористов. Мы совершали революцию, они — жалкий, пошлый мятеж... Яков Михайлович, нужно задерживать все автомобили или броневики, если у них нет пропуска, подписанного только мною или вами. Нужно позвонить в Моссовет.

— Уже,— ответил Яков Михайлович.— Я отправил телефонограмму: установить постоянное дежурство в районах, держать в полном порядке службу связи и тесный контакт с фабрично-заводскими комитетами — так, чтобы по первому призыву можно было вывести рабочих на улицу.

— Правильно. И нужно при первой же возможности созвать пленарное заседание Моссовета.

— Хорошо.

— И еще вот что. Необходимо немедленно ввести в город дивизию латышских стрелков. Вызовите ко мне товарищей Данишевского и Петерсона. Я думаю, Данишевского нужно назначить в эту дивизию комиссаром.

— Дивизия на Ходынском поле,— сказал Подвойский.— В лагерях.

— Она должна быть в Москве и немедленно! Это возможно?

— Есть, Владимир Ильич. Сделаем все, что в человеческих силах.

— И сверх того.

— Да, и сверх того.

Свердлов вышел в аппаратную, продиктовал текст телефонограммы: «ЦИК предлагает Президиуму Московского Совета рабочих депутатов немедленно созвать пленарное заседание Московского Совета. О наивозможно скором часе созыва немедленно уведомить. Председатель ЦИК *Свердлов*». И возвратился в кабинет Ленина. Подвойского уже не было.

— Яков Михайлович, нам необходимо выполнить ужасно тяжкую и предельно неприятную миссию.

— Владимир Ильич, может быть, в посольство поеду я один? — сказал Свердлов.— Мне он вручал верительные...

Ленин посмотрел на Свердлова сурово.

— Нет, поедем вместе, Яков Михайлович. Мы на волоске от войны, товарищ председатель ВЦИК. На волоске...

Данишевский прибыл к вечеру. Ленин усадил его в кресло.

— Вы хорошо знаете настроение бойцов Латышской дивизии, ее начальника. Товарищ Вацетис, кажется, из царских офицеров.

— Иоаким Иоакимович — человек верный, Владимир Ильич. Но, я думаю, будет лучше, если вы сами с ним поговорите. Хорошо бы вам сказать несколько слов и командному составу Латышского полка, расположенного в Кремле.

Иоаким Вацетис был вызван к Ленину в полночь. Владимир Ильич встретил его в зале заседаний Совета Народных Комиссаров — большом помещении, освещенном одной тусклой лампочкой. Окна были занавешены, и оттого обстановка казалась еще напряженнее.

— Выдержим ли мы до утра? — спросил Ленин.

Вацетису, по старой армейской привычке, взглянуть бы на карту, воспользоваться данными разведки. Но этими документами он не располагал.

— Положение еще не выяснено. Одно для меня ясно:

момент для решающих действий мятежники уже упустили...

— Об этом мы позаботились, арестовав верхушку заговора.

— Арестовав? — удивился Вацетис.

— Да-с. Их «правительство» заседает в Большом театре под нашей надежной охраной.

Ленин улыбнулся, и Вацетис впервые в эту ночь увидел его улыбающимся.

— Товарищ председатель Совета Народных Комиссаров, положение все же не ясно. Оно осложняется тем, что начать наступление к четырем часам утра нельзя. Поэтому прошу дать мне два часа, в течение которых я мог бы объехать город, собрать нужные сведения и к двум часам 7 июля дать определенный ответ.

Ленин встал.

— Я жду вас в два часа ночи.

Возле Лубянской площади Вацетиса остановил броневик.

— Кто такие? — спросил вышедший из него, по-видимому командир.

— Я начальник Латышской дивизии Вацетис. А вы?

— Командир большевистского отряда Фрунзе. Товарищ Вацетис, хорошо, что я вас встретил. Во-первых, заберите эту машину — вам она нужнее. Во-вторых, мне удалось взять несколько мятежников...

Фрунзе подробно рассказал Вацетису о показаниях захваченных из отряда Попова матросов-анархистов.

— Спасибо, товарищ, ваши сведения очень ценны. Почтамт в руках мятежников? — спросил Вацетис.

— Да.

— Постарайтесь овладеть им. Народу хватит?

— Хватит. Оружия мало.

— Помогу и оружием, и людьми.

Ровно в два часа ночи Вацетис снова пришел в Кремль.

— Не позднее двенадцати часов дня 7 июля мы будем в Москве полными победителями,— четко доложил он.

Ленин пожал руку Вацетиса:

— Спасибо. Вы меня очень обрадовали. Садитесь, садитесь и расскажите, что происходит в городе.

— Энергичные меры, принятые в Москве, помогли нам к двум часам ночи упрочить наше положение. Возле храма Спасителя уже находится 1-й Латышский

полк с артиллерией, и образцовый полк. На Страстную площадь прибыли 2-й Латышский полк и курсанты артиллерийского училища с четырьмя орудиями.

Рассказал Вацетис и о встрече с рабочим отрядом Фрунзе.

— Итак, на рассвете,— заключил он,— с подходом частей мы начинаем артиллерийский обстрел.

Когда Феликс Эдмундович пришел в Кремль, Владимира Ильича не было. Его встретил Свердлов. Дзержинский ходил из конца в конец зала.

— Подумать только, какое предательство,— говорил он Свердлову.— И ведь трусы, подлые трусы. Видел бы ты, Яков, как они бежали.

— Но ведь ты был один против всех!

— Почему один? Со мной был Лацис — приехал меня выручать, с нами был Смидович. Ах, подлец Попов!.. Если бы они не отобрали у меня оружие, я бы пустил ему пулю в лоб.

Уже полностью был подавлен мятеж и обнародовано правительственное сообщение об авантюре левых эсеров, уже была разослана во все углы телефонограмма: отрезать для бежавших изменников все пути отступления. Александрович пытался спрятаться, но был пойман на одном из вокзалов. Попов, который во время мятежа грозился «за Марию снести пол-Кремля», трусливо исчез, чтобы потом появиться в банде Махно... Левые эсеры завопили, что большевики сажают «и правых, и виновных». Но Дзержинский понимал, что его подпись, хотя она и поддельна, требует от него быть свидетелем по делу — сложному и щепетильному — об убийстве германского посла. И поэтому он решил просить отставки с поста председателя ВЧК.

Ленин согласился.

— Мы должны освободить Феликса Эдмундовича от работы хотя бы на время следствия,— сказал Владимир Ильич.

Свердлов по привычке осмотрел зал. Большевики — на своих местах. А там, где сидели левые эсеры,— пусто.

Словно ничего не произошло, спокойно и уверенно Свердлов сказал:

— Продолжим работу съезда Советов.

И в это время два взрыва раздались в Большом театре. Вскочили с места люди, не знавшие, что такое страх: сказались неожиданность и нервное напряжение последних дней. А Свердлов, и глазом не моргнув, перекричал шум:

— Спокойно, товарищи, заседание продолжается!

Лишь потом он узнал: то были случайные взрывы. Но сейчас необходимо было сохранить порядок, ведь съезду предстояло решить один из главных вопросов — принятие Советской Конституции.

А через несколько дней «Правда» писала: «Первый раз в истории пролетарской борьбы, третий раз в истории вообще трудящиеся низы не только разбили буржуазную государственную машину, но и сумели построить целую организацию новой власти, стройную и единую во всех частях».

Глава тридцать восьмая

Затосковал Горюн...

От имени ВЦИК Свердлов призывал Советы ускорить создание военных комиссариатов. Формировались дивизии в крупных промышленных центрах — только в Москве их было создано двенадцать... Чтобы взять на учет всех военных специалистов, была создана комиссия по подготовке к их призыву в Красную Армию. Понимая, сколь важна эта работа, Свердлов порекомендовал в комиссию пунктуального во всем секретаря ВЦИК Аванесова. В армию должно быть призвано несколько тысяч офицеров, военных чиновников и генералов. А значит, нужны рядом с военспецами большевики, которые не дали бы им свернуть в сторону.

Так диктовала обстановка. Военное положение страны было сложное и требовало мер решительных, неотложных. На фронт посланы многие партийные работники, слушатели курсов ВЦИК.

Рвался на фронт и Горюн. Сейчас, когда на Волге продолжался мятеж белочехов, когда в его родных местах расстреливали коммунистов, он считал преступным сидеть в Москве. Хотя на курсах и преподавали самые лучшие, самые авторитетные партийные и советские

деятели, ему казалось, что не вовремя все это, ох как не вовремя.

По ночам снились сны — плывущая среди зеленого ивняка река Кинель, почему-то красного цвета, и рыба в ней пунцовая, сердитая. И оттого, что снились родные места неприветливыми и жуткими, ему становилось еще неуютнее на курсах, в белокаменной Москве.

И совсем затосковал Горюн, когда узнал об отъезде Григория Ростовцева в Питер — в распоряжение председателя Петроградского ВЧК Урицкого. Перед отъездом Ростовцев приходил прощаться к Горюну, рассказал, что Феликс Эдмундович возвратился — опять председатель ВЧК.

— В ВЧК — просто праздник,— Ростовцев вздохнул и с сожалением сказал, видимо, вспомнив что-то.— Я бы левых эсеров после мятежа... А наказали только непосредственных организаторов и руководителей. Всех остальных отпустили. Ну я хоть этого негодяя Александровича узнал — спрятался за воротник, как бродяга бездомный, собирался поездом податься на юг.

О многом переговорили они в тот день. Ростовцев, как всегда тихий, неразговорчивый, едет на боевое дело, а ему, Горюну, корпеть над книгами. Но ведь он солдат, оружие бы в руки, и тогда услыхали б еще, каков он, самарский мужик.

Яков Михайлович узнал о настроении Горюна от Луначарского:

— Все ваши академики (он иначе не величал курсантов) хотят быть командирами. А Горюн прямо заявил мне: пока на Волге белочехи, ему наука ни к чему.

— В общем, судить его за это грешно, между нами говоря.

С Горюном Свердлов разговаривал иначе.

— Я хочу с вами поделиться,— сказал он,— некоторыми своими планами. Необходимо подобрать хорошие кадры для товарища Цюрупы — трудно у него с людьми. В наши дни, когда продовольствие на вес золота, в этом наркомате должны работать самые честные, самые преданные революции и самые бесстрашные люди. А если к этому прибавить, что крестьянин лучше всего знает кулака, его повадки, его хитрость и хищность, то подумайте сами, к чему я клоню... Ведь взять хлеб у кулака не менее трудно, чем взять город у белочехов. Не так ли?

Внешне Горюн вроде бы был согласен, но все-таки не давала покоя другая мысль, в которой он и сам себе не признавался, боялся, а вдруг окажется правдой. Нет, ему не верилось, что земляки могут выдать белым его Марию Васильевну да Васятку, которому всего-то шесть лет от роду. А как дознаются белочехи, кто у Васятки отец и куда послали его Советы учиться? Может, потому и снятся Горюну такие сны, может, потому и покоя его отцовской душе нет. Где уж тут наукам идти на ум?!

Свердлов видел, что слушает его Горюн и не слушает. Неужели так велика тяга на фронт? А может, другое что?

— Вы согласны со мной? — спросил Свердлов. Ему нужно было понять этого человека — тревога за его судьбу, за душевное равновесие уже поселилась в сердце Якова Михайловича.

— Согласен, конечно,— ответил Горюн,— я буду работать там, куда партия направит.

И будто рухнула, погасла с этими словами какая-то надежда в душе Горюна...

— У вас семья? — спросил Свердлов.— Насколько мне помнится, жена и сын?

— Так и есть...

Ах, лучше бы не задавал Свердлов этого вопроса! Лучше бы... Изменился в лице Горюн, умоляюще посмотрел на Якова Михайловича.

— Вы что-то знаете о своей семье? — спросил Свердлов.

— Ничего не знаю. А только думаю, что худо им. Как бы не изничтожили их мироеды. Ведь слух обо мне туда дошел.

Свердлов — Луначарскому:

— А ведь у моего академика, Горюна, Анатолий Васильевич, жена и сын в опасности. Сегодня в Самару уходит наш связной — я просил его помочь.

— Яков Михайлович, у меня друзья в Самаре, беспартийные, но верные. Они мне не откажут, уверяю вас. Я через вашего связного передам им письмо.

Лето было невыносимо жарким. Солнце высекало искры из каждого дома, из каждого золоченого купола. Пыльная дымка стояла над городом, над Москвой 1918 года.

А в последние дни августа зачастили дожди — еще теплые, летние. Дожди сопровождали Свердлова до самого Питера — он отправился туда в короткую командировку, на второй съезд Советов Северной области.

Очень хотелось Якову Михайловичу повидать старых друзей, он даже забежал к Бессерам на улицу Широкую, да никого не застал... А в Москве ждали десятки дел. В день всевобуча — военного обучения — ему поручено принимать парад и выступать на митинге, встретиться с красноармейцами, несущими службу в Кремле. Он любил бывать в большом зале под расписным и ярким куполом. Когда-то здесь шли дворянские собрания и зал этот назывался Белым, Екатерининским. Заседал здесь и сенат. Яков Михайлович всегда любовался архитектурным богатством зала, колоннами и барельефами — чудесным творением зодчего Казакова. И Ленин, выступавший не раз в этом зале, и Свердлов с удовлетворением замечали, как бережно относятся теперь к своему клубу красноармейцы.

Была еще одна надежда у Якова Михайловича — вырваться на своем «поккарде» в Кунцево, где жили летом его дети...

Но, уже ясно, не получится — в прошлое воскресенье, 25 августа, необходимо было выступить от имени Центрального Комитета партии на торжественном заседании, посвященном 30-летию Союза польских рабочих. Пятница, 30 августа, занята — у него уже путевка, подписанная секретарем МК Загорским, на выступление в Введенском народном доме перед трудящимися Лефортовского района. Такие же путевки Московский комитет партии написал на имя Ленина, Дзержинского, Ярославского, Коллонтай...

— Придется тебе, Кадя, ехать одной,— сказал он.— А я завтра. Может быть, и на ночь глядя: очень хочется вдохнуть немного чистого воздуха.

Клавдия Тимофеевна про себя только усмехнулась: она понимала, что с вечера он приехать не сможет, у прямого провода наверняка задержится — нужно с фронтами поговорить. А вот в субботу, возможно, и приедет — не столько ради кислорода, сколько из-за детей: она-то видит, как соскучился он...

В полдень Свердлов позвонил жене:

— Кадя, выслушай меня внимательно и по возможности спокойно. Только что получено сообщение из Питера — убит Урицкий. Туда выезжает Феликс...

Урицкий... Клавдия Тимофеевна с глубоким уважением относилась к этому человеку. Еще совсем недавно он был вместе с ними, такой жизнелюбивый, остроумный, настоящий внимательный друг... Невозможно представить себе, что Урицкого уже нет.

Свердлов понимал — выстрел в Питере мог быть сигналом для совершения других эсеровских террористических актов. Кто-то даже предложил отменить пока выезд на предприятия членов ЦК. Но по многим причинам этого делать нельзя было. Никто из членов ЦК не согласится отменить выступление перед лицом опасности. Нельзя этого делать и потому, что никакие выстрелы не должны заглушить главного: власть в столице и на местах прочно и надежно принадлежит Советам, и правящей партией является партия большевиков. Ее ни запугать, ни свернуть с пути невозможно.

И все же Загорский сказал Якову Михайловичу:

— О выступлении Владимира Ильича речи быть не может. Я уже договорился с Ярославским, Коллонтай, Осинским — они поедут вместо него на Хлебную биржу и на Щипок.

— Спасибо. Ты, дружище, не разучился меня понимать с полуслова. Я тут тоже принимаю меры. Надежда Константиновна на работе, я позвонил Марии Ильиничне с просьбой под любым предлогом задержать его дома. Обещала помочь. Словом, давай-ка заглянем к нему вместе через полчасика...

На столе у Ленина лежала путевка Московского комитета Российской Коммунистической партии (большевиков).

«Товарищу Ленину.

Начало в $6^1/_2$ часов.

Путевка.

На митинги 30 августа 1918 года.

Тема: «Две власти» (Диктатура рабочих и диктатура буржуазии).

Здание б. Хлебной биржи, Гавриловская площадь, Басманный район. Завод Михельсона, Щипок, Замоскворецкий район.

Товарищи, не имеющие возможности выполнить данное поручение по уважительной причине, должны заблаговременно известить об этом МК.

Товарищи обязуются на следующий после митинга день представить в МК краткий отчет и все записки, поданные им слушателями...»

— И на каком основании вы собираетесь лишить меня этой путевки? — спросил Владимир Ильич Загорского.— Тут написано об уважительной причине.

— Владимир Ильич, вам нельзя сегодня выезжать из Кремля,— начал было Свердлов.

Но Ленин перебил его:

— Ах, нельзя. Другим можно, а мне нельзя?

Ленин нервно зашагал по кабинету.

— Владимир Ильич, мы очень просим вас... Не собирать же по этому поводу ЦК.

— Вот именно, не собирать... Мы не имеем права пасовать перед террором контрреволюционеров-одиночек.

Глава тридцать девятая

Покушение

«Всем Советам рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов. Всем армиям, всем, всем, всем.

Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на товарища Ленина...»

Свердлов писал обращение к народу от имени ВЦИК, от имени партии...

«Роль товарища Ленина, его значение для рабочего движения России, рабочего движения всего мира известны самым широким кругам рабочих всех стран...»

...Как же это случилось? На случай, если Владимир Ильич все-таки поедет, в Басманном райкоме партии выделили товарища Шабловского в качестве сопровождающего. За три часа до митинга Загорский вызвал руководителей райкома и предупредил, что Ленин, возможно, не приедет.

Он все-таки приехал. Уже выступила Коллонтай, рядом с ней стояли Ярославский, Осинский, как вдруг зашевелились рабочие и бросились на выход встречать Ильича — он шел по Гавриловской площади к зданию бывшей Хлебной биржи.

...Закончив речь в Басманном районе и ответив на вопросы, Ленин направился к машине. Его сопровождали все участники собрания. Рядом с ним шел Шабловский.

— Вы со мной?

— Да, товарищ Ленин. Я провожу вас до завода Михельсона.

— Спасибо, дорогой товарищ. Но, право, не стоит. Вам после работы надо отдохнуть. А мы доедем, не тревожьтесь. Спасибо.

«Товарищ Ленин, выступавший все время на рабочих митингах, в пятницу выступал перед рабочими завода Михельсона в Замоскворецком районе города Москвы. По выходе с митинга товарищ Ленин был ранен. Задержано несколько человек, их личность выясняется.

Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров, следы наймитов англичан и французов...»

Все ли было сделано, чтобы уберечь Владимира Ильича? Была ли уверенность в том, что он не поедет? Да полно! Скорее наоборот. Теперь-то Свердлов не сомневался, что Ленина нельзя было удержать дома, что он не мог отказаться от встречи с рабочими. Как его было уберечь?.. От чего? От органической потребности общения с людьми? Но ведь тогда Ильич не был бы Ильичем.

«Призываем всех товарищей к полнейшему спокойствию, к усилению своей работы по борьбе с контрреволюционными элементами.

На покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще бо́льшим сплочением своих сил, ответит беспощадным классовым террором против всех врагов революции...»

Ленин... Железный характер. Не разрешил шоферу Гилю везти себя в больницу — только домой. Надежда Константиновна будет, мол, волноваться. Даже не застонал от боли.

«Победа над буржуазией — лучшая гарантия, лучшее укрепление всех завоеваний Октябрьской революции, лучшая гарантия безопасности вождей рабочего класса.

Спокойствие и организация! Все должны стойко оставаться на своих постах! Теснее ряды!

Председатель ВЦИК *Я. Свердлов*».

Яков Михайлович перечитал воззвание ВЦИК, посмотрел на часы и дописал:

«30 августа 1918 г. 10 час. 40 мин. вечера».

Дождь хлестал по стеклам, словно плакали, заливаясь слезами, кремлевские окна. В квартире Владимира

Ильича было много народа. Сидел, склонив голову и подперев ее рукой, Луначарский, мерил комнату из угла в угол Бонч-Бруевич... Свердлов взглянул на Надежду Константиновну — держалась мужественно.

— Как теперь будет? — спросила Надежда Константиновна.

— У нас с Владимиром Ильичем все обговорено,— ответил Свердлов.

2 сентября на заседании ВЦИК Свердлов сообщил результат консилиума, в котором приняли участие профессора Розанов и Минц, какие меры приняты для спасения Владимира Ильича, и резюме, похожее на вздох облегчения: положение тяжелое, но не безнадежное...

— Мне не приходится говорить о заслугах и значении товарища Ленина. Каждый из вас рос, работал и воспитывался в качестве революционера под руководством товарища Ленина. Вы знаете, что товарища Ленина заменить мы не можем никем. Я хочу напомнить, что если в настоящее время мы лишены руководства товарища Ленина, то будем надеяться, что в ближайшее время наш вождь займет свой пост и будет по-прежнему работать на благо социалистической революции, как он работал всю свою жизнь.

Свердлов продолжал медленно и весомо:

— Я предложил бы ВЦИК принять следующую резолюцию...

Он читал текст, написанный еще накануне: «...на белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов...»

Свердлов посмотрел на членов ВЦИК и твердо сказал:

— Позвольте поставить на голосование эту резолюцию. Кто за нее, прошу поднять руки. Кто против? Таковых не имеется. Принято единогласно.

На следующий день в кабинет Свердлова вошел комендант Кремля Мальков.

— Товарищ председатель ВЦИК, смертный приговор по делу эсерки Каплан, стрелявшей в Ленина, приведен в исполнение.

В дни болезни Владимира Ильича Свердлов, если в этом была необходимость, работал в ленинском кабинете.

Время было тревожным, полным важнейших событий, которые требовали по крайней мере совета Ленина,

находившегося в Горках, если уж не прямого участия. Свердлов сообщал ему каждую радостную весть и только в случае острой необходимости делился трудно разрешимыми вопросами. 12 сентября он прочитал ему телеграмму командира Железной дивизии Гая: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара». Свердлов хорошо знал большевиков Восточного фронта — по решению ЦК он направлял туда опытных партийных работников: Куйбышева, с которым вместе отбывал ссылку, Данишевского, одного из комиссаров латышских стрелков,— людей энергичных и преданных партии.

Сейчас Свердлов собирается рассказать Ленину о текущих делах. Решено создать во многих городах республики курсы по подготовке командного состава Красной Армии — в Москве, Петрограде, Ораниенбауме, Орле, Твери, Туле, Казани, и Яков Михайлович может сообщить Владимиру Ильичу, что немало в этом отношении уже сделано. Приняты меры по укреплению партийными кадрами войск Восточного фронта. По инициативе Северной области созданы образцовые полки деревенской бедноты, и видную роль в их организации сыграли созданные решением ВЦИК по инициативе Ленина комбеды.

В Горки Яков Михайлович ехал вместе с детьми.

Быстроходный «паккард» красного цвета мчал по накатанной дороге. А вот и кончился пригород, пошел лес — осенний, сверкающий разноцветьем.

— Товарищ Марыкин,— обратился Свердлов к шоферу,— давайте заедем в лесок на полчасика...

Уже не был таким зеленым и сочным, как летом, подмосковный сентябрьский лес. Зашуршали под ногами детей опадающие листья, захрустели сухие ветки, отжившие свой век. Но даже в пору самого буйного лета не бывает, наверно, такого — лес напоен едва уловимыми запахами, соединяющими в себе еще недавнее цветение и уже наступившее увядание. И ко всему этому прибавляется откуда-то взявшийся в осеннем лесу запах свежей травы. Где он полюбил этот запах? В Нижнем на зеленом откосе? Или в Туруханке, когда вдыхал аромат короткого сибирского лета?..

Дети бегают наперегонки, а он, всегда участвовавший в их играх «на равных», сегодня присел под дерево, жуя еще сохранившую зелень травинку, и чувствовал,

как побеждает его сонная истома, как пьянеет он от густого, ароматного настоя лесного воздуха.

Он не первый раз едет в Горки к Ленину... Но чаще, к сожалению, приходилось ограничиваться телефонными звонками да записками, вроде этой: «Дорогой Владимир Ильич! Посылаю переговоры с Царицыном. Дело осложнилось там, как видите. Приезд Сталина полезен, сговоримся здесь. Новостей никаких сверх газетных нет. Хворает у нас изрядно народа.

Вчера Дзержинский и Аванесов уехали. Привет.

Ваш *Я. Свердлов*».

Владимир Ильич знает куда уехали: Варлам Александрович в Финляндию, полечиться, а Феликс Эдмундович предпринял опасную поездку за семьей, которая до сих пор находится за границей. Яков Михайлович перед отъездом напутствовал Дзержинского:

— Должен тебе честно сказать, что я очень колебался, отпускать тебя или нет в такую опасную, если даже хочешь, авантюрную поездку: Дзержинский, загримированный, под чужим именем, едет прямо в пасть врагу! Но Владимир Ильич убедил меня. Он сказал, что нельзя отказать тебе в этой поездке: ведь речь идет, возможно, о жизни твоей жены и ребенка... Феликс, прошу тебя, будь осторожен! Будь трижды, стократно осмотрителен, держи в узде свой темперамент! Это даже не я — об этом просит тебя Владимир Ильич.

— Яков, дорогой Яков, неужели ты думаешь, что я разучился конспирации? Успокой Владимира Ильича. Скажи ему, что я лучше умру, чем...

Свердлов перебил его:

— Вот это как раз Ленин кате-го-рически тебе запрещает! Я — тоже! Ты нам нужен только живой. И никаких «умру»! Пусть умирают они...— махнул он рукой вдаль.— И вези сюда свою жену и Ясика. По приезде — прямо ко мне на квартиру.

— Ясно, мой дорогой председатель ВЦИК!

Андрею и Верочке Свердлов объяснил:

— Скоро приедет сын Феликса Эдмундовича. Его зовут Ясик. Он еще не умеет разговаривать по-русски. Но вы должны подружиться с ним, он будет вам очень хорошим товарищем. А говорить по-русски быстро научится.

«Арзамас Реввоенсовет Республики. Вацетису, Данишевскому Предлагаем принять самые срочные меры подаче помощи Царицыну. Исполнении донести. Ленин, Свердлов».

«Козлов Сытину, Царицын Ворошилову

Получаем отчаянные телеграммы Ворошилова о неполучении снарядов и патронов вопреки его многократным требованиям и настояниям.

Предлагаем немедленно проверить это, принять самые энергичные меры для удовлетворения и известить нас, что сделано. Указать ответственных исполнении лиц. Ленин, Свердлов».

Ленин предложил:

— Думаю, Яков Михайлович, вам необходимо выехать в Козлов и уладить все дела на месте.

— Хорошо, Владимир Ильич. Как только вы приедете в Москву, я немедленно отправляюсь в Козлов. Сейчас все идет по плану. Готовимся к Шестому съезду Советов, первой годовщине Октябрьской революции.

Ленин встал, прошелся по комнате. Он был еще бледен, но уже подвижен, в глазах огонь, такой знакомый, такой близкий.

— Первая годовщина... понимаете, Яков Михайлович? Советская власть живет целый год! И вот что важно: живет и крепнет. И не думает сдаваться.

— Ни на минуту не думает, Владимир Ильич!

Они вышли на крыльцо и уселись на ступеньках. Ленин был весел, задорен, и это его состояние больше всего порадовало Свердлова. Правда, рука у Владимира Ильича еще болела после ранения и была на перевязи. Он даже пиджак на левое плечо лишь накинул, а рукав остался пустым.

Окончив деловой разговор, Владимир Ильич предложил детям:

— Давайте-ка играть в салочки.

Водить досталось Верочке. Она погналась за Владимиром Ильичем. Ей удалось задеть его пустой рукав.

— Поймала, поймала,— радовалась девочка.

— Ты поймала мой пиджак, а не меня, это не считается.

— Считается.

— Нет, не считается.

— Считается, считается.

— Нет, не считается,— не уступал Владимир Ильич.

Глава сороковая

Два письма

«Дорогой мой муж и отец, с приветом к тебе верная жена Мария и сын Василий. Сообщаем, что мы живы и здоровы, чего и тебе желаем. А живы мы только потому, что приехал к нам в прошлом месяце какой-то мужик — вроде из купцов. Купцом он и назвался. И сказал тот бородатый, что мне с сыном собираться надо, потому как местные богатеи против меня да Васятки всякие убийства готовят. А я и сама это знаю, потому как вызывали меня да допытывались, где ты есть да что ты есть. А я говорю, где ты ноне проживаешь, знать не знаю и ведать не ведаю. И сказали они, что ежели ты или кто другой от тебя объявится, так сразу и сообщить. Мол, ничего тебе не будет, а только для порядка. Я купцу тому про все и выложила. И тут заходит наш Микишка — ты его знаешь: в семье мироеда Лукича он ошивается. Кто да что, стал допытываться, — время смутное. А купец как крикнет на него, как, мол, смеешь, грязная твоя рожа, с купцом первой гильдии да еще чего-то говорил про какое-то собрание, учредительное, что ли? Микишка перетрусил, вышел, видать, за Лукичем, а мы с Васяткой сели к купцу в такую коляску, которой отродясь не видывала, да и укатили. Дом я закрыла, а про остальное и думать не думалось.

А еще тебе сообщаю, что привез тот купец меня в Самару, и вовсе он не купец, а доктор, который зубы дергает, и живем мы сейчас у него в доме, вроде как при жене его Полине Викторовне. А женщина она добрая и обходительная. Я ее полюбила и Васятка тоже.

Уж не знаю, как дойдет до тебя это письмо, да Полина Викторовна сказала, что не моя это забота. Только сказала не так и вежливо, а как — я и передать не могу. За сим остаемся твоя жена и сын Горюновы».

«Дорогие мои жена Мария Васильевна и сын Василий. Здравствуйте. Рад, что могу написать вам письмо в уже освобожденную доблестными нашими дивизиями регулярной рабоче-крестьянской Красной Армии Самару. Я письму вашему очень обрадовался, потому как не имел никакого понятия, где вы и не учинили ли над

вами злую расправу наши сельские мироеды. А как узнали бы, что идти мне теперь по продовольственной линии и у тех самых мироедов хлеб силком отымать, так они бы ни тебе, ни Васятке заранее этого не простили.

И еще было то письмо полной неожиданностью, потому как я про ваше тревожное положение никому, кроме Якова Михайловича Свердлова, не говорил ни единого слова. Да и ему не обмолвился бы, когда б он сам не спросил... А я как повидал его недавно, так, наверно, на моей личности было написано все твое письмо. Он душевности необыкновенной, наш председатель ВЦИК. Как увидел меня, так сразу и сказал: ну, мол, ожил наш Горюн. Благодари, говорит, Анатолия Васильевича Луначарского да Валериана Владимировича Куйбышева.

И еще тебе сообщаю, что работать теперь буду в Народном комиссариате продовольствия у товарища Цюрупы. Вызывал он меня, беседовал, а потом сказал: ну, ты мужик деловой. А чего делового у меня он отыскал, понять не умею. И сказал он мне, чтоб привез я вас с сыном в Москву жить навсегда, стало быть. Я так думаю, голодно будет вам. А в деревне нельзя — как дознаются наши мироеды, что я на хлебной линии, изжарят вас на огне в дому, это уж точно. А может верно, в Москву? Ты теперь решай вместе со мной, как равноправный член нашей семьи.

За сим кончаю писать. Надеюсь, что скоро встретимся — то ль в Самаре, то ль в Москве, то ль еще где. И поеду я трудиться туда, куда направит меня моя Коммунистическая партия большевиков. Целую вас и низко кланяюсь, ваш муж и отец Порфирий Горюн».

Глава сорок первая

Последние дни

Ночью хорошо думается, особенно на мягком кожаном диванчике перед удобным вагонным столом, под монотонный стук колес. За окном стужа, хлещут по окнам, налипая и тут же оттаивая, снежные комья... Вспомнилась Якову Михайловичу Рига — сказочный город-терем из тридевятого царства, тридесятого государства. Для него этот город — столица революционного края, столица верных, преданных Советской власти латышских стрелков, ее героев, рыцарей.

— Товарищи! — говорил Яков Михайлович на первом съезде Советов Латвии в январе 1919 года. В вашем лице я приветствую те массы, которые в борьбе за отвоевание своих прав, отнятых у них бывшим германским империализмом, подготовили это торжество, празднуемое ныне нами. Ни с одной страной в мире мы так тесно не связаны, как с красной Латвией. Тысячи лучших товарищей, изгнанных отсюда полчищами империалистической Германии, сохранили в России свое единство и боролись вместе с нами. Ни с кем мы так тесно не связаны, как с латышскими стрелками...

В те дни в Германии было совершено убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург... Сколько горя обрушилось тогда на русских большевиков, так любивших руководителей немецкого рабочего класса. С каким энтузиазмом еще в декабре прошлого года делегаты Всероссийского съезда земельных отделов, комбедов и сельскохозяйственных коммун избрали почетными членами съезда Ленина, Свердлова и Карла Либкнехта, признанного вождя германской революции. «Шейдеман и Эберт убили великих, верных и честных революционеров Либкнехта и Люксембург,— писал Свердлов в обращении ко всем Советам Германии, ко всему рабочему классу,— впервые восставших против войны, впервые поднявших знамя мира и революции, за то, что они требовали для пролетариата реальных прав и реальной власти...»

Семилетний Андрейка спросил:

— Папа, за что буржуи убили Карла Либкнехта?

— За то, что он был революционером.

— Значит, и тебя могут убить буржуи?

Клавдия Тимофеевна смотрела на Якова — что он ответит сыну на вопрос, исполненный тревоги за отца.

Свердлов отвечал, как всегда, спокойно и серьезно:

— Конечно, сынка, могут убить. Каждый день могут убить, но тебе не надо этого бояться. Когда я умру, я оставлю огромное, замечательное наследство, лучше которого нет ничего на свете. Я оставлю тебе ничем не запятнанную честь и имя революционера.

После поездки в Латвию, возвратившись в Москву, Свердлов провел совещание начальников политических отделов фронтов — необходимо было посоветоваться, какими быть политотделам, чем заниматься.

В конце января — снова поездка, на заседание Цент-

рального Бюро Компартии Белоруссии — решался вопрос о созыве первого Всебелорусского съезда Советов. Уже через три дня Свердлов выступил на этом съезде с приветствием. Он прочитал постановление ВЦИК о признании независимости Белоруссии.

Потом была поездка в Петроград — на заседание Петросовета.

А прежде, в конце 1918 года,— в родной Нижний Новгород, Арзамас, Казань.

И вот теперь Украина, Харьков...

В январе 1919-го Свердлов отправил во все губкомы партии телеграмму: «Нами намечен партийный съезд... Предполагаемый порядок дня: 1. Программа. 2. Коммунистический Интернационал. 3. Военное положение и военная политика. 4. Работа в деревне. 5. Организационные вопросы...

Право избирать имеют члены партии, вошедшие за шесть месяцев до съезда, быть избранными — вошедшие до Октябрьской революции. Прошу немедленно сообщить Ваше отношение». До съезда остались считанные дни. Свердлову поручен организационный отчет ЦК.

1 марта Свердлов выступил от имени Центрального Комитета с приветственной речью перед делегатами Третьего съезда Коммунистической партии Украины:

— Я счастлив, что могу приветствовать вас, товарищи, от Центрального Комитета... Я не сомневаюсь, что вы своими резолюциями подчеркнете, что наша Российская Коммунистическая партия... в настоящий момент больше, чем когда-либо, укрепит то единство, которое так необходимо было нам всегда... Я не сомневаюсь, что вы своими резолюциями подчеркнете тесную связь с Российской Коммунистической партией, вы выразите полную солидарность с той линией, которую проводит вся наша партия в целом... Позвольте пожелать вам успешной работы на съезде.

Как и предполагал Яков Михайлович, съезд проходил бурно. И «левые», и правые пытались расколоть партийные ряды, навязать коммунистам Украины свою тактику. В своей речи Свердлов призвал съезд к единству партийных рядов.

Ясно было: абсолютное большинство партийных организаций республики — за ленинский курс, за нерушимое единство с Российской Коммунистической партией.

Выступал Свердлов и по вопросу о военной политике партии... Но особенно важным считал он то, что съезд

принял его дополнение к проекту резолюции съезда о Конституции Украины: «III съезд Коммунистической партии Украины постановляет принять в общем и целом Конституцию Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, допуская ее изменения в зависимости от местных условий».

«Москва Кремль ВЦИК Аванесову.

Остаюсь на съезде Советов, выеду шестого. Работы много. Посылайте необходимые телеграммы в Харьков, мой поезд. Заседания ЦИК назначьте понедельник, десятого, сговоритесь о постановке в порядок дня вопросов контроля, целесообразно предварительно провести через Совнарком. Закажите немедленно плакаты и надписи для украшения зала заседаний съезда. Добудьте бюсты и большие портреты Маркса, Энгельса, Ленина. Необходимо окончательно решить вопрос с помещением, остановитесь круглом зале в Кремле, проследите сами за подготовкой зала. Привет. Передайте настоящую телеграмму Клавдии».

Он не мог уехать, как ни тяжело было со временем: подготовка к Восьмому съезду РКП(б) шла полным ходом. Да и по дороге в Москву ему необходимо остановиться в Белгороде, Курске, Орле, Туле. Его ждут...

«*Вне всякой очереди.* Москва Кремль ВЦИК Аванесову... Приеду не позднее восьмого утром, возможно седьмого вечером. На съезде временами страсти разгораются, присутствие все время оказывается полезным, говорят... По вопросу о Конституции принято мое предложение — принять... Российскую, допуская изменения лишь в зависимости от местных условий. Улаживаю кучи ведомственных конфликтов между военным, продовольствием, совнархозами... Передайте эту телеграмму Клавдии.

Председатель ВЦИК *Свердлов».*

...На каждой крупной станции встречали председателя ВЦИК. Вот и на перроне станции Орел собралось много народа. Яков Михайлович выглянул в окно, рывком поднялся со своего диванчика и быстро пошел к выходу.

Он говорил о положении на фронтах, о том, что делает большевистская партия для восстановления народного хозяйства, о транспорте, о мерах по обеспечению

рабочих хлебом. Долго аплодировали Свердлову рабочие Орловского депо, проводили к вагону и не расходились, пока не тронулся поезд.

Середина марта. Ленин возвратился в Москву из Петрограда — выезжал на похороны Марка Тимофеевича Елизарова. А перед отъездом в Питер он получил записку от Клавдии Тимофеевны. «Уважаемый Владимир Ильич,— писала она,— у Якова Михайловича температура держится около 39. Сегодня в шесть часов вечера поднялась до 40,3.»

Аванесов сообщил Владимиру Ильичу диагноз — испанка. Эпидемия этой болезни в то время охватила всю Европу и уже погасила не один миллион человеческих жизней. Возвратившись из поездки на Украину, Свердлов еще участвовал в заседании Совнаркома, в тот же день провел заседание президиума ВЦИК... Аванесов рассказал, что Яков Михайлович согласился вызвать врачей лишь 9 марта, когда ему стало совсем плохо.

Ленин сразу же, как только приехал из Питера в Москву, позвонил по телефону на квартиру Свердлова. Узнал, что врачи — видные специалисты, собравшись на консилиум, обнадежили: «Сердце здоровое, должно справиться с болезнью. Будем надеяться, Владимир Ильич, будем надеяться...»

А Свердлов уже не может, не в силах говорить. Трудно поверить, невозможно себе представить...

Весна 1919 года задерживалась, и зима неохотно уступала ей дорогу. Завывали холодные, с метелями, ветры. О чем они плачут? Не о том ли горе, которое привело сюда, в Московский Кремль, старого гравера из Нижнего Новгорода? Его о чем-то спрашивают незнакомые люди, приехавшие неизвестно откуда,— всем, всем без исключения есть дело до его сына. А тот лежит молчаливый и лишь изредка говорит в бреду о каких-то делах, документах, которые хотели украсть левые эсеры...

И еще Яков зовет в бреду Андрея — сына... Он что-то говорит, но нельзя разобрать ни слова. Ах, как это несправедливо: старый, уже проживший много лет человек здоров, а его сын, его Яша, его гордость...

Он видит, как держится Клавдия. Никто не заметил, чтобы она плакала. И товарищи... Какие товарищи! Дзержинский, Луначарский, Петровский, Стасова, Ярославский, Аванесов. А этих двух молодых людей он помнит еще мальчишками — Ваня Чугурин, Гриша Ростовцев.

И, конечно, здесь Володя Лубоцкий, теперь Загорский... Ах, Володя, Володя, что будет, что ожидает нас?

Загорский обнимает его, отца Якова, и осторожно уводит в коридор... И все молча, чтобы случайно оброненное слово не причинило еще больших страданий отцу старинного друга.

Там, в комнате, где лежит больной, дежурит Саша Соколов — врач и давний друг Якова. Третьи сутки не отходит он от больного товарища.

Владимир Ильич сказал Бонч-Бруевичу:

— Я иду проведать Якова Михайловича.

Бонч возражал:

— Владимир Ильич, это испанка...

Но Ленин молча направился в квартиру Свердлова.

...Яков Михайлович уже несколько часов был в глубоком беспамятстве. А тут вдруг приоткрыл глаза, увидел Ильича, и на сухих от жара губах его промелькнуло подобие улыбки. Что было в ней? И любовь, и извинения за первый раз в жизни наступившую беспомощность, и за то, что не может сейчас встать и рвануться в бой, и за то, что, по-видимому, Восьмой съезд партии откроется без него...

Ленин держал в своей руке холодеющую руку Свердлова — всегда крепкую, верную, которую пожимал много-много раз за эти два года...

Он вышел из квартиры Свердлова, ни на кого не глядя, низко опустив голову, и направился в свой кабинет.

Там он сел в глубокой задумчивости в кресло, сжимая голову ладонями. Сколько мыслей проносилось, сколько воспоминаний, какая боль и тревога овладели Владимиром Ильичем!.. Пожалуй, сегодня он теряет самого верного, самого надежного своего друга и соратника. Да только ли он? Вся партия, вся страна содрогается от горя. Два года... Всего два года они проработали бок о бок, встречаясь каждый день, а то и помногу раз в день. Какие это были два года?! Они могли бы вместить в себя целые десятилетия, а может, и столе-

тия! Чего только не пережили страна, народ, партия, из каких невероятно сложных испытаний выходили! И везде, и всюду был Свердлов. Владимир Ильич не может припомнить случая, чтобы Яков Михайлович в чем-то отступил, чтобы не поддержал его в самые тяжелые дни, когда на карте стояла судьба революции, судьба страны. Это была открытая, честная, прямая душа, целиком и полностью отданная делу партии.

И вот Ленин сегодня в последний раз держал в своих руках остывающую руку Свердлова... Так рано, так обидно рано он ушел... По сути дела, юноша — всего 33 года! Так мало прожил, так много сделал...

Траурный митинг на Красной площади. Здесь собрались все делегаты Восьмого съезда партии, трудящиеся Москвы. Встав на возвышение и заметно волнуясь, Ленин негромко произнес:

— Мы опустили в могилу пролетарского вождя, который больше всего сделал для организации рабочего класса, для его победы... Вечная память товарищу Свердлову; на его могиле мы даем торжественную клятву еще крепче бороться за свержение капитала, за полное освобождение трудящихся!..

И вторили ему тысячи людей на Красной площади.

И вторили тысячи телеграмм со всех концов страны.

И траурные выпуски газет.

И объявившие траур Москва, Петроград, Харьков... И шли соболезнования из зарубежных стран.

В знак глубокой скорби склонились над могилой траурные знамена.

В тот же день, 18 марта, в Круглом зале Кремля (в зале, который с тех пор называется Свердловским) начал свою работу Восьмой съезд Российской Коммунистической партии (большевиков).

Открывая съезд, Ленин сказал:

— Товарищи, первое слово на нашем съезде должно быть посвящено товарищу Якову Михайловичу Свердлову...

Оглавление

Часть первая
ВЕСЕННИЕ МЕЛОДИИ

Часть вторая
ТОВАРИЩ АНДРЕЙ

Часть третья
ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ

Часть четвертая
АПРЕЛЬ — ИЮЛЬ. ГОД 1917-й

Часть пятая

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

Часть шестая

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЦИК

Часть седьмая

ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ

Борис Александрович
КОСТЮКОВСКИЙ
Семен Михайлович
ТАБАЧНИКОВ

И нет счастливее судьбы

Повесть
о Я. М. Свердлове

Издание второе

На первом форзаце:
Циркулярное письмо ЦК РКП(б) местным партийным комитетам (не позднее 19 сентября 1919 г.) о партийной работе в деревне. Автограф Я. М. Свердлова

На втором форзаце:
Первая страница циркулярного письма ЦК РКП(б) (7 февраля 1919 г.) местным партийным комитетам о партийной работе на командных курсах Красной Армии. Автограф Я. М. Свердлова

Заведующий редакцией *К. К. Яцкевич*
Редактор *В. Н. Светцов*
Младший редактор *Н. С. Коблякова*
Художник *В. М. Аникеев*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 4875

Подписано в печать с матриц 25.07.84. А00142. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 17,85. Условн. кр.-отт. 18,9. Учетно-изд. л. 18,57. Тираж 300 000 (1—150 000) экз. Заказ № 4722. Цена 90 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Детям коммунистам, но

Коммунистическая воспит
-ла сознательных ком
ун-стов неукоснительн
[illegible]ах собою [illegible]
[illegible]ли командный состав
[illegible]а своих командных к
[illegible]крайне слабо.
[illegible] начинаем дети на
[illegible]
[illegible] [illegible] сами с[illegible]
[illegible]
[illegible] будущих к[illegible]
[illegible]
[illegible]

...ганизации Всеволода...

...ший Красной Армии, ...
...щи, местных командиров...
...ой партией. В ...
...десятки тысяч ...
...ад. Большевики ...
...ков до ...

...тизан организации...
...ое местных команд...
...ательное внимание. ...
...них. К ...
...ленное ...
...
...

90 коп.

ПОЛИТИЗДАТ